IMT Nuremberg Archives

H – 1208

International Court of Justice

H1208 – 0001

H-1208
H1208 – 0002

С Т Е Н О Г Р А М М И

ЗАСЕДАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Том 30-ый Экз. 2.

С о д е р ж и т:

24 июня - утреннее и вечернее заседания
25 июня - утреннее и вечернее заседания
26 июня - утреннее и вечернее заседания
27 июня - утреннее заседание
28 июня - утреннее и вечернее заседания
29 июня - утреннее заседание

Страницы: с I4I63-ей по I4679-ю включительно.

H1208 – 0003

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Настоящим удостоверяю, что данный том, пронумерованный с 14163 стр. по 14679 стр., озаглавленный "Русские стенограммы" содержит в себе стенографическую запись судебных заседаний Международного Военного Трибунала по делу Германа Вильгельма Геринга и других на русском языке за период времени с 24 июня 1946 г. по 29 июня 1946 г.

Указанная запись на русском языке составлена на основании стенографических записей и сверена с электрозвукозаписью производившихся в суде.

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ
М а й о р:

/А.ПОЛТОРАК/

"24" декабря 1946 г.

г. Нюрнберг

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 24 июня 1946 г.

Утреннее заседание.

Встать! Суд идет!

/К микрофону подходит защитник Нейрата - Людингаузен./

ЛЮДИНГАУЗЕН. Господин фон Нейрат, мне передали, и, кроме того, я сам слышал по радио, что вчера, повидимому, была допущена ошибка, наверное, из-за неправильной передачи относительно вашей деятельности с 1903 по 1914 г.г. Пожалуйста, повторите это еще раз, потому что мне кажется, что и господин председатель вас неправильно понял.

НЕЙРАТ. Очевидно, речь идет только о том времени, когда я был в Лондоне. Я был в Лондоне с 1903 по 1907 гг., а затем снова служил в министерстве иностранных дел в Берлине.

ЛЮДИНГАУЗЕН. Итак, мы будем продолжать и коснемся политики, проводившейся вами, когда вы были министром иностранных дел.

Я хочу задать вам следующий вопрос.

Тот факт, что в то время, когда вы были министром иностранных дел, весной 1935 г. , было начато перевооружение, введена была всеобщая воинская повинность и был создан военно-воздушный флот, обвинение рассматривает как доказательство вашего участия в заговоре против мира, существовавшем по мнению Обвинения. Что вы можете сказать по этому поводу?

НЕЙРАТ. Прежде всего, я хочу подчеркнуть, что в тот год о каких-либо военных планах Германии и в последующие

H1208 - 0004

H1208 - 0005

годы вообще не могло быть речи. Я также совершенно уверен в том, что в то время как сам Гитлер, так и его ближайшее окружение даже не обдумывали никаких агрессивных планов, хотя это само по себе могло иметь место без моего ведома. Один лишь факт вооружения еще не представляет опасности для мира, если нет решимости использовать это новое вооружение для иных целей, чем чисто оборонительные. Во всяком случае, в то время такое решение еще не было принято и даже не подготавливалось. Точно такое же обвинение в подготовке к агрессивной войне можно было бы предъявить всем соседним с Германией государствам, которые также вооружались.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуту, доктор Людингаузен. Это уже аргументы, а не показания.

ЛЮДИНГАУЗЕН. Господин председатель, но я должен услышать от свидетеля, как он себе представлял эти вопросы. Ведь я могу сделать выводы только в том случае, если я покажу...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы не желаем заслушивать аргументов в процессе дачи показаний. Когда свидетель говорит о том, что в то время не подготовлялись планы агрессивных действий, это заявление относится к материалам показаний, но, когда он переходит к вопросу о том, что перевооружение не обязательно влечет за собой агрессивные действия, его ответ переходит в область аргументации. На данной стадии процесса мы не хотим заслушивать аргументов.

ЛЮДИНГАУЗЕН. Хорошо, в таком случае я прошу еще раз ответить на мой вопрос о том, существовали ли планы использования вновь созданного вооружения для ведения агрессивных войн или других насильственных действий.

НЕЙРАТ. Это я уже только что сказал и мне нет необходимости повторять это.

H1208 – 0006

ЛЮДИНГАУЗЕН. Какие существовали причины, каковы были факты, позволявшие считать, что Германии угрожала большая опасность?

НЕЙРАТ. Германия имела основания считать, что хорошо вооруженные ее соседи создают для нее окружение. Россия и Франция заключили пакт о взаимопомощи, который можно было рассматривать только, как военный союз. Непосредственно после этого Россия заключила такой же союз с Чехословакией. По ее собственному заявлению, Россия увеличила свою армию мирного времени более, чем наполовину. Действительную ее численность нельзя было точно установить. Франция под руководством Петена также проявляла явную тенденцию к значительному увеличению армии. Чехословакия уже в 1934 году ввела двухгодичный срок службы, и 1 марта 1935 г. Франция издала новый военный закон, который также удлинял срок службы в армии. Эти события, происшедшие в течение немногих месяцев, могли быть восприняты только как непосредственная опасность, перед лицом которой Германия не могла оставаться спокойной и безучастной.

Решение, принятое Гитлером после этого о введении воинской повинности и о постепенном создании армии из 36 дивизий, в связи с этим не могло считаться актом, который представлял бы серьезную опасность для соседних государств, связанных между собою союзами.

ЛЮДИНГАУЗЕН. Господин председатель, в связи с этим я прошу принять документы, находящиеся в представленной суду книге документов, а именно – документ № 87 о принятии Советского Союза в Лигу Наций 18 декабря 1934 г. Это в книге документов № 3. Затем документ № 89 в той же третьей книге документов. Это заявление докладчика комитета по

делам армии во французской палате о союзе с Россией. Затем, документ № 91 в третьей книге документов, и это — русско-французский протокол по переговорам о заключении восточного пакта от 5 декабря 1934 года. Затем, документ № 92 в третьей книге документов...

ДЕБЕНЭ. Господин председатель, я хочу указать на то, что документ № 89 еще не был передан французской делегации. Поэтому мы не можем ознакомиться с этим документом и сказать, относится он к делу или нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда вы получите эту книгу, вы сможете, если в этом появится необходимость, возразить против этого документа. Д-р Людинхаузен лишь сообщает нам о том, какие документы, по его мнению, являются подтверждением тех показаний, которые были только что даны; вот и все. Он представляет эти документы в качестве доказательства, и, как только его книга документов будет вами получена, и вы сможете рассмотреть находящиеся в ней документы, вы получите возможность возразить против их принятия.

ДЕБЕНЭ. Господин председатель, мы хотим оставить за собой право выступить с таким заявлением перед Трибуналом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, мы с вами вполне согласны.

ЛЮДИНХАУЗЕН. Итак, я перехожу к документу № 92. Это также из книги документов № 3 — воззвание к армии президента Чехословацкой республики от 28 декабря 1934 года. Затем, документ № 96. Это заявление французского правительства от 15 марта 1935 г. Документ № 97, книга документов 3, — отчет чехословацкого посла в Париже Осуского от 15 июня 1934 года. Далее, документ № 101, и это — франко-русский пакт о взаимопомощи от 2 мая 1935 года. И, наконец, документ № 94 - выдержки из

14166

H1208 – 0007

H1208 – 0008

заявления французского премьер-министра от 5 февраля 1934 г., сделанного в палате депутатов. Я прошу принять эти документы.

Должно ли было решение Германии о вооружении означать, что Германия прекратит всякую деятельность и всякое сотрудничество ~~по~~ м в международных усилиях по вопросу о всеобщем ограничении вооружений?

НЕЙРАТ. Нет, ни в коем случае. На запрос Англии о том, готова ли Германия участвовать и в дальнейшем во всеобщих переговорах по разоружению в том виде и в том об"еме, как это было установлено так называемым лондонским коммюнике от февраля 1935 года, был немедленно дан утвердительный ответ, причем это было 18 марта, т.е. через два дня после введения обязательной воинской повинности. Посольство в Лондоне получило указание о том, что следует возобновить переговоры и в особенности добиваться заключения соглашения об ограничении численности флота.

В мае 1935 года Гитлер произнес речь в рейхстаге и в этой речи он развил конкретный мирный план, предполагаемый Германией. Он особенно подчеркнул стремления Германии к миру и заявил о готовности Германии участвовать в любой системе международных договоров для обеспечения мира, в том числе в коллективных договорах и соглашениях. Единственным условием этого он, как и всегда, выдвигал лишь одно, а именно – признание равноправия Германии. Гитлер также заявил о том, что он готов опять вступить в Лигу Наций. Этим он хотел показать, что Германия, несмотря на заключение военных союзов, которые ею рассматривались как опасность, и на свое перевооружение, неизменно стремится к миру.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я прошу Высокий Суд принять в связи с этим документы, которые находятся в моей книге документов № 3. Это документ № 95 – ответ имперского правительства от 15 февраля 1935 г. на так называемое лондонское коммюнике

Затем, документ № 97 - выдержки из воззвания имперского правительства от 16 марта 1935 г. по поводу введения обязательной воинской повинности. Документ № 98 - коммюнике от 26 марта 1935 г. о переговорах между министром иностранных дел Англии сэром Джоном Саймоном и лордом-хранителем печати Иденом и имперским правительством; документ № 102 - коммюнике от 15 мая 1935 г. о переговорах французского министра иностранных дел Лаваля в Москве. Затем идет документ № 104 - речь Гитлера от 21 мая 1935 г. о русско-французском договоре. Наконец, документ № 105 - нота имперского правительства от 25 мая 1935 г. к державам, подписавшим локарнский договор.

Скажите, имели ли успех эти усилия Германии и ее готовность к переговорам?

НЕЙРАТ. Да, поскольку это привело к заключению единственно эффективного соглашения по вопросу об ограничении вооружения, которое было заключено на основании предложений Германии путем подписания в июне 1935 г. англо-германского договора о флоте.

Конечно, мне было бы еще приятнее, если бы увенчались успехом переговоры о всеобщем разоружении между всеми государствами. Во всяком случае, подписание этого двустороннего договора горячо приветствовалось нами, как первый шаг по этому пути. Одновременно стало ясно, что, по крайней мере, Англия не была согласна с постановлением Лиги Наций, гласившим, что своим вооружением Германия нарушила Версальский договор. Это явилось признанием того, что предпринятый Германией шаг был обоснованным.

ЛЮДИХАУЗЕН. В связи с этим я прошу Суд принять два документа из книги документов номер 3. Первый из них - это

14168

H1208 - 0009

H1208 – 0010

документ 106, заявление первого лорда английского адмиралтейства, сэра Болтона Эйрес Монселя по английскому радио от 19 июня 1935 года. Второй документ № 119 – выдержка из заявления парламентского секретаря адмиралтейства Шекспира в палате общин по поводу ратификации договорах о флотах, сделанноw им 20 июля 1936 года.

Скажите, ограничилась ли активность Германии в вопросе ограничения вооружения англо-германским договором о флотах?

НЕЙРАТ. Нет, готовность Германии участвовать в ограничении вооружения выразилась в дальнейшем при переговорах о всеобщем ограничении военно-воздушных флотов. Гитлер с самого начала, уже в 1933 году подчеркивал важность именно этого пункта для сохранения мира. Германия была готова к любым ограничениям и к полному разоружению в воздухе, при условии, что на это пошли бы и другие страны. Но первоначально это нашло отклик только в Англии. Трудность заключалась в том, чтобы добиться и от Франции участия в этих переговорах. Это удалось только через три месяца в результате усилий, приложенных Англией. Однако Франция ставила такие условия, которые практически сделали невозможным успех этих переговоров. Эти условия предусматривали, что, независимо от общего соглашения, охватывающего все страны, должны ~~договоры~~ допускаться двусторонние договоры между отдельными государствами. Кроме того, продолжение переговоров о военно-воздушном флоте должно было быть поставлено в зависимость от так называемого восточного пакта. Германия не могла участвовать в этом восточном пакте, т.к. ~~она~~ в этом случае она должна была бы пойти на самые непредвиденные обязатель-

14169

ства, вытекающие из военных союзов. Из-за этого, а также в связи с началом итало-абиссинской войны, которая показала все разногласия, существовавшие между европейскими западными державами, переговоры эти были прекращены.

ЛЮДИНХАУЗЕН. В марте 1936 года, т.е. через год, Рейнская область снова была занята немецкими войсками. Обвинение усматривает в этом нарушение Локарнского договора и еще одно доказательство вашего участия в заговоре и вашей ответственности за его существование ~~направленного~~ заговора, направленного против мира. Что вы можете сказать по этому вопросу?

НЕЙРАТ. Это утверждение совершенно неправильно. Плана или решения по поводу ведения агрессивной войны в то время не существовало так же, как не существовало его и за год до этого. Восстановление полного суверенитета во всех областях империи имело сначала только политическое значение, но не имело никакого военного значения. Занятие Рейнской области было проведено вообще только одной-единственной дивизией и уже поэтому оно носило чисто символический характер. Было совершенно ясно, что большой и сильный народ не мог на все времена примириться с таким ограничением своей суверенности, какое было предусмотрено Версальским договором.

Речь шла просто о динамическом развитии, которому не могло противостоять даже руководство германской внешней политикой.

ЛЮДИНХАУЗЕН. И что же—реокупация Рейнской области произошла по заренее разработанному плану, или это решение было принято внезапно?

НЕЙРАТ. Это было одним из тех внезапных решений Гитлера, которые должны были проводиться в жизнь в течение нескольких дней.

14170

H1208 – 0011

H1208 – 0012

ЛЮДИНХАУЗЕН. Каковы были события, послужившие непосредственной причиной этого решения?

НЕЙРАТ. 16 января 1936 г. французский министр иностранных дел Лаваль заявил, что после своего возвращения из Женевы, он представит русско-французский пакт французскому парламенту для ратификации. Ничего не могло помочь. Не помогло и то, что Гитлер в интервью с корреспондентом известной французской газеты "Пари Миди" – господином Жювенелль попытался, указывая на опасности этого договора, еще раз протянуть руку Франции для того, чтобы достигнуть искреннего и прочного взаимопонимания между обоими народами. Это интервью я предварительно обсуждал с Гитлером и при этом убедился в том, что он совершенно серьезно стремится к окончательному примирению этих двух народов. Но и эта попытка оказалась безуспешной. Точно также не смогла удержать от ратификации этого пакта та самая оппозиция, которая имелась в широких слоях французского народа под руководством "Национального союза участников войны", и даже правительство в парламенте. Ратификация состоялась 27 февраля 1936 года во французском парламенте.

ЛЮДИНХАУЗЕН. Я прошу Трибунал принять два документа из моей книги документов № 4. Первый документ – № 108. Это – интервью фюрера – Гитлера с корреспондентом "Пари Миди" г-ном де Жювенелль от 21 февраля 1936 г. Второй документ – № 107; это – выдержка из речи депутата Монтиньи от 13 февраля 1936 г. во французской палате по вопросу о советском пакте.

7 марта 1936 г. в ответ на ратификацию этого договора немецкие войска вступили в демилитаризированную Рейнскую зону.

Какие соображения склонили государственное руководство

Германии на этот ответственный шаг? Ведь в виду такой враждебной французской политики была вполне реальная опасность, что западные державы на этот раз не ограничатся бумажными протестами и резолюциями Лиги Наций, а ответят вооруженным выступлением против такого одностороннего, по их мнению, нарушения Версальского договора.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Г-н Людингхаузен, это вопрос или заявление?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Это вопрос. Я хочу выяснить, какова была тогда позиция правительства, потому что эти данные, служащие обоснованием тогдашних решений, я должен услышать от подсудимого, ~~потому что~~ так как позднее, в своей речи. Я ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы сообщили здесь о целом ряде фактов. Вы не должны констатировать факты. Ваша обязанность - задавать вопросы свидетелю.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я и не хочу этого. Я хочу узнать от свидетеля, каковы были причины принятия такого решения. Итак, скажите нам более подробно, каковы были те причины, которые были выдвинуты вами в то время?

НЕЙРАТ. Я уже в предыдущих ответах говорил о том, почему мы в русско-французском пакте и во всей французской политике видели сильнейшую угрозу для Германии со стороны Франции. Такое усиление Франции при помощи всевозможных пактов о взимопомощи могло быть направлено только против Германии; в этом не было никакого сомнения. Во всем мире не было никакого другого государства, которое могло иметься при этом в виду, кроме Германии. В случае военного столкновения, с возможностью которого должно было считаться каждое правительство, сознающее в виду всей ситуации свою ответственность, западные границы Германии, в виду демилитаризации Рейнской области, оказались бы совершенно открытыми.

Это было не только дискриминирующее, но и особенно

H1208 – 0013

H1208-0014

угрожающее безопасности Германии постановление Версальского договора. Оно окончательно устарело после решения, принятого пятью державами в Женеве 11 декабря 1932 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Людингхаузен, Трибунал считает, что это все граничит с аргументацией. Если свидетель может сообщить о каких-либо фактах в отношении того, что делало германское правительство после заключения французского-русского пакта и перед вступлением в Рейнскую область, он может их привести. Однако то, о чем он сейчас говорит, представляет собой только его аргументы, и Трибуналу о них хорошо известно. Совершенно незачем их здесь повторять, тем более, что этим нарушается ход показаний.

ЛЮДИНХАУЗЕН. Господин председатель, я хотел только избежать того, что, если я в своей заключительной речи буду приводить эти обоснования, то мне смогут заявить, что это мое собственное мнение, в то время как я хочу доказать, что тогда эти соображения...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Людингхаузен, это совершенно неправильная концепция. Мы сейчас слушаем показания. Когда мы будем слушать ваше выступление, мы готовы будем заслушивать аргументы и сможем принять к сведению любые аргументы, с которыми вы пожелаете здесь выступить.

ЛЮДИНХАУЗЕН. Я именно хочу избежать того, чтобы впоследствии сочли, что эта аргументация моя, и хочу подчеркнуть, что эта аргументация подсудимого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я подчеркиваю, что приведение аргументов входит в задачи защитника, причем Трибунал обязан выслушивать его аргументы. Однако в обязанности Трибунала не входит выслушивание аргументов в процессе дачи показаний.

НЕЙРАТ. Я хотел бы добавить следующее. Зимой 1936 года

наша военная информационная служба сообщила нам, что французский генеральный штаб уже разработал военный план для вторжения в Германию. Это вторжение должно было произойти через Рейнскую область, вдоль так называемой линии Майна, в Чехословакию для того, чтобы там соединиться с русским союзником.

ЛЮДИНХАУЗЕН. На основании того, что сейчас сказал председатель, я удовольствуюсь представленными доказательствами и вашими заявлениями по этому вопросу и буду на них ссылаться в моей заключительной речи. Я хочу поставить только один вопрос - заключало ли решение о занятии Рейнской области какие-либо агрессивные намерения в тот момент или на позднейшее время?

НЕЙРАТ. Нет, ни при каких условиях. Как следует из моих об"яснений, реокупация Рейнской области имела лишь оборонительный характер и ничего иного не предусматривала. Занятие такими ничтожными силами, - одной дивизией, - свидетельствовало уже о том, что это было символическим действием, что подтверждали здесь военные. Например, свидетель Мильх здесь заявлял, что военно-воздушный флот вообще не участвовал в этом и узнал об этой операции всего лишь за два-три дня до ее проведения. То, что не было агрессивных планов также и на будущее, видно из того, что германское правительство, по инициативе Англии, 12 марта 1936 г. со своей стороны добровольно обязалось не повышать численности рейнского гарнизона и не подтягивать войск к границе впредь до установления соглашения с Францией и с другими западными державами, разумеется, при том условии, что и Франция будет поступать так же. Франция утверждала, что такое предложение она принять не может. После этого Германия в меморандуме от 7 марта 1936 г. , адресованном державам, подписавшим Локарн-

14174

H1208 – 0015

H1208 – 0016

ский пакт, который уже был представлен здесь Обвинением, не только представила четкие предложения для соглашения с Францией, Бельгией и другими державами, подписавшими Локарнский пакт, но и заявила о своей готовности присоединиться к международному пакту о военно-воздушном флоте, во избежание внезапных нападений с воздуха, и о своем согласии вернуться в Лигу Наций. В своей речи в рейхстаге от 7 марта 1936 года Гитлер осветил перед всем миром причины занятия Рейнской области. И эту речь и этот меморандум я предварительно подробно обсуждал с Гитлером, и я могу только повторить, что у меня не могло возникнуть никакого сомнения относительно того, что Гитлер поступает неискренне или же хочет лишь скрыть от мира свои агрессивные планы. И сегодня я убежден в том, что Гитлер в то время не думал о войне. Незачем и говорить о том, что мне такая идея была совершенно чужда. Напротив, я считал восстановление суверенитета империи шагом, способствующим сохранению согласия и мира. В остальном...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Давайте перейдем к следующему вопросу. Доктор Людинхаузен, вы разрешаете подсудимому произносить здесь очень пространные речи. Это не является целью дачи показаний.

ЛЮДИНХАУЗЕН. Я в связи с этим представляю ряд документов и прошу Трибунал принять документы в моей книге № 4. Это, во-первых, документ № 109 - меморандум имперского правительства державам, подписавшим Локарнский пакт, от 7 марта 1936 г. Далее официальное заявление имперского правительства от 13 марта 1936 года, это - документ № 112. Затем документ № 112 - сообщение германского посла в Лондоне английскому министру иностранных дел Идену от 12 марта 1936 года, и меморандум имперского правительства от 3 января

1936 года, который был представлен английскому правительству чрезвычайным и полномочным послом Германии господином Риббентропом.

Скажите, каковы были внешне-политические последствия занятия Рейнской области?

НЕЙРАТ. Я думаю, что, учитывая пожелания председателя, мне не следует освещать этот вопрос.

ЛЮДИНХАУЗЕН. Что же сделали западные державы, были ли предприняты какие-либо дипломатические шаги?

НЕЙРАТ. Министр иностранных дел Иден заявил в палате общин, что это мероприятие Германии не является военной угрозой, и обещал подвергнуть беспристрастному рассмотрению мирные предложения Германии.

ЛЮДИНХАУЗЕН. Я просил бы Трибунал принять следующие документы, имеющиеся в книге документов № 4. Это - документ № 125, выдержки из доклада заместителя государственного секретаря США Уэллеса от 7 июля 1937 года на тему: Версальский договор и Европа. Затем документ № 120 - выдержка из декрета Совета Народных Комиссаров России о снижении призывного возраста. Затем документ 117 - сообщение чехословацкого посла в Гааге от 21 апреля 1936 года.

Господин фон Нейрат, усилия, прилагавшиеся вами и министерством иностранных дел для достижения взаимопонимания с другими западными державами, прекратились, или же они и далее имели место?

НЕЙРАТ. Эти усилия продолжались постоянно. Следующая возможность к этому представилась благодаря нашим отношениям с Австрией. Развитие этих отношений с 1933 года уже подробно излагалось здесь в суде, но все же я хочу еще раз подчеркнуть, что моя точка зрения на отношения с Австрией всегда остава-

14176

H1208 - 0017

H1208 – 0018

лась неизменной и сводилась к тому, что я хотел тесного экономического союза этих двух государств, хотя бы в форме таможенного союза и согласованной внешней политики на основе договоров и тесного контакта между правительствами этих государств. Но я хотел также, чтобы полная независимость Австрии при всех условиях была сохранена.

Поэтому я всегда был ярым противником какого-либо вмешательства во внутри-политические дела Австрии. Поэтому я решительно отклонял какую-либо помощь австрийским национал-социалистам со стороны немецких национал-социалистов в их борьбе против Дольфуса и Шушнига. И об этом я неоднократно беседовал с Гитлером.

Незачем и говорить о том, что убийство Дольфуса встретило с моей стороны самое отрицательное отношение и что руководимое мною министерство иностранных дел не имело никакого отношения к этому убийству, как это утверждало Обвинение. Но я должен сказать, что и Гитлер не имел отношения к этому убийству, в чем я убедился на основании его неоднократных заявлений. Это убийство было совершено австрийскими национал-социалистами, часть которых была более радикальной, чем немецкие национал-социалисты.

Мое отношение к этому делу лучше всего подтверждается тем, что, когда вскоре после убийства Дольфуса, господин Рид - немецкий посол в Вене - без моего ведома добился от австрийского правительства того, что несколько человек, участвовавших в этом убийстве, были освобождены и направлены в Германию,-я сейчас же отозвал этого посла из Вены и освободил его от работы в министерстве иностранных дел.

Кроме того, я, как и другие министры, был против введенного Германией запрета выезда в Австрию.

14177

Я приветствовал усилия господина фон Папена, направленные на достижение соглашения с Австрией и увенчавшиеся успехом в 1935 году. Я всегда воздействовал на Гитлера в этом отношении. Правда, о переговорах г-на Папена в Вене в этот период я знал мало, так как г-н фон Папен не был мне подчинен и получал приказы непосредственно от Гитлера. Например, о целом ряде писем, которые г-н фон Папен писал Гитлеру, мне стало известно только здесь, на заседаниях Трибунала.

ЛЮДИНХАУЗЕН. Я хочу, в связи с этим, процитировать два отрывка. Один-из письма г-на фон Нейрата от 28 июля 1934 г., на имя тогдашнего начальника политического отдела министерства иностранных дел. Это документ 84 на странице 327 моей книги документов № 3. Там сказано: "Развитие событий в Австрии в данный момент нельзя еще предусмотреть, мне кажется, что нам не угрожает непосредственная опасность, благодаря быстрым действиям..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы цитируете слишком быстро. Вы говорите слишком быстро. Продолжайте.

ЛЮДИНХАУЗЕН. "Развитие событий в Австрии в данный момент нельзя еще предусмотреть. Мне кажется, что нам не угрожает непосредственная опасность, благодаря быстрым действиям. Во всяком случае, необходима большая сдержанность и в этом направлении. Я вчера обрабатывал имперского канцлера. Я встретил с его стороны полное понимание".

Далее я процитирую отрывок из представленного мною аффидевита епископа доктора Вурма. Это - документ № 1 на странице 3, первой книги документов. Там сказано дословно:

"Особенно запомнилось мне его- г-на фон Нейрата - суровое осуждение происшествий в Вене, при которых был убит союзный канцлер Дольфус, и лиц, которыми Гитлер пользовался для агитации в Австрии". Далее, в связи с этим я также ука-

H1208 - 0019

H1208 – 0020

зываю на документ, который уже был представлен господином Зейсс-Инквартом или вернее его защитником. Это документ № ЕС-33, интервью бывшего канцлера доктора Ренера от 3-го апреля 1938 года. Я из предосторожности еще раз поместил этот документ в мою книгу документов № 4 за номером 130.

Г-н фон Нейрат! Вам известно, что Обвинение вменяет вам в вину то, что договор между Германией и Австрией от 11 июля 1936 г., заключенный в результате деятельности г-на фон Папена, о котором здесь уже достаточно говорилось, был подписан с намерением обмануть Австрию, создать для нее впечатление безопасности и тем самым подготовить ее присоединение к империи. Я просил бы вас высказаться по этому вопросу.

НЕЙРАТ. Эта концепция Обвинения является чистейшей неправдой. Я приветствовал этот договор искренне и с радостью, т.к. он во всех отношениях соответствовал моим взглядам. Я видел в нем лучшее средство для окончания наших неестественных раздоров; поэтому я всеми силами способствовал достижению такого соглашения.

Кроме того, утверждение Обвинения уже было опровергнуто здесь показаниями бывшего министра иностранных дел доктора Гвидо Шмидта. К моему величайшему удовлетворению этот договор имел также чрезвычайное внешне-политическое значение. Этот договор, согласно которому Германией признавалась независимость Австрии, устранял тот конфликт между Австрией и Германией, который представлял опасность в Европе.

ЛЮДИНХАУЗЕН. Господин председатель, в связи с этим я представляю документ № 118 в 4-й книге документов. Это договор между Германией и Австрией от 11 июля 1936 г.

Господин фон Нейрат, помимо урегулирования австрийского вопроса, вы в годы, предшествовавшие 1937 году, вели перего-

воры с юго-восточными европейскими государствами. Напоминаю вам, что в аффидевите американского генерального консула Мессерсмита, который был представлен Обвинением под № США-68, ПС-2385, говорится, что эти переговоры имели целью добиться от юго-восточных государств согласия на раздел Чехословакии, который замышляла Германия, и даже склонить эти государства к активному участию в этом разделе, и во время переговоров вы, или от вашего имени, якобы, обещали этим государствам, что они в качестве награды получат часть Чехословакии и даже Австрии. Я просил бы вас высказаться по этому поводу.

НЕЙРАТ. Эти утверждения г-на Мессерсмита являются от начала до конца вымыслом и фантазией. В них нет ни слова правды. ~~Назвать письменные показания~~ Вообще я не могу назвать эти письменные показания, иначе, как вымыслом. Неправдой является уже то, что г-н Мессерсмит, как он это утверждает, являлся моим другом. Я встречал г-на Мессерсмита несколько раз на больших приемах. Я никогда не разговаривал с ним о политических вопросах, остерегался этого потому, что мне было известно, что он в своих отчетах и вообще высказываниях о разговорах с дипломатами любил извращать смысл этих разговоров.

Во всяком случае, в его аффидевите нет указания на то, из каких источников взяты эти откровения.

Мои переговоры с юго-восточными государствами и мои личные поездки в столицы этих государств в действительности имели единственной целью расширить имеющиеся уже экономические связи с этими государствами и, таким образом, способствовать росту торговли и обмену товарами. Кроме того, я хотел сам ознакомиться с политическим положением на Балканах, которое всегда является очень сложным.

14180

H1208 – 0021

H1208 - 0022

ЛЮДИНХАУЗЕН. На странице 87 моей книги документов № 2 я поместил под № 30 другой аффидевит г-на Мессершмита от 29 августа 1945 г. Этот документ был уже представлен Обвинением под № США-750, ПС-2386. Правда, Обвинение представило этот документ в другой связи. Я хотел бы процитировать из этой выдержки следующее место, находящееся на странице 87-й книги документов:

"В течение 1933-34 гг. нацистское правительство оставило на своих постах в министерстве иностранных дел большинство чиновников, придерживающихся старой консервативной позиции. Это положение продолжало в общем существовать в течение периода времени, пока министром иностранных дел был барон фон Нейрат. Однако, когда главой министерства иностранных дел стал фон Риббентроп, положение с чиновниками постепенно изменилось. В то время, когда на посту министра находился фон Нейрат, на деятельность германского министерства иностранных дел не был распространен принцип унификации и в течение этого периода вряд ли можно считать фон Нейрата и его помощников виновными за направление германской внешней политики, несмотря на то, что его пребывание на этом посту , повидимому, указывает на его согласие с национал-социалистами. В качестве об"яснения этой деятельности фон Нейрат легко мог бы привести в свою защиту побуждения патриотического характера".

В связи с вопросом об этих поездках и о политике фон Нейрата на юго-востоке я представил еще три коммюнике о посещении Нейратом Белграда, Софии и Будапешта в июне 1937 г. Это документы 122, 123 и 124 моей книги документов № 4. Прошу Трибунал принять эти документы.

Г-н фон Нейрат, Обвинение пытается на основании вашей

речи от 29 августа 1937 г., которую вы произнесли в Штуттгарте на собрании немцев - иностранных подданных, обвинить вас в том, что ваша политика имела агрессивную тенденцию. Я цитирую из этой речи несколько предложений, которые вы якобы произнесли:

"Единство героической национальной воли, созданное национал-социалистами с беспримерным под"емом, сделало возможным такую внешнюю политику, которая взорвала условия, навязанные Версальским договором, обеспечила свободу обороны и восстановила суверенитет во всех областях государственного управления. Мы стали опять хозяевами своего собственного дома и останемся ими в будущем, потому что стали достаточно сильны. Проводя наши внешне-политические мероприятия, мы ничего не взяли у других государств. Дела и слова Гитлера должны убедить мир в том, что у нас нет агрессивных намерений".

Я хотел бы указать на то, что все это можно понять только в общем контексте. Поэтому я прошу разрешения Трибунала огласить часть этой речи. Эта речь находится в книге документов № 4 под № 126. Я цитирую:

"Мы опять стали господами и хозяевами своего собственного дома и..."..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы только что зачитали это. Вы это уже однажды зачитывали.

ЛЮДИНХАУЗЕН. Я хотел бы только дополнительно огласить одну фразу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы, конечно, можете зачитывать все, что относится к делу и что было опущено.

ЛЮДИНХАУЗЕН. Цитата, которую я привожу, гласит:

"Эта позиция германского государства является в действительности крепчайшим оплотом мира и это будет становить-

H1208 – 0023

H1208 – 0024

ся все более очевидным при существующей неспокойной обстановке. Именно потому, что мы сознаем опасность определенных разлагающих тенденций, проявляющихся в Европе, мы ищем не разногласия с государствами и народами, а союза с ними. Мы не хотим политической изоляции. Мы стремимся к политическому сотрудничеству с правительствами других государств, которое для того, чтобы иметь успех, должно основываться не на абстрактных идеях коллективизма, а на реальной действительности и быть направлено на разрешение конкретных задач настоящего времени. Мы можем с удовлетворением сказать, что к достижению такой реальной политики мира мы идем рука об руку с дружественной нам Италией. Это уже дает нам надежду на то, что и с другими правительствами мы достигнем дружественного соглашения по важным актуальным вопросам внешней политики".

Г-н фон Нейрат, хотите ли вы сказать что-либо по этому поводу?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется сейчас удобно об"явить перерыв.

/Перерыв на 10 минут./

Встать! Суд идет!

ЛЮДИНХАУЗЕН. Г-н фон Нейрат, перед перерывом я огласил вам эту цитату из вашей речи от 29 августа 1937 г. и спросил вас, хотите ли вы дать об"яснения по этому поводу.

НЕЙРАТ. Я полагаю, что сказанное мною в этой речи означает как раз обратное тому, что хочет видеть в ней Обвинение. Мне кажется, что нельзя более убедительно показать мирный характер моей политики, чем я это сделал в моей речи.

ЛЮДИНХАУЗЕН. Далее Обвинение в качестве доказательства того, что всю политику, которую вы вели, следует рас-

сматривать, как нарушение договоров, приводит следующие выдержки из вашей речи от 30 октября 1937 г. на заседании академии германского права. Они гласят:

"Исходя из признания этого элементарного факта, имперский кабинет всегда выступал за то, что каждая конкретная международная проблема должна рассматриваться с помощью тех методов, которые для этого наиболее удобны, и нет необходимости соединять эту проблему с другими проблемами и, таким образом, усложнять ее. И, если проблемы возникают между двумя государствами, необходимо избрать путь к немедленному достижению соглашения между этими двумя государствами. Мы можем констатировать, что применение этих методов доказало их правильность и соответствие не только интересам Германии, но также и общим интересам".

Что вы можете сказать по этому поводу, по поводу этих обвинений?

НЕЙРАТ. Эта цитата, во-первых, вырвана из контекста. В этой речи излагались основания, по которым я, а тем самым и германская внешняя политика, считали, что двусторонние договоры более соответствуют интересам мира, чем так наз. коллективные договоры. И только исходя из этой тенденции, следует понимать оглашенную вами цитату. Поэтому я прошу вас восстановить связь этого предложения со всем текстом речи.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Эту речь г-на фон Нейрата о международном праве и Лиге Наций, которую он произнес 30 октября 1937 г. перед академией германского права, я поместил в моей книге документов № 4 под № 128. С разрешения Суда я хотел бы огласить целиком соответствующий абзац, из которого можно будет сделать вывод, что взятая Обвинением цитата не имеет того смысла, который хочет приписать ей Обвинение.

14184

H1208 – 0025

H1208 – 0026

Здесь говорится:

"Я убежден в том, что такие же или аналогичные сомнения возникнут также и в других случаях, когда попытаются создать такое схематичное построение, как обязательная система взаимопомощи для более или менее многочисленной группы государств. Такие проекты в лучшем случае, если они действительно будут задуманы всеми участниками..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разве недостаточно лишь сослаться на этот документ? Подсудимый только что сказал, что в речи упоминались причины того, почему он считал двусторонние соглашения более возможными, чем общие соглашения. Он сказал это. Документ, очевидно, подтверждает это заявление. Может быть, вы могли бы сослаться на этот документ, не приводя соответствующие цитаты?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я сделал это потому, что цитата была вырвана из контекста, и я считал нужным огласить все в целом. Но, если Суд предпочитает сам прочитать эту цитату, я от своего намерения отказываюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется, что этим документом вы ничего не дополняете. Эта цитата вкратце была изложена здесь подсудимым.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я выпустил одно предложение, которое показалось мне излишним. Оно вытекает из всей речи в целом. Но если суд намерен сам прочитать целиком всю представленную мною речь, то я удовлетворюсь этим.

/Обращается к подсудимому./ Господин фон Нейрат, Обвинение под № 11-150, США-65, пред"явило запись тогдашнего американского посла в Париже Буллита о его беседе с вами в мае 1936 года. Это находится на странице 8-й английских судебных выдержек. Он делает вывод о том, ~~что~~

что вы, как министр иностранных дел, участвовали в планировании агрессии против Австрии и Чехословакии. Не хотите ли вы высказаться по поводу документа, который вам известен, и относительно этого обвинения.[2]

НЕЙРАТ. Естественно, что оккупация Рейнской области вызвала большое беспокойство в правительствах и среди (обществ венных) стран, подписавших Версальский договор. В особенности это относится к Франции и Чехословакии. Поэтому было само собой разумеющимся, что для разумного ведения германской внешней политики необходимо было дать улечься этому беспокойству для того, чтобы убедить мир, что Германия не преследует никаких агрессивных планов, а лишь цель восстановления своего полного суверенитета на территории империи. Строительство укреплений должно было послужить только для того, чтобы уменьшить соблазн для сильно вооруженных соседей вторгнуться при первой возможности на незащищенную часть территории германской империи, поскольку, несмотря на неоднократные усилия и переговоры, не удалось убедить эти государства в том, что необходимо выполнять обязательства, взятые на себя по Версальскому договору относительно разоружения.

Как я уже говорил, в особенности Франция и Чехословакия, вместо того, чтобы разоружаться, непрерывно продолжали вооружаться и заключением договоров с Советской Россией усилили свою военную мощь.

Это я и хотел высказать во время беседы с господином Буллитом, говоря о том, что мы вначале не будем предпринимать дальнейших дипломатических шагов и что я надеюсь, что созданные препятствия для возможной агрессии побудят Францию и Чехословакию изменить свою враждебную Германии политику и установить с нею лучшие отношения в интересах сохранения мира.

14186

H1208 – 0027

H1208 – 0028

Последний абзац отчета Буллита подтверждает, что именно такова были мои надежды и взгляды, с чем, впрочем, согласен и сам г-н Буллит.

Что же касается замечаний о политике Англии/страница 2-я, абзац 2-й отчета/, то Англия тогда пыталась помешать сближению Германии с Италией, с которой у Англии в то время были напряженные отношения благодаря абиссинскому вопросу. Английское министерство иностранных дел намерено было воспрепятствовать этому сближению путем дачи заверений в том, что оно отказывается от противодействия стремлениям к аншлюссу, наблюдавшимся в Германии и Австрии. Это сопротивление оказывал в то время также и Муссолини. Эти прозрачные намерения Англии послужили одним из мотивов заключения германо-австрийского договора от 11-го июля 1936 года.

Английское заявление, которого я давно ожидал, было сделано в ноябре 1937 г. во время посещения Берлина лордом Галифаксом, который преследовал те же цели. Лорд Галифакс заявил мне тогда, и я запомнил дословно его высказывания, которые цитирую по-английски:

"Английский народ никогда не поймет, почему он должен воевать только из-за того, что два германских государства хотят об"единиться".

Одновременно, правда, английское министерство иностранных дел дало указания английскому посланнику в Вене, которые впоследствии были дословно опубликованы, о том, что австрийское правительство при полной поддержке Англии должно оказывать крайнее сопротивление движению в пользу аншлюсса.

Из отчета Буллита также вытекает, что я сказал: "Самое большое желание Гитлера – это достижение соглашения с Францией". В остальном я, как об этом в начале отчета заявляет

сам Буллит, сказал, что германское правительство сделает все для того, чтобы предотвратить восстание национал-социалистов в Австрии.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Этот отчет г-на Буллита помещен под № 15 моей книги документов на странице 60. Я прошу Суд обратить на него особое внимание для того, чтобы я мог не цитировать этот абзац в интересах экономии времени. Как я уже указывал, - это книга документов № 1, документ "Нейрат № 15", страница 60, последний абзац.

Какова была ваша собственная точка зрения относительно политики, которую Германия должна была проводить по отношению к Чехословакии?

НЕЙРАТ. Чешская политика по отношению к нам характеризовалась издавна большим недоверием к нам, которое об"ясняется частично географическим положением страны между Германией и Австрией, частично противоречиями между нациями внутри страны. Эти противоречия были весьма сильными. Заключение договоров о дружбе и взаимопомощи с Францией и Россией, естественно, не способствовало тому, чтобы эти отношения стали более тесными. Я, в качестве министра иностранных дел, всегда стремился и улучшению политических отношений, а также и расширению наших экономических связей, значение которых было совершенно ясным. При этом я не имел ввиду насильственных мер и тем более военной оккупации, точно так же, как и по отношению к другим соседним странам.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Какова была ваша позиция в вопросе о судетских немцах?

НЕЙРАТ. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, я должен начать несколько ранее. Немцы, которые жили на тер-

14188

H1208 – 0029

H1208 – 0030

ритории Судетской области, во время мирных переговоров в 1919 году, при включении их в состав Чехословацкого государства была обещана автономия по образцу швейцарских кантонов. Об этом говорил г-н Ллойд Джордж в палате общин в 1940 году. В то время делегация Судетской области так же, как и делегация Австрии, требовала присоединения к Германии. Обещание о предоставлении автономии не было выполнено со стороны Чехословацкого правительства. Вместо этого немедленно началась сильная политика чехизации этой области. Под страхом уголовной ответственности немцам было запрещено говорить по-немецки в судах, в официальных учреждениях и т.д. Все жалобы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Людингхаузен, не может ли подсудимый перейти к тому времени, которое нас интересует, т.е. к 1938 году, и рассказать нам, какова была тогда его политика, не излагая до этого ~~-~~ фактов, имевших место в 1919 году?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я хотел только показать некоторые принципы, определявшие собою его политику. Но, если суд не считает это необходимым или находит это общеизвестным, - я ограничусь тем, что подсудимый уже сказал по этому вопросу.

Господин фон Нейрат, каковы были ваши служебные и личные отношения с Гитлером в тот период, когда вы находились на посту министра иностранных дел?

НЕЙРАТ. Лично я не был близок к Гитлеру и не принадлежал к более узкому кругу его знакомых. Вначале я очень часто имел с ним беседы на внешне-политические темы, и он, в общем, вполне признавал правильность моих аргументов. Однако со временем это изменилось, по мере того, как другие организации, а именно партия, сами начали заниматься внешней

политикой и представляли Гитлеру свои планы и информацию. Это в особенности относилось к так называемому бюро Риббентропа. Риббентроп во все большей степени становился личным советником Гитлера по внешне-политическим вопросам и приобретал все большее влияние на него. Часто было трудно убедить Гитлера отказаться от идей, которые внушались ему ~~ее~~ с этой стороны. Германская внешняя политика, таким образом, в некотором отношении стала двойственной. Министерство иностранных дел не только в Берлине, но и в отношении своих представителей за границей сталкивалось со все большим количеством трудностей, которые были вызваны методами работы и источником информации бюро Риббентропа.

Я сам всегда выступал против влияния партии на внешнюю политику и особенно против непосредственного разрешения важных вопросов Риббентропом и против его официального вмешательства во внешнюю политику, поскольку это вмешательство не находилось под моим контролем. По этой причине я неоднократно подавал ходатайства об отставке и в каждом случае добивался того, что на некоторое время Гитлер предотвращал вмешательство Риббентропа.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я прошу суд приобщить к делу выдержку из статьи в американском журнале "Тайм" от 10 апреля 1933 г. под № 9 моей книги документов № 1 на странице 44. Далее я ссылаюсь и прошу Суд приобщить к делу...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал не считает, что газетные отчеты и обозрения могут носить характер доказательственных материалов.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Далее я в моей книге документов № 1 под № 17 представил выдержку из известной книги бывшего английского посла в Берлине Гендерсона "Провал миссии" и,

H1208 – 0031

H1208 - 0032

ссылаясь на этот документ, прошу Суд приобщить его к делу. Для того, чтобы не было необходимости оглашать его, прошу обратить особое внимание на абзац второй на странице 69.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал считает, что этот документ, представляющий собой статью из журнала "Тайм", может быть принят в качестве доказательства, но нет необходимости ссылаться на него.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Это-документ № 9, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, я знаю, что документ № 9. Я сказал, что он может быть допущен.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Благодарю вас. Далее я хотел бы обратить внимание суда на документ № 16, который представляет собой прошение об отставке подсудимого фон Нейрата, адресованное Гитлеру, от 27 июля 1936 г. в связи с предполагавшимся назначением г-на Риббентропа статс-секретарем.

Я считаю, что мне не следует оглашать этот документ, однако, я хотел бы обратить внимание Суда не только на содержание этого документа, а также и на характер обращения и на конец этого письма. Обращение гласит лишь: "Глубоко уважаемый господин рейхсканцлер", а подпись: "Преданный вам фон Нейрат". Я обращаю на это внимание потому, что здесь неоднократно со стороны Обвинения делалось заявление о том, что в письмах к Гитлеру часто употреблялись выражения, которые выходили за рамки обычных и естественных форм вежливости. Такие обращения никогда не применялись господином фон Нейратом.

Далее я ссылаюсь на документ № 14 моей книги документов № 1. Это - также прошение об отставке от 25 октября 1935г. Я прошу приобщить к делу также и этот документ.

Господин фон Нейрат, наряду с вашей официальной полити-

кой, не предпринимали ли другие учреждения самостоятельных действий и не подписывали ли договоры без вашего участия в этом?

НЕЙРАТ. Да, так происходило, например, с так называемой политикой Берлин - Рим - Токио. Гитлер упорно настаивал на этом плане и поддерживался в этом отношении фон Риббентропом. Я отрицательно относился к этой политике, т.к. я считал ее вредной и отчасти фантастической. Я отказался проводить эту политику и давать соответствующие указания моим сотрудникам.

Несмотря на это, Риббентроп продолжал вести переговоры, в качестве посла по особым поручениям, и по поручению Гитлера заключил так называемый антикоминтерновский пакт. Поэтому этот пакт, подписан Риббентропом, а не мной, хотя я тогда был еще министром иностранных дел и должен был, собственно говоря, подписать этот договор.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Мы переходим к поворотному пункту германской политики. Господин Нейрат, когда вам стало известно, что внешне-политические планы Гитлера, выходили за пределы мирного разрешения вопросов и предусматривали ведение войн ~~войны~~ и применение силы?

НЕЙРАТ. Впервые это было в связи с часто упоминавшейся здесь речью Гитлера, обращенной к командующим составными частями военно-вооруженных сил, от 5 ноября 1937 г. Я присутствовал во время произнесения этой речи. Запись о содержании этой речи, как это было здесь выяснено, была составлена в виде так называемого протокола Госсбаха, через 5 дней после произнесения речи и представляла собой лишь выдержку из речи, которая произносилась в течение 2-3 часов. Эта запись была сделана по памяти.

14192

H1208 – 0033

H1208 – 0034

Хотя планы, изложенные Гитлером в его длинной речи, еще не были конкретными по своему содержанию и допускали возможность различных вариантов, для меня все же стало ясно, что общая тенденция его планов имела агрессивный характер.

Эта речь Гитлера меня крайне потрясла, т.к. она уничтожала основу той последовательной внешней политики, которую я всегда проводил исключительно мирными путями. Само собой разумеется, что я не мог далее нести ответственности за такую политику.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В связи с этим я хотел бы сослаться на уже упомянутый мною аффидевит баронессы Риттер. Это–документ № 3 в моей книге документов № 1, и я хотел бы огласить здесь из этого документа один абзац, который кажется мне настолько важным, что я прошу Суд разрешить мне огласить этот абзац:

"Когда господин фон Нейрат узнал из речи Гитлера от 5 ноября 1937 г. впервые, что последний хочет добиваться выполнения своих политических целей путем насилия в отношении соседних государств,–он был настолько сильно морально потрясен, что с ним произошло несколько сердечных припадков. Он с нами об этом подробно говорил во время своего визита в день Нового 1938 года и мы нашли его крайне угнетенным, как морально, так и физически. Больше всего его поразило то, что Гитлер в этот период отказывался принять его, и при таких обстоятельствах он не видел никакой возможности удержать его от выполнения планов, которые Нейрат жестоко осуждал". "Как ужасно играть роль Кассандры", – часто говорил он. Он категорически заявил, что эту политику он никогда не будет проводить и сделает из этого соответствующие вы-

воды. От этого решения он не отступил и тогда, когда Гитлер 2 февраля 1938 г., в день его 65-летия, заявил ему, что он не может обойтись без него, как министра иностранных дел. Он говорил об этом в тот же вечер, когда мы поздравляли его по телефону".

Какие выводы вы сделали на основании убеждения, сложившегося у вас в связи с речью Гитлера?

ИЕРРАТ. Через два дня после этой речи я направился к генерал-полковнику фон Фричу, который также присутствовал во время этой речи, и вместе с ним и начальником генерального штаба генералом Беком мы обсуждали, что мы могли предпринять для того, чтобы переубедить Гитлера. Мы согласились на том, что вначале генерал-полковник фон Фрич, который в последующие дни должен был сделать доклад Гитлеру, изложит ему все соображения военного характера, которые говорили против этой политики. Затем я хотел изложить ему политические причины. Однако, к сожалению, я не мог добиться визита к Гитлеру, т.к. он вскоре после этого направился в Оберзальцберг и до своего отъезда не мог или не хотел принять меня. Только 14 или 15 января мне удалось говорить с ним. При этом я пытался разъяснить ему, что его политика должна привести к мировой войне и что я не буду принимать в ней участия. Многие из его планов можно выполнить мирным путем, правда, несколько медленнее. На это он ответил мне, что у него больше нет времени. Затем я обратил его внимание на риск, связанный с войной, и на серьезные предупреждения генералов. Я напомнил ему о его речи в рейхстаге в 1933 году, в которой он сам называл всякую новую войну безумием, и т.д... Когда он, несмотря на это, остался при своем мнении, я заявил ему, что в этом

14194

H1208 – 0035

H1208 – 0036

случае он должен подыскать себе нового министра иностранных дел, потому что я не хочу нести ответственность за такую политику. Гитлер вначале отклонил мое прошение об отставке. Однако я настаивал, и 4 февраля он принял мою отставку без дальнейших комментариев.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Было ли у Вас впечатление, господин фон Нейрат, что Гитлер неохотно согласился на то, чтобы вы ушли в отставку, или же что ваше прошение об отставке соответствовало его собственному желанию?

НЕЙРАТ. Мне кажется, что скорее правильно последнее. Гитлер, очевидно, уже давно желал, чтобы руководство внешней политикой...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Людингхаузен, это не относится к характеру показаний. Вы не можете показывать о том, что, как вам кажется, думал другой человек.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Одновременно с отставкой с поста министра иностранных дел вы были назначены председателем созданного тогда тайного совета министров. Что должно было означать назначение?

НЕЙРАТ. Как уже здесь показал свидетель Геринг, учреждение тайного совета министров было произведено лишь с той целью, чтобы замаскировать поворот в ведении германской внешней политики и изменения в военном руководстве. Кроме того, на основании показаний целого ряда других свидетелей установлен тот факт, что этот тайный совет министров никогда не созывался.

К тому же практически вообще отсутствовала возможность моего участия в нем, т.к. после моей отставки 4 февраля я был лишен всякой внешне-политической информации.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. После вашего ухода с поста министра

иностранных дел вы все-таки сохранили чин имперского министра? Оставались ли вы членом кабинета министров?

НЕЙРАТ. Нет, независимо оттого, что, насколько я помню, имперский кабинет вообще больше не функционировал, так как вообще не проводилось заседаний имперского правительства, и чин имперского министра оставался лишь чистой формальностью, за которой не скрывалось никаких практических функций и никаких ведомств. Поэтому я, в отличие от членов имперского правительства, не получал никаких проектов законов для подписания их.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Обвинение далее утверждает, что Вы в марте 1938 г. во время отсутствия Риббентропа замещали его на посту министра иностранных дел. Обвинение делает этот вывод из записи в дневнике генерал-фельдмаршала Иодля: "Нейрат на этот период будет выполнять обязанности министра иностранных дел". Не высказетесь ли вы по этому поводу?

НЕЙРАТ. После моей отставки 4 февраля я остался совершенно в стороне, перестал общаться даже с моими бывшими коллегами и жил в уединении. Однако я оставался еще в Берлине. 11 марта 1938 года, поздно вечером, неожиданно мне позвонил Гитлер и попросил меня притти к нему. У него в приемной я встретил, кроме господина фон Папена, генерала фон Браухича и целый ряд других высших чиновников и офицеров и ближайших сотрудников Гитлера. Геринг был в комнате у Гитлера, когда я вошел туда. Гитлер сообщил мне, что теперь аншлюсс Австрии является фактом, и германские войска в ночь с 11 на 12-е перейдут границу. На мое возражение - следовало ли это делать, - он об"яснил мне причины, по которым он не может долее ждать.

Затем он спросил меня, что в настоящий момент должно

H1208 – 0037

H1208 – 0038

предпринять министерство иностранных дел, поскольку министр иностранных дел находится в Лондоне. Я сказал, что мы получим, очевидно, ряд формальных протестов, на которые нужно будет дать ответ, и, кроме того, мы должны сделать сообщение другим государствам и т.д., но не должны вести официальных переговоров. Я сказал ему, что ему следовало бы немедленно вызвать министра иностранных дел из Лондона. Однако Геринг возражал против этого. В заключение я попросил у Гитлера разрешения передать статс-секретарю министерства иностранных дел те сообщения, которые он только что мне сделал, с тем, чтобы министерство иностранных дел находилось в курсе дела.

12 марта утром я по поручению Гитлера передал статс-секретарю министерства иностранных дел, который был официальным заместителем Риббентропа, о событиях в том свете, как мне сообщил о них Гитлер. Гитлер назначил Геринга своим заместителем на время своего отсутствия. 12 марта я лично поставил его в известность о том, что ко мне поступило письмо английского посла, который заявил протест против оккупации Австрии, и сказал ему, что министерство иностранных дел составит ответную ноту.

Когда проект был готов, я об этом известил Геринга по телефону и сообщил ему, также по телефону, содержание этого ответа. Он, в качестве заместителя Гитлера, попросил меня подписать вместо него эту ответную ноту, поскольку письмо английского посла было направлено лично мне. Геринг об этом уже дал показания, находясь у свидетельского пульта. Поэтому в ответной ноте употребляется выражение: "от имени имперского правительства".

Я неоднократно просил Геринга, чтобы он вызвал Риббентропа из Лондона и информировал его. Из телефонного разго-

вора Геринга с Риббентропом, который уже был здесь оглашен, видно, что Геринг это сделал. Об"яснение того, почему английская нота была направлена мне, я получил лишь здесь, когда Геринг показал, что он сам 11 вечером, находясь в обществе, сказал английскому послу, что он замещает Гитлера на время его отсутствия и что Гитлер просил меня, в случае надобности, помогать ему советом по вопросам внешней политики. Запись в дневнике Иодля, о которой я узнал здесь, была, как это ни странно, сделана 10 марта, когда совсем еще не предусматривалось, что я буду выполнять эти функции. Очевидно, это следует об"яснить исключительно тем обстоятельством, что кто-либо видел меня в имперской канцелярии. Вообще же никакой другой деятельности, кроме упомянутой, в качестве представителя Риббентропа я не вел.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Вы также не имели бланков министерства иностранных дел и не использовали их?

НЕЙРАТ. Тот факт, что я использовал бланк с надписью "председателя тайного совета министров", который я нашел в одной из комнат имперской канцелярии в качестве единственного признака существования этого легендарного учреждения, еще раз свидетельствует о том, что я не являлся представителем министерства или министра иностранных дел, потому что в таком случае я воспользовался бы бланком этого министерства.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Итак, на эту ноту британского посла от 12 марта вы ответили только что упомянутой ответной нотой. Обвинение вменяет вам в вину то, что приводимые вами в этой ответной ноте обоснования, а также описание событий в Австрии, которые предшествовали вторжению войск, являются неправильными. Предполагая, что Суду известны те места этого

H1208 – 0039

H1208 – 0040

документа, на которых основаны эти обвинения, я считаю, что нет необходимости оглашать из него отдельные абзацы. Вам они также известны и я прошу вас высказаться по этому поводу.

НЕЙРАТ. Обвинение в том, что содержание этой ответной ноты частично является неправильным, - обосновано. Однако причиной послужило то, что я не имел никакой другой информации, кроме информации, которую я получил от Гитлера, и эта информация была положена в основу ответной ноты. Я передал его информацию министерству иностранных дел, которое, в свою очередь, ничего не знало об этих событиях, и таким образом был составлен этот проект.

Я хотел бы еще добавить, что о планировании событий, которые привели к аншлюссу Австрии, во время моей деятельности в качестве министра иностранных дел никогда не было и речи.

Гитлер вообще не имел никогда определенных внешнеполитических планов, а приводил в исполнение внезапно принятые решения, так что ближайшие его сотрудники узнавали об этих решениях только за несколько дней до их осуществления.

Выражение "аншлюсс Австрии", которое употребляется и здесь и повсюду, не идентично тому, что произошло впоследствии, а именно - включение Австрии в состав Германии, о чем, собственно говоря, и идет речь. Решение о включении Австрии в состав Германии было принято Гитлером только в последний момент, т.е. в Линце, уже во время вступления германских войск.

Другим доказательством того, что Гитлер не составлял заранее план насильственного вторжения войск в Австрию, служит то обстоятельство, что Гитлер всего лишь за несколь-

ко дней до этого, послал своего министра иностранных дел в Лондон для выполнения некоторых дипломатических формальностей.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В связи с этим я хотел бы сослаться на выдержку из упомянутой ранее книги посла Гендерсона "Провал миссии", которая помещена в моей книге документов № 4 под № 129. Я прошу Суд приобщить и этот документ к делу.

Во время австрийского кризиса, на следующий день после вторжения германских войск, 12 марта, вы сделали чехословацкому послу в Берлине заявление относительно осуществления мероприятий в Австрии и об отношениях с Чехословакией. Согласно отчету, который чехословацкий посланник в Берлине, доктор Мастный, сделал по поводу этой беседы, вы заявили, что германское правительство не будет предпринимать никаких шагов против Чехословакии и даже намерено в дальнейшем продлить договор об арбитраже, заключенный Чехословакией в двадцатых годах. Пожалуйста, выскажитесь по поводу этого отчета, который находится под № 141 в моей книге документов № 5.

НЕЙРАТ. Правильно, что 12 марта я заявил г-ну Мастному о том, ~~что~~ о чем он пишет в своем отчете, только повод для этой беседы и ее ход были несколько иные, чем он их описывает.

12 марта тогдашний министериаль-директор фон Вейцзекер позвонил ~~мне~~ по телефону ко мне домой и сообщил мне, что чешский посол Мастный находится у него и просит аудиенции у меня в течение этого же дня. Я попросил г-на Мастного, чтобы он вечером пришел ко мне домой. Г-н Мастный спросил меня, думаю ли я, что Гитлер теперь, т.е. во время осущест-

H1208 – 0041

H1208 – 0042

вления аншлюсса Австрии, предпримет какие-либо шаги такие и в отношении Чехословакии. Я ответил ему, что он может быть спокоен. Всего лишь накануне вечером Гитлер, на мое замечание относительно того, что аншлюсс Австрии вызовет беспокойство в Чехословакии, ответил, что он не собирается ничего предпринимать против Чехословакии. Тогда Мастный спросил меня, будет ли Германия и далее придерживаться договора от 1925 года. Я, на основании данных мне Гитлером заверений, с чистой совестью ответил на это утвердительно.

Более того, Гитлер тогда сказал, что отношения с Чехословакией, очевидно, значительно улучшатся и осуществление аншлюсса Австрии не имеет никакого отношения к Чехословакии.

В отчете господина Мастного сказано, что я, якобы, говорил по поручению Гитлера. Это неправильно. Я лишь упомянул ему о моей недавней беседе с Гитлером. Далее, в отчете подчеркивается, что я говорил с ним, якобы, как председатель тайного совета министров. Очевидно, г-н Мастный выразился так, желая придать больше веса своему отчету.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. На основании различий, существующих между заявлениями, данными вами, и теми планами, о которых Гитлер говорил 5 ноября 1937 года, Обвинение делает вывод, что вы, зная об этих планах и давая успокоительные заверения доктору Мастному, поступали нечестно.

НЕЙРАТ. Из этой беседы можно было сделать лишь общий вывод о том, что Гитлер имел какие-то военные планы. Не говорилось ни о каком определенном плане в отношении нападения на Чехословакию. Говорилось лишь о том, что в том случае, если вообще возникнет война, Чехословакия и Австрия должны быть оккупированы в первую очередь для того, чтобы обеспечить наш правый фланг. В какой форме должно было

произойти это нападение на Чехословакию и вообще мог ли возникнуть военный конфликт на Востоке,—тогда это было весьма сомнительно. И в действительности Судетская область, которая в качестве пограничной области была стратегической ключевой позицией чехословацкой обороны, перешла к Германии мирным путем на основании договора между державами.

Как показал генерал-полковник Йодль, конкретные планы войны против Чехословакии были переданы генеральному штабу для разработки лишь в конце мая 1938 года.

Об их существовании я узнал только здесь. Кроме того, когда Гитлер сказал мне, что он не предпримет никаких шагов против Чехословакии, я должен был положиться на то, что это действительно соответствует его планам и что он отказался от своих идей, которые он высказал 5 ноября 1937 года. Вот и все, что было мне известно по вопросу о Чехословакии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Может быть мы об"явим перерыв?

/Об"является перерыв до 14.00/

ен

14202

H1208 – 0043

H1208 – 0044

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 24 июля 1946 года.

/Вечернее заседание/

Вотэтъ! Суд идет!

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Господин фон Нейрат! Обвинением упомянуто совещание от 28 мая 1938 года, на котором присутствовали Гитлер, Риббентроп, Геринг, верховные главнокомандующие составных частей вооруженных сил и на котором, как утверждает господин Видеман в своем письменном показании, присутствовали также и вы.

НЕЙРАТ: Я вообще не могу вспомнить ни такого совещания, и ни высказывания Гитлера, упомянутого господином Видеманом. Впрочем, и Кейтель, Риббентроп, Геринг и Редер также ничего не знали об этом совещании. Вероятно он ошибся и перепутал это совещание с совещанием от 22 апреля или 28 апреля 1938 года, упомянутом в его записях, но и на том совещании я также не присутствовал, я вообще не был тогда в Берлине.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: После вашей отставки вы весь полностью удалились от дел. Во время судетского кризиса в сентябре 1938 года, вы стали вновь принимать активное участие в делах и выступали при этом за мирную политику?

НЕЙРАТ: Да, после моей отставки в феврале 1938 года я жил в своем имении. Приблизительно 26 сентября ко мне позвонил по телефону один из моих бывших министров-коллег и сообщил, что Гитлер отдал указание вооруженным силам до 28 сентября притти в состояние полной готовности. Очевидно, Гитлер хотел разрешить насильственным путем судетский вопрос. Меня попросили тотчас же приехать в Берлин и отговорить Гитлера от его намерения. И в ту же

ночь я отправился в Берлин. По прибытии туда я сначала осведомился в министерстве иностранных дел об общем положении вещей и затем попросил Гитлера принять меня. Но мне отказали в этом. Несмотря на это, я направился 28-го в имперскую канцелярию. Там я встретил всех лиц из ближайшего окружения Гитлера в состоянии полной боевой готовности. На мой вопрос, где Гитлер, мне ответили, что он находится в своем кабинете, но что он никого больше не будет принимать.

Несмотря на это, я подошел к двери и вошел в кабинет Гитлера. Когда он меня увидел, он спросил меня весьма резко: "Что вам здесь, собственно, угодно?" Я ответил ему, что хочу обратить его внимание на последствия предпринимаемого им шага. Я об'яснил ему, что он развяжет европейскую и, может быть, даже мировую войну, если он сейчас, в ходе переговоров о судетской проблеме вступит в Чехословакию. Чехословакия определенно окажет сопротивление. Это будет нелегкой борьбой, и во всяком случае, Франция, Англия и Польша появятся на авансцене. С его стороны будет неоправданным преступлением пролить так много крови, пока не будут исчерпаны все средства для мирного решения вопроса. Я знал, что г-н Чемберлен был готов урегулировать вопрос и что он, кроме того, был согласен уговорить чехов отказаться от Судетской области, если тем самым будет предотвращена война.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Из чего вы ~~могли~~ заключить, что г-н Чемберлен хотел приехать?

НЕЙРАТ: Я узнал это от английского посла, которого я встретил на улице.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте.

НЕЙРАТ: Гитлер ничего не хотел слышать о такой кон-

H1208 – 0045

H1208 – 0046

ференции. Во время нашей беседы пришел также Геринг, который поддерживал меня в моих усилиях побудить Гитлера согласиться на такую конференцию.

В конце концов Гитлер дал свое согласие при том условии, что мне удастся добиться того, что Чемберлен, Даладье и Муссолини на следующий же день будут в Берлине. Так как Муссолини не мог прибыть в этот срок, я предложил в качестве места для будущих переговоров Мюнхен. Я сейчас же связался с английским и французским послами, которые были на пути к Гитлеру. Гитлер сам лично позвонил к Муссолини и до шести часов поступили уже ответы и согласие.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Я прошу Суд принять к сведению документ № 20, который находится в моей первой книге документов, страница 72-б. Этот документ представляет собой выдержку из так часто цитировавшейся книги посла Гендерсона "Провал миссии".

Приняли ли вы лично участие в Мюнхенской конференции, которая состоялась непосредственно после этих событий?

НЕЙРАТ: Да, так как я, заметив раздраженное состояние Гитлера, был озабочен тем, как пройдет конференция, я сказал ему, Гитлеру, что было бы целесообразно, если бы я также поехал в Мюнхен, так как я лично знаю иностранных представителей и поэтому могу быть посредником. Когда он согласился, Геринг пригласил меня поехать с ним вместе с его особом поезде. Во время продолжительного совещания, я часто беседовал с тремя иностранными представителями и с Гитлером, и пытался устранить возникавшие разногласия. Г-н Чемберлен в конце этого совещания попросил меня о том, чтобы я обеспечил ему на следую-

щий день беседу с Гитлером, без того,чтобы присутствовал Риббентроп. Фюрер сначала не соглашался, но я уговорил его в конце концов. Во время этой беседы было заключено консультативное соглашение между Англией и Германией, к которому позднее присоединилась Франция. Г-н Чемберлен, с которым я жил в одном и том же отеле, после беседы с большой радостью показал мне это соглашение. Я также был очень рад и надеялся,что мне удалось опять наладить англо-германские отношения, которые в последнее время значительно ухудшились в результате переговоров, состоявшихся в Годесберге и в Берхтесгадене, и что мне также удалось проложить дорогу для новых переговоров.

Чемберлен пригласил меня посетить Англию, как он это сделал в 1937 году. Я тогда же сказал ему; что я не думаю,что Гитлер, запретивший мне поездку в Англию летом 1937 года, даст мне теперь разрешение, тем более,что теперь я уже не занимаю поста министра иностранных дел".

Английский посол в январе 1938 года еще раз повторил приглашение. Но я должен был ему ответить, что у меня не было возможности получить от фюрера согласия на эту поездку.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Г-н председатель, в этой связи я хотел бы предъявить документ № 21 из моей книги документов. Этот документ представляет собой письмо французского посла Франсуа Понсе от 18 октября 1938 года,то-есть оно было написано через несколько недель после Мюнхенской конференции. Я разрешу себе из этого документа процитировать лишь две фразы:

"...но из нас двоих мне полагается высказать большую благодарность. Даже в условиях самой сложной ситуации, Вы относились ко мне самым вежливым, снисходительным и

14206

H1208 – 0047

H1208 – 0048

доверчивым образом. Трудное дело Вы сделали для меня легким. Я никогда не забуду того, чем я Вам обязан".

Г-н председатель, я хочу тут же, поступившее несколько дней тому назад письмо французского посла Понсе, о котором я упомянул уже в начале представления доказательств, пред'явить Суду, повторив сейчас ту же самую просьбу. Я просил вызвать французского посла в качестве свидетеля в зал суда и в ответ на это поступило письмо господина посла от 7 июня в адрес французского Обвинения, копия этого письма была представлена мне генеральным секретарем, На прошлой неделе, мне кажется, это было в четверг или в пятницу. Сейчас я хотел бы попросить Суд рассматривать этот документ, как документ, равноценный аффидевиту, несмотря на то, что это письмо французского посла составлено не по предписанной форме, то-есть этот документ по форме не представляет собой аффидевита, а является частным письмом, правда, апробованным Обвинением. Подлинник этого письма находится в руках французского Обвинения. Французское Обвинение обещало мне пред'явить подлинник, если Суд распорядится относительно этого. Я же разрешаю себе пред'явить заверенную копию письма, поступившую в мое распоряжение из генерального секретариата.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подлинник документа должен быть представлен Суду теперь, или как только это будет возможно.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Французское Обвинение сообщило мне позавчера через своего представителя, с которым я говорил, что в настоящий момент оно не располагает этим письмом, я не знаю, где оно у них находится. Поэтому я попросил, чтобы они его пред'явили, если бы письмо было у меня, я бы его уже пред'явил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Документ этот должен быть представлен в качестве показательства, как можно скорее.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите представить этот документ в качестве показательства, не так ли?

ЛИДИНГХАУЗЕН: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Под каким номером вы его представляете?

ЛИДИНГХАУЗЕН: Под № 162.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Возражений, насколько я понимаю, не имеется?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Возражений нет, милорд.

ЛИДИНГХАУЗЕН: В этом письме сказано, если мне позволят процитировать короткий отрывок...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы дали номер этому документу?

ЛИДИНГХАУЗЕН: Номер 162.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо, продолжайте.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Здесь говорится: "Он, т.е. г-н фон Нейрат, - никогда не обострял инцидентов а, наоборот, стремился к мирному разрешению всяких вопросов, используя личные связи. Он старался облегчить иностранным дипломатическим представителям их миссию в германской столице, и эти дипломаты, в том числе и я , были благодарны ему за это. Я не сомневаюсь, что он очень часто обращал внимание рейхсканцлера Гитлера на те опасности, которым подвергалась Германия вследствие эксцессов ее правительства, и что он заставлял его слушать голос, призывавший к осторожности и умеренности".

Я перехожу к другому комплексу вопросов и хотел бы заявить следующее: из представленных Обвинением доку-

14208

H1208 – 0049

H1208 – 0050

ментов вытекает, что во время вашей деятельности на посту министра иностранных дел, какой-то представитель министерства иностранных дел принимал участие в заседаниях комитета имперской обороны и что вы сами, согласно имперскому закону об обороне от 1938 года, как председатель тайного совета министров, стали членом совета имперской обороны. Что вы скажете по этому вопросу?

НЕЙРАТ: Я сам ни как министр иностранных дел, ни как председатель тайного совета министров никогда не занимался вопросами комитета имперской обороны и я никогда не принимал участия ни в каких заседаниях и совещаниях. Как здесь уже говорилось, все министерства еще по 1933 г. имели своих, так называемых, референтов по вопросам имперской обороны, занимавшихся определенными вопросами внутриминистерского характера, которые могли возникнуть при мобилизации, если пришлось бы вести оборонительную войну. Как доктор Шахт говорил уже здесь, совет имперской обороны от 1935 года представлял собой ни что иное, как узаконенный комитет, существовавший уже до 1933 г.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Усматривали ли вы в том, что существовал такой комитет, или совет имперской обороны какие-либо признаки, свидетельствующие о подготовке к агрессивной войне?

НЕЙРАТ: Нет, ни каким образом. Из самого наименования данного комитета явствует, что здесь речь могла итти о подготовке к тому, чтобы защищать империю от агрессии, а не о подготовке к агрессии. Впрочем, мне также известно, что как во Франции, так и в Англии такие учреждения существовали уже с давних пор.

ЛИДИНГХАУЗЕН: В связи с этим, господин председатель, я хотел бы предъявить документ № 78 в моей третьей кни-

ге документов, на 213 странице, в которой содержится выдержка из заявления французского военного министра Петэна от 6 июня 1934 г., которое он сделал на комиссии по вопросам сухопутной армии при французском парламенте и в котором изложена необходимость создания совета или комитета по вопросам обороны.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту. Трибунал полагает, что какие-либо показания, касающиеся того, что в других странах были другие организации, фактически не имеют отношения к данному делу.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Обвинение утверждает, что Гитлер наделил вас значительно большими почестями, чем некоторых настоящих нацистских руководителей и хочет сделать из этого вывод о том, что вы были особенно близки с Гитлером. Что вы скажете по этому поводу?

НЕЙРАТ: Это несколько странное предположение. Совершенно ясно, что Гитлер награждая орденами и почетными титулами не мог обойти старейшего министра, который свыше 40 лет служил государству. Но все это не выходило за рамки тех почестей, какими пользуются крупные государственные деятели.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Сейчас я перечислю отдельные награждения, которые Обвинение вменяет вам в вину. Вы были обладателем ордена "Германского орла" и креста "За боевые заслуги" I-го класса.

НЕЙРАТ: Да, орден "Германского орла" был учрежден в 1937 г. и им должны были награждаться лишь только представители иностранных государств. В главах зарубежного мира он не имел бы большой ценности и рассматривался бы как своего рода медаль, вроде, например, колониальной медали, если бы ни один немец не носил его. Поэтому Гитлер

H1208 – 0051

H1208 – 0052

тотчас же при учреждении этого ордена наградил меня, как министра иностранных дел большим крестом и тем самым повысил ценность его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор фон Людингхаузен, разве недостаточно заявление подсудимого о том, что давать такие звания было обычным? Нет необходимости вдаваться в рассмотрение вопроса о качествах каждого ордена в отдельности. Мне кажется, что это имеет весьма отдаленное отношение к делу.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Господин председатель, я коснулся этого вопроса только потому, что Обвинение затрагивает этот вопрос в качестве отдельного пункта.

Обвинение вменяет вам затем в вину, что вы в конце января 1937 г. на известном совещании кабинета министров получили от Гитлера золотой значок партии и тем самым стали членом нацистской партии. Как обстоит дело в данном случае?

НЕЙРАТ: О том, каким образом происходило вручение этого золотого значка, дали показания, как г-н Шахт, так и г-н Редер. Я не был членом какой-нибудь партии. Между 1933 и 1937 гг. я получал неоднократно предложение вступить в партию, но я всегда отклонял их. Мое отношение к партии было общеизвестным, именно поэтому партийные круги относились ко мне всегда враждебно. Мне кажется, что уже достаточно подробно рассказывалось о том, как эти партийные значки были вручены министрам и генералам, которые вовсе не были членами партии, так что мне не нужно давать никаких дальнейших раз'яснений по этому поводу.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Гитлер затем неожиданно дал вам почетное звание обергруппенфюрера СС?

НЕЙРАТ: Да, для меня это было в высшей степени неожиданным. В сентябре 1937 г. Муссолини сообщил о том, что

он посетит Германию. В те дни я не был в Берлине. Когда утром я вернулся в Берлин, я встретил при входе в свой дом моего портного в форме группенфюрера СС. Я его спросил, что это должно означать. Он мне ответил, что он получил от имперской канцелярии заказ сшить эту форму. Я затем пошел к Гитлеру и спросил его, как ему пришла такая идея в голову. Он ответил мне, что он хочет, чтобы все те лица, которые будут присутствовать при приеме Муссолини, появились в военной форме. Я заявил ему, что мне это мало приятно, и я тогда же сказал ему, что я сам ни в коем случае не собираюсь быть в подчинении у Гиммлера и вообще ничего не хочу иметь общего с СС. Гитлер дал мне торжественное обещание, что он всего этого от меня не потребует и что мне не нужно связывать себя никакими обязательствами. Впоследствии это так и было. Я не имел никакого права издавать приказы по этой линии и мое более позднее производство в обергруппенфюреры произошло, очевидно, в рамках тех повышений в чинах, которые тогда производились, без особого выделения моей личности.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Одевали ли вы вообще эту форму?

НЕЙРАТ: Насколько я припоминаю, только две раза: во время приема Муссолини и затем в 1938 г., когда я был направлен в Анкару на погребение Кемаль-Паши. Обычно я носил на всех официальных приемах, введенную в то время для чиновников форму без каких-либо знаков отличия.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Ко дню вашего 70-летия 2 февраля 1943 г., вы получили от различных лиц поздравления и подношения, свидетельствующие о том, что вас и вашу деятельность почтили вниманием, среди этих поздравлений было поздравление и от Гитлера вместе с чеком в 250 тысяч рейхсмарок. Об'ясните, пожалуйста, как обстояло дело с этой дотацией,

14212

H1208 – 0053

H1208 – 0054

если можно так выразиться?

НЕЙРАТ: Недавно американский обвинитель говорил здесь как раз об этой дотации, но он только забыл сказать, что я не принял этой дотации. Дело обстояло следующим образом:

Утром в день моего 70-летия ко мне прибыл поверенный Гитлера, который доставил мне поздравительное письмо Гитлера и затем картину, (на) писанную маслом и приведшую мне кисти немецкого художника и изображавшую итальянский ландшафт. К письму был приложен чек на сумму свыше 250 тысяч рейхсмарок. Я был неприятно поражен и сказал тут же поверенному Гитлера, что так называемую дотацию я воспринимаю, как оскорбление, что я не лакей, которого вознаграждают чаевыми, что он должен взять чек обратно. Он мне ответил, что он не вправе это сделать. На следующее утро я поехал к имперскому министру финансов, чтобы вручить ему этот чек для передачи его в имперскую кассу. Он сказал, что он по каким-то формальным причинам не может принять его. Мне кажется, чек должен был быть реализован за счет каких-то особых фондов Гитлера. По его совету, я передал этот чек имперскому кредитному обществу и (2) известил об этом в письме для занесения (1) его в специальный счет соответствующее финансовое управление. Я никогда не воспользовался ни одним пфеннигом из этой дотации. А картину, которая, между прочим, не отличалась особой ценностью, я не возвратил, потому что это был обычный подарок ко дню рождения и возвращение картины могло бы быть воспринято как оскорбление.

ЛЕЙДИГХАУЗЕН: Г-н председатель, попрошу вашего разрешения на то, чтобы пред'явить два письма имперского кредитного общества, которые были пересланы (мне) в субботу по

моей просьбе или запросу имперским кредитным обществом. В них содержится подтверждение того, что эта сумма в размере 250.000 райхсмарок и сегодня, будучи выражена в ценных бумагах со всеми процентами, которые наросли за это время, находится на особом счету в имперском кредитном обществе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите нам номер этого документа, представляемого в качестве доказательства.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Номера 160 и 161.

Господин председатель, я за это время смог заготовить лишь в моем бюро английский перевод этого документа, поскольку у меня было очень мало времени. Переводы на французский и русский языки, очевидно, будут готовы в ближайшие дни и поступят в распоряжение русского и французского Обвинений. Я сам получил эти письма, как я уже сказал, лишь в субботу. /К свидетелю фон Нейрату/. Обвинение дальше вменяет вам в вину, что вы действовали в консервативных кругах Германии, как своего рода член пятой колонны, чтобы заставить их со своей стороны примириться с национал-социалистским режимом, потому что ваше сотрудничество в правительстве могло рассматриваться консервативными кругами, как достойный для них пример. Хотите ли вы высказаться по этому поводу?

НЕЙРАТ: Это утверждение уже потому является абсурдом, что во всей Германии, а впрочем и за рубежом, было известно, что я не был национал-социалистом и даже, напротив, выступал против всех национал-социалистских эксцессов в отношении евреев, церкви и др., а кроме того препятствовал проведению всякой политики, представлявшей угрозу для мира. Все это особенно ярко проявилось, когда я уходил в отставку в феврале 1938 года, причем всеобщий страх, свя-

14214

H1208 – 0055

H1208 – 0056

ванный с моим уходом, не нашел своего выражения в германской прессе и в кругах общественности, потому что прессе не была предоставлена для этого возможность. Поэтому совершенно нелепо, что консервативные круги могли предположить, что я всем своим сердцем на стороне национал-социалистов, как часто говорит Обвинение. То, что я не считался слепым приверженцем нацистской теории, как указано в Обвинительном заключении, знали иностранные дипломаты, которые находились в Берлине и которые могли вблизи наблюдать мою постоянную борьбу с партией.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: В связи с этим я хотел бы предъявить выдержку из журнала "Архив" № 27 и затем выдержку из статьи в "Пестер Ллойд", если я не ошибаюсь, которая представляет собой обращение старшины берлинского дипломатического корпуса от имени всего дипломатического корпуса к господину фон Нейрату в день его 65-летия, 2 февраля 1938 года. Эти документы содержатся в моей 4-й книге документов под номером 127 и в первой книге документов под номером 18.

Тем самым я закончил рассматривать внешнеполитическую часть и личные моменты, содержащиеся в Обвинении против фон Нейрата и перехожу ко второму комплексу вопросов, затронутых Обвинением, а именно к вашей деятельности на посту имперского протектора Богемии и Моравии.

После устранения судетско-германского кризиса, вы полностью удалились от политических дел. Так ли это?

НЕЙРАТ: Да, я после этого очень редко бывал в Берлине и в основном жил в своем имении в Вюртемберге или в горах.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Были ли вы в сентябре 1939 года в Берлине и знали ли вы о каких-либо планах Гитлера, связанных с вторжением в Чехословакию?

НЕЙРАТ: Вы,очевидно,имеете в виду глубокую зиму?

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Да,глубокую зиму.

НЕЙРАТ: Нет, я абсолютно отстранился от дел. Спорные вопросы между нами и Чехословакией...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В сентябре 1939 года?

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Я ошибся,господин председатель, это было глубокой зимой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите сказать 1939 г.?

ЛЕДИНГХАУЗЕН: 1939 года

НЕЙРАТ: 1938-1939 гг.?

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Глубокая осень 1939 г.

НЕЙРАТ: Все спорные вопросы, возникшие между нами и Чехословакией, и вопрос об обращении чехов с судетскими немцами были разрешены в результате отделения Судетской области от Чехословакии. Напротив был проложен путь для дружественного сотрудничества. Одна из пороховых бочек, угрожавших миру в Европе, была обезврежена.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Затем произошел этот известный спор между Гитлером и президентом Чешской республики Гаха в ночь на I5 марта 1939 года в Берлине. Эти переговоры здесь уже обсуждались и, мне кажется, что нет необходимости более подробно совещать их. В связи с этим я хотел бы вас спросить,знали ли вы о всех описанных событиях именно в том освещении, в каком они преподносятся в протоколе ПС-2798?

НЕЙРАТ: Нет, я не знал их и узнал о них значительно позднее. О записях господина Гебеля я узнал лишь только здесь. Но когда эти события стали мне известны, я не одобрил их самым резким образом и никогда не согласился бы занять должность имперского протектора,если бы мне тогда были известны все эти моменты. События в марте

14216

H1208 – 0057

H1208 – 0058

1939 г. оказалось для меня совершенно неожиданным. Внешнеполитической информации, как я уже сказал, больше я не получал. Единственное, что было в моем распоряжении это радио и газета. Я считал, что с подготовкой нападения на Чехословакию, в 1938 году, планировавшегося, покончено после Мюнхенского соглашения.

О приезде Гаха в Берлин я узнал на следующее утро по радио и из газеты, как и все немцы. Официальное сообщение о том, что Германия берет под свою защиту оставшуюся часть Чехии, не казалось мне невероятным, после того, как Словакия заявила о своей независимости. Я узнал, что чешский министр иностранных дел Майковский во время своего пребывания в Берлине зимой 1938/39 года высказался в том духе, что Чехия должна полностью изменить свою прежнюю политику и должна искать более близкого контакта с Германией.

Все-таки я был озабочен тем, как отнесутся к такому развитию событий, нарушавших соглашения, заключенные в Мюнхене, державы, подписавшие эти соглашения. Первое, о чем я спросил Гитлера, когда я прибыл по его желанию в Вену, относилось к тому, были ли предварительно уведомлены обо всем этом Англия и Франция и дали ли они свое согласие. Когда он дал отрицательный ответ, заявив, что в этом вовсе нет необходимости, так как чешское правительство само просило о защите, я осознал всю опасность ситуации и сказал об этом Гитлеру. В то время я все-таки верил в то, что действительно имелось добровольное решение чешского правительства относительно присоединения.

Просьба Гитлера о том, чтобы я занял пост имперского протектора, оказалась для меня совершенно неожиданной, тем более, что я узнал, что он был недоволен мной за самовольное вмешательство в события, имевшие место осенью 1938 г.,

которое привело к Мюнхенской конференции. Я колебался взять на себя эти функции, о чем я и сказал Гитлеру.

Мне было совершенно ясно, что вступление немцев в Чехию представляет собой в лучшем случае пренебрежительное отношение, как к державам, подписавшим Мюнхенское соглашение, так и к самому соглашению, даже если Гаха добровольно и без принуждения попросил о покровительстве. Но я также сознавал, что всякое ухудшение положения, например, плохое обращение с чехами приведет непосредственно к войне. В таком случае терпение Англии и Франции иссякнет. И на это я также указал Гитлеру. Гитлер ответил мне, что как раз именно это является причиной, почему он меня просит занять этот пост. Этим он хочет показать, что он не намеревается проводить античешской политики. Он сказал, что за границей меня повсюду знают, как человека спокойного, умеренного толка, что он облечет меня обширными полномочиями для того, чтобы я мог пресекать все эксцессы, особенно со стороны судетских немцев.

Когда я, несмотря на это заявление все еще колебался и сказал, что я не знаю чешских условий, что я не отличаюсь администраторскими способностями, он ответил мне, что я должен попытаться, что все еще можно будет потом изменить. Он прикомандировал ко мне двух опытных людей - знатоков чешских условий. Тогда я не понял, что то обстоятельство, что вся полиция и СС практически не будут подчиняться мне, лишало меня всякой возможности воспрепятствовать террору Гиммлера и его органов. Но я не премину указать на то, что за дальнейший ход событий в значительной степени виновны державы, подписавшие Мюнхенское соглашение. Я считал, что они вместо того, чтобы протестовать на бума-

14218

H1208 – 0059

H1208 – 0060

ге, по крайней мере отзовут своих послов. Обстановка могла бы стать в тот момент более напряженной и германский народ понял бы всю серьезность положения, и Гитлер отказался бы от дальнейших намерений и война могла бы быть предотвращена.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Обвинение вменяет вам в вину, что вы заняли этот новый пост для того, чтобы злоупотребив своей доброй славой, как человека и дипломата, заставить мир поверить в то, что с чехами будут прилично обращаться, в то время,как в действительности должно было произойти обратное. Пожалуйста,выскажитесь кратко по этому поводу.

НЕЙРАТ: Такое утверждение является совершенно неправильным. Гитлер в то время сказал мне, что я должен попытаться примирить чехов с новым положением и удерживать от эксцессов немецкое население, охваченное ~~злой~~ ненавистью, порожденной национальной борьбой и угнетением.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Какие гарантии дал вам Гитлер, когда вы вступали на этот пост?

НЕЙРАТ: Он заверил меня, что он всегда,всеми средствами будет поддерживать мою деятельность в духе справедливого примирения национальных противоречий и завоевания на сторону Германии чехов, проводя миролюбивую и умеренную политику. Он будет особенно защищать меня в моей руководящей деятельности от перегибов политических рецидивов, а также прежде всего от СС и полиции и от судетских немцев,на которых я указал, как на особую опасность.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Были ли вы в то время убеждены в том, что Гитлер относился вполне серьезно и честно к этим за-

верениям о гуманном обращении с чехами.

НЕЙРАТ: Да, у меня сложилось именно такое впечатление.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: И вы при этом верили, что он сдержит данные вам обещания?

НЕЙРАТ: Да.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Знали ли вы тогда о каких-нибудь планах или даже просто о намерениях насильственной германизации Чехословакии?

НЕЙРАТ: Нет, мне это было совершенно неизвестно, я счел бы это таким абсурдом, что я не мог бы предположить, что у кого-нибудь может возникнуть такая мысль.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Верите ли вы и сегодня, что Гитлер вполне честно дал тогда свои обещания и высказал свои намерения и что лишь только дальнейшее развитие событий сделало их фактически иллюзорными?

НЕЙРАТ: Да, тогда он действовал честно.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: В этой связи я хотел бы сослаться на документ, который находится в моей пятой книге документов под № I42, и который представляет собой выдержку из книги Гендерсона "Провал миссии". Я просил бы Суд официально принять этот документ к сведению.

Обвинение вменяет вам также в вину подписание германо-чешского договора в марте 1939 года, в котором провозглашалась самостоятельность Чехословакии. Участвовали ли вы вообще в заключении этого договора и в провозглашении автономии Словакии?

НЕЙРАТ: Нет, я узнал о провозглашении словацкой автономии и о всех событиях лишь после того, как все было опубликовано.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Каковы были основные пункты вашей программы во время вашей деятельности в Праге?

14220

H1208 – 0061

H1208 – 0062

НЕЙРАТ: Мне было совершенно ясно, что примирение чешского народа со вновь создавшимся положением может произойти лишь постепенно, причем нужно будет при этом всячески щадить национальные чувства, не прибегая к радикальным мерам. При благоприятных условиях для этого потребовалось бы несколько поколений. Поэтому я пытался добиться постепенного смягчения враждебной линии, существовавшей до этого в политике.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: В связи с этим я хотел бы указать на документ № I43, который находится в пятой книге документов. Этот документ представляет собой статью, которую господин фон Нейрат опубликовал в "Европейше ревю" в конце марта 1939 года о целях своей деятельности в Праге. Я просил бы Суд официально принять этот документ к сведению. Из этого документа совершенно ясно вытекает с какими намерениями и с какой тенденцией господин фон Нейрат занял этот пост.

Каковы были условия, которые вы застали в Праге, когда вы приступили к своей деятельности?

НЕЙРАТ: Все иллюзии чехов к тому времени рассеялись, вследствие поведения их бывших союзников осенью 1938 г., поэтому они были лояльно настроены и готовы к сотрудничеству. Однако, влияние судетско-немецких кругов, враждебных чехам, кругов, которые поддерживались Гиммлером и СС, было достаточно значительным. Это влияние олицетворял прежде всего руководитель судетских немцев Карл Герман Франк, который по настоянию Гиммлера был назначен моим стаат-секретарем /государственным секретарем/.

У меня с самого начала происходили с ним большие трения, так как он был сторонником противоположной политики по отношению к чехам, чем я. Ведомство имперского прото-

ктора только еще создавалось. Во главе управления находился опытный чиновник административной службы, статс-секретарь Бургсдорф, который будет здесь заслушан в качестве свидетеля. Ему подчинялись специальные отделы, созданные непосредственно берлинскими министерствами. В администрации в округа, смотря по обстоятельствам назначались немецкие обергруппенфюреры в качестве чиновников, осуществлявших надзор и назначавшихся имперским министерством внутренних дел.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Кому подчинялась полиция?

НЕЙРАТ: Полиция представляла собой учреждение, совершенно не подчинявшееся мне, зависевшее непосредственно от рейхсфюрера СС и начальника германской полиции, следовательно Гиммлера. Гиммлер назначил начальником СС и полиции моего статс-секретаря Франка, который таким образом совмещал две полномочности. Опять-таки Франку в свою очередь подчинялся командующий полицией безопасности. Все полицейские мероприятия проводились Франком или непосредственно Гиммлером и главным имперским управлением безопасности. При этом моего согласия вовсе не спрашивали и меня предварительно не уведомляли. На основании этого возникало колоссальное количество трудностей, которые я должен был преодолевать в Праге.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Чехословацкий отчет, предъявленный обвинением под номером СССР-60, изображает несколько иначе положение полиции. Настаиваете ли вы на том, положении фактов, которое вы только что дали?

НЕЙРАТ: Да, полностью.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Дело обстояло следовательно таким образом, что вы узнавали о полицейских мероприятиях лишь после их проведения, а Вашего согласия никто не испрашивал.

14222

H1208 – 0063

H1208 – 0064

НЕЙРАТ: Да, причем и это заповедное увеломление носило непостоянный характер: я весьма часто узнавал от частных лиц или от чешского правительства о происшествиях, о которых мне полиция не сообщала ничего, даже в общим числом, так что я был вынужден сам справляться о них у Франка.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Господин председатель, я хотел бы сослаться в этой связи на постановление от I сентября 1939 года, которое предъявлено в моей 5-й книге документов под № I43 и я хотел бы здесь указать на следующее: это постановление распадается на два совершенно не связанных между собой раздела, а именно на часть I, в которой говорится о построении администрации, подчиняющейся имперскому протектору и на часть II, в которой содержится совершенно самостоятельное построение немецкой полиции безопасности, которая подчинялась рейхсфюреру СС и начальнику германской полиции. Уже сама внешняя форма этого постановления, это наглядное разделение двух различных административных ветвей, если можно так выразиться, показывают, что полиция подчинялась Гиммлеру и что полицейская власть находилась либо в его руках, либо в руках берлинских органов и уже это свидетельствовало о том, что имперский протектор не мог оказывать на них влияния. В этом заключается весь трагизм положения господина фон Нейрата на посту имперского протектора, так как совершенно несправедливо его обвиняют в таких вещах, за которые он ни за что не может взять и никогда не брал на себя ответственность.

Обвинение указывает в частности, на параграф I3-й этого постановления, где говорится, что имперский протектор и рейхсфюрер СС с согласия первого могут принимать адми-

стративные меры, необходимые для соблюдения общественной безопасности и порядка в протекторате и выходящие за рамки ранее установленных положений. Как обстояло дело в данном случае?

НЕЙРАТ: Я не знаю, что в данной инструкции следует понимать под административными мероприятиями. Мне кажется, что речь шла о полномочиях, обрисованных в общих чертах и сформулированных в указе, содержащем инструкции общего характера. Во всяком случае, эти полномочия за все время моего пребывания в Праге ни рейхсфюрер СС, ни я не использовали. Все аресты производились без того, чтобы меня об этом уведомляли, на основании только что упомянутого параграфа II, согласно которому полиция ни коим образом мне не подчинялась.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Не обещал ли вам Гитлер в Вене, что вы получите всю исполнительную власть в протекторате, что в том числе и полиция будет подчиняться вам?

НЕЙРАТ: Нет, я уже говорил об этом.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Пытались ли вы изменить такое положение вещей и добиться от Гитлера того, чтобы и полиция была передана вам в подчинение или что бы её по крайней мере оказали какое-то влияние на нее?

НЕЙРАТ: Я в связи с различными повторявшимися эксцессами и перегибами со стороны полиции подавал жалобы Гитлеру. Он много раз обещал мне расследовать эти дела. Но все оставалось по старому. Влияние Гиммлера, который рассматривал всю полицию в империи, как свою собственную вотчину было огромным.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Чехословацкий отчет, который лежит в основе обвинения, привлекает к ответственности за все террористические акты гестапо, кроме начальника полиции,

14224

H1208 – 0065

H1208 – 0066

также и бывшего имперского протектора, оставаясь на этом посту до сентября 1941 года, следовательно, признаете ли вы на основании только что данных вами показаний, что вы в какой-то мере несете ответственность за эти акты?

НЕЙРАТ: Нет, я решительно отрицаю это. Я сейчас уже раз'яснил, каково было фактическое положение дел, я сказал, что я не оказывал никакого влияния на полицию.

ЛИДИНГХАУЗЕН: В связи с этим я хотел бы процитировать две фразы из документа № 153, который находится в моей 5-й книге документов. Этот документ представляет собой протокол допроса бывшего статс-секретаря Франка представителями чехословацкой делегации 30 мая 1945 года. В этом протоколе приводится следующее показание Франка:

"Ни имперский протекторат, ни я сам не были ответственными за деятельность полиции. Главную ответственность нес Генрих Гиммлер, как начальник германской полиции. Гестапо получало свои инструкции непосредственно из Берлина, либо от главного имперского управления безопасности, либо от самого Гитлера."

Могли ли вы, находясь в Праге, фактически сделать что-либо, чтобы, по крайней мере, смягчить самые ужасные мероприятия полиции или гестапо или устранить их самые жестокие последствия.

Пожалуйста, обрисуйте нам, как вы вмешивались в такие дела и как вы пытались в таких случаях оказать влияние на Франка.

НЕЙРАТ: Очень часто я получал прошения от Гаха, президента чешского правительства, и от частных лиц. Мое бюро в основном должно было заниматься рассмотрением именно таких дел. Я всегда приказывал сообщать мне о каждом прошении лично во всех тех случаях, когда возможно было

какое-либо вмешательство. Я распорядился,чтобы Франк или командующий полицией безопасности делали мне доклад и я пытался повлиять на них таким образом, чтобы арестованные лица были отпущены на свободу. Но это была неравная борьба с Франком и полицией, которая все-таки во многих случаях увенчивалась успехом. С течением времени благодаря моему вмешательству, сотни арестованных были освобождены. Кроме того,в бесчисленных случаях были значительно облегчены условия заключения, так как была разрешена переписка и отправка посылок с продуктами.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Не воспрепятствовали ли вы вскоре после того, как вы вступили на эту должность, тому, что оставшиеся в Праге родственники бежавших за границу министров Нетшаса и Бенёрбенда были арестованы и,так сказать, репрессированы.

НЕЙРАТ: Да, это верно. Франк распорядился арестовать семьи этих двух министров. Когда я узнал об этом, я заставил его отказаться от его намерения.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Господин председатель,я сейчас хотел бы попросить об'явить перерыв, поскольку я закончил определенный раздел и перехожу к отдельным вопросам.

/Об'является перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Я хотел бы сначала перейти к отдельным полицейским мероприятиям,за проведение которых обвинение в той или иной степени возлагает на вас ответственность.

Были ли в июле 1939 года произведены многочисленные аресты граждан Чехословакии?

НЕЙРАТ: Нет. Полиция летом 1939 года действовала не особенно активно и я надеялся, что постепенно сократится

14226

H1208 – 0067

H1208 – 0068

число полицейских мер.

ЛАДИНСКАУЭЙ: Чехословацкое Обвинение предъявляет в качестве приложения к документу № СССР-60, в разделе I прокламацию, которую вы, как имперский протектор, издали в августе 1939 года, т.е. непосредственно перед началом войны для предостережения населения протектората от актов саботажа. Я передам вам этот документ и прошу вас высказаться по этому поводу. Эта прокламация помещена вместе с документом СССР-60 в качестве приложения № I.

Если Суд разрешит мне, я зачитаю эту прокламацию, которую я только что предъявил подсудимому и основное содержание которой заключается в следующем: "Любой акт саботажа, направленный против интересов великой германской империи, против германской администрации в протекторате и против германских вооруженных сил будет преследоваться со всей строгостью и караться строжайшим образом. В качестве саботажа в духе § № I следует понимать всякое нарушение общественного и экономического порядка, в частности повреждение таких жизненноважных об'ектов, как железные дороги, телефонная сеть, коммуникации, гидротехнические сооружения, электростанции, газовые заводы, фабрики, склады предметов потребления, повышение цен и распространение слухов письменно или устно.

3/ Население должно выполнять все особые постановления работающих в протекторате имперских органов, те постановления, которые уже опубликованы и те, которые будут изданы позднее. Действия в нарушение этих постановлений и отказ повиноваться имперским органам будут рассматриваться, как саботаж и соответственным образом караться. Ответственность за все акты саботажа падает не только на предполагаемого преступника, но и на все чешское населе-

ние. Я ожидаю,что чешское население, ведя себя лояльно, миролюбиво и спокойно покажет себя достойным той автономии, которую фюрер гарантировал странам Богемии и Моравии."

Я прошу вас высказаться по этому поводу.

НЕЙРАТ: Я, собственно,говоря, не могу себе представить под каким углом зрения мне вменят в вину этот указ предостерегавший общественность от актов саботажа. В этот период величайшего напряжения в области политики, можно было опасаться, что радикальные элементы используют сложившуюся ситуацию для того,чтобы совершить акты саботажа, вследствие которых мог быть нанесен ущерб общественному порядку.в такой момент. Это,по моему мнению, не потерпело бы ни одно государственное отказалось бы от строгих наказаний. С помощью этого предостережения мы пытались устранить подстрекательство к совершению актов саботажа. Насколько я помню,это предостережение подействовало именно в таком направлении и затем акты саботажа фактически не имели места. Это предостережение не угрожает особыми наказаниями. В нем имеется лишь ссылка на существующие суровые меры наказания.

ЛЕЙДИНГХАУЗЕН: Вскоре после опубликования этого сообщения началась война. Как вы отнеслись к этой войне?

НЕЙРАТ: Я считал эту войну большой глупостью,потому что зная технику англичан и их политику, я был убежден, что Англия сдержит данное полякам обещание, и что вследствие этого будет развязана война так же и против Англии и Франции, в которой Соединенные Штаты со своей огромной производственной мощью будут поддерживать эти державы. Последнее обстоятельство было для меня совершенно очевид-

14228

H1208 – 0069

H1208 – 0070

ным на основании всех заявлений президента Рузвельта, предшествовавших войне. Я порицал и осуждал такое беспечное развязывание войны исходя из моих этических принципов и моего общего мировоззрения.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: По каким мотивам, вы, однако, и далее оставались на своем посту вместо того, чтобы оставить его?

НЕЙРАТ: Я сказал себе, что во время войны, с одной стороны, чехи, будут питаться, если не освободиться от германского господства, то по крайней мере препятствовать тем военным мероприятиям германской армии, которые будут проводиться в протекторате, путем восстаний, актов саботажа и тому подобных действий и, что, с другой стороны, немцы примут строжайшие меры против населения и заставят полицию и, прежде всего, гестапо прибегнуть к актам террора. Оставшись на своем посту, я хотел предотвратить оба эти обстоятельства и в соответствии с проводившейся мною политикой примирения и общего согласия воспрепятствовать тому, чтобы с чешским народом стали обращаться более сурово. Покинуть свой пост в такое время означало совершить дезертирство. Но, с другой стороны, я также считал, что во время такой войны, когда речь идет о том, существовать ли германскому народу, или погибнуть, я как немец, который пламенной любовью любит свой народ, должен был отдать ему все свои силы и свои знания. Речь шла не о Гитлере или о господстве нацистов, а о моем народе, и его существовании.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Таким образом, вы, оставаясь на своем посту, не выразили этим того, что вы согласились с тем, что Гитлер развязал войну и что вы одобрили ее?

НЕЙРАТ: Никогда. Это был уже факт, совершению которого я ничем не способствовал. Я в недвусмысленной форме

выразил Гитлеру свою точку зрения, свое мнение по поводу безумия этой войны. Однако, я сам рассматривал бы себя предателем немецкого и чешского народа, если бы я в тот час сложил бы с себя ту тяжелую обязанность, которую я взял на себя, для того, чтобы трудиться на благо и пользу обоих народов, если я еще мог быть полезным и мог выполнять свою обязанность, пусть в ограниченном масштабе. Мне думается, что ни один порядочный человек не действовал бы иначе, потому что долг по отношению к своему народу выше всего, даже выше собственных интересов.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: В тот, когда началась война в протекторате так же, как между прочим, и повсюду в Германии были приняты, так называемые, превентивные меры, т.е. были произведены многочисленные аресты, во всяком случае свыше тысячи, прежде всего, среди тех представителей интеллигенции, которые рассматривались как политически неблагонадежные. Были ли вы заранее уведомлены об этих арестах, как должно было бы быть в соответствии с § II цитировавшегося здесь постановления от I сентября 1938 года?

НЕЙРАТ: Нет, и в последствии также нет. Я узнал об арестах лишь от президента Гаха.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Какие распоряжения вы затем отдали?

НЕЙРАТ: Я вызвал к себе Франка и стал делать ему упреки. Он заявил, что он тоже не был проинформирован. Речь идет об общем превентивном полицейском мероприятии.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Относительно которого, следовательно, поступило распоряжение непосредственно из Берлина?

НЕЙРАТ: Это были мероприятия, проводить которые Гиммлер непосредственно приказал гестапо и СД.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Попытались ли вы освободить людей, арестованных таким образом и в своей большей части достав-

14230

H1208 – 0071

H1208 – 0072

лепных в Германию?

НЕЙРАТ, Да, я не переставая добивался этого от Франка и в Берлине от Гиммлера и Гейдриха.

ЛИДИНГХАУЗЕН: И каков был успех ваших стараний?

НЕЙРАТ: Сотни этих арестованных, имена которых я лишь с трудом узнал от чехов, так как немецкая полиция отказалась сообщить их мне, были с течением времени отпущены.

ЛИДИНГХАУЗЕН: 28 октября 1939 года в Праге в первый раз произошла публичная демонстрация по поводу дня чешской независимости. При этом несколько демонстрантов и полицейских были убиты или ранены, так как полиция приняла довольно строгие меры против демонстрантов. Знали ли вы об этих полицейских мерах во время и после этих демонстраций и одобряли ли вы их?

НЕЙРАТ: Тогда я не был в Праге и лишь 29 октября Франк по телефону сообщил мне о беспорядках. Подробности я узнал лишь после своего возвращения 30 или 31 октября. Я сделал упрек Франку в том, что он лично вмешавшись в уличные происшествия и введя в действие СС усугубил беспорядки, вместо того, чтобы предоставить чешской полиции возможность восстановить порядок.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Франк отослал в Берлин доклад об этих беспорядках, о котором он упомянул во время его допроса представителям чехословацкой делегации 5 мая 1945 г. Выдержки из этого допроса я предъявил в своей 5-й книге документов под номером 162 и хотел бы процитировать из этого доклада несколько фраз. „В тот день население впервые устроило публичную демонстрацию и впервые можно было на улицах слышать те лозунги, о которых я выше упоминал. Я подчеркивал, что я сам был очевидцем демонстрации и у меня сложилось впечатление, что она носила опасный ха-

H1208 – 0073

рактер. В докладе,отосланном мною в Берлин, я с определенностью констатировал, что здесь речь идет о первых демонстрациях и что поэтому им следует придавать особое значение, так как они происходили на улицах. Я просил дать мне указания и я получил их тотчас же из главной ставки фюрера. Они были переданы из Берлина непосредственно полиции безопасности и я узнал об их содержании. Вся акция была проведена непосредственно полицией".

Узнали ли вы об этом докладе Франка и о мероприятиях упомянутых там до того,как доклад был отослан или может быть после того, как он был отправлен.

НЕЙРАТ: Нет, об этом докладе до Нюрнберга я совершенно не знал. Франк всегда отправлял донесения непосредственно в Берлин. И вообще я совершенно не придерживался того мнения, что эти демонстрации, в которых участвовала главным образом молодежь, следовало рассматривать,как серьезные события, требовавшие применения особых полицейских мер.

ЛИДИНГХАУЗЕН: 15 ноября при похоронах студента,убитого 28 октября во время этих беспорядков, произошли новые демонстрации в Праге, в результате которых было расстреляно много студентов,остальные были арестованы, а высшие школы закрыты. Что вам известно об этих событиях?

НЕЙРАТ: Когда студент,по фамилии Публиталь,раненый во время столкновений умер, полиция, ожидая новых демонстраций, запретила студентам участвовать в похоронах, которые должны были состояться 15 ноября. Несмотря на это собирались толпы, а когда полиция попыталась их рассеять произошла новая демонстрация и был открыт огонь по людям. Когда Франк сообщил об этом Гитлеру,Гитлер пришел в безудержную ярость и вызвал меня, Франка и упол-

14232

H1208 – 0073

H1208 – 0074

номоченного от вооруженных сил генерала Фредерике на совещание в Берлин. На это совещание Гитлер пригласил также чехословацкого посланника Хвалковского, бывшего министра иностранных дел. Гитлер неистовствовал. Я попытался его успокоить. Несмотря на это,он стал делать тяжкие упреки чешскому посланнику и заявил, что он поручает ему передать чешскому правительству о том,что в случае повторения таких явлений, он примет строжайшие меры против нарушителей порядка, что он арестует все чешское правительство. Гитлер,заявляя это, потерял всякое самообладание и поэтому эти переговоры для нас,присутствовавших во время них были крайне неприятны.После того,как ушел чешский посланник, мы еще несколько минут оставались у Гитлера. Он спросил меня, как долго я пробуду в Берлине. Я сказал ему - один - два дня.Затем нас пригласили пообедать. Больше о событиях не было разговоров. Статс-секретарю Бранку он сказал, чтобы он еще раз зашел к нему. О расстреле руководителей демонстраций и о заключении студентов в концлагери Гитлер не сказал ни слова,а также и о закрытии высших школ.Когда я вечером справился о летчике,управлявшим моим самолетом, чтобы дать ему соответствующие указания, мне на аэродроме сообщили, что он с Бранком улетел на моем самолете в Прагу. На следующий день я на поезде вернулся в Прагу. Лишь только там я узнал,что Гитлер распорядился о закрытии всех чешских высших школ на три года, об аресте приблизительно I.200 студентов и о заключении их в концлагери, а также о расстреле зачинщиков. Одновременно мне была предоставлена прокламация,подписанная моим именем,в котором сообщалось об этом приказе и которая была опубликована в прессе и повсюду расклеена. Я

14233

H1208 – 0075

тотчас же вызвал к себе Франка и ругал его за эти незаконные действия, совершенные без моего ведома. Он сослался на категорический приказ Гитлера. Прокламацию я, таким образом, вообще не видел. Мое имя на прокламации было написано Франком в нарушение закона, даже, как мой заместитель, он не имел на это права. Однако позже от одного чиновника в моем учреждении я узнал, что Франк часто таким образом злоупотреблял моим именем. Если бы я ранее узнал об этих приказах Гитлера, а он имел возможность сообщить мне о них, в Берлине по телефону, то я, само собой разумеется, протестовал бы против них и уже тогда потребовал бы своей отставки.

Я тотчас же стал добиваться лично от Гитлера и Гиммлера освобождения этих студентов и постепенно большинство было освобождено, мне кажется, свыше 800 человек, а летом 1941 года - и последние заключенные вышли на свободу.

Во время моего следующего пребывания в Берлине, вскоре после описанного случая, я заявил Гитлеру в категорической форме, что я протестую против того, как он поступил со мной. Он уклонился от ответа, насколько я помню, но обещал мне скоро освободить студентов и открыть через год чешские высшие школы. Оба обещания он не выполнил.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Я разрешу себе зачитать в этой связи из опросного листа от 18 марта 1946 года, направленного советнику посольства фон Холлебену, который работал в то время в правительстве протектора ответ на вопрос 21. Этот опросный лист находится под номером 158 в моей 5-й книге документов. Ответ господина фон Холлебена гласит следующим образом:

14234

H1208 – 0075

H1208 – 0076

"Студенческие беспорядки в октябре и ноябре 1939 года явились поворотным пунктом в истории протектората. Хронологическое изложение событий я не могу сделать по памяти, однако,я могу дать следующие показания. Манифестации,которые произошли 28 октября 1939 года в Праге и в Брно по случаю 20-й годовщины принятия конституции чехословацкого государства и в которых участвовала, главным образом, академическая молодежь,можно было предвидеть. Поэтому господин фон Нейрат до 28 октября 1939 года дал негласное указание по возможности игнорировать эти манифестации и лишь тогда вмешиваться в их ход, если они примут форму, угрожающую общественному спокойствию и порядку. Вследствие того,что это указание не было выполнено в основном и произошло все несчастье. Немедленно после конференции у Гитлера Франк возвратился в Прагу. О мероприятиях против студентов, проведенных 15 и 16 ноября, канцелярия имперского протектора, который сам в это время находился в Берлине, узнала лишь на следующее утро, частично из многочисленных прошений, поданных в канцелярию господина фон Нейрата родственниками репрессированных студентов.

Господин фон Нейрат, как я убежден, узнал о мероприятиях,направленных против студентов лишь после того, как они были проведены. Я лично сам не посылал ему соответствующих донесений и не могу сказать,от кого он их получил. Прокламация к чешскому народу,о которой идет речь,как я твердо убежден, была выпущена без ведома господина фон Нейрата, путем злоупотребления его именем. Я отлично помню, что у него из-за этого были большие разногласия с Франком. Тогда он остался на своем посту, так как он считал,что этим он сможет предотвратить еще

14235

большее несчастье. Закрытие высших школ он расценивал как безответственное вмешательство в жизнь чешского народа. Он всеми средствами, имевшимися в его распоряжении, пытался освободить чешских преподавателей высших школ и студентов, которые были заключены в немецкие концентрационные лагери, а также добивался того, чтобы они до их освобождения были помещены в особые отделения".

Далее я хотел бы представить Суду полученное мною несколько дней тому назад письменное показание, данное под присягой, 6 июня 1946 года тогдашним секретарем господина фон Нейрата Ириной Фридрих, из которого с полной очевидностью явствует, что господин фон Нейрат к тому времени, когда была издана и опубликована прокламация, еще не вернулся из Берлина и, таким образом, не мог знать что-либо о ней. Я прошу принять к сведению это письменное показание под присягой.

Далее я ссылаюсь на...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой номер имеет это письменное показание, данное под присягой?

ЛЕДИНГХАУЗЕН: 159, господин председатель. Далее я ссылаюсь на документ, являющийся меморандумом господина фон Нейрата от 26 марта 1940 года и предоставленный чешским обвинением в качестве приложения № 5 к дополнению № I. Это запись совещания с президентом Гаха относительно арестованных студентов, из которой явствует, что господин фон Нейрат старался освободить этих студентов и не прекращал прилагать этих стараний.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы указали нам номер документа, представленный в качестве доказательства, назвали книгу документов № 5.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Нет, это документ, приложенный к чеш-

14236

H1208 – 0077

H1208 – 0078

скому докладу, идущему под номером СССР-60, он не находится в моей книге документов, и я лишь ссылаюсь на него.

Кроме этих двух акций, относительно которых распорядился лично Гитлер, производились ли во время вашей деятельности на этом посту какие-либо другие аресты большего масштаба?

НЕЙРАТ: Нет. Однако, отдельные аресты производились и я постоянно вмешивался с тем, чтобы по просьбе чешского правительства или частных лиц расследовать эти аресты и, если было возможно, отменить их.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Я хотел бы далее зачитать вам несколько предложений из документа чешского Обвинения, идущего под номером СССР-60, в английском тексте страница 59. Я цитирую:

"Представители спортивного общества "Сокол", которое насчитывало свыше миллиона членов, немедленно после вторжения, примкнули к движению за освобождение родины, причем, как к подпольному движению в самой стране, так и к движению заграницей. Идея "Сокола" об'единяла солдат различных армий заграницей и вселяла в них силу и энтузиазм даже в самые тяжелые времена. Это, может быть, еще в большей степени происходило на родине. Гестапо сознавало эту опасность и поэтому преследовало их с наибольшей строгостью.

Сначала распоряжения гестапо были умеренными, но, однако, когда гестапо убедилось в непоколебимости "Соколов", она начала применять насилие. Первые аресты имели место в день оккупации Чехословакии и затем еще большее число арестов было произведено 1-го сентября 1939 года. Затем последовали непрекращавшиеся аресты отдельных лиц

и организаций". Конец цитаты.

Пожалуйста, выскажитесь по этому поводу.

НЕЙРАТ: "Сокол" был, конечно, самым опасным, враждебным государству движением в протекторате. Об'ем его деятельности вытекает из только что зачитанной цитаты, взятой из чешского обвинения. Само собой разумеется, нельзя было терпеть подобные бесчинства, особенно в военное время. При этом даже в самом докладе первые политические или полицейские мероприятия охарактеризованы, между прочим, еще как "умеренные". Я убежден, что в любой другой стране такие происки /подпольные движения/ вызвали бы такую же реакцию. В таких случаях, когда была налицо, не вызывавшая сомнений государственная измена или саботаж, я не мог заступаться за лиц, привлеченных к ответственности. Чешское правительство, между прочим, это вполне понимало.

ЛИДИНГХАУЗЕН: В чешском докладе далее говорится о расстрелах на основании приговоров особых судов /"штанигерихтов"/. Имели ли место такие расстрелы в то время, пока вы занимали этот пост?

НЕЙРАТ: Нет, о расстрелах на основании приговоров особых судов /"штанигерихтов"/ во время моей деятельности на посту протектора, кроме упомянутого уже расстрела 9 студентов - я ничего не знаю.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Включался ли Франк, как ваш статс-секретарь, не говоря уже о его зловещей деятельности на посту начальника СС и полиции в политические и административные дела протектората и поддерживали ли вы при этом тесное с ним сотрудничество?

НЕЙРАТ: Франк односторонне и радикально представлял германские интересы. Он олицетворял исконную ненависть

14238

H1208 - 0079

H1208 – 0080

судетских немцев к чехам. Я все время отклонялся от этой тенденции, однако, он, как мой заместитель, практически имел отношение ко всем общеполитическим и административным делам.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Каково было ваше личное отношение к Франку?

НЕЙРАТ: С самого начала крайне плохим вследствие его радикализма. Кроме того, я очень скоро заметил, что он очень часто не говорил мне правды.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Каковы были ваши личные и служебные отношения с президентом Гаха и с чешским правительством?

НЕЙРАТ: В общем хорошие. Чешское правительство было тогда убеждено в том, что мои намерения хорошо и справедливо обращаться с чешским населением были вполне искренними, и что я сделал все, что было в моих силах для того, чтобы осуществить их.

Я, с другой стороны, понимал и признавал их стремление в первую очередь защищать интересы своего народа.

Мое личное отношение к президенту Гаха было, я могу даже сказать, очень хорошим. Я постоянно старался облегчить президенту Гаха, насколько я мог, его тяжелые функции, так как я знал, что и он, согласившись стать президентом, оставшись на этом посту, – принес большую личную жертву. Он и члены правительства при всех церемониях, которые не носили чисто немецкого характера, – приглашались мною и с ними обращались соответственно их рангу.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Каков был метод работы вашего учреждения в Праге? Были ли вы в своей работе полностью самостоятельным или же вы и ваше учреждение зависели от указаний из Берлина?

14239

НЕЙРАТ: То, что я в связи с вашим вопросом должен рассказать - очень скучная материя. Основные принципы в политике и также принципы управления отдельными ведомствами в протекторате устанавливались в Берлине, то-есть самим Гитлером или министрами соответствующих ведомств. На меня возлагалась обязанность контролировать выполнение и применение этих принципов в протекторате, учитывая специфические условия, вытекавшие из этической, культурной и экономической структуры этой страны. Само собой разумеется, что прежде всего во время войны протекторат, расположенный в центре империи, не мог рассматриваться, как самостоятельная страна, а должен был быть включен в общий комплекс. Как я уже упомянул, отдельные отделы моего учреждения были связаны центральными берлинскими ведомствами. Чиновники этих отделов поэтому, уже сами по себе в деловом отношении были связаны/соответствующими министерствами на родине, даже если они позже формально стали подчиняться мне. Начальники отделов получали указания о решении отдельных вопросов непосредственно из Берлина от своих соответствующих министров. Они затем докладывали об этих указаниях заместителю секретаря Бургсдорфу, как начальнику администрации, а когда речь шла о принципиальных вопросах, то через него - мне самому. Таким путем обсуждалось, как следует выполнять эти указания в протекторате, а после обсуждения с чешским министром, данный вопрос решался голосованием, на основании этого затем издавались распоряжения, которые подписывались мною или моим заместителем, а также издавались отдельные распоряжения принципиального характера. Очень часто речь шла лишь о введении уже существовавших или впервые изданных в империи предписаний юридического

14240

H1208 – 0081

H1208 – 0082

и административного характера. Впрочем целый ряд постановлений, касавшихся протектората, был издан непосредственно соответствующими берлинскими министерствами. Имперский министр внутренних дел был уполномочен в качестве, так называемой, центральной инстанции издавать такие предписания юридического характера.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Господин председатель, разрешите в связи с этими показаниями сослаться на следующие документы, находящиеся в моей 5-й книге документов.

№ I45 - постановление фюрера и рейхсканцлера о протекторате Богемия и Моравия в дополнение к указу от 22 марта I939 года.

№ I46 - выдержки из постановления, являющегося основным для протектората и предусматривающим товарообмен с протекторатом от 28 марта I939 г.

№ I47 - постановление об осуществлении юрисдикции в протекторате от I4 апреля I939 г.

№ I48 - постановление о законодательстве в протекторате от 7 июня I939 г. И затем я еще раз ссылаюсь на уже представленный документ № I47 - распоряжение о построении администрации и немецкой полиции безопасности.

Я разрешу себе заметить, что все эти распоряжения были подписаны не имперским протектором, а соответствующим имперским министром и частично также рейхсмаршалом Герингом, как председателем имперского совета обороны. Юридической основой полномочий имперского протектора является указ фюрера и рейхсканцлера о протекторате Богемии и Моравии от I6 марта I939 г., подписанный Гитлером, Фриком...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не попросите ли вы подсудимого раз'яснить, как он относился к этим директивам фюрера, и пос-

судимого Геринга?

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Нет,господин председатель, я как раз хотел тем самым показать, что он не имел никакого отношения к изданию упомянутых указов, что он был лишь обязан выполнять их. Его обязанность в соответствии с указом, в котором он назначался имперским протектором,заключалась в том, чтобы контролировать выполнение постановлений, изданных имперскими инстанциями. И я хотел лишь только указать, что все эти постановления были изданы не им самим, а главой империи. Это правильно,подсудимый?

НЕЙРАТ: Я разрешу себе заметить, что я должен был лишь следить за тем, чтобы они вообще были опубликованы в протекторате и затем я должен был поручать своим органам наблюдать за тем, как эти постановления выполнялись.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Как далеко простирались автономные права протектората по сравнению с этими постановлениями?

НЕЙРАТ: Автономные права не были четко разграничены. В принципе протекторат считался автономией. Управление осуществлялось собственными чешскими чиновниками и учреждениями. Однако, с течением времени автономия была значительно ограничена в своих правах, что вытекает из только что цитировавшегося указа. Эти ограничения практически были введены по усмотрению имперского правительства и в частности явились результатом общей тенденции к централизации в Берлине, но в значительной степени они были вызваны общей политической ситуацией, войной, и так называемым тоталитарным способом ведения войны. Я всегда выступал против этих ограничений, если они не отвечали жизненно-важным интересам протектората и его населения.

14242

H1208 – 0083

H1208 – 0084

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Господин председатель, в этой связи я разрешу себе сослаться на параграф 3-й, уже цитировавшегося постановления, указа фюрера и рейхсканцлера о протекторате Богемия и Моравия. № 144 в моей 5-й книге документов. Он гласит: "Протекторат Богемия и Моравия построен на автономных началах и управление осуществляется собственными силами. Протекторат пользуется своими суверенными правами в соответствии с политическими, военными и экономическими интересами империи. Эти суверенные права осуществляются собственными органами и собственными властями, располагающими собственным аппаратом, чиновников".

Как обстояло дело с военными инстанциями в протекторате, имели ли вы какое-нибудь отношение к ним?

НЕЙРАТ: Нет. Военные инстанции подчинялись особому уполномоченному от вооруженных сил, который должен был уведомлять меня о военных вопросах принципиального характера.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Далее я хотел бы перейти к отдельным пунктам, которые упоминаются в чешском докладе, идущем под номером СССР-60 и которые вменяются вам в вину. В какой мере в вашу компетенцию входило уголовное судопроизводство. Должны ли были вы утверждать смертные приговоры, выносившиеся чехам?

НЕЙРАТ: Чешское уголовное судопроизводство вообще не находилось в моем ведении, чешские суды подчинялись имперскому министерству юстиции в Берлине. Я мог лишь выносить решения относительно ходатайств о помиловании, которые подавались верховным судьей /оберландгерихтспрезидент/ в связи с приговорами немецких судов в протекторате. Эти ходатайства, смотря по обстоятельствам, касались и чехов, но они не затрагивали политических дел. По-

литические процессы по делам чехов, насколько я помню, слушались в народном суде в Берлине, если речь шла об измене родине или государственной измене. Насколько мне известно, на таких процессах по делам чехов применялись точно такие же положения, как и на процессах по делам немцев.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Имели ли вы право помилования, если народный суд выносил приговор чехам?

НЕЙРАТ: Нет, я не имел возможности оказывать влияние на эти приговоры, я не имел права помилования.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Было ли вам во время вашей деятельности что-либо известно о работе особых судов /"зондергерихтов"/ в протекторате?

НЕЙРАТ: Нет, я совершенно не могу вспомнить, чтобы особые суды /"зондергерихты"/ действовали в протекторате, когда я там был. В данном случае речь могла идти только о немецких судах, созданных в империи, когда началась война и подвергавших преследованию преступления определенного рода, например, запрещенное пользование радио. Однако, эти суды подчинялись не мне, а непосредственно имперскому министру юстиции. Он назначал судей, давал им указания и судьи давали непосредственно ему доклады. У меня не было никакой возможности повлиять на эти суды.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Относительно деятельности этих особых судов /"зондергерихт"/ я хотел зачитать вам одну фразу из чехословацкого доклада, документ СССР-60. Эта фраза находится на странице 98-й английского текста и здесь речь идет о распоряжениях и указах, которые лежали в основе деятельности этих особых судов. Я цитирую:

"Большое число этих распоряжений и указов нарушает

14244

H1208 – 0085

H1208 – 0086

принципы, которые рассматриваются всеми цивилизованными народами, как неприкосновенные". Верно ли это?

НЕЙРАТ: Да, в этом пункте я полностью соглашаюсь с заявлением, сделанным в докладе чешского Обвинения. Но, конечно, я предполагаю, что в последнее время и среди цивилизованных народов этот принцип претерпел значительные изменения в сторону послабления его.

ЛИДИНГХАУЗЕН: Я хотел бы спросить кое-что о якобы существовавших планах германизации территории протектората, населенного чехами. Вы ранее нам заявили, что вам в тот момент, когда вы вступили на свой пост, ничего не было известно о таких планах. Какая инстанция затем сообщила вам об этих планах?

НЕЙРАТ: Эти планы частично исходили из кругов судетских немцев, но в основном от организаций Гиммлера и, кроме того, инициатором их был нижнедунайский гауляйтер

ЛИДИНГХАУЗЕН: Я хотел бы в связи с этими якобы существовавшими стремлениями к германизации, пред'явить направленный в ОКВ доклад уполномоченного вооруженных сил в протекторате генерала Фредерике от 15 октября 1942 года. Это - документ, уже пред'явленный Обвинением под № ПС-862 и УС-313. В нем содержатся высказывания, сделанные статс-секретарем Франком на служебном совещании с участием сотрудника вашего учреждения, относительно принципов политики, проводившейся в протекторате. Франк упоминает один меморандум, в котором имперский протектор после тщательной проверки высказался относительно различных планов, предложенных бесчисленными инстанциями и далее Франк упоминает три возможности в решении вопроса о предполагаемой германизации территории, населенной чехами. Вам, пожалуй, известен этот меморандум, этот доку-

мент. Поэтому,я думаю,мне не нужно его зачитывать. Что вы знаете об этом меморандуме? Был ли он составлен вами самими. Что вы вообще можете сказать о нем?

НЕЙРАТ: Меморандум относится ко времени,когда со стороны различных партийных инстанций делались попытки выселить чехов. Я выступил против этого плана, как плана,который являлся совершенно абсурдным и невыполнимым с самого начала. Франк,который был согласен со мной в этом пункте, по моему указанию составил этот,только что упомянутый меморандум,в котором отвергались радикальные меры СС и партии, так называемое постепенное ассимилирование было указано,как единственно возможный путь. Я хотел тем самым это дело отложить в долгий ящик и сорвать планы СС. Но так как об этих планах по выселению чехов Гиммлер доложил фюреру,то я должен был добиться от Гитлера определенного указания,чтобы приостановить осуществление этого плана. Для этого мне по тактическим соображениям нужно было что-либо предложить. Поэтому я внес предложение об ассимиляции и тем самым дело фактически было отложено. Чтобы предотвратить ответные действия со стороны СС и Гиммлера, я лично сделал доклад фюреру,и попросил у него точной директивы,которую он затем и дал. Тем самым это дело было замято и им больше не занимались. Следующая фраза,которая встречается в этом меморандуме: "Вопросами германизации в течение многих лет должно ведать управление имперского протектора" означает,что именно организации СС не могла больше принимать участия в решении этого вопроса. Один лишь имперский протектор должен был заниматься этим, а он как раз ничего не предпринимал. Именно на это намекает в следующей фразе генерал Фредерике,отрицательно отно-

14246

H1208 – 0087

H1208 – 0088

ошибшейся ко всяким радикальным затеям. "...для вооруженных сил из этого не вытекают никакие существенные последствия,потому что он всегда придерживался такой линии"... Если,судя по докладу Франк сказал,что "против людей, которые препятствуют планируемой германизации, нужно применять строгие меры и исключать их из общества" то это была лишь манера выражения своих мыслей,характерная для подобного рода речей.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Господин председатель, я прошу разрешения из упомянутого афффидевита баронессы Риттер,представляющего собой документ № 3 в моей первой книге документов процитировать несколько предложений,находящихся на стр. 18 моей книги документов. Там сказано: "О планах германизации или постепенной ассимиляции чехов Нейрат высказался в одном письме следующим образом:"Совершенно независимо от здравого смысла"...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сказали,что это 18-я страница?

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Да, 18-я, второй абзац снизу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я нашел это место./ ЛЕДИНГХАУЗЕН: "Люди,которые должны быть переселены,вызывают у вас сострадание. Но мне кажется,что я теперь нашел путь для предотвращения этого несчастья. Выиграть время - это значит выиграть все и часто случается,что оттянуть - означает - отменить!"

Господин председатель, я хотел бы попросить разрешения на этом сегодня закончить, так как комплекс вопросов по германизации исчерпан.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сколько времени вы предполагаете у вас займет ваш допрос? Вы уже потратили на него полтора дня.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Господин председатель,при столь мало

обоснованном, столь неконкретном обвинении, какое содержится в чешском докладе, я должен коснуться каждого отдельного пункта, который упоминается там. У меня, приблизительно, еще 20 вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как вы полагаете, сколько времени это займет?

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Один час.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, Трибунал надеется, что вы действительно закончите допрос в течение часа.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Я надеюсь, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об'является перерыв.

/Об'является перерыв до 25 июня 1946 г./

ВЖ

14248

H1208 – 0089

H1208 – 0090

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 25 июня 1946 г.

Утреннее заседание.

Встать! Суд идет!

НЕЛЬТЕ /защитник подсудимого Кейтеля/. Господин председатель, я хотел бы сообщить Трибуналу, что полрукописи моей защитительной речи будет ~~будет~~ написана на машинке до завтрашнего дня и что вторую половину я представлю в следующую субботу. К сожалению, я лично могу изготовить только восемь копий, из которых шесть экземпляров предназначены для облегчения трудной задачи переводчиков. Большего количества экземпляров я, к сожалению, не могу предоставить в распоряжение Трибунала, так как я лично не имею аппарата для того, чтобы их размножить. Я надеюсь, что Трибунал поймет, если я после заявления Главного обвинителя Соединенных Штатов Америки, сделанного им в пятницу, не смогу воспользоваться технической помощью Обвинения для размножения моей защитительной речи.

Я хотел бы спросить, придает ли Трибунал значение получению перевода моей защитительной речи для того, чтобы ускорить ее оглашение. Я тогда прошу дать соответствующее распоряжение. Я готов предоставить свою рукопись в распоряжение Суда при условиях, высказанных Вами, Господин председатель. То, что интересует меня лично, насколько я знаю, интересует и остальных, во всяком случае большинство, защитников. Для ускорения процесса и для сокращения данного для зачтения защитительных речей времени необходимо и важно

H1208-0091

этот пункт выяснить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Нельте, если Вы передадите нам рукопись, о которой Вы говорите, то Трибунал устроит так, чтобы ее перевели на различные языки. Я полагаю, что это устранит то затруднение, в котором Вы сейчас находитесь.

НЕЛЬТЕ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А сейчас Трибунал хочет сделать об"явление по этому же вопросу, которое заключается в следующем: Принимая во внимание результаты обсуждения, которое имело место 13 июня 1946 г. по вопросу о времени, которое требуется защитникам для их речей, Трибунал решил вновь обсудить этот вопрос. Когда защитники указывали время, которое им нужно для их речей, то Трибунал заметил, что некоторые защитники подсудимых нуждаются в большем количестве времени, чем другие, и поэтому они сами распределили соответствующим образом время между собой. Трибунал считает, что защитники потребовали для своих речей слишком много времени, поэтому они должны добровольно ограничить свои выступления, за исключением защитников нескольких подсудимых, дела которых охватывают широкий круг вопросов. Трибунал считает, что полдня будет вполне достаточно для заключительной речи защитника каждого подсудимого, и Трибунал надеется, что защитники сократят свои речи и ограничат себя добровольно в пределах указанного времени. Однако, Трибунал не разрешит никому из защитников подсудимых касаться вопросов, не относящихся к делу или говорить более одного дня; этого не может быть ни в коем случае. Кроме этого, вначале отводится 4 часа для выступления по общим вопросам права; защитники должны совещаться при составлении своих заключительных речей с тем, чтобы избежать ненужных повторений. Мне сказали,

что часть об"явления, которое я сейчас сделал, поступила в неправильном переводе, поэтому я вновь зачитаю это об"явление. "...За исключением защитников нескольких подсудимых, дела которых охватывают широкий круг вопросов, Трибунал считает, что полдня будет вполне достаточно для заключительной речи защитника каждого подсудимого, и Трибунал надеется, что защитники сократят свои речи и добровольно ограничат себя в пределах указанного времени. Трибунал, однако, не разрешит никому из защитников подсудимых касаться вопросов, не относящихся к делу, или говорит более одного дня. Четыре часа отводится для аргументации по общим вопросам права, защитники должны консультироваться при составлении своих заключительных речей с тем, чтобы избежать ненужных повторений".

Как уже было сказано раньше, Трибунал хотел бы иметь перевод каждой речи на французском, английском и русском языках. Защитники к моменту начала каждой заключительной речи могут сами обеспечить перевод, если они пожелают этого. Но, если они передадут копии своих речей в отдел переводов как можно скорее и не позднее, чем за три дня до их произнесения, то перевод будет сделан для них и содержание этих речей не будет разглашаться. Это - все.

/К микрофону подходит д-р Людингхаузен./

Допрос подсудимого Нейрата /продолжение/

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста, д-р Людингхаузен.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Вчера мы остановились на рассмотрении отдельных пунктов Обвинения. Я хотел бы продолжить их рассмотрение и задать Вам, г-н фон Нейрат, следующие вопро-

H1208 - 0092

H1208 – 0093

сы.

Обвинение ставит Вам в вину то, что в протекторате немцы находились в привилегированном положении по сравнению с чехами и что ответственность за это несете Вы. Разрешите Вас попросить высказаться по этому вопросу.

НЕЙРАТ. Положение немцев в протекторате не было привилегированным, в том смысле, что оно было связано с какими-либо реальными привилегиями и преимуществами по сравнению с чехами, просто это было совершенно иное положение. Немцы стали гражданами империи и тем самым получили права граждан империи, т.е., например, они имели право выбора в рейхстаг. Чехи этого права выбора в рейхстаг не имели, что вполне понятно, при существовавших тогда разногласиях... различии между чешским и немецким народом. Каких-либо фактических привилегий, связанных с положением немцев в протекторате, никогда не существовало. Стремления к привилегированному положению в шовинистических партиях и среди народа, конечно, имелись. Однако, я всегда со всей строгостью выступал против этого, препятствуя их практическому осуществлению. Однако, я хотел бы здесь еще раз подчеркнуть, что чешский народ никоим образом не рассматривал себя, как народ подчиненный в каком-либо отношении немцам. Речь шла только о другом народе, который в политическом и культурном отношении должен был рассматриваться в соответствии со своими особенностями. Это было также причиной сохранения так называемой автономии, которая означало не что иное, как разделение обеих национальностей в интересах охраны самобытной жизни чехов, а то, что эта автономия должна была сохраниться в существующих рамках, необходимых империи во время войны, - это ясно.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я хотел бы коснуться отдельных вопросов чешского обвинения, или лучше сказать, чешского доклада, который является основой обвинения. В нем утверждается, будто бы всякая свобода слова подавлялась властями. Верно ли это? И какую роль в обращении с прессой играл г-н фон Грегори?

НЕЙРАТ. Г-н фон Грегори был пресс-атташе при германской миссии в Праге и подчинялся министерству пропаганды. Затем он руководил моим отделом прессы, в моем ведомстве, контролируя чешскую прессу, согласно указаниям министерства пропаганды в Берлине. Чешская пресса, без сомнения, была так же мало свободна, как и немецкая. Контроль над изданием и иные постановления, в том числе и постановления, относящиеся к цензуре, были одинаковыми.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В чешском обвинительном докладе далее содержится обвинение в том, что местная чешская администрация была распущена, а затем частично занята чиновниками и муниципальными советниками, которые были чешскими или немецкими коллаборационистами. Верно ли это?

НЕЙРАТ. Это общины со значительным национальным немецким меньшинством и в первую очередь это относится к Моравии. То, что они получили представительство в местных управлениях, кажется мне само собой понятным. В Праге, например, имелся чешский бургомистр и немецкий вице-бургомистр. Против этого вряд ли что-либо можно было возразить. Если посягательство немцев в отдельных округах или в городах распространялось на сотрудничество в местных управлениях в таком об"еме, который казался неоправданным их численностью, - я вмешивался и запрещал это. В тех районах, где население состояло исключительно

H1208 – 0094

H1208 – 0095

из чехов, как, например, в Западной Богемии, в муниципальных управлениях вообще не имелось немецких представителей. С другой стороны, существовали районы, например, район Иглау, где немцы преобладали в численном отношении, а, следовательно, и по влиянию.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В докладе чешского обвинения Вам ставится в вину, то, что Вы германизировали чешскую администрацию путем назначения оберландратов. При этом ссылаются на слова, якобы, сказанные Вами Бинерту, бывшему президенту Богемии: "Все это мы должны переварить в течение двух лет".

НЕЙРАТ. Такого высказывания я не помню, я даже не могу себе представить, чтобы я мог это сказать. В этом пункте речь идет об унификации чешской и немецкой администрации. Оберландраты назначались не мной, а были введены имперским правительством как контрольная инстанция, которая была организована по распоряжению от 1 сентября 1939 года о построении немецкой администрации и полиции безопасности.

Когда старшие земельные советники приходили ко мне с докладами, я всегда им говорил, что они не должны сами управлять, а должны лишь осуществлять контроль. Чешский ~~перед~~ метод администрации был во многих отношениях лучше, чем немецкий.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В этом отношении разрешите сослаться на документ 149 моей книги документов. Это распоряжение о построении администрации и германской полиции безопасности от 1 сентября 1939 года. В параграфах пятом и шестом говорится о назначении и задачах этих оберландартов. Цитировать, пожалуй, не стоит.

Чешское обвинение приводит далее одно высказывание г-на Бинерта, которому, по его словам, Вы сказали по

вопросу координации чешской администрации, следующее: "нужно действовать строго, потому что сейчас война". Бинерт во время допроса заявил, что целью этих мер, т.е. координации чешской и немецкой администрации, было обеспечить Германии спокойный тыл. Пожалуйста, выскажетесь по этому вопросу.

НЕЙРАТ. Возможно, что я сказал Бинерту что-либо подобное. Сегодня я не могу этого вспомнить. Само собой понятно, что в области администрации, как и во всякой другой, также и в протекторате все проходило под знаком военной необходимости. Ограничение автономии чешского местного управления следует понимать лишь с этой точки зрения. То, что я стремился поддерживать спокойствие в стране в интересах империи и тем самым в общих интересах, не может быть мне поставлено в вину. В остальном я должен заметить, что введение ограничений автономии было вполне определенно предусмотрено уже в указе об основании протектората.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Разрешите в этой связи сослаться на 144 документ моей книги документов № 5. Это текст указа фюрера и рейхсканцлера о протекторате Богемии и Моравии от 16 марта 1939 г. В статье 11-й указывается на то, что империя может брать в свои руки отдельные области администрации в протекторате.

Чешское обвинение далее ссылается на показание бывшего чехословацкого министра Павелки о преследовании чешских легионеров первой мировой войны, занимавших ответственные посты. Что Вы можете сказать нам по вопросу о легионерах?

НЕЙРАТ. Чешский легион был основан в России во время

H1208 – 0096

H1208 - 0097

первой мировой войны. Он состоял частично из добровольцев, частично из остатков чешских полков, принадлежавших старой австро-венгерской армии. Это были военнопленные в России. Эти чешские легионеры после основания чешской республики находились в известной степени на особом положении. Часть из них отличалась сильным шовинистическим настроением, враждебным германской империи, которое осталось еще со времен национальной борьбы. Таким образом легионеры в Богемии могли представлять собою известную опасность в политически неспокойные времена. С этим особым положением, которое занимали легионеры, в общем постоянно боролись сами чехи в протекторате.

Поэтому, в частности, Франк стремился к тому, чтобы удалить легионеров с общественных должностей. Однако, это происходило лишь в крайних случаях и при том лишь тогда, когда эти члены чешского легиона в свое время вступили в него добровольно, т.е. не служили в бывшей австро-венгерской армии. Я был с самого начала за соблюдение этого различия, которое приблизительно соответствует тому различию, которое делается сейчас между добровольными членами СС и войсками СС в Германии.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Чешское обвинение далее ставит Вам в вину оказание поддержки чешско-фашистской организации - "Влайка". При этом оно ссылается на меморандум, который Вы сами составили относительно одной беседы с Гаха - президентом Чехословакии, 26 марта 1940 г. Согласно этому меморандуму, Вы сказали Гаха, что хотя личные и моральные качества руководителей "Влайка" известны Вам очень хорошо, Вы все же должны констатировать, что это движение, эта организация является единственной, которая положительно относится к

Германской империи и готова к сотрудничеству с нею. Можете ли Вы пояснить это обстоятельство?

НЕЙРАТ. Движение "Влайка" было тем же, что во Франции называлось коллаборационизмом. Члены его работали в интересах чешско-германского сотрудничества, причем задолго до того, как был создан протекторат. Его руководители, однако, по моему мнению, были очень сомнительными личностями, как я об этом сказал в только что цитированных словах, обращенных к Гаха. Они угрожали и ругали, между прочим, также и президента Гаха и членов чешского правительства. Статс-секретарь Франк знал этих людей очень давно и, учитывая свое прежнее сотрудничество с ними, хотел их поддерживать. Однако я отклонил это так же, как и различные ходатайства этих людей о том, чтобы я их принял.

Однако, возможно, что Франк оказывал им материальную поддержку при помощи денежных фондов, выделенных ему Гитлером без моего ведома, с обязательством ничего не сообщать мне.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Как относились Вы к роспуску партий, политических партий и профсоюзов?

НЕЙРАТ. Это было так же, как и контроль над прессой, необходимостью, которая вытекала из системы - из политической системы империи. Во всяком случае благодаря мерам, принятым президентом Гаха и, несмотря на меры, принимавшиеся с германской стороны, ни одна страна не испытывала так мало нужд во время войны, как протекторат. Чешскому народу, единственному во всей Центральной и Восточной Европе, удалось сохранить народный, культурный и экономический уровень почти в полном об"еме.

14257

H1208 – 0098

H1208 – 0099

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Теперь я перехожу к пункту обвинения относительно минимого культурного гнета. Что можете Вы сказать относительно чешского народного образования?

НЕЙРАТ. Чешские университеты и иные высшие школы, как уже упоминалось, были закрыты в ноябре 1939 г. по приказу Гитлера. Я неоднократно, по желанию президента Гаха и правительства протектората, непосредственно говорил с Гитлером, пытаясь добиться от него их открытия. Однако, ввиду того преобладающего влияния, каким пользовался г-н Гиммлер, я не имел никакого успеха. Закрытие университетов, естественно, имело своим следствием то, что большое количество молодых людей, которые учились бы в них, - теперь должны были искать себе физической работы. Закрытие высших школ неизбежно оказало действие и на средние учебные заведения. После отделения Судетской области в 1938 г. они и так были сильно перегружены, потому что вся чешская интеллигенция из этой области вернулась в область, где говорят по-чешски, то-есть в будущий протекторат. Для молодежи из средних школ поэтому больше не было никакого занятия. Это приблизительно такое же явление, какое сейчас имеет место в Германии.

О закрытии чешских народных школ и иных планомерных усилий ограничить возможность культурного образования для чешской молодежи - мне ничего не известно.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Вы сами одобряли закрытие чешских школ, приказ о которой дал Гитлер?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Людингхаузен, он сказал, что он пытался путем своего вмешательства препятствовать Выполнению приказа Гитлера.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Если этого достаточно для Суда, то он может не отвечать на этот вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А разве Вы не считаете, что этого вполне достаточно?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я хотел только уточнить, но если этого достаточно Суду, для выяснения его отношения к этому вопросу, то меня это вполне удовлетворяет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ответ не будет более точным, если его повторить дважды.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я думаю этого достаточно. /Обращается к подсудимому./ Известно ли Вам что-либо об упомянутом в чешском докладе так называемом плане превращения чехов в массу рабочих и уничтожения их интеллигенции?

НЕЙРАТ. Нет, по моему мнению, только сумасшедший мог бы сказать что-либо подобное.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Чешское ~~обвинение-зак~~ обвинительное заключение или же доклад утверждает, что с помощью Вашего учреждения или при Вашем молчаливом согласии и одобрении производилось закрытие и разграбление чешских научно-исследовательских институтов. На странице 58 немецкого текста и на странице 155 английского перевода доклада, СССР-60 сказано:

"Немцы заняли все высшие школы и научные институты. Они немедленно завладели ценными аппаратами, инструментами

14259

H1208-0100

H1208 – 0101

и предметами научного оборудования в занятых институтах. Научные библиотеки систематически и методически разграбляли, научные книги и фильмы уничтожали или увозили. Архивы академического сената, высшей университетской инстанции, были изорваны или сожжены, а картотека разорена и пущена по ветру".

Что Вы можете сказать в связи с этим?

НЕЙРАТ. Я могу сказать об этом лишь то, что о разграблении и о разрушениях, подобных описанному, мне не было ничего известно ни в Праге, ни после этого. Чешские институты при высших школах были закрыты по приказу Гитлера в 1939 году вместе с университетами. Здания и оборудование пражского университета, насколько я знаю, были частично предоставлены для нужд немецкого университета, который в свое время был закрыт чехами, поскольку после закрытия высших школ они не могли быть использованы чехами для научно-исследовательских целей...

ЛАДИНГХАУЗЕН. Известно ли Вам что-либо о том...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не понял этого ответа. Что значит фраза: "Здания, частично, были предоставлены для немецких университетов, которые были закрыты в свое время чехами"?

НЕЙРАТ: В Праге существовал один из старейших немецких университетов; после той войны он был закрыт чехами, а после создания протектората он был вновь открыт и этот немецкий университет, насколько я знаю, частично использовал здания и оборудование чешского университета.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Известно ли вам, что-либо, кроме этого об увозе научного оборудования, коллекций, произведений искусств и тому подобных предметов?

НЕЙРАТ: Единственный случай, о котором мне стало известно, относится к увозу имевших историческую ценность гобеленов из дворца Мальтезе в Праге. Они были увезены одним из сотрудников министерства иностранных дел в Берлине, якобы, по распоряжению начальника протокольного отдела и причем ночью тайно, без моего ведома или ведома моего учреждения. Я, как только об этом узнал, тотчас же стал требовать от министерства иностранных дел возврата этих вещей. Были ли они возвращены, - я не знаю, - это было уже в 1941 г.,а я вскоре покинул Прагу. О других случаях я ничего не знаю, и вообще я особым распоряжением запретил вывоз произведений искусства из протектората в империю.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Разрешите, в связи с этим, представить выдержку из допроса бывшего статс-секретаря Франка 10 июня 1945 г., это документ № 152 моей книги документов № 5. И я прошу принять к сведению это высказывание.

Что стало с мебелью и произведениями искусства, которые принадлежали чешскому государству и были использованы для украшения дворца в Праге, который вы занимали?

11261

H1208-0102

H1208 – 0103

НЕЙРАТ: Это здание занималось ранее чешским министром иностранных дел. Предметы обстановки, из которых некоторые представляли ценность, принадлежали чешскому государству. Так как на эти предметы не имелось никакой инвентарной описи, я перед своим в"ездом в эту квартиру осенью I939 г. привлек чешского директора городского управления и чешского историка профессора Штреки для составления точной инвентарной описи, один экземпляр которой находился в моем учреждении, а другой - в городском управлении. При моем от"езде из Праги осенью I94I г. я распорядился, чтобы мой бывший дворецкий в присутствии представителя городского управления и профессора Штреки снова составил протокол о том, что все те вещи, которые упомянуты в этой инвентарной записи, находятся на месте.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, что нам не интересны подробности этой инвентаризации, но я хочу выяснить один вопрос. Согласно поступившему переводу эта инвентаризация была проведена осенью I938 года, это правильно?

НЕЙРАТ: Нет, в I939 году. Далее, я хотел лишь упомянуть ~~ещё~~, что из этих вещей я, конечно, ничего не взял себе.

ЛЕДИНХАУЗЕН: Другой пункт чешского обвинения касается конфискации так называемых домов Массарика в различных городах и разрушения памятников Массарика и других чешских исторических личностей. Что вы знаете об этом?

НЕЙРАТ: Во время моей деятельности некоторые дома Массарика были закрыты полицией, как центры антинемецкой пропаганды. Разрушение или удаление памятников Массарика и других чешских национальных памятников я категорически

запретил. Кроме того, я разрешил приносить венки на могилу Массарика в Ланах, что было запрещено Франком. Так происходило постоянно.

ЛЮДИНХАУЗЕН: Далее утверждается, что чешская литература подвергалась чрезвычайным преследованиям?

НЕЙРАТ: Разумеется печатание и распространение антинемецкой чешской литературы было запрещено, также, как распространение английских и французских произведений было запрещено по всей империи во время войны. Все меры в связи с этим принимались, собственно говоря, на основании прямых указаний министерства пропаганды. Но во время моей деятельности существовали еще весьма многочисленные чешские издательства и книготорговцы, которые, как и прежде, в большом количестве печатали и распространяли книги чешских авторов. Выбор чешских книг у книготорговцев был значительно больше, чем выбор немецких произведений.

ЛЮДИНХАУЗЕН: Можно ли, вообще, говорить о подавлении чешской системы образования, театров, кино и т.д., как это делает Обвинение.

НЕЙРАТ: Об ограничении чешской культурной автономии, кроме вопроса о высших школах, не могло быть и речи. В Праге постоянно функционировало много театров различного характера, в частности, чисто чешская опера и много драматических театров. Наоборот, имелся лишь один постоянный немецкий театр, в котором происходили ежедневные представления. Попрежнему ставилось большое количество чешских драматических произведений и опер. То же самое относится и к музыке. Знаменитая чешская филармония

14263

H1208-0104

H1208 – 0105

в Праге занималась преимущественно чешской музыкой и была совершенно свободна в выборе произведений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Людинхаузен, нас не интересуют подробности. Подсудимый сказал, что театры и кино-театры действовали, а из немецких театров был открыт только один. Дальнейшие подробности нас не интересуют.

ЛЮДИНХАУЗЕН: Я говорю об этом потому, что этот пункт довольно подробно излагается в обвинении.

Каково положение было с кинопромышленностью?

НЕЙРАТ: То же самое, она была очень активна.

ЛЮДИНХАУЗЕН: Я хотел бы теперь перейти к подавлению свободы религии, что ставится вам в вину чешским Обвинением. Обвинительное заключение говорит здесь о волне преследования церкви, которое началось немедленно после оккупации территории германскими войсками. Как обстояло дело с этим?

НЕЙРАТ: О планомерном преследовании церкви не может быть и речи. Население было совершенно свободно в отправлении религиозных обрядов. Ограничения такого характера я бы не потерпел ни в коем случае. Бывший помощник статс-секретаря Бургсдорф уже говорил здесь об этом пункте. Возможно, что в отдельных случаях, некоторы религиозные процессии и паломничества запрещались полицией, хотя я точно и не помню этого. Однако, это делалось лишь потому, что определенные процессии с несколькими тысячами участников могли быть использованы для политических демонстраций, во время которых могли быть произнесены антинемецкие речи. Это и бывало неоднократно, о чем мне было известно. То, что был арестован ряд духовных лиц, особенно при упомянутой акции в начале войны - это верно. Однако, эти аресты производились не

потому, что речь шла о духовных лицах, а потому, что они были активными политическими противниками или политически подозрительными лицами. Именно в таких случаях я особенно категорически выступал за их освобождение. Мое личное отношение к пражскому архиепископу было крайне корректным и дружественным. Он и архиепископ Ольмоца, как я точно помню, благодарили меня за мое выступление в пользу церкви. Всякие меры, направленные против еврейских религиозных обрядов, я противодействовал и все синагоги до моего ухода, т.е. до сентября 1941 года были открыты.

14265

H1208 – 0106

H1208 - 0107

ЛЮДИНГХАУЗЕН: В связи с этим я хотел бы еще задать вопрос о положении евреев в протекторате. Что Вы можете сказать нам об этом?

НЕЙРАТ: Юридическое положение евреев должно было быть таким же, как положение евреев в Германии на основании указаний из Берлина. Указание об этом было мною получено уже в начале апреля 1939 года. Путем всевозможных запросов в Берлине я добился того, что вступление в силу законов было затянуто до июня 1939 года, чтобы таким образом дать возможность евреям подготовиться к угрожающему введению законов. Затем в протекторате были введены так называемые нюрнбергские законы. Евреи тем самым удалялись из общественной жизни и с руководящих постов в экономической жизни; однако аресты были немногочисленны, как были немногочисленны и эксцессы в отношении евреев, которые имели место лишь в редких случаях. Лагерь в Терезиенштадте был создан лишь спустя много времени после того, как я ушел со своего поста в Чехословакии. Я также препятствовал созданию других концентрационных лагерей в протекторате.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Обвинением ставится Вам лично в вину проведение различных антиеврейских мероприятий. Обвинение утверждает, что Вы сперва поручили чешскому правительству, то-есть автономному правительству, проведение нюрнбергских законов, а после того как премьер-министр Элис отказался сделать это, Вы сами приняли соответствующие меры?

НЕЙРАТ: Как я только что упомянул, введение в силу законов о евреях произошло по прямому указанию Гитлера и соответствующих инстанций из Берлина.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Лэдингхаузен, почему Вы вновь повторяете все это? /Пауза/.

Ведь подсудимый дал показания, относительно того, что ему удалось, затянуть вступление в силу этих законов, до июня 1939 года и что потом были введены так называемые нюрнбергские законы. Он также указал и на те ограничения, которые, как он говорит, им вводились. Затем Вы зачитываете ему этот чешский отчет и, очевидно, хотите, чтобы он снова и снова повторял свой ответ. Уже четверть двенадцатого.

ЛЭДИНГХАУЗЕН: Хорошо. Будем считать, что первый ответ на этот вопрос был исчерпывающим.

Теперь относительно конфискаций. Чешское обвинение далее ставит Вам в вину роспуск организаций "И.М.К.А." и "И.В.К.А." и конфискацию их имущества в пользу германских организаций.

НЕЙРАТ: Я должен сказать, что об этих конфискациях я не помню ровно ничего и если роспуск и конфискация произошли до того, как я ушел со своего поста, то это в крайнем случае могло быть какой-либо полицейской мерой.

ЛЭДИНГХАУЗЕН: Чешское обвинение далее говорит о ликвидации чешской экономики и систематическом разграблении чешских запасов сырья, обвиняя Вас также и в этом. Как обстояло дело?

НЕЙРАТ: С созданием протектората чешская экономика автоматически была почти полностью включена в обще-германскую экономику. Экспорт, на который чешская промышленность работала в очень значительном об"еме, отпал вследствие войны, то-есть его место занял экспорт в империю. Чешская тяжелая

14267

H1208-0108

H1208 – 0109

промышленность, особенно заводы Шкода и промышленность вооружений, как чисто военная промышленность, стала использоваться уполномоченным по четырехлетнему плану для усиления германского вооружения.

Я, особенно вначале, старался избежать распродажи продукции, производимой в протекторате, что было бы в ущерб населению. Эффективным средством для этого было сохранение таможенной границы с империей. После ожесточенных столкновений с хозяйственными ведомствами в Берлине мне удалось добиться сохранения таможенной границы, отмеченной указом от 16 марта 1939 года, до октября 1940 года, то-есть еще в течение полутора лет после создания протектората. Мне кажется, что мне также ставится в вину то, что я, якобы, ответственен за вывоз сырья и тому подобных вещей. Относительно этого я могу лишь сказать, что подобные меры проводились исключительно учреждениями, подчиненными уполномоченному по четырехлетнему плану.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Разрешите в этой связи указать на уже предоставленный указ от 16 марта 1939 года под № 144 моей книги документов № 5, статьи 9-в и 10-в этого указа.

Далее Вам ставится в вину, что был установлен следующий курс кроны в марках - 1 : 10, так как тем самым создавались благоприятные условия для распродажи чехословацкого имущества. Ответственны ли Вы за введение такого курса?

НЕЙРАТ: Нет. В указе о создании протектората от 16 марта 1939 года, в составлении которого я совершенно не участвовал, сразу было установлено, что курс валюты будет определен имперским правительством. Насколько я знаю, такой же курс существовал еще до присоединения Судетской области

к империи, и был таким образом обычным на бирже и в обращении. Должен был быть установлен официальный курс, что и было сделано этим указом, который был издан берлинскими инстанциями.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Разрешите в связи с этим сослаться на уже цитированный указ от 16 марта за № 144 в моей книге документов № 5, в частности на статью 10-в, в которой сказано: "соотношение обоих валют - немецкой и чехословацкой определяет имперское правительство".

Затем Чехословацкое обвинение указывает на то, что, якобы, даже с чешской железнодорожной сети снимались рельсы и пересылались в Германию. Знаете ли Вы что-нибудь об этом?

НЕЙРАТ: Об этом я ничего не знаю и считаю, что это абсолютно ошибочно. Я знаю лишь, что в 1940 году между имперскими железными дорогами и чешской государственной железной дорогой велись переговоры относительно предоставления железнодорожных вагонов и паровозов во временное пользование. Однако обязательным условием было то, чтобы протекторат мог обойтись без этих вагонов. Вообще наблюдение за железными дорогами в Чехословакии находилось не в моем ведении, а непосредственно в ведении министерства путей сообщения в Берлине.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: В этой связи я указываю на статью 8-в упомянутого только что указа № 144 в моей книге документов № 5.

Далее утверждают, что имперский комиссар при пражском национальном банке приостановил все заграничные платежи и конфисковал все наличные запасы девизов и валюты. Имели ли Вы к этому какое-либо отношение?

14269

H1208 - 0110

H1208 - 0111

НЕЙРАТ: К этому я не имел ровно никакого отношения. Имперский комиссар при пражском национальном банке был назначен непосредственно рейхсбанком в Берлине, или вернее министерством финансов, и получал оттуда указания.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Чешское обвинение утверждает далее, что вы виновны или вместе с другими лицами несете ответственность за отчуждение чешских банков и промышленных предприятий в пользу германской экономики.

НЕЙРАТ: Немецкие банки, а также частично немецкая промышленность, были в значительной степени заинтересованы в том, чтобы проникнуть в экономику протектората. Этот интерес существовал задолго до создания протектората. Прежде всего крупные немецкие банки использовали возможность для получения чешских акций и, таким образом, большинство акций двух чешских банков вместе с их интересами в промышленности совершенно законным образом перешли в немецкие руки.

Что касается союзного банка, упоминающегося также в Обвинительном заключении, то я знаю случайно, что инициатива исходила не с немецкой стороны, а со стороны самого чешского союзного банка.

Однако ни я, ни мое учреждение не содействовали этому развитию. Вообще все эти учреждения имели чешских генеральных директоров, а немецких чиновников в них насчитывались единицы. Большинство ремесленных предприятий, как и прежде, оставались исключительно чешскими.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Как обстояло дело с так называемыми насильственными мерами в отношении чешского сельского хозяйства, о которых говорит Обвинение. Что Вы можете сказать об

этом, о принимавшихся Вами мерах и о Вашем отношении к чешскому сельскому хозяйству?

НЕЙРАТ: Эта глава относится к комплексу уже упоминавшихся планов партии и СС относительно германизации. Инструментом этой немецкой политики колонизации должно было послужить чешское земельное управление, которое само по себе являлось чешским учреждением, существовавшим еще со времен чешской аграрной реформы. Господин Гиммлер назначил тогда СС фюрера в земельное управление.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Лэдингхаузен, Трибунал не желает знать всех подробностей. Очевидно, в чешском отчете говорится о проведении насильственных мер в сельском хозяйстве. Подсудимый сказал, что если это и имело место, то это проводилось только партией, а он не имеет никакого отношения к этому. Зачем он так подробно касается вопроса истории сельского хозяйства в Чехословакии? Трибунал считает, что Вы не должны больше заниматься этим вопросом.

ЛЭДИНГХАУЗЕН: Я хотел выяснить лишь, что персонал этого управления, которое проводило нацистскую политику, был заменен Вами, в результате долгой борьбы. Я считаю существенным, что Вам удалось этого достигнуть. Господин председатель, я хочу сделать замечание общего порядка.

Я сказал вчера, что мой допрос будет продолжаться еще один час, но вчера, когда я ушел с заседания, я получил еще одну книгу документов, относящихся к обвинению, что вынудило меня более подробно обсудить здесь некоторые вопросы. Этих причин я не мог предусмотреть и поэтому мой допрос продолжится несколько дольше.

14271

H1208 – 0112

H1208 - 0113

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В настоящий момент Трибунал ничего не говорит о времени. Я спрашиваю только, почему Вы опять ставите этот вопрос подсудимому. Он ведь сказал, что не имел никакого отношения к этому.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Нет, он имел отношение к этому, поскольку все это осуществлялось через земельное управление.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если он имел какое-либо отношение к этому вопросу, то пусть он даст свои об"яснения. По-моему он сказал, что это проводилось только партией и СС.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Да, но он сказал, что это проводилось через земельное управление и что он этому препятствовал. Может быть, Вы кратко выскажетесь по этому вопросу, господин фон Нейрат?

НЕЙРАТ: Я думаю, что после об"яснения господина председателя, это едва ли нужно. Я, действительно, не имел прямого отношения к земельному управлению. Я лишь добился того, что был удален руководитель этого учреждения, который был СС-овцем.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Производилась ли насильственная высылка рабочих в империю во время Вашей деятельности в качестве протектора?

НЕЙРАТ: Нет. Я скажу по этому вопросу кратко. Принудительного труда вообще не существовало в то время, пока я был протектором. Существовало распоряжение о трудовой повинности, изданное правительством протектората, на основании которого молодых мужчин призывали для выполнения неотложных работ общественного значения в протекторате.

Насильственной высылки рабочих в империю при мне не

производилось. Большое количество молодых людей добровольно заявляло о своем желании поехать в Германию на работу, так как условия труда и оплата были там лучше, чем в протекторате.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Теперь последний вопрос. Чем была вызвана Ваша отставка с поста протектора?

НЕЙРАТ: Я хотел бы сначала сказать о том, почему я вообще оставался на этом посту так долго, несмотря на все события и трудности. Причиной являлось то, что я, как тогда, так и теперь убежден, что я должен был оставаться до тех пор, пока это не задевало мою совесть для того, чтобы воспрепятствовать тому, чтобы эта страна, доверенная Германии, окончательно попала под господство СС.

Всему тому, что произошло после моего ухода в 1941 году в этой стране, я фактически препятствовал своим присутствием, и хотя я был очень связан в своих действиях, я думаю, что, оставаясь на этом посту, я принес пользу не только своей собственной стране, но и, прежде всего, именно чешскому народу. И сегодня при таких же условиях я не стал бы действовать иначе.

Я думал, что именно во время войны, я лишь в крайнем случае, могу покинуть такой трудный и ответственный пост. Экипаж корабля не спасается в трюм и не прячет руки в карманы, если корабль попадает в опасность.

То, что я не мог выполнить на 100 процентов желания чехов, поймет всякий, кто когда-либо был вынужден практически, а не только теоретически делать политику. Я думаю, что, оставаясь упорно на своем посту, я воспрепятствовал многим несчастьям, которые после моего ухода обрушились на

14 273

H1208 – 0114

H1208 – 0115

чешский народ. Это мнение было распространено также и в широких кругах чешского населения, как я мог заключить из большого количества писем, которые потом мне оно присылало.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Каким же образом дело дошло до Вашего ухода с поста?

НЕЙРАТ: 23 сентября 1941 года Гитлер позвонил мне по телефону и сказал, что я должен немедленно явиться в главную ставку. Там он мне заявил, что я слишком мягок в обращении с чехами и так продолжаться не может. Он теперь решил провести более строгие меры против чешского движения сопротивления и для этой цели он решил послать известного обергруппенфюрера Гейдриха в Прагу.

По мере сил я пытался отговорить его от принятия этого решения. Однако, это не имело у спеха. Тогда я попросил уволить меня в отставку, так как за действия Гейдриха в Праге я никоим образом не мог нести ответственности.

Гитлер отклонил мою отставку, однако, предложил мне пойти в отпуск. Я вылетел обратно в Прагу, а на следующий день к себе на родину. В тот же час, когда я покинул Прагу, туда прибыл Гейдрих. Я написал тогда Гитлеру письмо из дому и еще раз потребовал своей немедленной отставки. Не получив ответа, несмотря на напоминание, я повторил свое ходатайство и одновременно заявил, что я ни в коем случае не вернусь в Прагу, что я ни в коем случае не вернусь в Прагу, что я распустил персонал своей канцелярии и отказываюсь далее занимать пост имперского протектора. Официально я был уволен с поста протектора, лишь в августе 1943 года.

14274

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Господин председатель, разрешите мне закончить допрос подсудимого фон Нейрата короткой цитатой из чешского отчета?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: /обращаясь к подсудимому/: Был ли тот факт, что Вы уходите в отпуск сообщен публично?

НЕЙРАТ: Да.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Я как раз хочу это процитировать, господин председатель. В чешком докладе говорится следующее:

"Наконец, когда во второй половине сентября подпольный чешский революционный комитет с помощью британских радиостанций ВВЦ начал успешный бойкот против контролируемой немцами прессы, - немецкие власти использовали этот случай для того, чтобы нанести чехословацкому народу сильный удар. 27 сентября 1941 года пражское радио сообщило следующее:

"Имперский министр, имперский протектор Богемии и Моравии, барон фон Нейрат, счел необходимым просить фюрера о длительном отпуске для восстановления своего расшатанного здоровья".

И в заключение сказано: "При таких обстоятельствах фюрер согласился выполнить эту просьбу имперского протектора и поручил обергруппенфюреру СС Гейдриху исполнение обязанностей имперского протектора на время болезни имперского министра фон Нейрата".

Тем самым я заканчиваю допрос, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И затем, начиная с сентября 1941 года и до октября 1943 года, Вы жили в своем собственном имении?

НЕЙРАТ: Да, господин председатель.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Я закончил свой допрос.

14275

H1208-0116

H1208-0117

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас мы сделаем перерыв.

/Перерыв на 10 минут/

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хотят ли другие защитники допросить подсудимого?

/К микрофону подходит доктор Кубушок, защищающий подсудимого фон Папена/.

КУБУШОК: Известно ли Вам, что господин фон Папен непосредственно перед выходом Германии из Лиги Наций поехал вслед за Гитлером в Мюнхен для того, чтобы убедить Гитлера в том, что следует остаться в Лиге Наций?

НЕЙРАТ: Да, это мне известно. Я даже сам советовал ему это сделать.

КУБУШОК: Скажите, выступал ли господин фон Папен, будучи рейхсканцлером в 1933-1934 году, против враждебных действий по отношению к Австрии? Например, выступал ли он против введения пошлин в размере 1000 марок?

НЕЙРАТ: Да, и он и все другие министры, в том числе и я все время возражали против этого.

КУБУШОК: Скажите, говорил ли Вам Гитлер о том, что эта позиция Папена по австрийскому вопросу побудила его возложить на Папена миссию в Вене после убийства Дольфуса?

НЕЙРАТ: Да, Гитлер говорил об этом.

КУБУШОК: Говорил ли Вам Гитлер о том, почему он направил Папену письмо от 26/УП-1934 года, в котором говорилось о том, что он посылает фон Папена в Австрию?

НЕЙРАТ: Да. Видите ли, это происходило следующим образом. Когда Гитлер сказал мне о своем намерении послать Папена в Вену, я возразил ему, сказав, что для того, чтобы он вообще пользовался там авторитетом, после событий 30 июля, отношения между Гитлером и фон Папеном должны быть выяснены публично. Очевидно, этим и было вызвано то письмо, которое здесь цитировалось.

КУБУШОК: В 1937 году Вы посетили австрийское правительство, причем в это время там происходили демонстрации. Явились ли эти манифестации неожиданностью для Вас и для господина фон Папена, приветствовали ли Вы их?

НЕЙРАТ. Для меня эта демонстрация была полной неожиданностью особенно вследствие ее огромных масштабов, и она отнюдь не была мне приятна, поскольку это бросало некоторую тень на мое собеседование с г-ном Шушнигом.

КУБУШОК. Последний вопрос. Перед тем, как было образовано правительство Шлейхера, 2 декабря 1932 года, состоялось заседание кабинета. Накануне Гинденбург поручил фон Папену распустить парламент на каникулы и создать новое правительство. Правильно ли, что фон Папен сделал по этому вопросу доклад в кабинете и что Шлейхер в ответ на этот доклад заявил ему, что это приведет к гражданской войне и что вооруженные силы армии недостаточны для того, чтобы воспрепятствовать этой гражданской войне?

НЕЙРАТ. Да, я это точно припоминаю. Мы все были несколько удивлены этим заявлением Шлейхера, но оно было настолько обосновано, что мы должны были считать его правильным.

КУБУШОК. Спасибо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хотят ли другие защитники допросить подсудимого?

/ нет ответа /

Желает ли кто-либо из представителей Обвинения допросить подсудимого?

/К микрофону подходит представитель английского Обвинения/.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Приблизительно в то время, о котором Вас только что спрашивал доктор Кубушок, во второй половине 1932 года, знали ли Вы о том, что президент фон Гинденбург, подсудимый фон Папен и генерал фон Шлейхер обсуждали вопрос о том, как лучше поступить с нацистской партией?

14277

H1208 - 0118

H1208 – 0119

НЕЙРАТ. Нет, я уже говорил о том, что я не имел никакого отношения к этому и вообще ничего не знал об этих переговорах. Я подчеркиваю это.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я сейчас хочу только выяснить этот вопрос, я не говорю, что Вы присутствовали при этих переговорах. Но разве Вы не знали о том, что Президент, подсудимый фон Папен и генерал фон Шлейхер занимались вопросом о том, как действовать в отношении нацистской партии? По их мнению необходимо было срочно решить этот вопрос. Не так ли?

НЕЙРАТ. Да, это я знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Подсудимый, не думайте, что я предполагаю, что Вы принимали участие в этих переговорах. Правда, возможно Вы и принимали в них участие, и позднее я выясню все предположения. Но Вы знали, что в конце-концов президент фон Гинденбург, подсудимый фон Папен и генерал фон Шлейхер пришли к решению, что должно быть создано правительство, опирающееся на консервативные элементы, во главе с Гитлером в качестве канцлера. Итак, это был их план, на котором они окончательно остановились? Не правда ли? Я предполагаю, что Вы знаете об этом.

НЕЙРАТ. Нет, план был не совсем таков. В то время, о котором Вы говорите, речь шла лишь о том, что следует включить нацистскую партию в правительство.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Но в конце-концов, когда нацистская партия пришла к власти 30 января 1933 года, их план заключался в том, что она будет использована в интересах консервативных элементов. Такова была идея президента фон Гинденбурга, не правда ли?

НЕЙРАТ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. И Вы были одним из предста - вителей таких устойчивых консервативных элементов в то время, если я Вас правильно понял?

НЕЙРАТ. Да, здесь же говорилось о том, что президент фон Гинденбург специально выразил свое желание, чтобы я оставался там.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Для того, чтобы правительство Гитлера, оставалось миролюбивым и достойным уважения? Не правду ли я сказал?

НЕЙРАТ. Да. Для того, чтобы вообще помешать революционному движению Гитлера слишком решительно проводить свои методы в правительстве.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Подсудимый, Вы уже сказали нам, что до этого Вы были дипломатом. Скажите, когда Вы стали министром, не думали ли Вы о том, что Вы, как имперский министр, несете некоторую ответственность за то, чтобы правительство оставалось миролюбивым и способным снискать уважение к себе.

НЕЙРАТ. Да, конечно. Вопрос заключался только в том, было ли мое влияние достаточно велико для этого.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я не хочу слишком детально разбирать Ваши планы и намерения, но я хочу выяснить один вопрос.

Понимали ли Вы, что Ваше участие в правительстве будет восприниматься всей Европой как знак того, что Вы одобряете проводимую правительством политику и разделяете ответственность за все действия этого правительства? Ведь Вы были министром иностранных дел и хорошо известным политическим

14279

H1208 - 0120

H1208 - 0121

деятелем в правящих кругах Европы?

НЕЙРАТ. Я очень сомневаюсь в этом. Может быть, на это надеялись.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо. Давайте остановимся на этом. Вплоть до ноября 1937 года Вы были вполне удовлетворены миролюбивыми намерениями правительства и его респекта - бельностью?

НЕЙРАТ. Я был уверен в мирных намерениях правительства, об этом я уже говорил. Относительно методов ....

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. А что Вы скажете о респектабельности правительства? Под этим словом я подразумеваю те общепринятые нормы благопристойности и порядочности, которых должно придерживаться любое правительство, если оно желает, чтобы его народ был счастлив и доволен. Были ли Вы удовлетворены правительством в этом отношении?

НЕЙРАТ. Я ни коим образом не был согласен с методами, в особенности с методами, применяемыми в области внутренней политики.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Сейчас я хочу ненадолго остановиться на данном вопросе. Знали ли Вы о "коричневом терро - ре", который имел место в марте 1938 года, через шесть недель после того, как было сформировано правительство?

НЕЙРАТ. Я знал только о бойкоте по отношению к евреям, больше я ничего не знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Помните ли Вы письменное показание, данное под присягой американским консулом мистером Гейст, которое было представлено в качестве доказательства - это документ № 1759-ПС, доказательство № США-420?

НЕЙРАТ. Я хотел бы посмотреть на этот документ.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, я Вам сейчас напомню об этом документе. Это очень длинное показание, но я хочу представить Вам только одну или 2 части. Мистер Гейст подробно повествует о жестоком обращении, избиениях, оскорблениях и т.д. евреев, что имело место уже в марте 1933 года. Вы знали об этом?

НЕЙРАТ. Я знаю об этих фактах. Правда, я не видел этого аффидевита, о котором Вы говорите, я не видел его, но я знаю об их событиях из жалоб иностранных дипломатических представителей. Я неоднократно обращался по этому поводу к Гитлеру и просил его позаботиться о том, чтобы это прекратилось, но деталей всего этого я не знаю.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Сейчас, не обращаясь к этому письменному показанию, скажите следующее: получали ли Вы как министр иностранных дел краткие обзоры или отчеты о том, что печатали в иностранной прессе.

НЕЙРАТ. Да, конечно, но я не знаю, получил ли я все сообщения по этому вопросу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы были послом в Англии с 1930 по 1932 г.г.,если мне не изменяет память, не так ли? И Вы знали, что "Лондонский Таймс" и "Манчестер Гардиан" были очень влиятельными газетами в Англии. Не правда ли? Независимо от того были ли Вы согласны с тем, что в них печаталось или нет.

НЕЙРАТ. Да, да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Знали ли Вы, что в апреле 1933 г. обе эти газеты были полны самых ужасных историй о

H1208 – 0122

H1208 - 0123

жестоком обращении с евреями, социал-демократами и коммунистами в Германии?

НЕЙРАТ. Да, это вполне возможно. Я теперь не припоминаю этого. Но именно на эти случаи я указывал Гитлеру, обращая его внимание на то, как реагирует на эти события за граница.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хочу показать Вам как эти газеты отзывались об этих событиях. В "Манчестер Гардиен" от 12 апреля 1933 г. говорится: "Стоит только немного внимательнее присмотреться к жизни, которая случайному наблюдателю может показаться вполне нормальной и спокойной, как Вы обнаружите в любом городе и в любой деревне следы варварства и зверств, совершенных коричневорубашечниками, причем таких зверств, подобных которым нет в наше время".

Эта газета описывает их, как "орудие бессмысленного, но систематически проводимого террора, бессмысленность которого заключается в том, что он не вызывается явной необходимостью, что и отличает их террор от революционного террора, а систематичность - в том, что он является органической частью гитлеровского режима".

Знали ли Вы, что подобные отзывы печатались в ответственных английских газетах?

Милорд, это документ Д-911, который представляет собой целый ряд выдержек; вместе с письменным показанием, данным под присягой г-ном Вурмсом будет представлен в качестве доказательства под № ВВ-512. /К подсудимому/. Знали ли Вы, что эта взятая ими линия в их политике проводилась систематически, ибо это являлась органической частью гитлеровского режима?

НЕЙРАТ. Нет, в таком смысле я этого, конечно, не знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Знали ли Вы, что в английской газете "Манчестер Гардиен", писали следующее: "Один видный немецкий консерватор, который был тесно связан с национал-социалистами - членами германского правительства и, без сомнения, сочувствовал в большей степени правым, чем левым, указал, что число жертв в апреле составило 20 тыс.человек?"

НЕЙРАТ. Нет, и этому я не верю.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Давайте посмотрим, что печаталось в германской прессе. 24 апреля 1933 г. в "Таймс", было перепечатано заявление из гамбургской газеты "Фремденблатт", в котором говорится о том, что согласно данным, полученным из официальных источников, в тюрьмах германской империи находится 18.000 коммунистов, а в Пруссии имеется 10.000 заключенных, в том числе много социал-демократов и интеллигентов. Могла ли бы эта гамбургская газета "Фремденблатт" долго пользоваться успехом, как газета, если бы она неправильно печатала данные, полученные из официальных источников при вашем правительстве в апреле 1933 г., и неправильно бы излагала положение вещей? Конечно нет, не правда ли?

НЕЙРАТ. Этого я не знаю, но я знаю, что в цифрах всегда бывает такая неразбириха.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Подсудимый, эти цифры, насколько я знаю, процитированы гамбургской газетой, как официальные данные, и затем они были вновь процитированы лондонской газетой "Таймс", которая является основной газетой Англии. Не являлись ли эти сообщения газет для Вас достаточ-

14283

H1208 - 0124

H1208 - 0125

но серьезными данными, чтобы поднять этот вопрос в правительстве?

НЕЙРАТ. Я очень сожалею, но при всем моем уважении к этим газетам, в том числе и к лондонской газете, я все-таки должен сказать, что они не всегда говорят правду.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это вполне разумное замечание. Газеты, так же как и люди, могут быть неправильно информированы. Но после того, как эти сведения об ужасных условиях получили широкое распространение-и при этом приводились такие громадные цифры - разве Вы, будучи одним из влиятельных лиц в данном правительстве, не считали, что следовало бы поднять этот вопрос в кабинете и выяснить, насколько эти сведения соответствуют действительности?

НЕЙРАТ. Откуда же Вы знаете, что я не делал этого?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вот об этом я и спрашиваю Вас. Подняли ли Вы этот вопрос в кабинете и если да, то какие были результаты?

НЕЙРАТ. Я уже ранее сказал Вам, что я докладывал об этом Гитлеру, не в кабинете, а Гитлеру.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я Вас не об этом спрашиваю. Послушайте подсудимый, мой вопрос заключается в следующем: "Почему Вы не подняли этого вопроса на заседании кабинета?" Был учрежден кабинет, в который входили консервативные элементы, для того, чтобы он вызывал уважение. Почему Вы не подняли этого вопроса в кабинете и не попытались добиться поддержки фон Папена, Гугенберга и всех других представителей консервативных элементов, входящих в кабинет, о которых мы уже слышали? Почему Вы не подняли этого вопроса?

НЕЙРАТ. По очень простой причине, потому что мне казалось, что будет гораздо более действенным, если я скажу это прямо Гитлеру.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы заявляете Трибуналу, что в апреле 1933 года, спустя приблизительно два месяца после создания правительства, Вы уже считали бесполезным ставить какие-либо вопросы на обсуждение в имперском кабинете? Разве через 2 месяца после прихода Гитлера к власти принцип фюрерства стал настолько доминирующим, что Вы не могли ста - вить этот вопрос на обсуждение в кабинете?

НЕЙРАТ. Я повторяю, и считаю, что один лишь я мог судить об этом, а я находил, что гораздо большее действие будет иметь, если я информирую об этом Гитлера лично.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо. Я понимаю. Как я полагаю, Вы не интересовались этим, но знали ли Вы о заклю - чении в концентрационные лагери кого-либо из лиц, которых я назвал фон Папену, а именно господина фон Осецкого, госпо - дина Мюзама, д-ра Германа Дюнкера или кого-либо из других писателей, адвокатов и политических деятелей левого крыла? Знали ли Вы, что они были посланы в концлагерь, откуда они никогда не возвратились?

НЕЙРАТ. Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы совсем этого не знали?

НЕЙРАТ. Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Во всяком случае, из Ваших документов видно, что когда Вы отправились в Лондон, в июне, Вы очень хорошо знали о том, как было настроено общественное мнение за границей против Германии из-за обращения с евреями

14285

H1208 - 0126

H1208 – 0127

и членами оппозиционных партий. Разве Вы этого не знали, когда поехали на международную экономическую конференцию в июне?

НЕЙРАТ. Да. Я это высказывал в моем докладе, который здесь оглашался.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Сейчас Вы говорите, что ваша реакция заключалась в том, что Вы собирались пойти к Гитлеру и выразить ему свой протест. Сейчас я хочу, чтобы Вы обратили свое внимание на имеющиеся у нас документы, которые показывают, как Вы в действительности поступили. Прежде всего разберем документ, датированный апрелем месяцем. Это документ Д-794. /Свидетелю передают документ/. Милорд, это книга документов 12-А стр.8. Я представляю его в качестве доказательства за № ББ-513. Это Ваше письмо Гитлеру, датированное 2 апреля 1933 года: "Вчера вечером итальянский посол позвонил по телефону и сообщил мне о том, что Муссолини заявил, что он готов отрицать через итальянскую организацию за границей все сведения относительно преследования евреев в Германии, которые были искажены пропагандой, если мы считаем, что это будет для нас полезным. Я поблагодарил господина Геррати от Вашего имени, и сказал ему, что мы будем рады принять его предложение. Я считаю этот дружеский жест со стороны Муссолини достаточно важным, чтобы уведомить Вас об этом".

Что, по Вашему мнению, было искажено пропагандой?

НЕЙРАТ. Я прошу прочитать. Здесь же сказано: "Сведения, искаженные пропагандой", о них и идет речь.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Именно это меня и интересует, подсудимый. Что, по Вашему мнению, было искажено, и каков был объем тех сведений, которыми Вы располагали с тем, чтобы решить были ли эти сообщения искажены или нет?

НЕЙРАТ. Право, сейчас я уже не могу этого сказать.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вам было известно о том, что евреев избивали, убивали, отрывали от семей, бросали в концентрационные лагери, что их собственность уничтожали и распродавали ниже стоимости. Вы знали обо всем этом, не так ли?

НЕЙРАТ. Нет, в то время, конечно, не знал. Я слышал, что их там избивают, но тогда евреев не убивали, хотя может быть какой-либо единичный случай имел место.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Итак, Вы говорите, что "Таймс" и "Манчестер Гардиен" в то время писали только о случайных примерах типичных убийств евреев. Вы должны были видеть это, Вы должны были знать, о чем писала иностранная пресса. Почему Вы думаете, что эти сведения были искажены? Что Вы предприняли для того, чтобы выяснить, действительно ли они были искажены?

НЕЙРАТ. Кто, кто сообщал мне об убийствах. Кто?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я говорю Вам, что об этом писали в иностранной прессе. Я привел два примера, взятые из прессы моей страны, и, очевидно, на основании слов синьора Муссолини, об этом писала и пресса других стран. Вы же должны были знать об этом. Что Вы предприняли для того, чтобы выяснить соответствовало ли все это действительности или нет?

НЕЙРАТ. Да, я сделал это тем путем, который был мне доступен, а именно через соответствующие полицейские учреждения.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Спрашивали ли Вы Гиммлера или подсудимого Геринга об этом?

НЕЙРАТ. Нет, определенно, нет.

H1208-0128

H1208-0129

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Спрашивали ли Вы подсудимого Геринга? Спрашивали ли Вы подсудимого Геринга?

НЕЙРАТ. Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Почему же нет? Ведь Геринг был главой, который как раз в то время создал гестапо и концентрационные лагери. Он был именно тем человеком, которого следовало спросить об этом, не так ли?

НЕЙРАТ. Человек, который мог дать мне такую информацию, был начальником и высшим представителем полиции, но никоим образом лично ...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Спрашивали ли Вы подсудимого Фрика?

НЕЙРАТ. Во всяком случае я не спрашивал его лично. Это совершенно точно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я не хочу занимать много времени. Почему Вы не попытались спросить Геринга или Фрика, или кого-либо другого, кто мог бы Вам дать соответствующую информацию по этому вопросу? Обратите внимание на документ 3893-ПС. Трибунал найдет его на 128 стр. в книге документов 12-А. Милорд, я представляю этот документ под № ВБ-514. /К подсудимому/. Это газета "Фелькишер Беобахтер" от 17 сентября 1938 года. Я цитирую выдержку из статьи по европейскому вопросу: "Министр не сомневался в том, что эта глупая болтовня за границей относительно событий внутри Германии, как например, разговоры по еврейскому вопросу, скоро будет прекращена, если будет осознано, что необходимая чистка общественной жизни должна временно повлечь за собой некоторые лишения для отдельных лиц, но это, тем не менее, послужит укреплению правосудия и закона в Германии". Действительно ли, что в сентябре 1938 г.

Вы рассматривали действия, направленные против евреев и против всех, кто все еще оставался в рядах приверженцев левого крыла, как "необходимую чистку общественной жизни", которая, без сомнения, повлечет за собой "отдельные случаи" лишений, и как необходимое мероприятие для более прочного установления авторитета правосудия и закона в Германии?" Такова была Ваша точка зрения?

НЕЙРАТ. Я думаю, что я позавчера уже высказывался по вопросу о том, какова была моя позиция по отношению к евреям. Я уже говорил о том, что поскольку после первой мировой войны Германия была наводнена евреями, которые господствовали в общественной жизни, я считал абсолютно правильным их устранение или введение для них ограничений.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Итак, это правильно - я имею в виду, что Вы не отказываетесь от того, что сказали 17 сентября 1933 г., а именно, что Вы думали, что обращение с евреями в 1933 г. было вызвано "необходимостью очистить общественную жизнь в Германии?" Должны ли мы считать, что Вы сейчас придерживаетесь того же мнения и нисколько не изменили своей точки зрения?

НЕЙРАТ. Нет, моя точка зрения и сегодня совершенно такая же, но я считаю, что это следовало проводить другими методами.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо. Сейчас мы не будем обсуждать этого. Следует ли понимать Вас так, что Вы знали о разгроме политической оппозиции и одобряли это?

НЕЙРАТ. Как? - Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо. Разберем каждый пункт в отдельности. Считали ли Вы правильным то, что коммунисти -

14289

H1208 - 0130

H1208 - 0131

ческая партия была объявлена вне закона?

НЕЙРАТ. Да, в то время я верил в правильность этого, потому что, как Вы слышали, мы стояли перед угрозой гражданской войны.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, с этим Вы согласились.

Были ли Вы согласны с разгромом профсоюзов и объявлением их вне закона?

НЕЙРАТ. Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Что Вы сделали для того, чтобы протестовать против разгрома профсоюзов?

НЕЙРАТ. Это совершенно не входило в мою компетенцию. Я же был министром иностранных дел, а не министром внутренних дел.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, я не намеревался спорить с Вами по этому вопросу. Вы считали совершенно правильным оставаться на посту министра иностранных дел, оказывать поддержку правительства и давать ему возможность использовать Ваш авторитет при проведении такого мероприятия, которое Вы не одобряли, как разгром профсоюзов. Так Вас следует понимать?

НЕЙРАТ. Да, так точно. Я хочу здесь сказать. Вы когда-либо слышали, чтобы министр уходил из правительственного кабинета потому, что он не согласен с каким-либо отдельным мероприятием?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Любой министр правительства, пользующийся моим уважением, вышел бы из состава правительства, если бы оно проводило такое мероприятие, которое он в нравственном отношении не одобрял. И насколько я понимаю, Вы морально не одобряли разгрома профсоюзного движения. Если я не прав, то Вы исправьте меня. И если Вы одобряли эти мероприятия, то заявите об этом нам прямо.

НЕЙРАТ. Я не считал это аморальным. Это было политической мерой, но не было аморальным.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. И, наконец, возьмем третий момент. Это - социал-демократическая партия, партия, которая принимала большое участие в работе правительства Германии и Пруссии в течение ряда лет после первой мировой войны. Считали ли Вы правильным с моральной точки зрения объявить эту партию вне закона и лишить ее возможности дальнейшего участия в управлении страной?

НЕЙРАТ. Нет, конечно, но я не знал ....

14291

H1208 - 0132

H1208 -0133

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, давайте выясним этот вопрос. Считали ли Вы, что это было правильным или нет?

НЕЙРАТ. Я сказал,что нет, но я хотел лишь сказать...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Что Вы сделали для того, чтобы протестовать против этого? Что Вы сделали для того, чтобы протестовать пропуск роспуска социал-демократической партии?

НЕЙРАТ. По поводу этого роспуска я мог лишь высказать свои возражения.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Кому Вы высказывали свои возражения против роспуска социал-демократической партии?

НЕЙРАТ? Опять таки Гитлеру.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. И Вы несколько раз высказывали свои возражения против роспуска оппозиционных партий? И Вы никогда не поднимали этого вопроса на заседании кабинета, не так ли?

НЕЙРАТ. Я не припоминаю, обсуждался ли этот вопрос кабинетом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Понятно. Хорошо, сейчас перейдем к другому аспекту этого вопроса. Я хочу, чтобы Вы сейчас припомнили,что произошло в 1933 году. Знали ли Вы, что приказы о военной подготовке, где предусматривалась возможность ведения войны, составлялись только после того, как Вы объявили, что Германия оставляет конференцию по разоружению и выходит из Лиги наций.

НЕЙРАТ. Нет, в 1932-33 г.г. я ничего не слышал об этом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да. Это документ С-140, США-51, где речь идет о 25 октября 1933 г.

Пожсулимий, тогда Вы были министром иностранных дел. Заявляете ли Вы сейчас Трибуналу о том, что ни Гитлер, ни фельдмаршал фон Бломберг - мне кажется, что он был тогда военным министром, не сказали вам о том, что в результате этих действий "нам следует закончить приготовления на случай, если будут применены санкции, включая и военные санкции, против Германии". Разве никто из них Вам не говорил, что это будет являться результатом вашей внешней политики?

НЕЙРАТ. Нет. Мы не описались никаких активных действий.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, но Вы согласитесь со мной, что весьма странно не информировать министра иностранных дел о возможных последствиях его политики, в то время, когда уже велись военные приготовления, для противодействия этим последствиям. Неправда ли, весьма странно, при любой системе управления государством: тоталитарной, демократической или какой-либо другой - чтобы министру иностранных дел не сообщали о военных приготовлениях, предпринимаемых для противодействия возможным последствиям его политики, не так ли?

НЕЙРАТ. Решать вопрос о том, грозит ли опасностью выход из Лиги Наций должен был я сам, т.е. решать - будет ли это иметь последствия.

Военные круги имели свое собственное мнение и, повидимому, хотя я этого точно не знаю, в генеральном штабе происходило какое-то обсуждение.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, я только хочу очень быстро подвести итоги событиям 1933 года. Правильно ли я Вас понял, что до конца 1933 года, за исключением тех событий, о которых я спрашивал Вас, Вы были вполне удовлетво

H1208 - 0134

H1208 - 0135

рены заслуживающими уважания и мирными намерениями Вашего правительства; это правильно?

НЕЙРАТ. Так точно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, Сейчас перейдем к 1934 году. Вы помните Вашу беседу с господином Доддом, американским послом, беседу о которой Вы упоминали в Вашей книге документов № 1 на стр.54? Это было 21 мая 1934 года. Господин Додд, очевидно, сообщил Вам о том, что он сказал Гитлеру относительно того, как американцы пытаются контролировать накопление больших прибылей крупными финансовыми об"единениями.

Он сказал, что Вы заявили, что Вы были рады, что он информировал Гитлера и затем г-н Додд добавил, что "канцлер со мной не согласился". Далее он сказал: "фон Нейрат молчал в течение нескольких минут после моего замечания и было ясно, что он разделял мое мнение. Он просил меня сообщить в Вашингтон, что происходящие события совершенно противоречат целям германского правительства. Но он не мог поручиться за Гитлера".

Что Вы имели в виду, говоря: "что происходящие события совершенно противоречат целям германского правительства?"

НЕЙРАТ. Этим я хотел сказать, что члены кабинета в подавляющем большинстве были против этих методов. Кроме того, я могу добавить, что я сам просил господина Лодда поехать лично к Гитлеру для того, чтобы он убедился, что я высказывал Гитлеру свои доводы. Я сам его привез к Гитлеру.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Разве Вы не знали, что в мае 1934 года германское правительство проводило систематическую политику воинствующего антисемитизма? Разве Вы этого

не знали?

НЕЙРАТ. Об антисемитской пропаганде я знал, главным образом, из речей господина Геббельса.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да. Давайте сейчас перейдем к более конкретному вопросу. Были ли у Вас какие-либо причины для того, чтобы относиться с неприязнью к генералу фон Шлейхеру и генералу фон Бредау?

НЕЙРАТ. Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Какое впечатление на Вас произвело убийство этих 2-х господ и фрау фон Шлейхер во время кровавой чистки 30 июня 1934 года?

НЕЙРАТ. Вряд ли нужно даже отвечать на этот вопрос. Само собой разумеется, что я крайне отрицательно относился к этому. Я уже говорил, что, к сожалению, при таких восстаниях всегда страдают также и невинные.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Но давайте выясним этот вопрос. На днях Вы заявили Трибуналу, что Вы считаете и у Вас есть основания для этого, что в СС существовало движение, т.е. движение, руководимое Ремом, Эрнстом и, как я полагаю, другими лицами, которых Вы считали нежелательным элементом; какие есть у Вас основания предполагать, что генерал фон Шлейхер и генерал фон Бредау участвовали в каком-либо заговоре?

НЕЙРАТ. У меня не было никаких причин. Я даже и сейчас не верю, что они составляли какой-то разговор.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Слышали ли Вы о том, каким трагичным образом г-н фон Папен терял своих секретарей в то время. Вы помните об этом, не правда ли?

НЕЙРАТ. Да, я слышал об этом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Знаете ли Вы о том, что г-н

H1208-0136

H1208-0137

фон Везе и Юнг были убиты; а фон Чирский вместе с двумя другими господами был арестован? Вы слышали об этом?

НЕЙРАТ. Да, я об этом услышал от господина фон Папена.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Рассматривали ли Вы кровавую чистку 30 июня лишь как дополнительный элемент в этой необходимой чистке общественной жизни?

НЕЙРАТ. Нет, в таких масштабах, в каких проводилась эта чистка со всеми эксцессами и убийствами невинных людей, конечно, нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Почему же Вы оставались членом правительства, которое прибегало к убийству, в качестве орудия политического воздействия.

НЕЙРАТ. Я здесь уже дважды говорил, что, к сожалению, при таких революциях всегда бывают перегибы.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо. Давайте сейчас перейдем к другой области Вашей деятельности в 1934 году. Вы знали о террористических актах, имевших место в Австрии в мае и июне 1934 г., не так ли? Я хочу, чтобы Вам было совершенно ясно, что я подразумеваю под "террористическими актами". Я имею в виду взрывы на австрийских общественных предприятиях, железных дорогах и т.д. Я говорю о динамите, а не о чем-либо отвлеченном. Вы знали, что такие действия имели место в Австрии в мае и июне 1934 года, не так ли?

НЕЙРАТ. Да, я узнал об этом, и всегда выступал против этого. Потому что я знал, что эти террористические акты,- это я хочу еще раз подчеркнуть,- в большинстве случаев проводились австрийскими нацистами.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Какую должность занимал господин фон Кепке в Вашем министерстве 31 мая 1934 года?

НЕЙРАТ. Он был министериаль-директором.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это весьма ответственная должность, не так ли?

НЕЙРАТ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Помните ли Вы, что господин фон Кепке докладывал Вам 31 мая 1934 года о посещении им барона фон Вехтера?

НЕЙРАТ. Нет, я не припоминаю этого.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Подумайте, пожалуйста, барон фон Вехтер был одним из руководителей путча против Дольфуса, который имел место шесть недель спустя, т.е. 25 июля. Разве Вы не помните, что г-н Кепке представил Вам отчет, который Вы затем передали Гитлеру?

НЕЙРАТ. Нет, я не припоминаю этого.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, давайте освежим Вашу память, если Вы забыли. Посмотрите на документ Л-868, который я представляю в качестве доказательства за № ВБ-515. Посмотрите, пожалуйста на этот документ и обратите особое внимание на подписи. И если Вы внимательно посмотрите на верхнюю часть документа, то я думаю, что Вы найдете в самом подлиннике Ваши собственные инициалы, а слева имеется примечание: "Должно Рейхсканцлеру 6 июня". Затем имеется инициал "Л", т.е. доктор Ламерс. Еще ниже написано следующее: "От имперского канцлера 6 июня". И также стояли инициалы д-ра Ламерса. На другой стороне Вы увидите примечание, которое подписано "Ламерс". "Габихт зайдет сегодня ...Л. 6 июня". И в тот же день этот меморандум был возвращен рейхсканцлером в министерство иностранных дел. Сейчас посмотрим, что за отчеты Вы получали из Австрии и передава-

H1208 – 0138

H1208 – 0139

ли Гитлеру. Если Вы особенно не возражаете, то мы опустим первый параграф, где дается описание внешности моложавого барона фон Вехтера; но далее говорится, что "его заявления были, очевидно, даны в полном сознании громадной ответственности, лежащей на нем. Его оценка всего происходящего и тех лиц, о которых он упоминал, являлась ясной и определенной. Господин фон Вехтер также нарисовал мне картину положения в Австрии, которое по его описанию было даже более мрачным и более серьезным, чем это нам казалось до сих пор. Повстанческие тенденции национал-социалистов в Австрии неуклонно возрастают. Число террористических актов также растет. Независимо от того, кто действительно производит эти разрушения и совершает террористические акты в отдельных случаях, каждый такой акт вызывает новую волну повстанческих действий. Господин фон Вехтер неоднократно с сожалением подчеркивал, что в действиях нехватало единого руководства. СА делала все, что хотела и все, что она считала необходимым. Политическое руководство в это время стало проводить такие мероприятия, которые в некоторых случаях приводили к противоположным результатам. Таким образом крупный террористический акт, в результате которого были взорваны все железнодорожные линии, ведущие в Вену, был, несомненно, совершен не марксистами, а членами австрийской организации СА, против желания политического руководства, которое, как он считал, не принимало никакого участия ни в самом совершении этого акта, ни в приготовлении к нему. Такова картина, описанная в целом. Если говорить несколько подробнее, то следует указать, что в отдельных провинциях, округах царит еще большая неразбириха". Далее он говорит о том, что главным

очагом беспорядков является Каринтия, где в этом отношении дела обстоят хуже всего. И далее: "Г-н фон Вехтер считает необходимым навести полный порядок в самые кратчайшие сроки, а именно, - об"единить под единым руководством всех действующих в интересах национал-социализма в самой Австрии и вне ее. Личные вопросы не должны играть здесь никакой роли. Решающее слово в этой связи будет иметь, конечно, только сам фюрер. Он же, Вехтер, полностью согласен с господином Габихтом по всем этим вопросам. Насколько он знает, господину Габихту уже удалось иметь сегодня короткую беседу с имперским канцлером". Остановимся ненадолго на этом факте. Примерно в то время, господин Габихт был назначен пресс-атташе при германском посольстве в Вене. Это назначение господина Габихта на пост пресс-атташе, должно было исходить от Вас или было произведено с Вашего одобрения, не так ли? Это входило в ведение Вашего министерства?

НЕЙРАТ. В данный момент я не знаю этого точно, но я припоминаю, что господин Габихт был ландеслейтером в Мюнхене и я не знаю ничего о том, был ли он вообще назначен в Вену в качестве пресс-атташе.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы можете поверить мне, что он действительно поехал в Вену в качестве пресс-атташе в мае 1934 года, а сейчас я хочу Вас спросить лишь о том, по Вашему ли приказу или с Вашего согласия он был назначен на пост, который дал ему дипломатический иммунитет в разгаре его заговорщической деятельности.

НЕЙРАТ. Если господин Габихт и был в Вене, так без моего ведома и без моего утверждения. Очевидно, он был назначен туда министерством пропаганды, которому подчинялись работники прессы.

H1208 – 0140

H1208 - 0141

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо. Вы, подсудимый, конечно, согласитесь со мной в том, что это не весьма приятный документ; в нем уже не дается описания принятого положения вещей. Разрешите напомнить Вам о том, что этот документ поступил к Вам от Вашего министериаль-директора и был передан фюреру, а затем этот документ был возвращен доктором Ламерсом с примечанием: "Габихт зайдет сегодня".

НЕЙРАТ. К фюреру?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да.

НЕЙРАТ. Господин обвинитель, я обращаю Ваше внимание на то, что здесь все время речь ведется об австрийских нацистах. К австрийским нацистам я не имел никакого отношения.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хочу указать Вам лишь на то, что этот документ, документ из министерства иностранных дел, был переслан рейхсканцлеру, а возвращен он был 6 июня со следующим примечанием д-ра Ламерса: "Габихт зайдет сегодня". Вы должны были знать о Габихт 6 июня. Об этом упоминается в данном отчете.

НЕЙРАТ. Об этом там не говорится. Я получил от Ламерса записку, показывающую, что Габихт был у рейхсканцлера. Я послал этот отчет моего министериаль-директора рейхсканцлеру для того, чтобы он убедился в том, каково положение в Австрии. Вот какова была причина.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы помните, что несколько дней назад г-н фон Папен давал свои показания, и когда я спросил его о том, кто были эти видные деятели империи, которые оказали влияние на путч в Австрии в июле 1934 года, то он после долгого раздумия смог припомнить только одного

из них, который оказывал влияние на путч, а именно господина Габихта?

НЕЙРАТ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, я заявляю Вам о том, что и хочу, чтобы Вы подтвердили это, - что Вы прекрасно знали, что 6 июня 1934 г. г-н Габихт, этот видный деятель империи, согласно показаниям фон Папена, организовывал революцию в Австрии. Вы это подтверждаете?

НЕЙРАТ. Но как Вы приходите к такому выводу? Г-н Габихт вообще никогда не был у меня, а был у рейхсканцлера.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы видели этот отчет Вашего министериаль-директора. Я только что зачитал, что думал фон Вехтер.

НЕЙРАТ. Но там ни слова не сказано о господине Габихте.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, я только что зачитал Вам это. Разрешите напомнить Вам: "Решающее слово в этой связи будет иметь, конечно, только сам фюрер. Он же, Вехтер, полностью согласен с г-ном Габихтом по всем этим вопросам". Другими словами, в сообщениях, которые Вехтер передавал министерству иностранных дел, он высказывал не только собственное мнение, но и мнение Габихта.

НЕЙРАТ. Да, там сказано об этом. Так вот, обо всех этих террористических актах и беспорядках, которые здесь описываются, я довел до сведения рейхсканцлера.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Обратите внимание на то, что написано в этом отчете в конце страницы. "Но так как тем временем ничего не последовало, и, с другой стороны, меры австрийской администрации с каждым днем становились все более и более жестокими, то вновь выступили радикальные

H1208 - 0142

H1208 -0143

элементы с заявлением о том, что канцлер издал свой приказ, исходя только из тактических соображений, в то время как внутренне он одобрял любое мужественное действие со стороны оппозиции и что он своей истинной политической целью считал лишь ослабление ненавистной системы Дольфуса, но таким путем, чтобы другие страны по возможности не смогли говорить о каком-либо постороннем вмешательстве. Сейчас они руководствуются в своей работе этим принципом. Послушайте следующую выдержку, его совет Вам, - наиболее близкое к истине предупреждение об опасности, которым когда-либо располагал любой министр иностранных дел: "В ходе обсуждений приходится постоянно сталкиваться с этой идеей, которая тайно распространяется. В ближайшее время должны быть сделаны соответствующие изменения и установлено единое руководство... иначе, как г-н фон Вехтер заканчивает свое выразительное описание, каждый день может произойти такая катастрофа, которая приведет к самым худшим последствиям с точки зрения внешней политики не только для Австрии, но прежде всего и для Германии". Затем разговор прерывается и г-ну фон Вехтеру вручают телефонограмму (совсем как в драме), в которой говорится, что для него будет лучше, если он не возвратится в Вену, в противном случае он будет арестован по приезде; а через 6 недель он начал путч, и канцлер Дольфус был расстрелян. Вы помните об этом? Разве вначале июня 1934 г. Вы не знали о том, что существовала очень серьезная угроза восстания и больших бедствий для Австрии?

НЕЙРАТ. Совершенно очевидно. По этой причине я и послал отчет канцлеру. Я не мог вмешиваться в дела Австрии.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Может быть, Вы ответите на этот вопрос, на который не смог ответить подсудимый фон Папен. Кто, по Вашему мнению, были эти другие видные деятели германской империи, которые стояли за путч, направленный против правительства Дольфуса в Австрии? Вы заявляете, что Вы не принадлежали к числу этих деятелей. Кто же, по Вашему мнению, были эти личности, о которых упомянул фон Папен, как о лицах, стоящих за путч, направленный против Дольфуса?

НЕЙРАТ: Я вообще никого не знал. Я знал только Габихта, как личность, против которой я все время протестовал перед Гитлером, так как он занимался натравливанием. Какого-либо другого немца из Германии я не знал. Все остальные - это австрийские национал-социалисты, которые здесь очень часто упоминаются, но которых я не знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я о них не говорю. Я говорю о тех видных деятелях германской империи, о которых говорил подсудимый фон Папен, а сейчас я пытаюсь выяснить, кто были эти деятели. И Вы продолжаете утверждать, что единственное лицо, которое Вы помните, это пресс-атташе Габихт?

Это все, что Вы можете сказать Трибуналу в выяснение этого вопроса?

НЕЙРАТ: Я уже сказал и этого достаточно: я никого не знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Придерживаетесь ли Вы того мнения, что Ваш сотрудник министерства доктор Рид ничего не знал об этом, несмотря на то, что сказал г-н Мессершмидт по этому поводу? Вы думаете, что д-р Рид ничего не знал об этом путче?

НЕЙРАТ: Я не знаю, насколько был осведомлен доктор Рид, но вы знаете, что я тотчас же отозвал его, когда он вмешался в это дело. Вообще я всегда запрещал послам и посланникам вмешиваться в такие дела.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы все-таки не сомневаетесь в том, что доктор Рид знал о готовившемся путче?

H1208 - 0144

H1208 – 0145

НЕЙРАТ. Нет, я очень сомневаюсь в том, что он точно знал о нем. Я не думаю этого, потому что он не был таким человеком.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Во всяком случае Вы знали о том, что 25 июля австрийские нацисты провели этот путч и убили Дольфуса?

НЕЙРАТ. Но, это же не было тайной.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Нет, я это ~~не~~ знаю. Многие из этих событий не были тайной. Меня интересует Ваша осведомленность, а именно, когда Вы об этом узнали.

НЕЙРАТ. После этого, да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Но разве после этого Вы не колебались, следует ли Вам дальше оставаться в правительстве, которое распространяло свою политику убийства из своей страны за границу через посредство партийных элементов в Австрии.

НЕЙРАТ. Если бы я был ответственен за каждого отдельного убийцу, за каждого отдельного немецкого убийцу, действовавшего за границей, то у меня, вероятно, было бы слишком много дела.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы знали, господин фон Нейрат, и я Вам напомню сейчас о том, что австрийская НСДАП была в тесном контакте с Гитлером и все время действовала согласно приказам Гитлера, когда Гитлер стоял во главе Вашего правительства? Вы это отлично знали, не так ли?

НЕЙРАТ. Но он же был главой НСДАП, руководителем этой партии и то, что они с ними сотрудничали – это вполне естественно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, имеется еще один вопрос...

НЕЙРАТ. Но я хочу еще сказать следующее. Я все время, вместе с господином фон Папеном, возражал против подобной деятельности этого господина Габихта.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Мы перейдем к этому вопросу несколько позднее, а сейчас я хочу выяснить только один факт. Соответствует ли нижеизложенное тому, что помните Вы: Я пересмотрел все отчеты подсудимого фон Папена и, за исключением 3-х личных отчетов, два из которых касаются г-на фон Чирского и один - касается вопроса о злоупотреблениях Гитлера, которые не имеют никакого политического значения, всего насчитывается 28 отчетов; 19 из них помечены, как копии, направленные в министерство иностранных дел. Помните ли Вы, что примерно из каждых четырех отчетов господина фон Папена к Вам поступало (три) и Вы имели возможность читать их?

НЕЙРАТ. Сейчас я этого не могу уже сказать, я не припоминаю.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы совершенно правы, г-н фон Нейрат, Вы могли не знать, сколько именно поступило к Вам отчетов, но Вы говорите, что Вы видели довольно большое количество отчетов, господина фон Папена? Я думаю, что их было 19. Я думаю, Вы поверите мне, что все 19 помечены: "Получено министерством иностранных дел".

НЕЙРАТ. Конечно, я верю Вам, но вопрос заключается в том, сколько из них было представлено мне, потому что всех докладов от всех послов и посланников (я не получал. Иначе я бы потонул в бумагах. из-за границы)

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я вполне согласен с этим, но я спрашивал Вас лишь о том, получали ли Вы именно эти

H1208-0146

H1208 - 0147

отчеты от г-на фон Папена, который должен был занимать особое положение, так как он работал над чрезвычайно трудной проблемой. Много ли отчетов получали Вы от г-на фон Папена, которые через Вас должны были передаваться Гитлеру.

НЕЙРАТ. Я лишь могу сказать, что я получал отдельные отчеты, но далеко не все. Ничего больше я не могу сказать.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, сейчас удобное время для перерыва.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал об"являет перерыв.

(Об"является перерыв до 14.00).

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 25 июня 1946 г.

/Вечернее заседание/

Встать! Суд идет!

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Подсудимый, я хочу выяснить некоторые факты, относящиеся к 1935 году, до того, как я задам Вам несколько вопросов.

10 марта Германия заявила о создании военно-воздушного флота, а 16 марта Вы, по-моему, в числе других, подписали закон об обязательной воинской повинности. Вы уже говорили об этом, и я не хочу снова возвращаться к этому вопросу. Я лишь хочу спросить Вас относительно секретного закона об обороне империи от 21 мая 1935 года. Будьте любезны, посмотрите на замечания генерала Томаса, касающиеся этого вопроса. Милорд, это - 52-я страница 12-й книги документов; примерно, 71 страница немецкой книги документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. 12ая а или б?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Нет, просто 12-я книга документов, милорд. Это - оригинал, страница 52.

Генерал пишет: "Общая централизация верховной власти в империи, которая была декретом установлена на случай войны, повлияла на развитие и организацию военной экономики в такой степени, что необходимо обсудить этот вопрос подробно. Основа для организации централизованной верховной власти в империи на случай войны была заложена еще до 1938 года в большом числе

H1208 – 0148

H1208 – 0149

декретов и резолюций совещаний, но она радикальным образом была изменена, когда национал-социалисты пришли к власти и, в особенности, после смерти президента Гинденбурга. Новые положения были сформулированы в законе об обороне империи от 21 мая 1935 года. Он должен был быть объявлен только в случае войны, но был введен в действие уже во время проведения подготовки к войне. Поскольку этот закон определял обязанности вооруженных сил и других имперских властей на случай войны, он также являлся основным распоряжением, на основе которого должна была развиваться деятельность организаций, ведавших военной экономикой".

Помните ли Вы, что в тот же день подсудимый Шахт был назначен уполномоченным по вопросам военной экономики? Вы понимали в то время, подсудимый, что этот закон являлся основой для развития деятельности организации, ведавшей военной экономикой?

НЕЙРАТ. Да, но только на тот случай, если начнется война, т.е. на случай мобилизации.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Видите ли, я пытаюсь Вам пояснить то, что этот закон был введен в действие для проведения подготовки к войне. Разве Вы не понимали тогда, что это был большой шаг вперед в деле военной подготовки?

НЕЙРАТ. Ни в коей мере. Это вовсе не было большим шагом вперед. Это была лишь констатация необходимости, которая могла возникнуть в случае войны. Как и в любой другой стране, необходимо было гарантировать сотрудничество всех учреждений на случай нападения. Как раз в этом законе это и устанавливается.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Такова Ваша точка зрения?

Правильно ли будет сказать, что в то время, до мая 1935 года, министерство иностранных дел Германии все еще было укомплектовано дипломатами старой школы и поэтому еще не было наводнено людьми из бюро Риббентропа? Так ли это?

НЕЙРАТ. Да, это так.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы получали какое-либо предупреждение от Вашего собственного персонала относительно событий в Австрии, или о вооружении, о введении воинской повинности и создании военно-воздушного флота?

НЕЙРАТ. Как Вы можете судить об этом на основании отчета, который был предъявлен ранее, я был информирован относительно событий в Австрии. Что касается вооружения, то решение о нем было принято кабинетом. Я, конечно, знал об этом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Простите, возможно я не сделал соответствующего ударения на этом слове. Когда я произнес слово "предупреждение", я имел в виду настоящее предупреждение от ваших сотрудников о том, что эти события заставят общественность за границей рассматривать Германию, как кровожадную державу и поджигательницу войны. Получили ли Вы какое-либо предупреждение такого рода от ваших сотрудников?

НЕЙРАТ. Определенно нет. Это совсем не имело места. Если об этом утверждалось за границей, то это еще не означает, что в действительности это было именно так.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Будьте любезны, посмотрите на документ 3308-ПС - это письменное показание, данное под присягой переводчиком Паулем Шмидтом. Милорд, это страница 68 книги документов 12-А, 65 и 66 стр. немецкого текста, 4-й параграф. Разрешите зачитать Вам четвертый и пятый пункти. Вот что говорит Пауль Шмидт:

H1208 - 0150

H1208 – 0151

"Параграф четвертый. Попытка провести путч в Австрии и убийство Дольфуса 25 июля 1934 года серьезно обеспокоили сотрудников министерства иностранных дел, потому что эти события дискредитировали Германию в глазах всего мира. Было общеизвестно, что путч проводился партией, и фактически эта попытка провести путч так непосредственно следовала за кровавой чисткой в Германии, что приходилось думать об однотипности нацистских методов как внутри страны, так и вне ее. Беспокойство о том, какой отзвук вызовет эта попытка путча, еще более увеличилось ввиду признания того факта, что эти эксцессы оказали влияние на подписание франко-советского консультативного пакта 5 декабря 1934 г., являвшегося оборонительным мероприятием, которое не было рассмотрено нацистами, как предупреждение.

Подсудимый, я попрошу Вас просмотреть эти три пункта и сказать, правильно ли говорит господин Шмидт о том, что попытки совершить путч и убийство Дольфуса серьезно обеспокоили сотрудников министерства иностранных дел?

НЕЙРАТ. Это обеспокоило не только сотрудников моего министерства, но и меня самого.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Теперь, последняя фраза: "Это опасение /т.е. вызванное путчем беспокойство/ о том влиянии, которое окажет путч, значительно увеличилось в результате признания того факта, что эти эксцессы /кровавая чистка и путч/ оказали влияние на переговоры, приведшие к подписанию франко-советского консультативного пакта 5 декабря 1934 года, являвшегося оборонительным мероприятием, которое не рассматривалось как предупреждение".

Правильно ли, что беспокойство среди ваших сотрудни -

ков усилилось в результате признания того обстоятельства, что кровавая чистка и путч обеспокоили Францию и Советский Союз в отношении позиции, занимаемой Германией, и привели к подписанию консультативного пакта?

НЕЙРАТ. Нет, это частное мнение переводчика Шмидта.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Что же касается Вас, подсудимый, то Вы считаете, что это не так. Переводчик Шмидт говорит, что таково было мнение ваших опытных сотрудников в министерстве иностранных дел; именно об этом я и говорю Вам. Разве он не прав, говоря, что ваши опытные сотрудники в министерстве иностранных дел были обеспокоены тем, что эти события оказали влияние на подписание консультативного пакта?

НЕЙРАТ. Нет, ни в коей мере. Я могу лишь повторить, что эти две вещи не имели никакого отношения друг к другу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Правильно ли говорит Шмидт в последней части своего заявления, что это мероприятие не рассматривалось нацистами как предупреждение?

НЕЙРАТ. Я не могу этого сказать, этого я не знаю.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я попрошу Вас посмотреть следующий параграф: "За заявлением, сделанным в марте, о создании германского военно-воздушного флота и о введении обязательной воинской повинности 2 мая 1935 года последовало заключение пакта о взаимопомощи между Францией и Советским Союзом.

Наиболее опытные сотрудники министерства иностранных дел рассматривали это, как дальнейшее очень серьезное предупреждение относительно возможных последствий германской внешней политики. Но нацистские руководители продолжали упорствовать в своей политике по отношению к западным державам.

14311

H1208 – 0152

H1208 – 0153

заявляя, что их не запугаешь. В это время сотрудники, по крайней мере, высказывали свои опасения министру иностранных дел Нейрату.

Я не знаю, высказывал ли Нейрат в свою очередь эти опасения Гитлеру или нет".

Сейчас давайте рассмотрим этот вопрос. Согласны ли Вы с тем, что сотрудники министерства иностранных дел рассматривали франко-советский пакт как "новое, очень серьезное предупреждение в отношении возможных последствий внешней политики Германии"?

НЕЙРАТ. Я не знаю, от имени каких сотрудников говорит здесь господин Шмидт. Во всяком случае, я ничего не слышал о том, что мои чиновники высказывались в таком духе.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вот что говорит господин Шмидт:

"Сотрудники, по крайней мере, высказали свою точку зрения министру иностранных дел Нейрату", то-есть Вам.

НЕЙРАТ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Утверждаете ли Вы, что господин Шмидт, который, в конце концов, был вашим штатным сотрудником, хотя он в течение долгого времени и был переводчиком, пишет неправильно, когда он заявляет, что Ваши сотрудники высказывали свои опасения Вам?

НЕЙРАТ. Да, утверждаю самым решительным образом. Откуда господин Шмидт, будучи совсем незначительным чиновником, мог знать о том, что говорят мне высшие чиновники министерства. Кроме того, как может Шмидт судить об этом?

Я хочу еще добавить, что господин Шмидт с этого места сказал, что этот аффидевит, или что это представляет собой - не знаю - был предъявлен ему после тяжелого заболевания и

он сам не мог точно вспомнить содержание этого аффидевита.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Будьте уверены, что Трибунал поправит меня, если я неправ. Я говорю, что я огласил эти абзацы господину Шмидту и он согласился с ними, когда давал показания здесь перед этим Трибуналом. А сейчас обратите внимание, пожалуйста, на другое заявление, которое имеется в конце шестого абзаца. Мы прочитаем абзац шестой, и хочу спросить Вас о последней его части.

"Реоккупации германскими вооруженными силами Рейнской области предшествовала дипломатическая подготовка нацистов, проведенная в феврале. Германское коммюнике от 21 февраля 1936 года еще раз подтвердило, что франко-советский пакт о взаимопомощи был несовместим с Локарнским пактом и с уставом Лиги Наций.

В тот же самый день Гитлер в одной из своих бесед утверждал, что не существует действительных оснований для конфликта между Германией и Францией. Если сравнить эти высказывания с некоторыми высказываниями в "Майн кампф", которые были направлены против Франции, обстоятельства были таковы, что можно было предположить, что готовилась почва для оправдания каких-то действий в будущем.

Я не знаю, когда именно было принято решение о вступлении войск в Рейнскую область. Я лично знал об этом и обсуждал этот вопрос, примерно, за две или три недели до этих событий. Высказывались серьезные опасения, в особенности в военных кругах, относительно риска, связанного с проведением этого мероприятия. Подобные же опасения испытывали многие сотрудники министерства иностранных дел. В министерстве иностранных дел было, однако, известно, что Нейрат, в тех правительственных кругах, с которыми консультировался Гитлер, был единственным человеком, который был уверен в том, что Рейнская область может быть демилитаризована без вооруженного противодействия со стороны Великобритании и Франции. Позиция Нейрата в течение всего этого времени была такова, что она должна была вызвать у Гитлера больше доверия к нему /Нейрату/, чем ко всем остальным дипломатам старой школы, которыми Гитлер обычно пренебрегал".

14313

H1208 – 0154

H1208 – 0155

Итак, если этот мелкий чиновник, о котором Вы только что говорили, знал о вступлении войск в Рейнскую область и обсуждал этот вопрос за две или три недели до того, как оно произошло, то когда именно до вступления Вы обсуждали этот вопрос?

НЕЙРАТ: Господин Шмидт оказался, очевидно, ясновидцем, так как я сам не знал об этом за две или три недели. Я узнал об этом лишь за неделю до того, как Гитлер вынес решение. И если здесь написано, что я ... что в министерстве иностранных дел было общеизвестно, что единственным советником Гитлера в правительственных кругах был я и что я был уверен в том, что Рейнская зона может быть занята войсками без вооруженного сопротивления со стороны Британии или Франции,- так ведь я, в конце концов, был прав!

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы были правы... По действительно ли Вы были единственным человеком в правительственных кругах, который считал, что можно было оккупировать Рейнскую область без вмешательства Британии и Франции? Это правильно?

НЕЙРАТ: Я не могу сказать, был ли я единственным человеком. Во всяком случае я был убежден в этом на основании того, что я знал о международных отношениях.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Таким образом, каково бы ни было положение переводчика Пауля Шмидта, он, по крайней мере, знал, какое положение Вы занимали в то время. Разве он был неправ, говоря в последней фразе о том, что занимаемое Вами положение в тот период было таково, что Гитлер прислушивался к Вашему мнению скорее, чем к мнению всех других дипломатов

про-нацистских дипломатических кругов из министерства иностранных дел, потому что Вы были человеком, который ободрял его. Разве не таково положение вещей?

НЕЙРАТ: Я его вовсе не ободрял. Правда, я ему изложил свое мнение об общей ситуации. То, что я был тогда прав, - впоследствии подтвердилось.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хочу рассмотреть еще один вопрос, правда, он относится к 1936 году, но, поскольку мы уже затронули вопрос об Австрии, ~~то~~ рассмотрим сейчас и этот вопрос. Вы сказали раз или два, что Вы очень серьезно возражали против того, что договор между Австрией и Германией, заключенный II-го июля, называли маскировкой или ширмой. Вы очень серьезно возражали против такой точки зрения. Ведь это правильно?

НЕЙРАТ: Да.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Известно ли Вам, что Гитлер дал инструкции гаулейтерам австрийской национал-социалистской партии продолжать борьбу в то же самое время, когда подписывался этот договор?

НЕЙРАТ: Нет, это мне неизвестно.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Разрешите Вам напомнить. Я не хотел бы делать здесь никаких заявлений, которые казались бы несправедливыми.

Милорд, это книга документов № 12, страница 97. Передайте, пожалуйста, копию подсудимому. /Передает документ/. Это - отчет доктора Райнера, которого Трибунал имел возможность допросить. Прошу посмотреть на конец первого абзаца. Он гласит:

14315

H1208 - 0156

H1208 – 0157

"На соглашение от 11 июля 1936 года сильное влияние оказала деятельность этих двух лиц /то-есть - подсудимого Зейсс-Инкварта и полковника Глейзе - Хорстенау/. Папен упомянул фюреру о Глейзе-Хорстенау, как о человеке, которому можно доверять".

Следующий параграф: "В это время фюрер...".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид...

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Простите, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сказали страница 97 12-й книги документов?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд, я сказал так. Это, милорд, третий параграф. Он начинается со слов: "В это время...".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я нашел, можете продолжать.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: С Вашего разрешения, милорд, я продолжу эту цитату. "В это время фюрер хотел увидеться с вождями партии в Австрии для того, чтобы сообщить им свое мнение относительно того, что должны делать австрийские национал-социалисты...".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Боюсь, что здесь имеется еще другой абзац, который начинается со слов: "В это время...". Может быть, Вы дадите нам какое-нибудь другое указание?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, это ~~страница 98-я~~, в середине. *страницы*.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У нас это 98-я страница.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд, я ошибся, простите. Очевидно, нумерация страниц различна. Простите, милорд.

"В это время фюрер хотел увидеться с руководителями партии в Австрии для того, чтобы сообщить им свое мнение относительно того, что должны делать австрийские национал-социалисти. В то же самое время Хинтерлейтнер был арестован, а доктор Райнер стал его преемником /обратите внимание, - это - тот самый человек, который дает эти показания/ - преемником и руководителем австрийской партии.

16 июля 1936 года доктор Райнер и Глобочник посетили фюрера в Оберальцберге, где им было весьма ясно об"яснено положение вещей, а также были сообщени желания фюрера. 17 июля 1936 года все гаулейтеры, находившиеся на нелегальном положении, встретились вблизи Зальцбурга, где они получили полнейший отчет от Райнера относительно заявления фюрера и его политические инструкции о ведении борьбы. На этом же самом совещании гаулейтеры получили также организационные инструкции от Глобочника и Хидлера".

Разве Вы не знали... Разве Гитлер не говорил своему министру иностранных дел, который наблюдал за заключением этого договора, что он собирался дать гаулейтерам, находившимся на нелегальном положении, инструкции о дальнейшем ведении борьбы? Разве он не говорил Вам об этом?

НЕЙРАТ: Нет, об этом он мне не сообщал. Я, однако, вспоминаю, что это был тот самый господин Райнер, который выступал здесь в качестве свидетеля. Он заявил, что Гитлер вызвал к себе его и других гаулейтеров. Гитлер сказал, что в будущем им необходимо строго соблюдать соглашение от 1936 года. В этом документе, который мне пред"явлен, ничего не говорится об этом, - я имею в виду ту часть, которую Вы цитировали...

H1208 - 0158

H1208 – 0159

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, в этом документе не упоминается об этом. Но в этом документе упоминается о том, что гаулейтерам были даны политические инструкции о ведении дальнейшей борьбы, а также организационные инструкции от Глобочника.

Во всяком случае, Вы говорите, что Вы ничего не знали об этом?

НЕЙРАТ: Нет.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вам, видимо, трудно судить о том, был ли этот договор заключен из истинных побуждений, если Вы не знаете об инструкциях, данных Гитлером нелегальной партии в Австрии. Не правда ли?

НЕЙРАТ: Да, конечно.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Сейчас мы рассмотрим пару других вопросов. Я хочу обратить Ваше внимание на заявление господина Мессершмита, сделанное им в конце 1935 года. Вы помните это заявление? В нем говорится следующее:

"Европа не сможет избавиться от мифа о том, что фон Нейрат, Папен и Макензен являются дипломатами старой школы, а не опасными людьми. На самом деле, они являются лишь послушным орудием режима и именно потому, что внешний мир смотрит на них, как на безвредных людей, они могут работать более эффективно. Они могут сеять раздор просто потому, что они распространяют миф о том, что они не поддерживают режим".

Можете ли Вы указать нам на какую-либо инструкцию Гитлера, которая была издана до того времени, когда господин Мессершмит написал это заявление, то-есть до 10 октября 1935 года, и которую Вы не выполнили?

НЕЙРАТ: Я не понял. Инструкции...

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, простите, я неправильно сослался на документ. Этот документ находится в 12-й книге документов на странице 106. /Обращается к подсудимому/. Господин Мессершмит утверждает здесь, что Вы и подсудимый Папен, а также фон Макензен являлись послушным орудием режима. Я хочу спросить Вас, можете ли Вы назвать нам, была ли до 10 октября 1935 года - день, когда господин Мессершмит написал это заявление, - издана Гитлером хотя бы одна инструкция, которую бы Вы отказались провести в жизнь?

НЕЙРАТ: Не одна, таких инструкций имелось очень много. Я уже говорил о том, что я часто противоречил Гитлеру. Относительно предположений Мессершмита... вернее, относительно значения аффидевита Мессершмита я уже высказывался.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Подсудимый, я это сформулирую так: скажите Трибуналу, какое поручение, данное Вам Гитлером до 10 октября 1935 года и которое Вы отказались выполнить, Вы считаете самым серьезным поручением? Какое было самое серьезное поручение, от которого Вы отказались?

НЕЙРАТ: Да, в тот период ... Это вопрос, на который я так просто не могу дать ответа. Как я могу сейчас знать, какой вопрос из тех, против которых я возражал, был самым серьезным? Я возражал по самым различным вопросам.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Если Вы не можете вспомнить, что было по Вашему самым серьезным поручением, я не буду больше Вас беспокоить по этому поводу, но я хочу...

НЕЙРАТ: Нет, Вы можете спокойно предоставить мне соответствующий документ, но не делайте голословных утверждений,

14319

H1208 – 0160

H1208 – 0161

не давая мне при этом возможности опровергнуть их.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я просил Вас сказать... Ну хорошо, давайте перейдем к тому, что говорит другой американский дипломат.

Я хочу спросить Вас относительно отчета господина Буллита, с которым, как мне кажется, Вы согласны.

Милорд, это - документ Л-I50, 72 страница, I2-й книги документов. Милорд, я надеюсь, что здесь нет различия в нумерации страниц.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это 74-я страница.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Извините, милорд, это 74 страница, 2-й абзац.

/Обращается к подсудимому/. Это второй абзац. Заявив, что он беседовал с Вами, он пишет дальше: "Господин фон Нейрат сказал, что политика германского правительства заключалась в том, чтобы не предпринимать активных мер в области внешней политики до тех пор, пока не примирятся с присоединением Рейнской области". Далее он об"ясняет, что этим он хотел сказать, что до тех пор, пока не будут построены укрепления на бельгийской и французской границах, германское правительство будет делать все возможное для того, чтобы, наоборот, предотвратить, а не поощрять всякий бунт нацистов в Австрии, и будет вести умеренную политику в отношении Чехословакии. Как только наши укрепления будут построены и страны Центральной Европы поймут, что Франция не может вступить на территорию Германии, когда она этого захочет, все эти страны будут иначе проводить свою внешнюю политику, и создастся новая группировка сил.

Вы согласны с тем, что Вы говорили это?

НЕЙРАТ: Да, конечно. Я вчера и позавчера уже подробно говорил о том, что это должно означать. Все же остальное...

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хочу спросить, согласны ли Вы с моим пониманием этого высказывания. Вы хотели сказать, что как только ваши фортификации на западной границе будут приведены в должный порядок, Вы постараетесь добиться аншлюса Австрии и получить от Чехословакии обратно Судетскую область. Разве не это означают Ваши слова?

НЕЙРАТ: Нет, нет, ни в коей мере. Там ясно написано. Я хотел сказать и сказал, что эти страны, в частности Чехословакия и Франция, изменят свою политику по отношению к Германии, так как они уже не могут больше так легко пройти через ее границы.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы понимаете, подсудимый, что я говорю Вам? Мне кажется, что я сказал совершенно ясно, что в то время, когда Вы стояли перед лицом западных держав с задачей проведения демилитаризации Германии и Рейнской области, + то-есть в 1935 и 1936 годах, - Вы делали такие же заверения Австрии, какие Гитлер в свою очередь делал в 1935 году, и Вы заключили договор в 1936 году. Но как только все примирились с Вашими первыми приобретениями, Вы начали выступать против Австрии и Чехословакии в 1938 году. Я говорю, что Вы говорили истинную правду и предсказывали будущее с точностью Кассандры. Я хочу сказать, что Вы совершенно точно знали об этих намерениях.

НЕЙРАТ: Что?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы говорите, что Вы не знали о них?

14321

H1208 – 0162

H1208 - 0163

НЕЙРАТ: Нет, нет, не знал. А все остальное - это Ваше предположение, правильность которого ничем не доказана.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Мы не будем далее спорить об этом. Мы сейчас рассмотрим еще один вопрос, прежде чем мы перейдем к 1937 году. Вы неоднократно заявляли Трибуналу о том, что Вы не поддерживали нацистской политики в отношении христианской церкви и были против преследования церкви. Я ведь правильно Вас понял?

НЕЙРАТ: Да, да.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы сказали, что Вы активно выступали против всех репрессий, направленных против церкви, и противились им. Будьте любезны, посмотрите на документ 3758-ПС.

Милорд, этот документ представляется в качестве доказательства за № Великобритания - 516. Вы найдете его в книге документов I2-а, страница 81. Это - запись, сделанная в дневнике министра ватикана, очевидно, в начале 1936 года: "Имперский министр иностранных дел переслал со своими личными заметками для секретной информации письмо от статс-секретаря кардинала Пачелли, + который в настоящее время является Папой, + германскому послу в Ватикане, в котором он, Пачелли, настаивает на том, чтобы был прощен главный викарий Зеельмейер. Он, имперский министр иностранных дел, заметил на это, что после резких нападок на германскую ватикана со стороны Святейшего Престола в ноте от 29 января, по его мнению, нет никакого основания итти на какие-либо уступки Ватикану. Однако он советует это сделать, поскольку интересы внешней политики требуют этого для того, чтобы не испортить

хороших личных отношений с Пачелли".

Подсудимый, скажите, можете ли Вы мне привести какие-нибудь факты, которые могли бы проиллюстрировать наличие хотя бы тени Вашей личной заинтересованности в судьбе отца Зеельмейера или речь шла только о том, чтобы не поссориться с кардиналом Пачелли и проявить твердость в отношении Ватикана.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Господин председатель, этот документ только что был предоставлен в мое распоряжение. Я не имел никакой возможности ознакомиться с этим документом или узнать что-либо о нем. Мне также до сих пор не было известно, что на данном процессе упоминался дневник имперского министра юстиции. Поэтому я не могу судить о том, каким образом имперский министр юстиции сделал такие заметки в своем дневнике. И я также не могу судить по этому отрывку, вырванному, очевидно, из общего контекста, о событиях, происходивших в то время; подсудимый, я думаю, также не может этого сделать. Поэтому я должен протестовать против пред"явления этого документа.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это совершенно достоверный документ; он был захвачен. Это копия, снятая с подлинного дневника министра юстиции, и она является поэтому приемлемой, как доказательство против подсудимого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Лэдингхаузен, Вы можете ознакомиться с подлинным документом.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, мне только что мои американские коллеги сказали, что этот дневник использовался здесь ранее, в частности, отрывки приводились в деле против

14323

H1208 – 0164

H1208 - 0165

подсудимого фон Шираха.

НЕЙРАТ: Господин председатель, я не сомневаюсь в том,...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуточку.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Я не мог ничего понять, господин председатель. Я, к сожалению, не мог понять. Теперь я опять понимаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Людингхаузен, когда Вы выступаете с возражениями, Вы должны посмотреть, правильно ли работает аппаратура. Я сказал, что Вы можете познакомиться с подлинным документом. А сейчас мне говорят, что он уже был ранее использован и поэтому нет никаких препятствий для использования его во время перекрестного допроса. Это - захваченный документ и Вы можете ознакомиться с подлинником.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Благодарю Вас. Раньше я этого не знал.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я говорю, подсудимый, что Ваше заявление, сделанное министру юстиции, показывает, что Вас, насколько я понял, интересовал вопрос не о каком-то священнике, на которого была подана жалоба; Вас интересовали только Ваши отношения с Ватиканом и с кардиналом Пачелли, теперешним Папой. Что, это является типичным примером Вашего вмешательства? Является ли это типичным примером Вашего вмешательства в защиту священников,с которыми плохо обращались?

НЕЙРАТ: Я, конечно, не могу сейчас помнить об этом случае. Однако так говорить, как об этом сказано в этой заметке, было с моей стороны вполне справедливо. Если судить по заметке, то я сказал, что у нас нет повода быть особенно предупредительными после того, как кардинал Пачелли /нынешний Папа/ выступил с такими нападками против германской юстиции. Однако, я, как министр иностранных дел,настаивал на том,

чтобы с кардиналом Пачелли сохранялись хорошие отношения. Я не знаю, какой вывод Вы хотите из этого сделать?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я не хотел бы вторгаться в область моих советских коллег, но известно ли Вам, что чешский отчет обвиняет Вас в том, что Ваше правительство, не отдавая предпочтения ни одному вероисповеданию, одинаково плохо обращалось с католиками, с протестантами, с национальной чешской церковью и даже с греческо-ортодоксальной церковью в Чехословакии. Вы знали, что все эти церкви подвергались преследованиям в период Вашего протектората? Согласны ли Вы, что все эти церкви подвергались преследованиям в период Вашего протектората?

НЕЙРАТ: Нет, ни в коей мере.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я не хочу входить в детали, но я хочу Вам сказать, что Ваша забота о различных церквах и вероисповеданиях не заходила слишком далеко.

НЕЙРАТ: Это опять-таки Ваше утверждение, правильность которого Вы не можете доказать.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хотел бы знать, помните ли Вы, что сегодня утром Вы сказали Трибуналу относительно того, в каких прекрасных отношениях Вы были с архиепископом Пражским.

НЕЙРАТ: Я сказал, что у меня были хорошие отношения с архиепископом.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хочу, чтобы Вы посмотрели на этот документ. Милорд, это копия, но генерал Эчер меня уверяет, что подлинник этого документа он сможет получить

14325

H1208 – 0166

H1208 – 0167

из архивов чешского правительства. Я получил его лишь полчаса назад. Представитель Чехословакии генерал Эчер говорит мне, что он может доставить сюда подлинник. Я хочу, подсудимый, чтобы Вы посмотрели на эту копию. Это - письмо, которое Вы получили от архиепископа, не так ли? Милорд, это - документ Д-920, Б-517.

"Ваша светлость, высокочтимый господин имперский протектор. Ваше последнее письмо наполнило меня грустью, потому что я узнал из него, что даже Вы, Ваша светлость, не хотите верить в то, что я потерял сознание и вынужден был вызвать профессора Университета доктора Тиранека, который провел час у моей постели. Сегодня он придет снова вместе с другим профессором - специалистом по внутренним заболеваниям". Далее он называет его фамилию. "Вы можете быть уверены, Ваша светлость, что я всегда буду делать все, что могу, чтобы доставить Вам удовольствие. Однако, помилосердствуйте и не просите меня поступать вопреки законам церкви. С величайшим уважением - кардинал Карл Каспар, архиепископ".

Вы помните это письмо?

НЕЙРАТ: Я не могу сказать, к чему оно относится. В письме об этом ничего не написано. Я также не имею ни малейшего представления об этом. Поэтому я не могу сказать, о чем здесь идет речь.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы не можете припомнить этого случая, когда архиепископ писал Вам и говорил Вам о болезни, от которой он страдал, и о том, что он просит Вас не требовать от него, чтобы он поступал вопреки законам церкви. У Вас это не сохранилось в памяти, не так ли?

НЕЙРАТ. Нет, я этого не помню.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Ну, хорошо, оставим это. Я хотел, чтобы Вы мне сказали об этом до того, как мы перейдем к событиям более позднего периода, а именно к 1937 году. Помните, Вы вчера говорили о Вашей речи. Мне кажется, что эта речь была произнесена в академии германского права. Вы помните эту речь, произнесенную в августе 1937 года? Я могу Вам указать страницу и номер. Вы хотите посмотреть на эту речь?

НЕЙРАТ. Мне следует только сказать, где я произнес эту речь.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Разве Вы не помните? Я хотел лишь сэкономить время, но если Вы не помните, то я Вам расскажу об этом, если хотите. Это - речь от 29 августа 1937 года, и я сейчас укажу Вам номер страницы и книгу документов, в которой она находится. Я хотел спросить Вас, пожалуйста, следующее. Вы сказали там:

"Единство расовой и национальной воли, созданное национал-социалистами, и небывалый порыв сделали возможным проведение внешней политики, которая сорвала оковы Версальского договора..."

Что Вы имели ввиду, говоря "Единство расовой и национальной воли, созданное национал-социалистами"...

НЕЙРАТ. Я имел, очевидно, в виду, что немцы были более едины, чем когда-либо. Я сегодня вообще не могу, конечно, сказать, что я тогда имел в виду. Однако я в основном констатировал факты в этой речи.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Скажите мне о другом. Это было в августе 1937 г. Вы сказали Трибуналу о том впечатлении, которое произвели на Вас слова Гитлера от 5 ноября

H1208 - 0168

H1208 – 0169

1937 года, а Ваш защитник представил по этому поводу показания баронессы фон Риттер. После того, как эти слова...

НЕЙРАТ. В ноябре.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да в ноябре 1937 года.

НЕЙРАТ. Да, да, в ноябре 1937 года.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. После того, как эти слова оказали на Вас такое влияние, с кем Вы обсуждали их? Я имею в виду лиц, которые присутствовали на этой беседе, которую записывал Госсбах.

НЕЙРАТ. В Бархтесгадене я вообще не выступал с этой речью. Это верно. Это было в Берлине. Эта речь...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я не сказал в Бархтесгадене, я сказал на совещании Госсбаха. Мы это называем "совещанием Госсбаха", потому что он вел протокол.

НЕЙРАТ. Я уже сказал вчера, с кем я тогда беседовал, с генерал-полковником фон Фричем и с тогдашним начальником генерального штаба Беком. Я также говорил уже о том, что мы тогда договорились оказывать противодействие тенденциям Гитлера, которые выявились в его речи.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы говорили об этом с Гитлером?

НЕЙРАТ. Да. Вчера я подробно говорил о том, что я имел возможность побеседовать с Гитлером только 14 или 15 января, так как он уехал тогда из Берлина, и я не мог его видеть. Это и послужило причиной тому, что я в то время подал прошение об отставке.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы говорили об этом с Герингом или с Редером?

НЕЙРАТ. Нет, нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хочу, чтобы вы сказали мне в нескольких словах относительно этого Тайного Совета, в который Вы были назначены после того, как Вы покинули министерство иностранных дел. Посмотрите, пожалуйста, на первую фразу отчета о совещании от 5 ноября. Милорд, эта страница 81 английской книги документов № 12 и 93 страница немецкой книги документов. Я попрошу посмотреть только на первые две фразы, подсудимый:

"Фюрер вначале заявил, что вопрос, который будет разбираться на сегодняшнем совещании, является настолько важным, что детальное его обсуждение, безусловно, потребовало бы в другом государстве обсуждения на совещании кабинета в полном составе. Однако он, фюрер, решил не обсуждать этот вопрос в широком кругу имперского кабинета именно потому, что он является столь важным".

Затем, если Вы посмотрите на список присутствовавших, Вы увидите, что это были: фюрер, военный министр, три главнокомандующих, а также министр иностранных дел. Подсудимый, предположим, что в феврале или марте 1938 г. Гитлер захотел бы обсудить вопрос об Австрии на совещании кабинета в таком же узком кругу лиц. Давайте посмотрим, кто бы занял места тех, кто присутствовал на этом совещании. Вместо Бломберга и фон Фрича присутствовали бы подсудимый Кейтель, как начальник ОКВ, и фон Браухич, как командующий сухопутными силами, не так ли?

НЕЙРАТ. Да, я полагаю, что так.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. В действительности Геринг и Редер сохранили свои посты. Подсудимый фон Риббентроп занял Ваш пост, а Вы являлись председателем тайного совета.

14329

H1208 – 0170

H1208-0171

Ламерс был секретарем совета, а Геббельс занял более важный пост - министра пропаганды. Я хочу, чтобы Вы посмотрели сейчас, кто были люди, которые образовали тайный совет. Милорд, Вы найдете это на странице 8-12-й книги документов. Это - 7-ая страница немецкой книги документов. Вы видите, кто сюда входит: подсудимый фон Риббентроп, подсудимый Геринг, заместитель фюрера подсудимый Гесс, доктор Геббельс, начальник имперской канцелярии Ламерс, фон Браухич, Редер и Кейтель. Вы говорите, насколько я Вас понял, что этот тайный совет фактически не существовал и в действительности вообще не собирался. Это правильно?

НЕЙРАТ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Почему тогда Вы, как председатель тайного совета, имели специальные фонды на получение дипломатической информации?

НЕЙРАТ. Я не получал никаких фондов. Я хотел бы знать...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Не получали?

НЕЙРАТ. Нет.

СЭР Дэвид МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Разве? Тогда я прошу Вас посмотреть на документ 3945-ПС. Милорд, это 129 стр.книги документов 12-А. Этот документ представляется в качестве доказательства за № ЗБ-518. Это - письмо от 28 августа 1939 г. от Ламерса Вам лично.

"В соответствии с Вашим требованием, я передал советнику Кэппену сумму в 10.000 имперских марок, которая предоставлена в Ваше распоряжение для специальных расходов на получение дипломатической и политической информации. Я вкладываю расписку, которая показывает, как были использованы эти ~~книги~~ деньги, и прошу Вас вернуть мне эту расписку по израсходовании сумм, но не позже конца бюджетного

года".

Прошу Вас перевернуть страницу, это будет 131-я страница. Тут говорится о том, что в конце марта, т.е. в конце бюджетного года, Вы подписали расписку, которая гласила: "Я получил 10 тысяч имперских марок из имперской канцелярии для специальных расходов на получение дипломатической информации".

Скажите нам теперь, почему Вам выдавались специальные суммы на получение дипломатической информации?

НЕЙРАТ. Да, это я Вам могу сказать. Это выражение я употребил по просьбе Ламерса, руководившего кассой имперской канцелярии, для того, чтобы получить деньги на содержание моего бюро, а именно для оплаты машинистки и секретаря. Я не помню, как называлось это учреждение, перед которым я должен был отчитаться. Да, это было министерство финансов. У меня не было особого бюджета. Г-н Ламерс потребовал, чтобы я употребил это выражение. Это становится ясным из ~~канцелярии~~ квитанции, которая здесь также приложена.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо. Я сошлюсь еще на другие письма. Но я хочу только знать, почему было необходимо чтобы расходы на машинистку и секретаря не подвергались проверке, как об этом говорится на страницах... Милорд, это - стр.134 и 135.

НЕЙРАТ. Я только что сказал, что...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. На стр.143 Вы найдете Ваше письмо, адресованное Ламерсу. Вы пишете: "Для моего бюро нужны специальные дотации на расходы, которые, как мне кажется, не следует подвергать контролю".

Почему Вы считали, что не следует контролировать расходы

14331

H1208 – 0172

H1208 – 0173

на секретаря и машинистку?

НЕЙРАТ. Я в настоящий момент не могу этого сказать. Но я не расходовал никаких средств на получение дипломатической информации. Это лишь расходы на бюро, которые здесь изложены. И здесь приложено...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, теперь...

НЕЙРАТ. Я прошу дать мне возможность говорить.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Пожалуйста.

НЕЙРАТ. Здесь имеется извещение, которое было направлено мне этим секретарем. Ах, нет, это не тот документ...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Теперь Вы, очевидно, закончили. Я ожидал, что Вы скажете, что это были расходы на содержание аппарата. Я прошу Вас посмотреть на документ 3958-ПС. Милорд, это документ ВВ-519. Я считаю, что тут сказано, что Ваши расходы на содержание аппарата проходили по общему бюджету. Это письмо от 8апреля 1942 года, адресованное Вам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Этот документ имеется в книге документов?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, милорд, имеется. Простите, это на 140 странице. Я прошу прощения, милорд. (К подсудимому). В этом письме, адресованном Вам, говорится: "Имперский министр финансов дал свое согласие на то, чтобы Ваши запросы на бюджет на 1942 год были предусмотрены в плане № 1. Поэтому я не возражаю против того, чтобы Ваши необходимые запросы были удовлетворены, даже до того, как будет утвержден этот план, в пределах следующих сумм: на наличные административные расходы до 28.500 марок, на официальные административные расходы до 25.500 марок, итого 54 тысячи рейхсмарок". Суммы на личные расходы и расходы по содержанию аппарата Вы получили в тот же самый период, когда Вы

получили эти дополнительные суммы.

Таким образом, если эта сумма в 10 тысяч марок, которую Вы получали время от времени, не предназначалась на содержание аппарата, то я хочу, чтобы Вы сказали Трибуналу, для чего же в действительности она предназначалась?

НЕЙРАТ. Да, пожалуйста. Я был бы рад, если бы я это сам узнал. Я не знаю, для чего она предназначалась.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это Ваши письма и Вы получали деньги. Разве Вы не можете сказать Трибуналу, для чего Вы их получали?

НЕЙРАТ. Нет. В настоящий момент я этого не могу вспомнить. Может быть после я вспомню.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Может быть для получения дипломатической информации, как об этом говорится в письмах?

Милорд, доктор фон Людингхаузен заявляет, что письмо, которое я представил, относится к 1939 году. Конечно, были и другие письма. Но я не хотел беспокоить Трибунал оглашением каждого из них. Правда, есть другое письмо, в котором имеется ссылка о выплате сумм, от 9 мая 1941 года, и другая ссылка о выплате сумм от 30 июня 1943 года. Милорд, это- стр.133 и 134. Простите, милорд, я не указал точно всех деталей. Быть может, мне следовало это сделать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Там еще есть письмо на 137 странице, сэр Дэвид. Оно может также иметь некоторое отношение к делу. Это письмо от некоего человека, который подписал это письмо, поставив букву "К". Это тот же человек, который написал предыдущее заявление.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да. (Обращаясь к подсудимому).

14333

H1208 – 0174

H1208 - 0175

Посмотрите, пожалуйста, подсудимый, на документ 3945-ПС. Это - письмо от 14/УП-43 года. Оно подписано буквой "К". "Когда я разбирал вопрос о специальных фондах, компетентные лица в имперской канцелярии проявили полнейшее понимание этого вопроса и попросили Вас представить письменное ходатайство, Ваша светлость. Когда я ответил, что я не хочу представлять такого ходатайства до тех пор, пока успех не будет гарантирован, они попросили предоставить им еще некоторое время для дальнейшего обмена мнениями. Через несколько дней я получил указание, что я могу без всяких колебаний представить Ваше ходатайство, после чего я передал письмо, которое я ранее придержал. Требуемая сумма была вручена мне сегодня и я внес эту сумму на свой специальный счет".

НЕЙРАТ. Да, несмотря...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Помогает ли это вам вспомнить сейчас факты? Можете ли Вы сказать Трибуналу, каковы были специальные расходы для получения дипломатической информации, на которые Вы получили эти суммы?

НЕЙРАТ. Я очень сожалею, однако, я не могу вспомнить о всей этой истории. Бросается в глаза, что это письмо датировано 14 июля 1943 года, когда я вообще не вел никакой деятельности, когда я был отстранен от всякой деятельности. Я в настоящий момент не помню об этом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Знаете ли, это очень странно, еще в одном письме, документ 3958-ПС от 8 января 1943 г., а также и в последующих письмах - от 4 марта и 20 апреля - об"ясняется ваш от"езд из дома № 23 по Рейнбабен Алее и прекращение Ваших расходов, когда Вы уехали из города. Я

хочу задать Вам несколько вопросов по поводу этого дома. Посмотрите на письменное показание американского консула г-на Гайсти.(Обращается к председателю). Милорд, это - документ 1759-ПС, США-420; я уже ссылался на него сегодня утром.(Обращается к подсудимому):

Вилержка, о которой я хочу Вас спросить, находится в середине абзаца. Милорд, это - в конце страницы 11 английского экземпляра письменных показаний.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы имеете отдельный экземпляр этого документа?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, милорд. Это в конце 11-й страницы. Абзац начинается словами: "Еще один случай такого рода имел место у моего хозяина квартиры".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я теперь попрошу, милорд, посмотреть на 10 строчек ниже. После того, как он говорит, что хозяин его квартиры должен был отдать свой дом СС, он заявляет: "Я знаю, что во многих случаях, когда считали необходимым увеличить давление, будущих покупателей или их агентов, обычно сопровождали одетые в форму бойцы СС или СА. Я знаю об этом потому, что я жил по соседству и знаю лиц, которых это касалось. Я знаю, что барон фон Нейрат, одно время бывший министром иностранных дел Германии, таким образом получил дом одного еврея. Он был моим соседом в Далеме. Дом Нейрата стоил, примерно, 250 тысяч долларов".

Скажите, этот дом находился на Рейнбабен Алее, 23?

НЕЙРАТ. Да, да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Скажите, пожалуйста, кто приобрел его для Вас, с тем, чтобы председатель несуществую-

74325.

H1208 - 0176

H1208 – 0177

шего тайного совета мог пользоваться этим домом, как своей официальной резиденцией? Кто приобрел этот дом?

НЕЙРАТ. Я не понял Вашего вопроса.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Кто приобрел для Вас этот дом на Рейнбабен Аллее 23?

НЕЙРАТ. Я могу это Вам рассказать. В 1937 году, когда Гитлер строил здание для своей новой имперской канцелярии, он мне однажды заявил, что я должен переселиться из моего старого дома, который находился за зданием министерства иностранных дел, так как он хочет включить сад при этом доме в участок своей имперской канцелярии, а дом будет снесен. Он дал указание имперскому строительному управлению предоставить мне новый дом. Имперское строительное управление предложило мне несколько домов, причем это были конфискованные еврейские виллы. Однако я от этого отказался.

Я должен был теперь сам искать себе дом. Мой домашний врач, которому я об этом сообщил, сказал, что он знает один дом в Далеме. Это и есть как раз дом № 23 на Рейнбабен Аллее. Мой врач был также домашним врачом в семье владельца этого дома. Дом принадлежал подполковнику Глотцу, брату моего близкого друга. Я сообщил об этом имперскому строительному управлению и просил вступить в переговоры с тем г-ном. В результате переговоров было достигнуто соглашение, причем была установлена цена не в долларах, а в марках.

Эта сумма по просьбе подполковника Глотца была выплачена наличными, а впоследствии, по его желанию – я добился этого у министра финансов, – была переведена в Швейцарию.

14336

Я хочу отметить, что тогда я еще был министром иностранных дел. После этого я остался в этом доме, по той причине, что я не получил другого дома и мой преемник, министр иностранных дел фон Риббентроп, поселился в старом президентском дворце. В 1943 году этот дом был разрушен. Я и до сих пор не могу об"яснить, что это была за сумма, о которой Вы говорили. Может быть, это была сумма, предоставленная имперской кассой. Этого я сказать не могу при всем своем желании. Однако эти показания г-на Гейста совершенно неправильны. Я этот дом купил не у какого-нибудь еврея, а купил его у христианина, подполковника Глотца.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы говорите нам, что Вы перевели деньги на его текущий счет в Швейцарию?

НЕЙРАТ. Да, так как господин Глотц уехал в Швейцарию; мне кажется, между прочим, что его жена была неарийка.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Очень хорошо. Я хотел бы прочитать еще следующую фразу, после чего я закончу рассмотрение этого документа:

"Я знаю также, что Альфред Розенберг, который жил со мной на одной улице, получил дом от еврея точно таким же образом".

Вам известно что-нибудь по этому поводу?

14337

H1208 – 0178

H1208-0179

НЕЙРАТ: Я вообще не знаю, каким образом получил Розенберг свой дом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Теперь, подсудимый, я хочу чтобы Вы перешли к событиям, относящимся к марту 1938 г. Я думаю, что мы сможем коротко рассмотреть этот вопрос, если я Вас правильно понял. Вам известно, что Обвинение ссылалось на ваш ответ британскому послу относительно аншлюса? Насколько я Вас понял, вы теперь не утверждаете, что данный Вами тогда ответ являлся правильным, а заявляете, что это было все то, что Вы тогда могли сказать на основании имевшейся у вас информации; это правильно?

НЕЙРАТ: Да, совершенно правильно. Это верно. Это неправильные сведения. Но это то, что я тогда знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы сказали, что Вы не слышали ни от Гитлера, ни от Геринга ни единого слова относительно ультиматума, пред"явленного сначала г-ну фон Шушнигу, а потом президенту Миклашу. Вам ничего об этом не говорили. Вы об этом заявляете здесь?

НЕЙРАТ: Нет, тогда я об этом не знал. Я узнал об этом позже.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: /Обращаясь к председателю/: Милорд, я собирался на этом закончить рассмотрение этого вопроса. Я не буду входить в детали, поскольку он очень подробно рассматривался здесь несколько раз и поскольку подсудимый не оспаривает точности моего утверждения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне бы хотелось выяснить вопрос о том, когда он узнал о действительном положении вещей?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Благодарю. /обращаясь к подсудимому/: Когда Вы узнали о действительном положении вещей

относительно предполагавшегося аншлюса?

НЕЙРАТ: Подробности вообще я узнал здесь, когда мне был пред"явлен доклад советника миссии Гезеля. Я уже раньше слышал, что на господина Шушнига было оказано давление. Но точные подробности всего этого я узнал только здесь, в Нюрнберге.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я лишь хотел выяснить этот вопрос. Вы говорите, что в период между II марта и Вашим приездом в Нюрнберг Вы ничего никогда не слышали относительно угрозы вступления немецких войск в Австрию, которая содержалась в высказываниях подсудимого Геринга, Кепплера или генерала Муффа от его имени? Вы никогда не слышали об этом?

НЕЙРАТ: Нет, тогда я ничего не знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Тогда я хочу спросить Вас относительно заверений, которые Вы дали чешскому министру в Берлине г-ну Мастны.

Я хочу, чтобы Вы посмотрели на документ I22. Он находится в I2-ой книге документов, на странице I22-ой I2-й книги документов.

Выдержка, о которой я хочу спросить Вас, находится в шестом параграфе. После того, как Вы рассматриваете вопрос о беседе с подсудимым Герингом относительно мобилизации в Чехословакии, Вы далее говорите:

"Г-н Мастны собирался дать ему определенные и весьма связывающие заверения по этому вопросу", т.е. по поводу мобилизации в Чехословакии, "и сегодня, то есть I2 марта, он говорил с бароном фон Нейратом, который, между прочим, заверил его от имени господина Гитлера в том, что Германия

14339

H1208 - 0180

H1208 -0181

все еще считает себя связанной германо-чехословацкой конвенцией об арбитраже, заключенной в Локарно в октябре 1925 года".

Вы сказали Трибуналу и мы, кроме того, слышали показания баронессы фон Риттер о том, что совещание от 5 ноября обеспокоило Вас и даже вызвало у Вас тяжелый сердечный припадок. Один из вопросов, которые обсуждались на этом совещании, касался нападения не только на Австрию, но и на Чехословакию для того, чтобы обеспечить немецкие фланги.

Почему Вы думали 12 марта, что Гитлер будет считать себя связанным германо-чехословацкой конвенцией об арбитраже, которая предусматривала, что всякие разногласия между Германией и Чехословакией должны были передаваться на рассмотрение Совета Лиги Наций или Международного суда? Почему же, бога ради, Вы тогда считали возможным, что Гитлер будет передавать свои разногласия с Чехословакией на рассмотрение одной из этих организаций?

НЕЙРАТ: Это я могу Вам сказать совершенно точно. Я вчера уже показывал, что Гитлер 11 числа вечером вызвал меня к себе по причинам, которые я еще и сегодня не могу об"яснить, и заявил мне, что вступление войск в Австрию должно произойти ночью. На мой вопрос или на мое замечание о том, что это вызовет в Чехословакии большое беспокойство, - он заявил, что он не имеет в настоящий момент никаких намерений в отношении Чехословакии и что он даже надеется, что после вступления войск в Австрию или занятия Австрии отношения с Чехословакией значительно улучшатся.

Из этой фразы, из этого заверения о том, что ничего

не произойдет, я сделал вывод, что все останется так, как есть, и что мы считаем себя связанными договором от 1925 года. Таким образом, с совершенно чистой совестью я мог дать эти заверения господину Мастни.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Верили ли вы хоть одному слову из того, что сказал Гитлер 12 марта 1938 года? Вы все еще верили тому, что сказал Гитлер 12 марта 1938 г.?

НЕЙРАТ: Да, тогда еще верил.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Мне кажется, фон Фрич был вашим другом, не так ли?

НЕЙРАТ: Кто?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Генерал-полковник фон Фрич? Он был Вашим другом?

НЕЙРАТ: Да, да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И Вы ведь совершенно не верили в то, что он был виновен в том, что занимался педерастией? Ведь Вы не верили в это?

НЕЙРАТ: Нет-нет, никогда.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Разве Вы не знали, что в январе 1938 года против него было подстроено обвинение в мужеложестве?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Быть может, вы будете любезны ответить на вопрос, вместо того, чтобы кивать головой?

НЕЙРАТ: Да, да, я это знал; я узнал, что это обвинение было сфабриковано, но, по моему предположению,-гестапо, а не Гитлером.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Разве вы не знали, что эти отвратительные обвинения против фельдмаршала фон Бломберга и

H1208 – 0182

H1208 – 0183

генерал-полковника фон Фрича были сфабрикованы вашими коллегами по правительству, членами нацистской банды?

НЕЙРАТ: Нет, деталей я не знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы помните, что в период Мюнхена, когда Вы на некоторое время снова вернулись к делам, президент Бенеш написал меморандум, в котором напоминал~~ся~~ о конвенции, об арбитраже, а Гитлер просто отложил его в сторону. Вы помните, что 12 сентября он отказался рассматривать этот меморандум?

НЕЙРАТ: Нет, я этого не помню. Я тогда уже не имел официального поста, и вообще не мог видеть такого рода документы. Я этого не знаю.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы не знаете? Но ведь об этом писали и в германской прессе и во всех прочих газетах мира; везде писали, что он написал меморандум, напоминая об этой конвенции, а Гитлер отказался даже взглянуть на этот меморандум.

Однако, Вы утверждаете, что Вы 12-го марта искренне верили в то, что Гитлер будет действительно придерживаться этой конвенции. Вы действительно это утверждаете?

НЕЙРАТ: Да, тогда у меня не было никаких сомнений.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, я думаю, что сейчас удобно об"явить перерыв.

(Объявляется перерыв на 10 минут).

Встать! Суд идет!

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Подсудимый, вы вчера говорили относительно меморандума генерал-лейтенанта Фредеричи. Вы помните, что в этом меморандуме Фредеричи ссылался на Ваш меморандум, в котором Вы говорите о том, как следует

14342

поступить с Чехословакией?

Теперь я хотел бы, чтобы Вы обратились к документу 3859 с тем, чтобы Трибунал на основании Ваших собственных слов мог заключить о Вашем отношении к чехам.

Милорд, этот документ содержится в документальной книге I2-A, страница I07.

Я вначале зачитав Ваше письмо к Ламмерсу от 3I августа I940 года.

Милорд, этот документ предоставляется за номером BB-520.

В Вашем письме сказано: "Дорогой господин Ламмерс! К настоящему письму я прилагав меморандум, о котором я уже упоминал в своем письме от I3 июля I940 года; меморандум касается вопроса о будущем статуте Богемии и Моравии. Я прилагав к письму еще один меморандум по тому же вопросу, который был составлен моим статс-секретарем К.Г.Франком, независимо от меня; выраженные в этом меморандуме идеи приводят к тем же выводам, которые я изложил в своем меморандуме." Прошу Вас обратить внимание на следующие слова - "и я с ним полностью согласен". „Будьте добры предоставить оба эти меморандума фюреру и договоритесь, пожалуйста, о дне, когда фюрер может лично принять меня и моего статс-секретаря Франка. Как я слышал из неофициальных источников, ряд этих отделов партии и прочих ведомств намеревается предоставить фюреру предложения относительно разделения территории вверенного мне протектората, не сообщив мне подробностей этих проектов. Я был бы вам очень благодарен, если бы Вы назначили дату моей беседы с фюрером, пока еще не поздно для меня; я, как имперский протектор, компетентный в этих вопросах, и как человек, хорошо разбирающийся в проблемах

H1208 – 0184

H1208 - 0185

Чехословакии, а также мой статс-секретарь должны получить возможность предоставить Фюреру свои соображения по этому поводу до того, как ему будут предоставлены всевозможные планы и проекты со стороны других лиц".

Я сейчас хотел бы перейти к вопросу, который, по моему мнению, представляет собой сущность Вашего собственного меморандума. Если Вы обратитесь к ... Это Ваш меморандум. Посмотрите на первый абзац раздела первого: "Все соображения по поводу будущей организации Богемии и Моравии с национально-политической /штатополитик/ и этническо-политической /фолькополитик/ точки зрения должны основываться на одной цели, которую мы должны поставить перед собой.

"С точки зрения национально-политической может существовать только одна цель - окончательное об"единение этих территорий с Великой Германской Империей. С этническо - политической точки зрения эту территорию следует заселить немцами". Затем Вы говорите, что указываете на путь к достижению этих целей. Прошу Вас перейти к разделу второму Вашего меморандума; в середине второго абзаца Вы найдете дополнительный параграф, который начинается словами...

Милорд, это начало страницы 109 Вашего текста:

"Эти 7.200 тысяч чехов, из которых 3.400 тысяч живут в городах и поселениях с численностью населения более 2 тысяч человек в каждом и 3.800 тысяч живут в поселениях с численностью населения менее 2.000 человек в каждом, находятся под руководством и влиянием интеллиренции, кото-

рая в этой стране составляет слишком большую прослойку по отношению к размерам страны. Эта часть населения, т.е. интеллигенция, также пыталась после изменения конституции в этих районах более или менее открыто саботировать или во всяком случае добиться отсрочки в проведении необходимых мер, которые были намечены для того, чтобы приспособить существующие в стране условия к новому положению вещей. Остальная часть населения, мелкие ремесленники, крестьяне и рабочие, лучше приспособились к новым условиям жизни".

Далее я попрошу Вас перейти к параграфу 3, где Вы говорите:

"Однако, если бы на основании этого мы пришли к заключению, что правительство и население вели себя лояльно, потому, что они в душе примирились с потерей независимости своего государства и включением его в состав Великой Германии, мы совершили бы фатальную ошибку. На немцев продолжали смотреть, как на непрошенных захватчиков, и среди народа было широко распространено стремление вернуть прежнее положение вещей, хотя народ и не решался открыто выражать подобные чувства.

Постепенно начинало население признавать новый порядок, но это об"ясняется лишь тем, что люди либо обладали необходимой рациональной дальновидностью, либо боялись последствий, которые могло повлечь за собой неповиновение. Они безусловно поступали так, не исходя из своих убеждений. Такое положение вещей будет иметь место в течение некоторого времени". "Однако",-гласит далее раздел третий,-"пока дело обстоит таким образом, что следует притти к решению, как нужно поступить с чешским народом, чтобы достичь нашей цели - присоедине-

14345

H1208-0186

H1208 - 0187

ния их страны к Германии и заселения ее немцами как можно скорее и по возможности в больших масштабах."

"Наиболее радикальное и окончательное разрешение этой проблемы в теоретическом отношении заключается в том, что из этой страны следует совершенно выселить всех чехов и на их место расселить немцев". Далее Вы говорите, что это неосуществимо, т.к. нет достаточного количества немцев, чтобы немедленно заселить всю страну.

Затем, во втором параграфе, во второй его половине, Вы говорите...

Милорд, на странице 110-й, — его последние шесть строчек.

"Разрешение этой проблемы в отношении чехов будет выражаться в том, что, с одной стороны, следует путем отбора выделить тех чехов, которые могут быть подвергнуты германизации, и оставить их в стране и, с другой стороны, выселить тех чехов, которые с расовой точки зрения не могут быть использованы или являются врагами империи; последнее касается интеллигенции, которая за последние 20 лет сильно продвинулась в своем развитии. Если мы будем применять такие методы, германизация может быть проведена успешно". Подсудимый, вы знаете, что в обвинительном заключении настоящего процесса Вы и остальные подсудимые среди других преступлений, обвиняетесь в геноциде, который мы определяем, как истребление наций и рас, и который профессор Лемкин в его широко известной книге называет "координированной атакой на основы жизни национальностей и рас с окончательной целью уничтожения расовых групп и наций".

14346

Вы хотели избавиться от учителей, писателей и певцов Чехословакии, людей, которых Вы называете интеллигенцией, людей, которые должны были бы передать последующим поколениям историю и традиции чешского народа. Это были те люди, которых Вы, исходя из того, что сказано в Вашем меморандуме, хотели уничтожить, не так ли?

НЕЙРАТ. Это не совсем так. Здесь...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Одну минуту. Перед тем, как ответить на этот вопрос, скажите, предусматривалось ли, что Вы в той цитате, которую я огласил Вам в последнюю очередь. "...выселить тех чехов, которые с расовой точки зрения не могут быть использованы или являются врагами империи; последнее касается интеллигенции, которая за последние 20 лет сильно продвинулась в своем развитии",— Вы действительно имели в виду то, что тогда говорили? Говорили ли Вы прямо, сказали, что необходимо уничтожить интеллигенцию?

НЕЙРАТ. На это я могу сказать только одно: "да" и "нет", но предварительно я должен заявить о том, что из этого отчета следует, что меморандум был составлен Франком. Я не согласился с тем, что там было написано. Это было 31 августа 1940 г. Меморандум, который упомянут в отчете Фредерике, относится к более позднему периоду времени. Сейчас я точно этого не знаю.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я думаю, Вы обнаружите... Я сейчас передам Вам письмо Зиппе, в котором излагаются взгляды Гитлера; я думаю, Вы сейчас обнаружите, что Гитлер основывался именно на этом меморандуме. Сейчас я покажу Вам меморандум Франка. Я утверждаю, что, как Вы сказали Ламмерсу, Вы приложили к письму свой меморандум, а также и другой меморандум, наиболее важные части которого я Вам

14347

H1208 – 0188

H1208 – 0189

сейчас оглашу, — меморандум Карла Германа Франка. Он представляет собой...

НЕЙРАТ. Они оба были составлены Франком.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я Вам их сейчас покажу... Но я хотел бы, чтобы Вы вначале обратились к своему письму от 31 августа, где Вы говорите: "К настоящему письму я прилагаю меморандум" и далее Вы продолжаете: "Я прилагаю к письму еще один меморандум.., который был составлен моим государственным секретарем К.Г.Франком, независимо от меня... и я с ним полностью согласен". Я утверждаю, что Вам известно о том, что это именно Ваш... это Ваш меморандум, на который имеется ссылка, как на...в документе Фредериче...

Милорд, это страница 131 документальной книги № 12, в которой Фредериче говорит: "После продолжительных обсуждений имперский протектор изложил в этом меморандуме свою точку зрения на различные проекты и планы". Я утверждаю, что Вы послали Ламмерсу для передачи фюреру именно свой меморандум. Вы хотите сказать... Вы действительно хотите заявить Трибуналу, что это не Ваш меморандум?

НЕЙРАТ. Нет, я этого не хочу утверждать. Сейчас я действительно не помню об этом. Этот меморандум был составлен не мною, но я был согласен с содержанием этого меморандума. Об этом как раз и говорится в письме к Ламмерсу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Однако, если Вы были согласны с содержанием этого меморандума, что же вы в таком случае имели в виду, говоря, что интеллигенцию нужно изгнать из Чехословакии, если Вы не намеревались сломить Чехословакию, как национальное единство, и изгнать из нее людей, которые могли сохранить историю страны, ее традиции

и люди? Разве Вы не этим руководствовались, намереваясь пагнать интеллигенцию из пределов страны?

НЕЙРАТ. Я никогда не говорил об "уничтожении", но то, что интеллигенция...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я употребил слово "изгнать".

НЕЙРАТ. Ах, так.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. ...это было Ваше собственное выражение.

НЕЙРАТ. Интеллигенция представляла собой самое большое препятствие для осуществления сотрудничества между нацией и чехами. Для достижения этого сотрудничества /как известно, это было целью моей политики/, мы должны были в какой-то степени уменьшить эту пропасть, и главным образом уменьшить влияние интеллигенции.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы сказали, что это необходимо для проведения в жизнь Вашей политики, но под проведением в жизнь Вашей политики Вы имеете в виду уничтожение чешского народа, как национальной единицы, со своим языком, историей и традициями, и присоединение его к Великой Германской Империи. Такова была Ваша политика, не так ли?

НЕЙРАТ. Моя политика заключалась в том, чтобы ассимилировать чехов в такой степени, в какой это оказется возможным. Но окончательных результатов такой политики можно было ожидать еще очень не скоро. Поколения прошли бы, пока такая цель была бы достигнута. Вначале не было необходимости добиться сотрудничества, чтобы вопрос стоял остро и порядок.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Сейчас, перед тем... перед тем, как я представлю Вам некоторые факты, с которыми Вы были полностью согласны, я хочу , чтобы Вы обратились к

14349

H1208 – 0190

H1208 – 0191

7 параграфу Вашего собственного меморандума.

Минорп, это страница 113 документальной книги 12-А.

В разделе УП Вы говорите:

"Всли заняться рассмотрением тех колоссальных задач, которые встанут перед германской нацией после завершения победоносной войны, совершенно ясной станет необходимость тщательного и рационального использования пленных. Имеется так много задач, за разрешение которых необходимо взяться одновременно и самым тщательным образом, не откладывая их в долгий ящик, что перед нами встает необходимость применения и проведению этих задач в жизнь всех пленных, способных принять в этом участие. Великая германская империя должна будет в очень большой степени использовать помощь иностранцев во всех областях и сферах жизни. Однако, совершенно необходимо будет придерживаться того правила, чтобы ответственные должности назначались немцы и чтобы немцы взяли в свои руки бразды народного правления во всех случаях, когда затрагиваются интересы Империи."

В этом меморандуме Вы вчерне составляли планы того, каким образом следует поступить с чехами после войны, исходя из точки зрения победы Германии. Вы считали, что чехи должны исчезнуть, как нация, и войти в состав германской империи? Разве Вы не намеревались осуществить это?

НЕЙРАТ. Заставить исчезнуть чехов, как нацию, вообще не было возможно. Это было просто невозможно. Они должны были лишь установить еще более тесные связи с империей. Вот что я подразумевал под словом "ассимилировается". Кроме того в этом меморандуме также сказано, что "если смотреть с расовой точки зрения"... Это сомнительное выражение употреблено в связи с тем, что в Чехословакии было исключитель-

но много немцев.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Обратитесь, пожалуйста, к следующей странице и посмотрите на... меморандум Вашего статс-секретаря, с которым Вы полностью согласны. Рассмотрим содержание этого документа.

Ваша честь, Вы найдете начало этого документа в приложении № 2, на странице 115.

Здесь статс-секретарь излагает эту проблему. Во втором предложении он говорит:

"Вопрос о том, в состоянии ли протекторат во главе с имперским протектором разрешить чешскую проблему и следует ли его в этих целях сохранить, или он должен уступить место какой-либо иной форме правления, поднимается уже очень многими людьми и составляет содержание этого меморандума. Этот документ ставит себе целью кратко :

"а) изложить характер всей чешской проблемы,

б) проанализировать те пути, при помощи которых она разрешается в данное время,

в) изучить предлагаемые в этой связи изменения с точки зрения их приемлемости и, наконец,

г) выразить независимое мнение по всему этому вопросу"

Я хотел бы, чтобы Вы теперь взглянули на независимое мнение Вашего статс-секретаря, с которым Вы полностью согласны.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не считаете ли Вы, что Вам следует огласить две последние строчки?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, да, милорд, прошу прощения.

"От принятия правильного решения по этому вопросу зависит разрешение чешской проблемы. Мы, таким образом, несем

14351

H1208 – 0192

H1208 – 0193

на себе всю ответственность на протяжении будущих веков".

Теперь, милорд, я обращусь к странице 121-й, с которой начинается изложение личного мнения Франка... Это страница 121 раздела Д меморандума, которая начинается словами: "Цели имперской политики в Богемии и Моравии должны сводиться к окончательной германизации как территории, так и людей. Для достижения этого имеются две возможности:

"1. Полная эвакуация чехов из Богемии и Моравии на территорию, расположенную вне империи, и заселение немцами освобожденных от чехов территорий, или

II. Если оставить в Богемии ~~или~~ и Моравии большинство чехов, то по отношению к ним следует применять целый ряд самых разнообразных методов в целях их германизации в соответствии с намеченным планом".

X.

"Подобная германизация обеспечит:

1) Изменение национальности чехов, отвечающих расовым требованиям;

2) ~~Изъятие~~ удаление непригодных в расовом отношении чехов и интеллигенции, которая является врагом империи, или применение к этим и прочим подрывным элементам "специального обращения;"

3) Колонизация освобожденной таким образом территории представителями своей германской крови".

Теперь я хочу, чтобы вы обратились к тому месту, где Ваш статс-секретарь переходит к конкретным предложениям в отношении политики германизации. Не забывайте, что в письме к Ламмерсу Вы выражаете полное согласие с этими

14352

предложениями.

Милорд, прошу Вас обратиться к странице 123 этого меморандума, где имеется заголовок "Молодежь". "Проведение фундаментальных изменений в области образования - уничтожение чешского исторического мифа". Таково первое положение. "Разрушать всякое представление, которое имеется у чехов в отношении истории их страны, начиная со времен святого Ванцеслауса, т.е. около тысячи лет тому назад". Это Ваше первое положение. "Необходимо внести изменения в характер образования в соответствии с теориями империи. Нельзя разрешать чехам получать работу и жить, если они не владеют безупречно немецким языком. Нужно прежде всего закрыть средние школы, а впоследствии распустить также и начальные школы. Следует навсегда прекратить существование каких-либо чешских университетов; можно допустить лишь временную деятельность "Коллегиум Богеминус" при германском университете в Праге. Нужно ~~применить~~ использовать метод применения насильственного труда, сроком на два года.

"Проведение земельной политики должно принять широкие масштабы, охватывая создание германских островков и перешейков, особое внимание обращая на продвижение германских национальных земель с севера до окрестностей Праги.

"Кампания против чешского языка ставит своей целью превращение чешского языка в диалект, подобно тому, как это имело место в 17 и 18 столетиях, и полнейшее его исчезновение, как языка официального.

"Браки могут разрешаться лишь после предварительного исследования обеих сторон с расовой точки зрения.

14353

H1208 - 0194

H1208 – 0195

В целях окончательного включения Чехословакии в состав империи следует уничтожить границу между гаулейтунгами.

"Помимо постоянной пропаганды германизации и раздачи некоторых милостей в качестве приманки, следует применять всевозможные политические методы, включая ссылку и "специальное обращение" для всех саботеров, следуя политике "кнута и пряника".

Что это такое?.. "Буккерброт унд пейтше"?

"Применение всех этих методов может быть успешным только в том случае, если всем планированием, руководством и подготовкой этой политики будет ведать один представитель империи, в руках которого будет сконцентрировано все управление. Непосредственное подчинение "хозяина Богемии" до юреру раз"ясняет политический характер этой задачи и предотвращает возможность превращения политической проблемы в проблему административную. Другими словами, весьма значительным фактором этой политики является необходимость того, чтобы Вы сохранили свой пост имперского протектора, а Франк – должность Вашего статс-секретаря, а также, чтобы гаулейтер Нижне-Дунайской области не имел возможности вмешаться в эту политику и забрать себе Браунау в качестве столицы своего гаулейтунга".

Итак, подсудимый, можете ли Вы подтвердить настоящему Высокому Трибуналу, что Вы говорили д-ру Ламмерсу, а именно, что Вы полностью согласны с этими, как я утверждаю, ужасными, бессердечными и беспринципными предложениями? Скажите, Вы согласны с этими предложениями?

НЕЙРАТ. Нет, я не согласен, ни коим образом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Почему же Вы в таком случае

14354

заявили Лаутерсу, что Вы с ними согласны? Почему, когда все ему гладко, Вы сказали Лаутерсу, что согласны с этими предложениями?

НЕЙРАТ. После этого я делал фюреру доклад по этому вопросу. Впрочем, из того, что Вы сейчас зачитали, ясно явствует, что этот первый меморандум был составлен Францем, который составил затем и второй меморандум. Если вы в конце говорили, что цель, которую я преследовал, заключалась в том, чтобы остаться на посту протектора, то в ответ на это я могу Вам сказать, что, если и существовала вообще какая-нибудь цель в этом отношении, то лишь следующая: Франк хотел стать имперским протектором. Что же касается содержания, то я сегодня ~~и в то время~~ не могу согласиться с ним. Я не был согласен с ним и в то время, когда делал доклад фюреру. Это ясно явствует из моих вчерашних показаний. Эти показания...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Меня сейчас не интересуют те показания, которые Вы давали вчера. Я в данную минуту говорю о том, что Вы писали в 1940 году; Вы тогда писали - я вновь зачитаю Ваши слова; я огласил их здесь уже три раза.

"Я принятию еще один меморандум по тому же вопросу, который был составлен моим статс-секретарем Францем, независимо от меня" - "независимо от меня", - выраженные в этом меморандуме идеи приводят к тем же выводам, которые я изложил в своем меморандуме, и я с ним полностью согласен". Почему же Вы...

НЕЙРАТ. Я сейчас сказал же Вам, что я сегодня не присоединяюсь к его мнению и высказываниям. В то время, когда я выступал с докладом у фюрера по поводу содержания

14355

H1208 – 0196

H1208 – 0197

этого меморандума, я также не подтверждал его. Я вчера в своих показаниях уже говорил о том, какие я сделал предложения фюреру, и о том, что фюрер дал свое согласие.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сэр Дэвид, правильно ли сделаны копии этих документов? Видите ли, в письме от 31 августа 1940 г. на полях имеется ссылка "Приложение 1; Приложение 2".

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Совершенно верно, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Таким образом, это письмо устанавливает достоверность этих документов.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, милорд; это так. Один из этих документов, как я утверждаю, составлен подсудимым, другой - Франком.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы упомянули здесь о том, подсудимый, что Вы передали эти документы также на рассмотрение фюреру. Я утверждаю, что это ложь; ложью является и то, что Вы передавали их на рассмотрение фюреру. Я самым решительным образом заявляю, что это ложь.

НЕЙРАТ. Я очень сожалею, но я должен сказать, что в данном случае лжете Вы. Мне лучше знать, говорил я с фюрером или нет. Я лично делал ему доклад, причем Франк при этом не присутствовал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, давайте обратимся к отчету, к Вашему собственному отчету. Милорд, Вы найдете это на странице 7.

Теперь мы увидим, правда ли это.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какая это страница?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это страница 7-я, милорд, документ № Д-739 той же книги документов 12 А, он представляется за номером ВВ-821.

Документ представляет собой меморандум, секретный меморандум представителя министерства иностранных дел при имперском протекторе, датированный 5 октября.

Вы припомните, что Ваше письмо было от 31 августа. Там сказано: "В связи с приемом имперского протектора и статс-секретаря Франка у фюрера я из достоверных источников узнал следующее:

Министр юстиции Гюртнер вначале составил отчет по поводу движения сопротивления чехов и в этом отчете он упомянул о том, что дело четырех главарей чешского движения сопротивления будет слушаться в народном суде.

Фюрер возражал против этого и заявил, что для чешских повстанцев и мятежников вполне достаточны будут карательные отряды. Привлечение к ответственности невиновных в результате вынесения судебных приговоров было бы ошибкой, как это уже было доказано делом Андреаса Гофера и Шлагетера. Чехи так или иначе любой приговор будут рассматривать как несправедливость. Однако, ввиду того, что рассмотрение этого дела уже началось в рамках законного судопроизводства, оно должно далее вестись тем же путем. Процесс должен был быть отложен до конца войны,

H1208 – 0198

H1208 – 0199

когда во время торжеств по случаю победы он провел бы кеза - меченным. Могут быть вынесены только смертные приговоры, но впоследствии их можно заменять пожизненным заключением или высылкой.

В связи с вопросом о судьбе протектората в будущем, фюрер коснулся следующих трех возможностей разрешения этого вопроса:

1. Продолжить существование автономии Чехословакии, при которой немцы будут жить в протекторате в качестве сограждан чехов, пользуясь равными с ними правами. Эта возможность, однако, исключается, так как нам приходится принимать во внимание возможность интриг со стороны чехов.

2. Вывоз чехов из страны и германизация территории Богемии и Моравии путем заселения ее немцами. Эта возможность также исключается, так как на осуществление этого потребовалось бы сто лет.

3. Германизация Богемии и Моравии путем германизации чехов, т.е. путем их включения в германскую империю. В отношении большей части чешского народа последнее возможно. Из этих мероприятий по ассимиляции придется исключить тех чехов, против которых имеются возражения с расовой точки зрения или тех, у которых замечаются анти-германские настроения. Эту категорию лиц придется удалить.

Фюрер принял решение в пользу третьего варианта. Он через имперского министра Ламмерса отдал приказ о прекращении принятия проектов о разделе протектората. Фюрер далее решил, что в целях проведения однородной политики по отношению к чехам, центральное имперское управление всей Богемией и Моравией должно находиться в Праге.

14358

Таким образом настоящее положение в протекторате остается неизменным".

Посмотрим теперь на последнюю фразу:

"Решения фюрера основывались на идеях и принципах, которые были изложены в меморандумах, предложенных ему протектором и статс-секретарем Франком".

Подсудимый, хотя Вы столь резко ответили мне минуту тому назад, из этого документа все же явствует, что после приема имперского протектора и статс-секретаря представитель министерства иностранных дел в Вашем отделе заявил, что решение фюрера основывалось на тех идеях и принципах, которые были изложены в меморандумах, представленных ему Вами и Вашим статс-секретарем Франком. Почему же Вы говорите, что я сейчас заявляю, что это ложь; почему Вы утверждаете, что фюрер следовал иным принципам? Это ведь все изложено в этом документе.

НЕЙРАТ. На это я могу ответить следующее. Во-первых, из этого вытекает, что в отношении будущего протектората фюрер предвидел три возможности. Об этих трех возможностях я вчера уже упоминал здесь, когда говорил о сделанных предложениях. Далее из этого также вытекает, что поводом для этой беседы с фюрером явилось разрешение совершенно другого вопроса, чем вопроса о протекторате. На беседе присутствовал министр юстиции. Во время этой беседы был поднят вначале вопрос чисто юридического порядка, а именно вопрос об обращении с участниками движения сопротивления. Вот что послужило поводом. Для этого в Берлин прибыл и Франк. Я, будучи в то время также в Берлине, сделал фюреру доклад, но не относительно того меморандума, который был у меня в руках, а относительно буду-

14359

H1208 – 0200

H1208 – 0201

ней политике в протекторате. Я также внес свои предложения, которые содержатся здесь в пунктах 1, 2, 3. То, что здесь стоит в конце, а именно: "Решение было принято, согласно предложению имперского протектора и статс - секретаря Франка", было написано Циммке, или тем, кто составил данный документ. То, что я вчера сказал о политических вопросах, является правильным. То, что написано здесь /я признал, что в письме к Ламмерсу я писал о полном своем согласии/, - это впоследствии было опущено.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хочу напомнить Вам, подсудимый, что в том отрывке из Вашего меморандума, на который я сослался в последнюю очередь, Вы выдвигали на первое место создание Великой Германской Империи. Я понимаю это таким образом, Вы представили себе, что после победы Германии в войне чешская территория Чехословакии останется частью Великой Германской Империи.

НЕЙРАТ. Простите, но она была уже расчленена. Здесь совершенно точно сказано, что протекторат должен оставаться протекторатом, то-есть иметь особое государственное устройство.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы хотите сказать, что Ваша политика после этого периода - речь шла об осени 1940 года, - что Ваша политика по отношению к чехам являлась дружественной политикой?

14360

НЕЙРАТ: Мне кажется, что политика не изменилась нигде, за исключением тех районов, где было сильное движение сопротивления.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Почему же в середине 1941 года Вы запретили какое-либо обсуждение, рассмотрение и разрешение вопросов, касающихся германо-чешской проблемы? Почему Вы запретили какое-либо обсуждение по этому вопросу?

НЕЙРАТ: Чтобы воспрепятствовать тому, чтобы эти вопросы возникли вновь. Я имею в виду вопросы по поводу отделения некоторых частей от протектората и передачи их Судетской области и Нижне-Дунайской области. /Причем эта передача должна была сопровождаться общим выселением/. Вот в чем заключалась цель моего доклада фюреру. Я хотел раз навсегда прекратить эту дискуссию.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Но Вы также особо возражали против каких-либо официальных заявлений, обращенных к чешскому народу, не так ли? Давайте обратимся к документу.

Милорд, это документ № 3862, и Вы найдете его на странице 126 книги документов 12-А. Я представляю его за номером ВБ-522, милорд.

Этот документ должен был быть разослан различным подведомственным Вам отделам. В нем Вы говорите:

"По упомянутым соображениям я приказываю, чтобы в будущем, когда будут делаться какие-либо заявления или сообщения по поводу германо-чешской проблемы, мысли всего чешского населения все более и более направлялись на войну и ее запросы, причем особо следует подчеркивать то, что чешский народ обязан совместно с Великой Германской империей выполнять

H1208 – 0202

H1208 - 0203

возложенные на него военные задачи.

Прочие вопросы, связанные с германо-чешской проблемой, не подлежат открытому обсуждению и опубликованию в настоящее время. Я хочу указать, что всякое обсуждение и рассмотрение с административной точки зрения вопросов, связанных с германо-чешской проблемой, не должно получать огласки, поскольку это выходит за рамки тех ограничений, которые были изложены в моих приказах".

И затем последний абзац:

"Обязанность давать официальные заявления, связанные с политикой, проводимой в протекторате, в особенности заявления, которые обязательно должны быть сделаны перед чешским народом, лежит исключительно на мне; в свое время эти заявления будут опубликованы".

Почему же Вы столь строго запрещали обращаться к чешскому населению с какими-либо официальными заявлениями?

НЕЙРАТ: Это относилось не только к чешскому населению, но и к немецкому населению. Поводом к этому был какой-то случай, о котором я сейчас уже не помню. Здесь сказано: "Ввиду происшедшего...". Но я помню, что в данном случае речь шла о судьбе протектората. Вот что послужило поводом. Я же указал на то, что это запрещено.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хочу, чтобы Вы помогли мне разобраться в другом вопросе. Я утверждаю, что предложения, выдвинутые Вами и Франком, говорят сами за себя.

Вы помните, что после закрытия университетов возник вопрос о том, что должно было случиться со студентами? Оставалось примерно 18 тысяч студентов, которые, конечно, оказа-

лись без работы, так как они не могли...

НЕЙРАТ: Простите, такого большого числа студентов не было. Их было не больше I.800.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Однако, судя по отчетам... Я беру на себя смелость указать, что или Вы или Ваше ведомство ошибались. Сведения, полученные из подведомственного Вам IO-го отдела, гласят:

"Судя по имеющимся у меня сведениям, число студентов, оказавшихся за бортом в связи с закрытием" - я думаю, это относится также и к средним школам - "на три года чешских университетов достигает I8.998 человек".

"Судя по заявлениям печати от 2I числа этого месяца, в связи с событиями, имевшими место I5 числа, было арестовано всего I.200 человек!"

Далее Ваш отдел сообщает, что в результате простого вычитания остается I7.800 человек. Перед Вами стоял вопрос об их использовании.

Милорд, это страница I04, документ 3858-ПС, ВВ-523.

НЕЙРАТ: Я не хочу оспаривать эти утверждения моего чиновника. Ему было положено это лучше знать, чем мне. Но я удивляюсь тому, что в двух чешских университетах было I8 тысяч студентов при общем числе населения в семь миллионов человек.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть, Вам следует проверить эти цифры по оригиналу документа?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я сделаю это, милорд. Я весьма благодарен Вам за указание. Милорд, совершенно ясно, что обе эти цифры... Они изображены здесь именно цифрами. Одна из

H1208 - 0204

H1208 – 0205

них - I8.998; ниже имеется та же цифра, поставленная там в целях проверки; из нее нужно вычесть I.200. Таким образом, остается I7.800. Милорд, если бы число студентов составляло I.800, то вторая цифра была бы неправильной.

/К микрофону подходит защитник Лэдингхаузен/.

ЛЭДИНГХАУЗЕН: Господин председатель, здесь, очевидно, какая-то ошибка. Для сравнения я возьму Берлинский университет, в его лучшие годы. В Берлине в такие годы было от 8 до 9 тысяч студентов. Совершенно невероятно, чтобы в Чехословакии в двух университетах было I8 тысяч студентов, когда общее население равняется 7 миллионам человек.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Эта цифра не может быть правильной. Милорд, может быть, здесь имеется в виду три возрастных группы студентов. Как Вы видите, милорд, здесь сказано: "Судя по имеющимся у меня сведениям, число студентов, оказавшихся за бортом в связи с закрытием на три года чешских университетов, достигает I8.000 человек". Может быть, в дополнение к лицам, являющимся студентами в настоящее время, это охватывает выпуск студентов за два года.

Так или иначе, милорд, цифры говорят сами за себя. Ваше министерство, подсудимый, занималось именно этими вопросами. Вполне возможно, что эти цифры охватывают также некоторые средние школы, но, так или иначе, перед нами лежат документы Вашего министерства, и я хочу знать, что случилось с этими людьми. Насколько я понимаю, этот документ представляет собой протокол доктора Деннлера, который был начальником IO-го отдела, входившего в Ваше ведомство, и был составлен им для Бургдорффа, занимавшего более высокое положение. Суммируя

содержание документа, можно сказать, что в этом письме от 21 ноября 1939 года предлагается насильно вывезти из Чехословакии студентов на территорию старой империи и заставить их там работать. Затем, как Вы увидите, в письме от 25 ноября в § 2 говорится... Автор письма Бургдорфф говорит, что он рассмотрел меморандум XII9/39, то-есть меморандум Деннлера, и пришел к заключению, что не следует студентов вывозить в империю, потому что в империи в то время существовала безработица; Бургдорфф предлагает использовать этих студентов на принудительных работах по строительству дорог и рытью каналов в самой Чехословакии. Таковы два предложения, поступившие из Вашего отдела по этому поводу.

/Обращается к председателю/.

Милорд, второй документ, о котором я только что говорил, имеет номер 3857-ПС и представляется как доказательство ВБ-524. /Обращается к подсудимому/.

Что же случилось с несчастными студентами?

НЕЙРАТ: Ничего вообще не случилось.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Было ли каждое из этих предложений передано Вам на рассмотрение? Первое - это предложение доктора Деннлера по поводу того, что студентов нужно использовать на принудительной работе в империи, и второе - Бургдорффа, заключающееся в том, что их нужно использовать на принудительных работах в Чехословакии.

НЕЙРАТ: Оба? Нет.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Эти предложения были переданы Вам на рассмотрение? Эти предложения были переданы Вам на рассмотрение?

НЕЙРАТ: Мне кажется, что они были представлены, но наверняка я сказать не могу.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Может быть, Вы согласитесь со мной, или поправите меня, если я ошибаюсь; я утверждал, что это было первым предложением об использовании принудительного труда, и оно исходило от чиновника, служившего в Вашем ведомстве. Вы утверждаете, что оно не было проведено в жизнь, но, тем не менее, оно являлось самым первым. Можете ли Вы утверждать, что какое-либо другое ведомство в империи предложило использовать принудительный труд еще в ноябре 1939 года?

14215

H1208 - 0206

H1208 – 0207

НЕЙРАТ. Это не имеет никакой связи между собой. Впрочем, если Вы хотите просмотреть все предложения подчиненных мне чиновников, то среди них вы можете найти также и предложения, к которым Вы отнесетесь отрицательно. Такие предложения, сделанные референтом, ни о чем не говорят. Что касается цифри 18 тыс., то я могу дать здесь некоторые об"яснения. Здесь сказано: "Согласно имеющимся у меня материалам, число студентов в закрытых на 3 года университетах равняется 18 тыс. Это значит—три раза по 6 тысяч. Их, приблизительно, 18 тысяч".

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я уже заявил об этом, подсудимый, минут десять тому назад, но я рад согласиться с Вами. Это—единственный вопрос, по которому мы с Вами не расходимся во мнениях.

Теперь Вы представляете себе, что я здесь хочу выяснить. Эти предложения зародились в Вашем ведомстве, так как они полностью соответствуют предложениям, изложенным в меморандумах, которые я только что зачитал перед Трибуналом, т.е. предложения о том, что следует не только прекратить высшее образование в Чехии, но и ввести использование принудительного труда. Вы помните, что об этом говорится в меморандуме статс-секретаря? Я утверждаю, что мысль об использовании принудительного труда возникла именно в Вашем ведомстве еще 21 ноября 1939 года.

Теперь, подсудимый, я хочу рассмотреть здесь еще один вопрос и я надеюсь, что, припомнив соответствующие обстоятельства, Вы со мной согласитесь, так как это общеизвестный факт. Сегодня утром Вы заявили, что германский университет в Праге был закрит после образования Чехословакии

в 1919 г. Во всяком случае, мы Вас так поняли. Может быть, Вы напрягете свою память и припомните, что этот университет продолжал существовать и что многие тысячи студентов окончили германский университет в Праге между 1919 и 1938 г.г.?

НЕЙРАТ. По моему мнению, это было немецкое отделение при чешском университете. Насколько я знаю, это было немецкое отделение при чешском университете.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Но он продолжал существовать, он продолжал существовать, как университет?

НЕЙРАТ. Да, университет существовал в качестве чешского университета.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, но немецкие студенты могли поступать в этот университет и получать ученые степени, проходя все предметы на немецком языке. Этот язык, ведь, не был запрещен? Я утверждаю, что тысячи людей приезжали в этот университет из Австрии и с территорий старой империи. Они ехали туда, как немцы, и проходили курс на немецком языке.

НЕЙРАТ. Старый германский университет, так называемый университет Карла, был закрыт чехами. Но осталось существовать немецкое отделение. Там учились и сдавали экзамены немцы.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Мне кажется, что вопрос совершенно ясен. Я не буду спорить с Вами о том, что фактически имело место. Во всяком случае вы согласитесь с тем, что это был немецкий университет, где могли заниматься немецкие студенты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли Обвинение продолжить перекрестный допрос подсудимого?

14267

H1208 - 0208

H1208 - 0209

(К микрофону подходит представитель советского обвинения Рагинский).

РАГИНСКИЙ. Скажите, пожалуйста, подсудимый, в бытность Вашу министром иностранных дел, имело ли место вмешательство Розенберга во внешнеполитические дела Германии?

НЕЙРАТ. Это что - вопрос?

РАГИНСКИЙ. Да, да, вопрос.

НЕЙРАТ. Да.

РАГИНСКИЙ. Не скажете ли Вы кратко, в какой форме это вмешательство выражалось?

НЕЙРАТ. Он излагал фюреру свои собственные мысли по поводу внешне-политических вопросов, не побеседовав и не рассмотрев их предварительно со мной.

РАГИНСКИЙ. Хорошо. Вчера Вы здесь утверждали, что еще в 1936 г. у Вас были серьезные расхождения с Гитлером и в связи с этим 27 июля 1936 г. Вы просили освободить Вас от поста министра. Этот документ вчера здесь приводился. Но Вы разве не писали тогда Гитлеру (я зачту одну фразу - последнюю фразу Вашего письма):

"И даже в том случае, если я не буду больше министром, - я всегда к Вашим услугам, если Вы этого пожелаете, со своим советом и со своим многолетним опытом в области внешней политики"?

Вы писали так в своем письме Гитлеру?

НЕЙРАТ. Да, да.

РАГИНСКИЙ. И обещания, которые давали Гитлеру, Вы выполнили? Всегда, когда нужно было дипломатическими манипуляциями прикрыть агрессивные действия Гитлера, как это

имело место при захвате Судетской области, вторжении в Чехословакию, и т.д., - Вы приходили к Гитлеру на помощь своим опытом, не так ли?

НЕЙРАТ. - Это-большая ошибка. Наоборот, как я уже говорил здесь вчера и сегодня, - Гитлер лишь один раз призвал меня к себе. Это было в последние дни перед присоединением Австрии. На этом моя деятельность закончилась.

В 1938 г. я пошел к нему еще раз, чтобы удержать его от войны. Вот в чем заключалась моя деятельность.

РАГИНСКИЙ. Это мы уже слышали. Я хочу Вам задать еще один вопрос по меморандуму Фредериче, не повторяя здесь того, что уже здесь говорилось по поводу этого меморандума. В этом меморандуме (как Вы помните, он недавно был представлен суду) в заключительной части этого меморандума, указывается (это предпоследний абзац меморандума Фредериче), там говорится:

"Если управление протектората будет находиться в твердых и надежных руках и руководствоваться только приказом фюрера от 16 марта 1939 г., - территория Богемии и Моравии станет постепенно неот"емлемой частью Германии".

Скажите, для этой цели Гитлер именно Вас назначил протектором?

НЕЙРАТ. Об этом не может быть и речи, это вовсе не было причиной. Причину же я вчера весьма подробно изложил здесь.

РАГИНСКИЙ. Мы не будем повторять причины, Вы вчера говорили об этом. Значит Вы отрицательно отвечаете на этот вопрос, что Вы были именно тем человеком, который должен был завершить захват Чехословакии?

НЕЙРАТ. На это я могу ответить только "нет".

РАГИНСКИЙ. Хорошо. Вы признаете, что Вы являлись в протекто-

14369

H1208-0210

H1208 - 0211

рате единственным представителем фюрера и имперского правительства и непосредственно подчинялись Гитлеру?

НЕЙРАТ. Да, это правильно. Об этом ведь как раз и говорится в декрете Гитлера.

РАГИНСКИЙ. Да, об этом там сказано. Я не буду зачитывать этот декрет, чтобы не затягивать допроса. Полный текст этого декрета имеется в распоряжении Суда. Вы признаете, что все власти органы и учреждения империи, за исключением вооруженных сил, подчинялись Вам?

НЕЙРАТ. Нет. К сожалению, я должен сказать, что это - ошибка. В том же самом декрете от 1 сентября 1939 года об этом также сказано. Кроме того имелся целый ряд органов и имперских инстанций, которые мне не подчинялись. Я уже не говорю о полиции.

РАГИНСКИЙ. О полиции мы отдельно поговорим. Что Вы считаете ошибкой, то, что Вы говорите, или то, как Вы толкуете декрет? Я тогда зачитаю § 1 декрета от 1-го сентября 1939 года. Здесь говорится: "Все органы учреждения власти и империи в протекторате Богемия и Моравия, за исключением вооруженных сил, подчиняются имперскому протектору".

И в § 2: "Имперский протектор осуществляет надзор".

В § 3: "Ведомству имперского протектора подчиняются все органы администрации, за исключением вооруженных сил".

Как видите, здесь совершенно четко и определенно указывается, что все имперские органы власти подчинялись Вам, а Вы, в свою очередь, были подчинены непосредственно Гитлеру.

НЕЙРАТ. Я должен еще раз сказать: административные органы – да, но кроме них существовали еще целый ряд имперских инстанций, которые мне не подчинялись, как, например, управление по четырехлетнему плану.

РАГИНСКИЙ. А теперь перейдем к вопросу о подчиненности полиции. Вчера на вопросы Вашего защитника Вы сообщили Трибуналу, что § 13-й – это декрет от 1 сентября, подписанный Герингом, Франком и Ламмерсом, – что этот § 13 Вам был непонятен. Обратитесь к другим параграфам – в этом разделе, устанавливающим подведомственность полиции. § 11-й: "Органы германской полиции безопасности в протекторате Богемии и Моравии обязаны расследовать все враждебные государству и народу настроения на территории протектората, бороться с ними, собирать результаты этих расследований и делать из них соответствующий вывод, осведомлять имперского протектора, а также и подчиненные учреждения и держать их в курсе важных для них событий и давать советы".

И в § 14 этого же декрета: "Имперский министр внутренних дел, рейхсфюрер СС и начальник германской полиции с ведома имперского протектора Богемии и Моравии издает правовые и административные положения".

Таким образом, из этого декрета полностью устанавливается, что полиция и СС обязаны были Вас осведомлять о всех своих мероприятиях, и, более того, все административные и правовые акты и мероприятия проводились с Вашего ведома. Вы это признаете?

НЕЙРАТ. Нет, это неправильно. Вначале следует сказать, что в этом декрете говорится о том, что они должны меня осведомлять, но это не проводилось в жизнь, и г-н Гиммлер просто запретил это делать.

14371

H1208 – 0212

H1208 – 0213

Исключен, второй момент, я ясно, что административные мероприятия должны были проводиться после того, как я давал свое согласие, или после того, как я был осведомлен. Такой метод никогда не применялся.

РАГИНСКИЙ. Вы это отрицаете?

НЕЙРАТ. Да, отрицаю.

РАГИНСКИЙ. Я Вам предъявляю показания Карла Германа Франка от 7 марта 1946 г. по этому вопросу, по вопросу о подчиненности полиции. Господин председатель, я представляю эти показания как документ под № СССР-494.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Этот документ включен также в английскую книгу документов?

РАГИНСКИЙ. Нет, г-н председатель. Этот документ, который я сейчас предъявляю, - подлинник за подписью Франка.

Карл Герман Франк при допросе показал: "После издания приказа о структуре германской администрации в протекторате и германской полиции безопасности, все германские власти и учреждения, за исключением вооруженных сил в протекторате, а также вся полиция формально были подчинены имперскому протектору и были обязаны выполнять его директивы. Вследствие этого полиция безопасности должна была выполнять принципиальные политические установки, данные имперским протектором. Приказ о проведении государственно-политических мероприятий в основном давался главным управлением имперской безопасности в Берлине, через командующего полицией безопасности. Если имперский протектор хотел самостоятельно провести какое-нибудь государственно-политическое мероприятие, то он должен был получить на это согласие главного управления имперской безопасности в Берлине.

То же самое относилось и к директиве по проведению государственно-политических мер, данных нашим руководителем СС

и полиции и помощника полиции безопасности". Я прошу обратить внимание на этот абзац, который я зачитал: "Такой порядок служебного подчинения и дачи директив имел силу во все время существования протектора и применялся в таком виде Нейратом в протекторате. В общем, имперский протектор имел возможность по своей собственной инициативе давать директивы государственной полиции через помощника полиции безопасности. Что касается службы безопасности, которая не имела исполнительной власти, то права имперского протектора в отношении дачи директив для СД были значительно шире и не записали ни при каких обстоятельствах от согласия главного управления имперской безопасности".

Вы подтверждаете эти показания Франка?

НЕЙРАТ. Нет, никоим образом.

РАГИНСКИЙ. Хорошо.

НЕЙРАТ. Я хотел бы обратить Ваше внимание на показания того же самого Франка, которые он дал в прошлом году и о которых мне стало известно здесь. Между прочим, там он говорит совершенно другое. Он говорит, что вся полиция подчинялась не имперскому протектору, а начальнику имперской полиции в Берлине, т.е. Гиммлеру. Эти показания ведь тоже здесь имеются.

РАГИНСКИЙ. Вы не беспокойтесь, я вернусь к этим показаниям позже. Скажите, кто был у Вас политическим референтом?

НЕЙРАТ. Политическим референтом?

РАГИНСКИЙ. Да, политическим референтом.

НЕЙРАТ. У меня было несколько политических референтов.

РАГИНСКИЙ. Чтобы не тратить времени, я Вам сейчас покажу документ, очень небольшой, и его зачитаем:

"Начальник полиции безопасности 21 июля 1939 года обра-

H1208 – 0214

H1208 – 0215

следующего содержания

тился с письмом к Вашему статс-секретарю и высшему руководителю СС и полиции Карлу Герману Франку: "Своим приказом от 5 мая 1939 г. господин рейхспротектор Богемии и Моравии назначил фюрера СД и командующего полиции безопасности своим политическим референтом. Как мною установлено, приказ этот до настоящего времени еще не опубликован и не приведен в жизнь. Прошу обеспечить проведение этого приказа в жизнь. Подпись: за, доктор Вест". Вы вспомнили сейчас свой приказ?

НЕЙРАТ. В настоящий момент я не могу вспомнить об этом приказе. Я могу вспомнить лишь о том, что он никогда не был проведен в жизнь, т.к. я не хотел иметь у себя на должности политического референта фюрера СД.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас удобно об"явить перерыв.

РАГИНСКИЙ. Еще одну минуту. Но Вы дали такой приказ от 5 мая? Независимо оттого...

НЕЙРАТ. Я не могу Вам сегодня этого сказать.

РАГИНСКИЙ. Но это сказано в документе.

НЕЙРАТ. Может быть, это так. Я не хочу оспаривать. Я сейчас этого не помню.

РАГИНСКИЙ. Я полагаю, г-н председатель, что сейчас можно об"явить перерыв. Мне потребуется еще минут сорок.

/Об"является перерыв до 10 часов утра 26 июня./

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 26 июня 1946 года

(УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ)

Встать, Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал не будет заседать в четверг, завтра, во второй половине дня в открытом заседании, вместо этого будет закрытое заседание Трибунала. Таким образом, завтра, в четверг, мы будем заседать с 10 часов до 1 часа дня в открытом заседании, а во второй половине дня будет закрытое заседание.

В субботу утром Трибунал будет заседать в открытом заседании с 10 часов до 1 часа дня.

РАГИНСКИЙ. Господин председатель, мне стало известно, что вчера, при пред'явлении мною документа СССР-494, не было передано Суду необходимое количество копий этого документа. Я очень сожалею о случившемся и прошу сейчас принять это количество копий документа.

Вернемся, подсудимый, к Вашему предупреждению от августа 1939 года. Если я Вас правильно понял, Вы заявили Суду, что это предупреждение было издано в связи с военной обстановкой. Так это ?

НЕЙРАТ. С точки зрения военной обстановки тогда ничего не случилось, в то время вообще не было заметно никакой напряженности в политической жизни, т.е. непосредственно в связи с военной обстановкой. Тогда еще ничего не случилось.

РАГИНСКИЙ. Хорошо. Вы признаете, что этим Вашим приказом или предупреждением Вы установили систему заложников ?

НЕЙРАТ. Я не понял этого вопроса .

РАГИНСКИЙ. Я повторяю свой вопрос. Я Вас спрашиваю: признаете ли Вы, что своим предупреждением от августа 1939 года

H1208 – 0216

H1208 – 0217

(этот документ я представляю как доказательство под №СССР-490) Вы установили систему заложников?

НЕЙРАТ. Я опять не понял Вас.

РАГИНСКИЙ. Неправильно Вам перевели ?Перевод очень плохой.

НЕЙРАТ.Нет,я хочу сказать,что перевод поступил ко мне,я не слышал только Вашей последней фразы,я не понял последнюю фразу.

РАГИНСКИЙ.Но этот документ Вам хорошо известен,мне кажется.

НЕЙРАТ.Да.Но я не понял Вашей последней фразы.

РАГИНСКИЙ. Я постараюсь сказать так,чтобы Вы поняли. В этом приказе,в предпоследнем абзаце, сказано:"Ответственность за все акты саботажа несут не только отдельные лица,но и все чешское население.Это значит,что персонально наказываются не только виновные,а наказания распространяются и на невиновных. Этот Ваш приказ послужил началом массового террора против чехословацкого народа.

НЕЙРАТ.Никоим образом..Это лишь означало,что моральная ответственность за эти деяния должна была возлагаться на чешский народ.

РАГИНСКИЙ.А разве в Лидице не был применен на практике этот Ваш приказ ? Разве речь шла только о моральной ответственности ?

НЕЙРАТ. Да.

РАГИНСКИЙ. В этом приказе Вы указываете следующее: "Кто не учтет важности этих мероприятий,будет признан врагом рейха". Вы разве с врагами рейха расправлялись только,возлагая на них моральную ответственность ?

НЕЙРАТ.Да.Если кто-либо не подчинялся приказу,то его, естественно,наказывали.

РАГИНСКИЙ.Вот это я и хочу установить и поэтому я задал Вам вопрос: что-этим своим приказом от августа 1939 года Вы положили начало массовому террору и наказанию невиновных лиц?

НЕЙРАТ.Я не знаю,на каком основании Вы делаете такой вывод из этого предупреждения.

РАГИНСКИЙ. А вот мы сейчас перейдем к основаниям для такого вывода.В докладе чехословацкого правительства,который был представлен как документ СССР-60 (это доклад,который является итогом расследований преступлений,совершенных Вами и Вашими сообщниками),приводятся все эти основания.Всем этим документальным данным Вы противопоставляете голословное отрицание.Я не намерен с Вами спорить по поводу этого документа,а сейчас оглашу Вам некоторые свидетельские показания и попрошу ответить :подтверждаете Вы эти показания или Вы их отрицаете. Я оглашу выдержку из показаний бывшего министра финансов Иосифа Кальфус от 8 ноября 1945 года.Господа судьи найдут эту выдержку на странице 12-й английского текста документа СССР-60.Кальфус показал :

"Экономическая система,введенная Нейратом и вслед за ним другими органами немецкой администрации,была ничем иным,как систематически организованным грабежом.Что касается занятия важнейших постов в чешской промышленности и финансовой области, нужно отметить,что вместе с Нейратом в стране начала действовать мощная экономическая машина,которая немедленно захватила главные посты в производстве.Заводы Шкода,военные заводы в Брно,сталелитейные заводы в Витковицах,важнейшие банки - Богемский дисконтовый банк,Богемский об'единенный банк -были также захвачены."

Вы подтверждаете эти показания ?

14332

H1208 – 0218

H1208 – 0219

НЕЙРАТ.Об этом я вчера говорил весьма подробно и сегодня я ссылаюсь на мое вчерашнее высказывание.К тому,что я сказал вчера,я не могу ничего добавить.

РАГИНСКИЙ. Вы значит их не подтверждаете ? Хорошо.

НЕЙРАТ. Никоим образом.

РАГИНСКИЙ. Бывший президент Чехии Рихард Бинерт на допросе от 8 ноября 1945 года показал (господин председатель,эта выдержка имеется на странице 13-й английского текста документа № СССР-60): " Когда мы познакомились с ним ближе,мы заметили, что он,Нейрат,немилосерден к чехам.Как чешский областной президент, я знал,что Нейрат подчинил политическую администрацию Чехии и Моравии немецкому контролю,как администрацию государственную,так и местные управления.Я помню также,что Нейрат распустил школьные областные советы и вместо них назначил немецких школьных инспекторов.Он приказал распустить институт областных представителей,по его инициативе чешские рабочие посылались в Германию в апреле 1939 года на работу для повышения военного потенциала Германии.Он приказал закрыть университеты и многие средние и начальные школы.Он распустил чешские гимнастические об'единения и организации "Сокол" и "Орел",приказал конфисковать все имущество этих обществ,он закрыл чешские дома отдыха и санатории для молодых рабочих и распорядился конфисковать их имущество.Гестапо производило аресты,но только по распоряжению рейхспротектора.Лично же я тоже был арестован 1 сентября 1939 года". Вы эти показания тоже не подтверждаете ?

НЕЙРАТ. Нет, нет.

Обо всех этих вещах,которые здесь перечисляются,я вчера говорил весьма подробно.Я не намереваюсь повторять это еще ~~много~~ раз.Впрочем,мне кажется очень странным,что именно господин Бинерт,который точно знал,что я делал и в каких отношениях

я находился с гестапо и т.д., именно он дает такие показания.

РАГИНСКИЙ. Хорошо. Посмотрим другие показания: бывший премьер так называемого правительства протектората доктор Крейчи на допросе 8 ноября 1945 года показал (господин председатель, эта выдержка имеется на странице 17-й английского текста документа СССР-60) : "Я знаю, - показывал Крейчи, - что гимнастические организации были распущены, их имущество конфисковано по распоряжению рейхспротектората и их денежные фонды и оборудование были переданы немецким организациям СС, СА , "Гитлерюгенд" и т.д....1 сентября 1939 года, когда немецкая армия напала на Польшу, были произведены аресты в широком масштабе; главным образом, были арестованы офицеры, интеллигенция и высшие политические деятели. Аресты производила гестапо, но они не могли быть произведены без одобрения рейхспротектора."

И на следующей странице выдержка: "Что касается евреев, то рейхспротектор принуждал правительство протектората к действиям против евреев, но, так как это не имело успеха, ~~то~~ немцы из канцелярии рейхспротектора стали преследовать евреев, согласно немецким законам. Результатом явилось то, что десятки тысяч евреев были казнены и их имущество было конфисковано." Вы будете отрицать эти показания ?

НЕЙРАТ. Относительно упомянутых Вами вначале приказов о гимнастических обществах, я хочу сказать следующее. Это было мероприятием, проведенным полицией и не по моей инициативе, и затем я еще раз повторяю - и это я сказал вчера, - что аресты в начале войны проводились гестапо по прямым приказам из Берлина, причем я о них вообще ничего не знал. Я узнавал об этом впоследствии. Наконец, что касается упомянутой Вами еврейской проблемы, то содержащееся в обвинительном заключении

14379

H1208 – 0220

H1208 – 0221

утверждение относительно того,что я будто бы просил правительство протектората ввести германские законы против евреев, является неправильным.Я или мой статс-секретарь,насколько я помню,не говорили с господином Элиасом,я никогда не говорил с ним.Я говорил потом лишь с господином Гаха по другому поводу,а именно тогда,когда пытались ввести расовые законы и законы против чехов.Господин Гаха противился этому и я ему заявил,что я беру на себя ответственность за это и ему не нужно этого делать.Введение законов против евреев было, однако,проведено согласно моим указаниям,так как я уже в начале апреля 1939 года получил распоряжение ввести эти законы в присоединенном к империи протекторате.Я все время оттягивал введение этих законов путем различных запросов в Берлине, чтобы дать евреям время как-нибудь устроиться за этот период. Вот таковы факты.

РАГИНСКИЙ.Скажите,Вам известен доктор Гавелка ?

НЕЙРАТ.Да,я знаю господина Гавелка.

РАГИНСКИЙ. Он был в курсе Ваших переговоров с Гаха ?

НЕЙРАТ.В какой степени он был осведомлен обо всем этом-я не знаю.Господин Гавелка был у меня раза два или три.Он был,кажется,министром транспорта.

РАГИНСКИЙ. Совершенно правильно,он был министром транспорта,но до этого он был начальником канцелярии Гаха.

НЕЙРАТ. Да.

РАГИНСКИЙ.Гавелка на допросе 9-го ноября прошлого года дал следующие показания.Эти показания,господин председатель, имеются на страницах 18 и 19 английского текста документа СССР-60. Я цитирую выдержку: " он,Нейрат,не был заинтересован в чешском народе,а потому все ходатайства кабинета министров и доктора Гаха,касающиеся чешских требований,

были в общем безрезультатными.Известны следующие факты: арест чешских офицеров,интеллигенции,чешских легионеров первой мировой войны и политических деятелей.Во время нападения Германии на Польшу было арестовано от 6 до 8 тысяч человек,< они являлись заложниками.Затем немцы назвали их"почетными заключенными".Большинство из этих заложников вовсе не были допрошены и все шаги,предпринятые в канцелярии рейхспротектората в пользу этих несчастных людей,не имели результатов. Нейрат,как единственный представитель германского правительства на территории протектората Чехии и Моравии,несет ответственность за казнь 9 студентов 17 ноября 1939 года.Казнь произошла вскоре после...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Генерал Рагинский,может быть,будет более удобно и,возможно,более справедливо по отношению к подсудимому задавать ему вопросы в отдельности.Вы зачитываете большие отрывки из этих документов,которые содержат очень много вопросов.Может быть,Вы могли бы взять те два параграфа относительно ареста офицеров,которые Вы сейчас оглашаете,и спросить его,признает ли он содержащиеся в них данные или нет.Затем Вы можете перейти к другим параграфам,если найдете это нужным.Свидетелю очень трудно отвечать на несколько вопросов одновременно.

РАГИНСКИЙ.Господин председатель,у подсудимого имеются документы. Он знаком с этими показаниями,но я учитываю высказанное Вами соображение и приму его к исполнению.Вопроса о студентах я коснусь в дальнейшем,в общем комплексе.

(Обращаясь к подсудимому). Вы подтверждаете эту часть показаний,которую я огласил,относительно ареста заложников?

НЕЙРАТ.Относительно арестов членов так называемого союза"Влайка" в начале сентября 1939 года я уже говорил вчера довольно подробно.Я сказал и повторяю еще раз,что эти

14381

H1208 – 0222

H1208 -0223

аресты производились гестапо без моего ведома.Утверждение господина Гавелка о том, что в отношении большинства этих заложников с моей стороны не было принято никаких шагов в их пользу, - неправильно.Господин Гавелка должен был знать,что я непрестанно заступался за этих людей и что я многих из них освободил.

РАГИНСКИЙ.Хорошо,перейдем к следующему вопросу.Здесь,на суде,неоднократно приводился документ за № СССР-223.Это - дневник Франка.Я,господин председатель, имею в виду не Карла Германа Франка,который по приговору суда казнен за свои преступления,а я имею в виду подсудимого Франка.В этом дневнике указывалось следующее.Эта цитата тоже приводилась.Я хочу в связи с этой цитатой задать вопрос подсудимому.Там была такая запись: "Во время интервью с корреспондентом"Фелькишер Беобахтер" 6 февраля 1940 г. подсудимый Франк заявил: "В Праге были,например, вывешены красные плакаты о том,что сегодня расстреляно семь чехов. Тогда я сказал себе: -Если-б я хотел отдать приказ о том,чтобы вывешивали плакаты о каждых семи расстрелянных поляках,то в Польше нехватило бы лесов, чтобы заготовить бумагу для этих плакатов."

Скажите,пожалуйста, в Праге действительно вывешивались эти красные плакаты ?

НЕЙРАТ.Об этом я уже говорил.Я вчера сказал,что на этом плакате злоумышленно была поставлена моя подпись,я его предварительно даже не видел.Вот что представляет собой этот красный плакат.

РАГИНСКИЙ.Если Вы не видели,то посмотрите.Вам сейчас передадут этот плакат.

НЕЙРАТ.Я хорошо знаю этот плакат.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Генерал Рагинский,свидетель не говорит, что не видел этого плаката.Он сказал,что плакат был вывешен без его ведома.

14382

РАГИНСКИЙ.Я к этому еще вернусь.Я сейчас хочу только установить,что об этих красных плакатах писал Франк в своем дневнике.Этот плакат я представляю Суду как доказательство СССР под № 489.Я хотел бы огласить это сообщение.Оно небольшое и не займет много времени.Текст его следующий: "Несмотря на неоднократные серьезные предупреждения,с некоторых пор группа чешской интеллигенции в сотрудничестве с эмигрантскими кругами за границей делает попытку путем небольших и крупных актов сопротивления нарушить покой и порядок в протекторате Богемии и Моравии.При этом удалось установить,что зачинщики этих актов сопротивления находятся,в частности, в чешских высших школах.В виду того,что 28 октября и 15 ноября эти элементы позволили увлечь себя на активную борьбу против отдельных немцев,были на три года закрыты чешские высшие школы,расстреляно 9 виновников и арестовано большое количество участников.Подпись: имперский протектор Богемии и Моравии барон фон Нейрат,Прага,17 октября 1939 года."

Значит Вы утверждаете,что не подписывали этого об'явления?

НЕЙРАТ.Да,об этом я уже говорил вчера или позавчера. Я рассказал,при каких обстоятельствах было издано это предостережение,а именно,оно было издано во время моего отсутствия.

РАГИНСКИЙ.То,что Вы говорили,повторять не следует. Я оглашу показания Карла Германа Франка от 26 ноября 1945г. по этому вопросу.Эти показания имеются на страницах 46 и 47 русского текста.Английский текст будет передан.

"Карл Герман Франк,давая показания об этом об'явлении, текст которого я только что зачитывал,заявил... Этот документ был датирован 17 ноября 1939 года и подписан фон Нейратом,

14383

H1208 – 0224

H1208 – 0225

который не протестовал ни против расстрела 9 студентов...

ЛЮДИНГХАУЗЕН.Господин председатель,что касается этого документа,то я хотел бы обратить Ваше внимание на следующие моменты.Из этого документа,который не имеет ни даты,ни подписи,совершенно не видно,кто является его автором.Я протестую против представления документа,составленного в такой форме.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Доктор фон Людингхаузен,разве не имеется удостоверения в подлинности этого документа ?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В моей копии этого нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Хорошо....

РАГИНСКИЙ.Господин председатель, разрешить мне об'яснить это недоразумение.Доктор Людингхаузен имеет в своем распоряжении полный текст документа СССР-60,английский текст которого также имеется у Суда.Вчера доктор Людингхаузен цитировал этот документ.Там имеется удостоверение в подлинности этого протокола,подписанного уполномоченным чехословацкого правительства;имеется и дата.

Сейчас для удобства пользования этим документом доктору Людингхаузену был дан еще один экземпляр этого протокола показаний Франка.

Я утверждаю-и в этом легко можно убедиться,что имеется удостоверение о подлинности этого документа;имеется дата - 17 ноября....

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я хотел бы здесь сказать лишь следующее. Когда я получил это большое обвинительное заключение чешской делегации,переданное господином полковником Эчер,к нему не было приложено никаких дополнений,кроме самих текстов законов.

14384

Я затем пытался получить эти дополнения,так как имелись ссылки на них.Я получил только предложение к дополнению, или дополнение № 2,остальные дополнения я получил в таком же виде,в каком находится и этот документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Доктор Людингхаузен,подождите минутку. Будьте добры сказать,на какой документ Вы сейчас ссылаетесь?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Документ СССР-60.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. СССР-60 - это чешский отчет,не так ли ?

ЛЮДИНГХАУЗЕН.Да,это очень пространный чешский отчет. На него как раз ссылались. Я хочу сказать,что к этому отчету были изданы также приложения,но я повторяю,что они мною еще не получены.Я пытался получить все,но получил лишь один документ,который не является идентичным этому,и этот документ, который имеется у меня в руках,я получил позднее в таком же виде,в каком он передан сейчас мне,то-есть - без заглавия, без подписи,без даты и без сведений о том,когда,где и кем было записано высказывание,которое приписывается Франку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Давайте выслушаем,что хочет сказать по этому поводу генерал Рагинский.

Насколько я понял генерала Рагинского,он сказал,что имеется удостоверение в подлинности документа,а тот экземпляр документа,который был передан Вам,- просто копия,которая может не иметь ни даты,ни удостоверения в подлинности,но он является точной копией того документа,который имеет удостоверение,подтверждающее его подлинность.

Я правильно передал Ваши слова,генерал Рагинский ?

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Не можете ли Вы показать доктору Людингхаузену удостоверение в подлинности этого документа и самый заверенный документ ?

14385

H1208 - 0226

H1208 – 0227

РАГИНСКИЙ.Сертификат в подлинности этого документа имеется в приложении к документу СССР-60.Он подписан за генерала Эчера полковником генерального штаба Новак.Это тот документ,который был в свое время представлен нами Трибуналу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Есть ли необходимость занимать время у Трибунала рассмотрением данного документа ?Мне кажется, что мы даром тратим очень много времени.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Во всяком случае это очень важно,иначе я не могу установить,подлинный ли это документ .Я имею на это полное право.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Я просил генерала Рагинского сказать, настаивает ли он на использовании этого документа.Есть ли сиысл тратить на него время ?Я не знаю,что это за документ и о чем в нем говорится.

РАГИНСКИЙ. Я считаю,что это не нужно,тем более,что документ был представлен Трибуналу много времени назад и принят Трибуналом.Я не понимаю,собственно говоря,доктора Людингхаузена.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Почему Вы не можете показать доктору фон Людингхаузену удостоверение в подлинности документа,который Вы сейчас ему передали ?

РАГИНСКИЙ.У меня это удостоверение на русском языке; я цитирую русский текст,который я и могу представить доктору Людингхаузену.Подлинный документ представлен Трибуналу и он имеется в делах Трибунала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Имеется ли на немецком языке перевод этого удостоверения? Разве это удостоверение не определяет подлинность документа ?Имеется ли это удостоверение в переводе

на немецкий язык ?

РАГИНСКИЙ. Сейчас у меня его нет,но во время перерыва я могу представить этот подлинный документ на немецком языке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор фон Людингхаузен,Трибуналу сообщили,что этот документ уже представлялся в качестве доказательства прежде и одновременно с документом было представлено.. удостоверение в его подлинности,подписанное генералом Эчером. Это удостоверение подтверждает,что данный документ является частью чешского отчета.При данных обстоятельствах Трибунал разрешает использовать этот документ.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель,тогда у меня будет еще одно возражение против использования этого документа. Как известно,защита имеет право, когда пред'являются какие-нибудь аффидевиты или протоколы допросов отдельных свидетелей, пригласить этих свидетелей сюда для допроса.Бывшего статс-секретаря Франка,который сделал эти высказывания,уже,как известно, нет в живых.Поэтому я протестую по этой высказанной мною причине против использования этого документа.

РАГИНСКИЙ.Господин председатель ! ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Доктор фон Людингхаузен,этот документ был пред'явлен и принят в качестве доказательства при жизни этого К.Г.Франка.Это одно уже является причиной для принятия документа.

Этот документ в соответствии с 21-й статьей Устава считается допустимым и был принят в соответствии с этой статьей,и нет такого правила ,по которому,как Вы заявляете, защита имела бы право подвергать перекрестному допросу каждого свидетеля,давшего письменные показания под присягой. Этот вопрос решается исключительно по усмотрению Трибунала и поэтому данное возражение отклоняется.

РАГИНСКИЙ.Господин председатель, я не хочу больше задерживать Вашего внимания на этом эпизоде.Я хотел только

H1208 – 0228

H1208 – 0229

указать,что это - напрасная трата времени: ведь доктор Людингхаузен сам в своей книге документов представил некоторые показания Франка.Я зачитываю показания Франка:

" Этот документ (повторяю - речь идет об этом самом об'явлении,которое мы здесь демонстрировали) был датирован 17 ноября 1939 года,подписан фон Нейратом,который не протестовал ни против расстрела девяти студентов,ни против числа студентов,которые должны были быть отправлены в концентрационные лагери,а также не требовал никаких других изменений".

Вы слышали эти показания ?

НЕЙРАТ.Да,да,я читал их.

РАГИНСКИЙ. Как ?

НЕЙРАТ. Я читал их.

РАГИНСКИЙ. Вы отрицаете ?

НЕЙРАТ.Да,категорически.

РАГИНСКИЙс Хорошо.

НЕЙРАТ.У меня не было даже возможности сделать это, так как я в то время не был в Праге.Поэтому я не мог знать о нем или подписать этот документи передать его по инстанции.

РАГИНСКИЙ.Хорошо.Вы продолжаете утверждать,что полиция никогда Вас не информировала о проводимых арестах и других полицейских мерах ?Вы это утверждаете ?

НЕЙРАТ.Я не сказал,что полиция никогда не осведомляла меня о них.Я хочу сказать,что я узнавал об этом впоследствии, причем эти сведения поступали ко мне из чешских источников.

РАГИНСКИЙ.А не было ли такого положения,чтобы полиция регулярно Вам докладывала о важнейших событиях ?

НЕЙРАТ.Нет,ни в коем случае.В частности,я никогда не узнавал о том,что она задумала или намеревалась сделать. Если я и узнавал об этом,то только позже или в том случае, если я узнавал об этом из чешских кругов,а затем уже сам

наводил справки в полиции об этом.

РАГИНСКИЙ. Хорошо. Я зачитаю вам выдержку из показаний Карла Германа Франка от 7 марта 1946 года. Эти показания я вчера представил суду и часть протокола зачитал. Дайте подсудимому показания. /Секретарь вручает Нейрату документ/.

"Имперский протектор", - показывает Франк, - "фон Нейрат регулярно заслушивал доклады относительно важнейших событий в протекторате, имевших отношение к полиции безопасности, как от меня, так и от статс-секретаря, а также и от командующего полицией безопасности. Так, например, Нейрат получил информацию об инциденте с демонстрацией в Судетской области в ноябре 1939 года от меня и от командующего полицией безопасности. В этом случае Гитлер дал прямой приказ, который требовал расстрела всех зачинщиков. Количество зачинщиков было установлено пражским гестапо и сообщено имперскому протектору. В данном случае определение зачинщиков было представлено государственной полиции, причем окончательное решение принимал имперский протектор. Имперский протектор фон Нейрат своей подписью, которую он поставил под официальным сообщением о расстреле студентов, утвердил эту акцию. Я точно проинформировал Нейрата о ходе расследования, и он подписал об"явление. Если бы он не был с этим согласен и потребовал бы изменения, например, смягчения меры наказания, на что он имел право, - я бы должен был присоединиться к его мнению".

Вы и эти показания отрицаете?

НЕЙРАТ. Я просто не знаю, сколько раз мне нужно повторять здесь, что меня тогда вообще не было в Праге. Впрочем,

14289

H1208-0230

H1208 – 0231

я не знаю, под каким давлением Франк мог дать такие показания. Здесь не указано числа, но Вы сказали, что эти показания были даны,мне кажется,7 апреля, т.е. за несколько дней до его казни.

РАГИНСКИЙ. Я обращаю внимание суда на то, что Вы сознательно искажаете пред ставляемые Вам факты. Я несколько раз повторил, что эти показания были даны Франком 7 марта, а не 7 апреля, как Вы сейчас говорите, или за два дня до казни. Перед Вами лежит этот документ и Вы могли посмотреть его и убедиться в этом.

Хорошо. Оставим этот вопрос.

НЕЙРАТ. Ну,хорошо, допустим, что это было 7 марта. Я сказал 7 апреля, так как, очевидно, я сверху не разглядел даты Но, как уже сказано, я три раза повторял Вам, что я не мог знать об этом, поскольку меня там не было.

РАГИНСКИЙ. Хорошо, Вы очень много путаете. Вы и количество студентов тоже спутали, когда вчера давали показания суду.

НЕЙРАТ. Я уже сейчас не помню, что я сказал вчера, но едва ли можно утверждать, что я много раз путал. Сказал ли я одним или двумя меньше, этого я не знаю.

РАГИНСКИЙ. Ну, я вам напомню. Вчера на вопрос сэра Дэвида, который пред'явил вам документ № 3858-ПС... Из этого документа явствовало, что после закрытия высших школ оказалось вне школ 18 тысяч...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разве есть необходимость вновь возвращаться к перекрестному допросу, который проводил сэр Дэвид.? Трибуналу уже ведь указывал, что нет смысла дважды возвращаться к одной и той же теме.

РАГИНСКИЙ. Господин председатель, я бы не хотел возвращаться к этой теме и не намерен дополнять сэра Дэвида, который очень обстоятельно произвел допрос. Я только хотел установить истину; когда вчера подсудимый указывал, что в этом документе, который сэр Дэвид пред'явил, имеется ошибка, что в Праге всего было два высших учебных заведения и что не могло быть арестовано 1.200 студентов, - что это неправда. Ведь дело касалось не только закрытия двух пражских университетов, но на основании этого приказа, который я упомянул, от 17 ноября 1939 г. был за/крыт чешский университет в Праге, чешский университет в Брно, чешская высшая школа в Брно, высшая техническая школа в Праге...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Рагинский, мы слышали все это вчера и не хотим снова слушать об этом. Здесь уже освещался вопрос относительно закр нтия университетов в Праге.

РАГИНСКИЙ. Хорошо, господин председатель. Я только хотел констатировать, что были закрыты не два университета, а около 10 высших учебных заведений. У меня осталось всего несколько вопросов.

/Обращаясь к подсудимому/. Вы были награждены Гитлером рядом наград, как Вы об этом и сами говорили и как это видно из документов, в частности, Вы были награждены 22 сентября 1942 г. военным крестом за боевые заслуги. За какие заслуги вас Гитлер наградил?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы ведь рассматривали этот вопрос вчера, во время перекрестного допроса, проводившегося сэром Дэвидом или во время прямого допроса, не так ли? По-моему, этот вопрос затрагивался, я не помню сейчас точно, но, мне кажется, во время прямого допроса. Я имею ввиду вопрос о всевозможных орденах, которыми был награжден подсудимый.

14391

H1208 – 0232

H1208 – 0233

РАГИНСКИЙ. Господин председатель, я не хочу возвращаться к этим орденам, я только хочу спросить, за какие заслуги в 1942 г. подсудимый был награжден орденом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, задайте ему этот вопрос.

НЕЙРАТ. Я, к сожалению, не могу ответить, за какие заслуги я был награжден. Этим орденом были награждены вообще все высшие чиновники, которые состояли в то время на службе.

РАГИНСКИЙ. Хорошо, я не буду настаивать, чтобы вы ответили. Я только констатирую, что Вы были награждены в 1940 г. после проведения массового террора. Скажите, вам часто...

НЕЙРАТ. Я не знаю о том, что я проводил массовый террор.

РАГИНСКИЙ. Хорошо, мы не будем больше касаться этого вопроса.

В феврале 1943 г. в связи с вашим юбилеем в очень многих газетах были опубликованы специальные статьи, посвященные Вам. Я не собираюсь пред'являть суду все эти газеты и цитировать их, я только хочу процитировать две выдержки здесь из одной газеты, из газеты "Френкишер Курир" от 2 февраля 1943 г. Вам передадут один экземпляр, Вы следите за тем, что я буду зачитывать. Эту газету я пред'являю Трибуналу под № СССР-495.

В связи с вашим юбилеем было написано: "После прихода к власти самыми яркими политическими событиями, в которых барон фон Нейрат, как имперский министр иностранных дел играл решающую роль, и с которыми вечно будет связано и его имя, являются, уход с конференции по разоружению в Женеве, возвращение Саарской области, денонсирование Локарнского договора". И далее: "Имперский протектор барон фон Нейрат за его выдающуюся работу был неоднократно награжден фюрером, он

получил золотой почетный партийный значок, получил звание группенфюрера СС, является кавалером германского ордена "Орел" и золотого значка "За верную службу"; признавая его особые заслуги в деле осуществления военных задач, фюрер наградил его, имперского протектора Богемии и Моравии, крестом за военные заслуги первого класса".

Скажите, правильно ли освещены в этой статье факты?

НЕЙРАТ: Если бы я захотел проверить все статьи, написанные какими-то журналистами, то у меня было бы слишком много работы. То, что там написано, является личным мнением журналиста и ничем больше.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вас спросили не об этом. Вопрос фактически заключался в том, правильно ли освещены факты, упомянутые в этой статье. Вы можете ответить на этот вопрос?

НЕЙРАТ. Да... Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что вы хотите сказать? Да или нет?

НЕЙРАТ. То, что сказано о наградах,—правильно; все остальное-неправильно.

РАГИНСКИЙ. У меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Людингхаузен, Вы хотите дополнительно допросить подсудимого?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Госп один председатель, вчера на вечернем заседании у меня не без оснований было такое представление, сложилось такое впечатление, что господин фон Нейрат во время вчерашнего допроса страшно устал и что он был не в состоянии в полной мере ответить на все поставленные вопросы. В этом нет ничего удивительного, если учесть, что господину фон Нейрату сейчас 74 года, причем,г-н фон Нейрат страдает сердечным заболеванием. Поэтому я считаю необходимым коснуться сейчас отдельных пунктов перекрестного допроса, рассмот-

14393

H1208 – 0234

H1208 – 0235

ренных здесь вчера, и задам ему ряд вопросов.

Господин фон Нейрат, Вы вчера здесь показали, что Вы часто заявляли протесты Гитлеру относительно бесчинств СА и других радикальных кругов в 1933 г. и в более поздние годы. Что послужило причиной тому, что Вы подавали жалобы Гитлеру, а не заявляли свои протесты на заседаниях кабинета, которые еще имели место в то время?

НЕЙРАТ. Я уже в то время узнал, что Гитлер не вносил никаких возражений; в особенности он не вносил никаких возражений, когда они ему делались в большом кругу людей. В таких случаях у него создавалось впечатление, что против него существует какая-то оппозиция и что он должен бороться против этой оппозиции. Но дело обстояло совершенно по-другому, когда с ним разговаривали наедине. В первые годы в такой обстановке он всегда соглашался со всеми разумными аргументами и можно было достичь многого в направлении смягчения некоторых радикальных мероприятий. Впрочем, я хотел обратить также внимание на то, что как раз после этих упомянутых в аффидевите господина Гейста бесчинств состоялось заседание кабинета, на котором все министры, не состоявшие в нацистской партии, протестовали против повторения подобных явлений. Гитлер согласился с этими возражениями и заявил, что подобные вещи не должны повторяться. После этого он выступил с речью, где он дал публичное заверение в таком же духе, и до 1 934 года такие бесчинства действительно не повторялись.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Но ведь в апреле 1933 года, как известно, был организован 24-хч часовой бойкот евреям. Не так ли?

НЕЙРАТ. Да, это было одним из требований Геббельса, но при этом не наблюдалось никаких насильственных действий и бесчинств, а все дело ограничилось лишь бойкотом. В данном

случае то, что за этим не последовало никаких эксцессов, - это было результатом вмешательства моего и г-на фон Папена. Я имею в виду заявление протеста Гитлеру и Гинденбургу. Совершенно точное описание этого события находится, насколько я помню, в одной из статей журнала "Тайм" от апреля 1933 года. Эта статья содержится в моей книге документов.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, эта статья была пред'явлена в моей книге документов под номером 9. В связи с этими происшедшими тогда событиями, сэр Дэвид вчера обратил особое внимание суда на арест известного писателя Осецкого. Известно ли Вам, что этот Осецкий до прихода Гитлера к власти был приговорен одним из германских судов к лишению свободы на продолжительный срок?

НЕЙРАТ. Да, я уже потом об этом вспомнил. Я припоминаю теперь, что господин Осецкий еще до прихода Гитлера к власти /я не знаю при каком это было правительстве/ за государственную измену был присужден к каторжным работам. Этот срок он не отбыл, поэтому он был арестован.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я хочу задать Вам еще один вопрос, в связи с отчетом, пред'явленным вчера Обвинением. Это письмо министериаль-директора Кепке от 31 мая 1934 года, которое имеет номер Д-868. Скажите, счи таете ли Вы эти сведения, которые сообщаются здесь господином Кепке, доказательством того, что министр иностранных дел имел какое-то отношение к подрывной деятельности австрийских нацистов?

НЕЙРАТ. Ни в коем случае. Речь идет о том сообщении, которое мне сделал господин Кепке, а именно, относительно визита господина Вехтера, которого он называет здесь весьма ответственным лицом в Австрии. Этот господин Вехтер пытался

H1208 – 0236

H1208 – 0237

установить контакт с Гитлером и министерством иностранных дел, чтобы указать на опасность, связанную со слишком радикальными методами действий австрийских нацистов. Начальник политического отдела господин Кепке соглашается с мнениями господина Вехтера в отношении этих опасений и обещает сделать доклад в этом духе. Я не думаю, что здесь можно сомневаться в том, что я придерживался такой же точки зрения, как и господин Кепке. Я действительно передал этот доклад Гитлеру и обратил на него внимание Гитлера.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Обвинение, вернее сэр Дэвид огласил вчера отчеты, в которых говорится о вашем и г-на Франка отношении к чешской проблеме. Это документ № 3859-ПС, письмо, которое Вы послали начальнику имперской канцелярии Ламмерсу 31 августа 1940 года с целью подготовить почву для Вашего доклада Гитлеру. Скажите, эти отчеты или отчет, который составлен Франком, тождественны меморандуму, упомянутому в отчете Фредериче от 15 октября?

НЕЙРАТ. Да, это те же самые отчеты.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Во время Вашего допроса Вы показали относительно отчета Фредериче, что это выселение чехов в восточные области является делом СС, различных партийных кругов и гаулейтера Нижне-Дунайской области. Вы также дальше сказали, что Вы, чтобы предотвратить выполнение этого плана, который Вы сами назвали безумным, заставили господина Франка составить этот меморандум, в котором рекомендовалось более радикальное разрешение этой проблемы, которое потом в некоторой степени было одобрено Гитлером. В действительности же, то, что Вы намеревались сделать, не было сделано и мысль об аннексии оказалась погребенной. Правильно ли это?

НЕЙРАТ. Да, это правильно. Об'яснить все эти события и возникновение этого меморандума чрезвычайно трудно. Все это может стать ясным, если внимательно рассмотреть развитие всех политических событий внутри страны. Стремления гаулейтеров близлежащих гау разделить протекторат были весьма сильными. Они посылали Гитлеру меморандумы, за которыми скрывался, собственно, сам Гиммлер. Во всех этих меморандумах предусматривалось весьма радикальное разрешение этого вопроса, и, следовательно, нам следовало опасаться, что Гитлер станет действовать согласно этим желаниям гаулейтеров. Чтобы воспрепятствовать этому, я должен был сделать несколько предложений, относительно которых я сам сказал, что они не будут проведены. Я сам вначале высказался о своем согласии на проведение этих мероприятий, а затем об'явил их бессмыслицей. Только так можно об'яснить составление этого меморандума. Этот меморандум не был составлен мной, он был составлен в моем бюро, но, конечно, по данным мной указаниям. Я хочу еще раз подчеркнуть, что это был чисто тактический маневр, чтобы повлиять на Гитлера, так как я опасался, что он одобрит радикальные предложения Гиммлера и его сторонников. Я добился того, что Гитлер издал весьма корректный приказ, в котором говорилось о том, что все эти планы не должны больше обсуждаться, что речь может теперь итти только об ассимиляции, которая будет осуществлена в более поздние годы. Больше действительно ничего не случилось, и это было моей целью.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, имеется ли какая-либо связь между пред'явленным вчера распоряжением, отданным всем немецким властям в протекторате относительно обсуждения в общественности немецко-чешской проблемы, - это документ № 3862-от

H1208 – 0238

H1208 – 0239

27 июня 1942 г. - и этим меморандумом или этой беседой и этим решением Гитлера?

НЕЙРАТ. Да, они тесно связаны друг с другом и, мне кажется, я уже об этом говорил вчера. Год спустя опять началась пропаганда за гер манизацию протектората и за его расчленение. Я выступал против этого и запретил, чтобы этот вопрос еще раз подвергался обсуждению после того, как решение было вынесено.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Из пред'явленного вчера документа СССР-487, письма начальника полиции безопасности статс-секретарю Франку от 21 июля 1943 г., то-есть, после того, как Вы ушли с вашей должности, Обвинен ие делает заключение, что Вы уже после издания декр ета от 5 мая 1939 г. назначили начальника СС и полиции безопасности в Праге своим политическим референтом. Скажите, какие он имел функции, находясь на этой должности, и имел ли он вообще какие-либо функции?

НЕЙРАТ. Нет. Именно нет. Из этого письменного напоминания от 21 июля 1943 г. ясно вытекает, что он не имел никаких функций.

/К микрофону подходит представитель советского обвинения генерал Рагинский/.

РАГ ИНСКИЙ. Господин председатель, я должен отметить, что вопрос неправильно поставлен, это документ не от 1943 и не от 1942 г.г., а он от 21 июля 1939 г.

НЕЙРАТ. Разрешите заметить, что это абсолютно все равно. Этого не было. Я не назначал никакого политического референта.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Здесь вчера Обвинение пред'явило документы 3851-ПС и 3858-ПС. Какие мероприятия были проведены на основании содержащихся в этих документах предложений отделов и

H1208 – 0240

начальников отделов Вашего ведомства относительно использования рабочей силы, т.е. студентов, которые не имели работы в вследствие закрытия высших технических школ?

НЕЙРАТ. Я уже говорил вчера, что здесь явно речь идет о предложении какого-то референта, причем, это предложение вообще не дошло до меня, оно было отклонено моим младшим статс-секретарем. Я не понимаю, как можно считать меня ответственным за предложение, сделанное каким-то референтом?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я хочу задать Вам еще один вопрос относительно германо-австрийского договора от 11-го июля 1936 г. Правильно ли, что Вы в уже пред'явленном Обвинением сообщении доктора Рейнера Бюркеля - это документ ПС-812 - упомянули, что Гитлер непосредственно после заключения этого договора заявил лично доктору Рейнеру и руководителю австрийских нацистов Глобочнику, что этот договор от 11-го июля 1936 г. заключен с честными и серьезными намерениями и что австрийские национал-социалисты при всех обстоятельствах должны строго придерживаться положений этого договора и в своем отношении к австрийскому правительству должны руководствоваться положениями этого договора?

НЕЙРАТ. Да, это правильно. И мне кажется, что я вчера уже сказал, что Рейнер говорил об этом у свидетельского пульта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Людингхаузен.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Еще один последний вопрос, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый вчера уже этот вопрос достаточно полно осветил со своей точки зрения.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я уже покончил с этим вопросом. Это мой последний вопрос. Я хочу поставить еще только один вопрос в заключение допроса подсудимого. Обвинение, вернее сэр Дэвид

H1208-0240

H1208 – 0241

вчера обвинил Вас в том,что Вы, несмотря на произнесенные Вами слова о том, что Вы не были согласны с нацистским режимом и его методами и многое из того, что происходило, Вы считали дурным и аморальным и чувствовали к ним отвращение, не ушли в отставку, а остались в правительстве. Что Вы скажете по поводу этого обвинения?

НЕЙРАТ. Я уже вначале говорил о том, что я дал Гинденбургу обещание войти в состав правительства и оставаться там до тех пор, пока будет возможно в какой-то степени сохранить курс, исключающий применение насилия, и охранить Германию от всяких военных конфликтов. Вот в чем состояла моя миссия. Но не только данное Гинденбургу обещание связывало меня с этим постом, но и сознание долга по отношению к германскому народу охранить Германию как можно дольше от всяких военных конфликтов. Это было выше моих личных желаний, которые носили совершенно иной характер. Мой авторитет, мое влияние, как министра иностранных дел, к сожалению, не были такими большими, чтобы я мог и в другой области, как например, в области внутренней политики, воспрепятствовать проведению целого ряда гибельных и явно аморальных действий. Несмотря на это, я пытался делать это и в других случаях, а не только в еврейском вопросе. Я считал своим высшим долгом выполнять свои задачи, а не отказываться от них, если даже в других областях, к которым я не имел никакого отношения, совершались такие действия, которые противоречили самым вопиющим образом моему мировоззрению и моим установкам. Имеется много людей, которые придерживаются другой точки зрения. Такое же обвинение было мне предъявлено, когда я в 1919 г., в период первой революции, остался в кабинете социал-демократического правительства. Тогда мне тоже пришлось

перенести самые тяжелые нападки и слышать самые горькие упреки.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Вы сами часто боролись с собой. Вы мне часто говорили об этом.

НЕЙРАТ. Да, конечно. Не легко принадлежать к правительству, с тенденциями которого не соглашаешься и за которые ты потом несешь ответственность.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я благодарю Вас.

Господин председатель, я закончил свой допрос. Я предлагаю сделать сейчас перерыв, чтобы после перерыва перейти к допросу моих свидетелей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас Трибунал об'является перерыв.

/Об'является перерыв на 10 минут/.

Встать, Суд идет!

/К микрофону подходит защитник подсудимого фон Риббентропа д-р Горн/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Горн, Вы хотите задать свидетелю какие-нибудь вопросы?

ГОРН. Нет, господин председатель, я прошу разрешения, чтобы мой подзащитный сегодня вечером и завтра утром не присутствовал на заседаниях, так как я должен обсудить с ним важные вопросы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы имеете в виду подсудимого фон Риббентропа?

ГОРН. Да, фон Риббентропа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, пожалуйста.

ГОРН. Благодарю Вас.

14401

H1208 – 0242

H1208 – 0243

/К микрофону подходит защитник подсудимого Розенберга д-р Тома/.

ТОМА. Господин председатель, на вчерашнем вечернем заседании господин генерал Рагинский спросил, вмешивался ли Розенберг во внешнюю политику Нейрата. Переводчица мне только что заявила, что она перевела неверно, а именно так: + "вмешивался ли Риббентроп в политику Нейрата". Таким образом, этот вопрос остался без ответа и поэтому я прошу разрешения спросить господина барона фон Нейрата, вмешивался ли Розенберг в политику Нейрата?

НЕЙРАТ. Нет, я,собственно, никогда не обсуждал с господином Розенбергом внешне-политических вопросов.

ТОМА. Кроме того, я прошу внести соответствующую поправку в стенограмму. Должно быть записано не: "Вмешивался ли Риббентроп в политику Нейрата?", а "Вмешивался ли Розенберг в политику Нейрата"?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Эта поправка будет внесена в стенограмму.

ТРИБУНАЛ /судья БИДДЛ/. Подсудимый, я хочу задать Вам всего несколько вопросов. Вы помните, что баронесса фон Риттер сказала, что после 5 ноября 1937 года Вы признали... Я хочу зачитать это место точно: "Когда господин фон Нейрат впервые должен был заключить из заявления, сделанного Гитлером 5 ноября 1937 года, что последний хочет достигнуть своих политических целей путем применения силы по отношению к соседним государствам, это так сильно потрясло его морально, что у него было несколько серьезных сердечных припадков".

Это правильное описание того, что Вы тогда осознали, не так ли?

НЕЙРАТ. /Кивает головой/.

ТРИБУНАЛ/ судья БИДДЛ/. Вы сказали, что непосредственно после этого совещания Вы говорили с ген ералом Беком и генералом фон Фричем. Вы помните об этом?

НЕЙРАТ. Да.

ТРИБУНАЛ /Судья БИДДЛ/. Мне кажется, Вы сказали сэру Дэвиду, что Вы не говорили с подсудимым Герингом. Я хочу спросить Вас, говорили ли Вы еще с кем-нибудь в течение последних двух или трех месяцев о том, что сказал Гитлер. Говорили ли Вы с кем-нибудь в министерстве иностранных дел по этому поводу?

НЕЙРАТ. Я говорил со своим статс-секретарем.

ТРИБУНАЛ /Судья БИДДЛ/. А с кем еще из министерства иностранных дел Вы говорили?

НЕЙРАТ. Больше ни с кем, так как Гитлером было поставлено условие, что обо всех этих заседаниях не должно быть сказано ни одного слова, и поэтому я не говорил со своими чиновниками об этом. Они ничего не знали и они ничего не узнали о военных вопросах.

ТРИБУНАЛ /Судья БИДДЛ/. Говорили ли Вы об этом с подсудимым Папеном, когда в следующий раз встретились с ним?

НЕЙРАТ. Нет. Мне кажется, что я его не видел тогда.

ТРИБУНАЛ /Судья БИДДЛ/. Обсуждали ли Вы этот вопрос с кем-нибудь еще до Вашего ухода в отставку?

НЕЙРАТ. Нет, ни с кем.

ТРИБУНАЛ /Судья БИДДЛ/. У меня к Вам еще один вопрос. Вы признали, не так ли, что Гиммлер пользовался методами, которых Вы не одобряли; правильно ли это?

НЕЙРАТ. Да, но я осознал это только постепенно. С самого начала это нельзя было предусмотреть.

H1208 - 0244

H1208 – 0245

ТРИБУНАЛ /Судья БИДДЛ/. Это как раз то, что я хочу узнать. Когда впервые Вы начали понимать это? Когда Вы впервые начали осознавать это, назовите время приблизительно? Когда, примерно, Вы начали впервые понимать, что из себя представлял Гиммлер?

НЕЙРАТ. Это было трудно установить, так как у него было два лица. Он был настоящим Янусом. Вообще нельзя было сразу распознать его истинных намерений.

ТРИБУНАЛ /Судья БИДДЛ/. Я Вас не спрашиваю, каким он был. Я хочу, чтобы Вы попытались припомнить, когда Вы поняли, что это был за человек. Вы, ведь, должны были когда-то осознать это. Вы знали об этом в 1937 году? Вы узнали об этом в 1937 или в 1938 году? Во всяком случае, не позже 1938 года, не так ли?

НЕЙРАТ. Пожалуй, в 1938 г. Мне трудно установить сейчас дату. Я не могу назвать точно дату.

ТРИБУНАЛ /Судья БИДДЛ/. Мне не нужна точная дата. Я хочу только знать, подтверждаете ли Вы, что эти методы были Вам известны до того, как Вы направлялись в протекторат? Вы, безусловно, знали, что представляет из себя Гиммлер, перед тем, как Вы направились в протекторат. В этом нет никакого сомнения, не так ли?

НЕЙРАТ. Да, конечно.

ТРИБУНАЛ /Судья БИДДЛ/. У меня больше нет вопросов.

НИКИТЧЕНКО. Вы когда-либо выступали открыто против политики гитлеровского правительства?

НЕЙРАТ. К сожалению, перевод очень плохой.

НИКИТЧЕНКО. В своих об'яснениях на суде вы говорили, что не согласны были с политикой гитлеровского правительства по отдельным вопросам или в целом. Это верно?

НЕЙРАТ. Да.

НИКИТЧЕНКО. Вы когда-либо выступали открыто с заявлением о своем несогласии с политикой гитлеровского правительства?

НЕЙРАТ. Да, я делал это и не один раз.

НИКИТЧЕНКО. Каким образом это делалось? Я имею в виду, были ли это открытые выступления в печати или на каких-либо собраниях?

НЕЙРАТ. Нет. Устраивать собрания или выступать в прессе по этому поводу было вообще невозможно. Это было исключено; я мог заявить протест против этой политики лично Гитлеру или вначале на заседаниях кабинета. Свободы печати уже не было, так же как и в России. Также мало возможности было и для проведения собраний. Поэтому...

НИКИТЧЕНКО. Я спрашиваю не о России, а о Ваших выступлениях. Значит таких выступлений не было?

НЕЙРАТ. Нет.

НИКИТЧЕНКО. Таким образом, в Германии никто не мог знать и не знал, что Вы не разделяете политику гитлеровского правительства?

НЕЙРАТ. Я всегда ясно говорил об этом, но не в статьях и не на собраниях, а вообще я заявлял об этом совершенно открыто.

НИКИТЧЕНКО. Ясно; но с глазу на глаз Гитлеру, только лично Гитлеру. Вы это говорили?

НЕЙРАТ. Нет, я говорю Вам, что я об этом говорил с каждым, кто хотел это слышать. Но я не мог делать этого ни на собраниях, ни в речах, ни в статьях.

14405

H1208 – 0246

H1208 – 0247

НИКИТЧЕНКО. Вы оставались в составе правительства, несмотря на то, что Вы не согласны были с политикой правительства, так?

НЕЙРАТ. Да, именно поэтому.

НИКИТЧЕНКО. Вы оставались для того, чтобы противодействовать этой политике?

НЕЙРАТ. Да.

НИКИТЧЕНКО. Вам известны результаты такого рода противодействия?

НЕЙРАТ. Я не понял вопроса.

НИКИТЧЕНКО. Каковы были результаты вашего противодействия политике гитлеровского правительства?

НЕЙРАТ. В деталях я не могу об этом сказать.

НИКИТЧЕНКО. А в частности, по вопросу об агрессии? Вы были против присоединения Австрии, так?

НЕЙРАТ. Да, конечно.

НИКИТЧЕНКО. Германское правительство присоединило Австрию.

НЕЙРАТ. Мне кажется, что здесь было достаточно ясно сказано, что Гитлер сделал это только в последнюю минуту.

НИКИТЧЕНКО. Вы были против захвата Чехословакии?

НЕЙРАТ. Да.

НИКИТЧЕНКО. И германское правительство захватило Чехословакию.

НЕЙРАТ. Я тогда уже не был членом правительства.

НИКИТЧЕНКО. Но вы, как политический деятель, с которым, по вашему мнению, должны были считаться, выражали свое мнение против этого?

НЕЙРАТ. Да, всегда.

14466

H1208 – 0248

НИКИТЧЕНКО. Вы были против нападения на Польшу?

НЕЙРАТ. Да.

НИКИТЧЕНКО. И все же Германия напала на Польшу.

НЕЙРАТ. Я повторяю, что я тогда уже не был членом правительства. Я узнал об этом в последний момент.

НИКИТЧЕНКО. Вы были против нападения на Советский Союз?

НЕЙРАТ. Да, конечно. Я хотел как раз обратного. Я хотел сотрудничать с Советским Союзом. Уже в 19...

НИКИТЧЕНКО. И все-таки Германия напала на Советский Союз?

НЕЙР АТ. Да.

НИКИТЧЕНКО. Судя по вашим об'яснениям, Гитлер должен был знать о ваших оппозиционных настроениях и о вашем несогласии с его политикой?

НЕЙРАТ. Да, он очень хорошо знал это, так как я именно поэтому в 1938 году вышел в отставку.

НИКИТЧЕНКО. Вам известно, как Гитлер расправлялся со своими политическими противн иками, с оппозицией?

НЕЙРАТ. В империи - да.

НИКИТЧЕНКО. В отношении вас, несмотря на то, что вы считали себя находившимся в оппозиции, ничего подобного не было, верно?

НЕЙРАТ. Я не понял.

НИКИТЧЕНКО. В отношении вас, несмотря на то, что вы считали себя находившимся в оппозиции, ничего подобного не было?

НЕЙРАТ. Нет, но я всегда считался с возможностью этого.

НИКИТЧЕНКО. Вы не можете сказать, Невиль Гендерсон в своей книге "Провал миссии" правильно излагает факты, касаю-

щиеся вас лично? Вы считаете, что Невиль Гендерсон правильно излагает факты, касающиеся Вас лично?

НЕЙРАТ. Я должен открыто признать, что эту книгу Невиля Гендерсона я читал 3-4 года тому назад. Я не могу точно вспомнить, что он там сказал обо мне. Здесь я слышал пару выдержек, но я не могу сказать, что он говорит обо мне.

НИКИТЧЕНКО. Но полагаю, что вы знакомы с теми выдержками, которые представлены вашим защитником в его книге?

НЕЙРАТ. Да.

НИКИТЧЕНКО. Вот то, что изложено в этих выдержках в отношении вас, - вы считаете правильным?

НЕЙРАТ. Я полагаю, что да.

НИКИТЧЕНКО. Значит, правильно. Таким образом, правильно и то, что он пишет в отношении вашей партийной принадлежности? Он пишет, что "... сам барон фон Нейрат, оставшийся в правительстве Гинденбурга, не являлся членом нацистской партии". Это верно?

НЕЙРАТ. Да. Мне кажется, что я в последние дни неоднократно говорил об этом.

НИКИТЧЕНКО. И дальше он пишет, что "... он стал членом партии позже".

НЕЙРАТ. Как это произошло, - я уже тоже об"яснял. В 1937 году мне был вручен золотой партийный значок...

НИКИТЧЕНКО. Это мы слышали уже. Да. Но это правильно, что вы позже стали членом партии- так, как указывает Гендерсон?

НЕЙРАТ. Нет, я...

НИКИТЧЕНКО. Эта часть неправильна?

14408

H1208 – 0249

H1208 – 0250

НЕЙРАТ. Я получил золотой партийный значок вместе с заявлением Гитлера, что тем самым на меня не возлагается никаких обязанностей по отношению к партии.

НИКИТЧЕНКО. Это слышали уже. Значит, таким образом, в изложении сэра Невиля Гендерсона не все правильно сообщается о вашей личности?

НЕЙРАТ. Я не знаю, при всем моем желании я не могу вспомнить, что сэр Невиль Гендерсон пишет о моей личности.

НИКИТЧЕНКО. И последний у меня вопрос - относительно вашего меморандума. Я не совсем понял ваши об'яснения, которые вы давали сэру Дэвиду и затем позже своему защитнику.

Препровождая меморандум Франка, вы в письме на имя Ламмерса писали, что вы считаете этот меморандум совершенно правильным. Верно?

НЕЙРАТ. Да, совершенно верно. Я даже могу вам сказать причины. Этот меморандум...

НИКИТЧЕНКО. Вы об'ясняли уже причины здесь. Я только хотел установить, что вы действительно так писали.

НЕЙРАТ. Причину, почему я написал об этом Ламмерсу, я не назвал. Причиной, почему я писал Ламмерсу в этом смысле, было то, что он был тем лицом, которое должно было представить этот меморандум фюреру. Я должен был писать в таком духе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я хочу задать Вам два вопроса. Первый относится к документу, представляющему собой письмо, которое Вы написали 31-го августа 1940 года. Это письмо, на которое только что ссылался генерал Никитченко. Вы помните этот документ?

НЕЙРАТ. Да, конечно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И вы помните, что вы сказали в этом письме, что вы полностью согласны с меморандумом, который

ваш статс-секретарь Франк составил независимо от вас. Он пишет: "Германизация обеспечивает изменение национальности чехов, отвечающих требованиям с расовой точки зрения; во-вторых, изгнание чехов, непригодных в расовом отношении, а также и интеллигенции, являющейся врагом империи, или же применение "специального обращения" к этим, так же как и ко всем вредным элементам. Мой вопрос заключается в следующем: Что вы понимали под термином "специальное обращение"?

НЕЙРАТ. Если я вообще читал тогда эту выдержку, - во всяком случае, я сам никогда не думал об этом относительно выражения "особое обращение", в том смысле, как это выявилось здесь на процессе. Я вообще не был согласен со всей установкой Франка, о которой говорится в этом отчете. Я только намеревался воспрепятствовать всему этому. Таким образом содержание этого меморандума было нацелено лишь на то, чтобы языком Гитлера или языком Гиммлера и других людей изложить это Гитлеру, чтобы отговорить его от этого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разве Вы не вводили в заблуждение, когда писали г-ну Ламмерсу, что вы полностью согласны с меморандумом, с тем, чтобы об этом было передано Гитлеру, в то время, как вы не были согласны с ним?

НЕЙРАТ. Господин председатель! О настоящем положении вещей я не мог писать Ламмерсу. Все то, что там написано, я не намеревался проводить. Я должен был сказать Ламмерсу, который должен был доложить об этом Гитлеру, что я с этим согласен. После я в личном разговоре во время упомянутого здесь заседания с Франком и Гюртнером просил доложить обо мне Гитлеру и раз"яснил ему это.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Таким образом, вы отвечаете, что Вы не знали, что подразумевается под термином "специальное обращение"

H1208 – 0251

H1208 - 0252

НЕЙРАТ. Нет, нет, во всяком случае тогда я этого не знал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Теперь второй вопрос, который я хотел бы Вам задать. Вы помните, что, когда Вас вызвали 11 марта 1938 г., в период аншлюсса Австрии, Вы написали письмо, датированное 12 марта 1938 года, в ответ на меморандум, который Вы получили от британского правительства, через сэра Невиля Гендерсона. Вы прекрасно знали сэра Невиля Гендерсона, не так ли?

НЕЙРАТ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В этом письме Вы сказали следующее:

"Неверно, что империя использует насильственные методы, чтобы добиться этого развития; в частности, утверждение, которое распространялось впоследствии бывшим канцлером, о том, что германское правительство представило австрийскому канцлеру ультиматум, содержавший определенные условия, является сплошной выдумкой. Согласно этому ультиматуму, он должен был назначить кандидата на пост канцлера и сформировать кабинет в соответствии с предложениями германского правительства, иначе ему угрожали вторжением германских войск в Австрию". Далее Вы излагаете то, что, по Вашему мнению, отражало действительное положение вещей. Вы, ведь, теперь знаете, что Ваше заявление, сделанное в этом письме, является сплошным вымыслом, не правда ли?

НЕЙРАТ. Перевод не поступает.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы слышали хотя бы часть вопроса, который я Вам задал?

НЕЙРАТ. К сожалению, нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень жаль, что Вы не сказали этого раньше. Вы помните день 11 марта 1938 г., помните, что Вас вызвали в

качестве представителя от министерства иностранных дел; далее, Вы только что сказали мне, что Вы очень хорошо знали сэра Невиля Гендерсона?

НЕЙРАТ. Так точно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы помните письмо, которое Вы написали 12 марта 1938 г.?

НЕЙРАТ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы заявили сэру Дэвиду Максуэлл Файфу, что то, что Вы писали в этом письме, неверно?

НЕЙРАТ. Да, неверно, не совсем верно, это несколько неверно изложено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какие шаги Вы предприняли для того, чтобы выяснить, было ли это правильно, или нет?

НЕЙРАТ. Я гораздо позже узнал о том, что это изложение не отвечает действительности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы не отвечаете на мой вопрос. Я спросил: "Какие шаги Вы предприняли для того, чтобы выяснить, отвечают ли действительности факты, изложенные в этом письме?

НЕЙРАТ. Я счи тал сперва, что эта версия, изложенная Гитлером, верна. Ведь я же не мог его проконтролировать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Почему вы считали, что это изложение соответствовало действительности, если оно противоречило заявлению английского правительства?

НЕЙРАТ. У меня, собственно, не было никаких других сведений о том, что случилось. Таким образом я мог сказать только то, что я знал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У вас было письмо, представляющее собой протест британского правительства, не так ли?

НЕЙРАТ. Да, конечно.

14412

H1208-0253

H1208 – 0254

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы очень хорошо знали сэра Невиля Гендерсона?

НЕЙРАТ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И после этого Вы написали это письмо, которое противоречило заявлению, сделанному от имени британского правительства. Это так?

НЕЙРАТ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И Вы не предприняли ничего для того, чтобы проверить факты, которые были сообщены Вам Гитлером? Ответьте, пожалуйста, на этот вопрос.

НЕЙРАТ. Как я мог это сделать, когда у меня не было никого, кто бы знал об этом что-либо? У меня имелось лишь то, что мне поручил Гитлер сообщить министерству иностранных дел. Проект этой ноты был составлен министерством иностранных дел на основании тех сообщений, которые я получил от Гитлера. У меня не было возможности проверить эти сведения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Имелось так много других лиц, которые были связаны с этим делом и с которыми Вы могли связаться. Однако Вы заявляете, что Вы ничего этого не сделали?

НЕЙРАТ. Я могу лишь повторить, что у меня не было никаких возможностей получить другие сведения. Об этом никто ничего не знал, кроме Гитлера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы заявляете Трибуналу, что Геринг не знал об этом?

НЕЙРАТ. Геринг, может быть, и знал об этом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это все, что я хотел спросить. Подсудимый может возвратиться на свое место на скамье подсудимых.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, я прошу разрешения вызвать в качестве первого свидетеля бывшего директора

департамента и руководителя политического отдела министерства иностранных дел господина доктора Кепке.

/В зал вводят свидетеля/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите, пожалуйста, Ваше полное имя.

СВИДЕТЕЛЬ. Герхард Кепке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Свидетель повторяет слова присяги/.

Вы можете сесть.

/Прямой допрос свидетеля доктора Кепке/.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин доктор, с каких пор Вы знаете господина фон Нейрата?

КЕПКЕ. Я знаю господина фон Нейрата свыше сорока лет. Его карьера известна, поэтому я могу ограничиться сообщением о том, что мы работали вместе вице-консулами в Лондоне, советниками посольства министерства иностранных дел и в дальнейший период - после вступления господина фон Нейрата на пост министра в 1932 г., до моей отставки в 1935 г. В промежуточный период, когда господин фон Нейрат был в Копенгагене, Лондоне и в Риме и затем некоторое время у себя на родине и, наконец, в Праге, мы виделись лишь случайно во время моего пребывания в Берлине и довольно часто вели переписку друг с другом, как старые друзья. Я сам все это время оставался на работе в министерстве иностранных дел, был там с 1921 года начальником правового отдела, а с 1923 года - начальником политического, так называемого западного, отдела, которым я руководил до моего ухода в отставку. Отставку я получил по своей просьбе в конце 1935 года.

14414

H1208 - 0255

H1208 – 0256

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Что Вы знаете о принципиальной установке господина фон Нейрата по отношению к внешней и внутренней политике? Скажите только в общих чертах.

КЕПКЕ. С точки зрения внешней политики господин фон Нейрат принадлежал к консервативным кругам, но он никогда не был членом консервативной партии. На основании этих консервативных принципов и вследствие особенностей своего характера - верности своему долгу и слову - он завоевал доверие президента Гинденбурга и сохранил его до его смерти. Господин фон Гинденбург ценил Нейрата также как надежного, рассудительного и умеренного дипломата. Впрочем и представители других направлений относились с полным доверием к Нейрату. Я упомяну лишь покойного имперского президента Эберта, который в свое время снова призвал Нейр ата на пост министра.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Что Вы знаете о назначении господина фон Нейрата на пост министра иностранных дел летом 1932 года?

КЕПКЕ. Назначение господина фон Нейрата министром иностранных дел основывалось на личном желании имперского президента господина фон Гинденбурга. Нейрат не стал министром иностранных дел в рамках кабинета Папена, а стал им и был особым доверенным лицом президента фон Гинденбурга.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Каковы были причины того, что господин фон Нейрат оставался на посту министра иностранных дел также и в новом правительстве Гитлера?

КЕПКЕ. В переговорах с Гитлером о приходе к власти господин фон Нейрат, насколько я знаю, не участвовал. Насколько я могу положиться на свою память, у него в эти решающие дни обострился невроз сердца и он был прикован к постели. Однако он был оставлен министром иностранных дел опять-таки по личному желанию господина фон Гинденбурга.

14415

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Можете ли Вы сказать что-нибудь об отношении господина фон Нейрата к Гитлеру?

КЕПКЕ. Сначала я хотел бы заметить, что я, как свидетель, не могу ничего сказать об этом по собственным наблюдениям. Я никогда не присутствовал на беседах господина фон Нейрата с Гитлером, а сам вообще не имел с Гитлером ни одного служебного разговора. Однако по собственному описанию Нейрата и по сведениям, которые я с течением времени получил от других руководящих лиц, у меня создалось впечатление, что Гитлер, прежде всего, в первые годы обращался с господином фон Нейратом гнусно и подло. В какой степени здесь сказался авторитет президента, любовь которого к господину фон Нейрату была известна Гитлеру, я сказать не могу. Во всяком случае Нейрат никогда не был типичным доверенным лицом Гитлера и также не принадлежал к узкому кругу партийных руководителей, которые окружали Гитлера. После смерти имперского президента фон Гинденбурга Нейрат остался на своем посту, так как он дал обещание президенту сделать это. Господин фон Нейрат также и в последующее время всегда пытался оказать свое успокаивающее и сдерживающее влияние по отношению к партии. Однако мне известно, что, когда начало усиливаться разочарование и все чаще проявлялись разногласия, господин фон Нейрат неоднократно пытался отойти от Гитлера. Мне в этом отношении известны два ходатайства об отставке, одно из которых он мне показывал. Оно было составлено в письменном виде и датировано началом 1936 года.

Я тогда уже ушел в отставку и посещал Нейрата, как друг.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Можете ли Вы коротко охарактеризовать отношение господина фон Нейрата к нацистской партии?

14416

H1208 – 0257

H1208 – 0258

КЕПКЕ: Господин фон Нейрат по отношению к партии и особенно к ее руководящим лицам занимал сначала выжидательную позицию. Насколько я знаю, ему, который долгое время прожил заграницей, не был лично знаком ни один из этих господ. Господин фон Нейрат был убежден в том, что ему на основании своего долголетнего опыта, как старому дипломату, опираясь на доверие к нему со стороны президента, удастся оказывать умиротворяющее влияние в духе достижения взаимопонимания и политики равновесия. Нейрат при этом, говоря со мной, и я думаю, и с другими коллегами, часто ссылался на свой опыт, который он приобрел в этом отношении в Риме при общении с представителями фашизма. Он обычно говорил в том духе, что нужно таким революционным элементам предоставить возможность спокойно развиваться, сорви-головы сами опомнятся и станут разумными, если им дать время и возможность собрать опыт на ответственном посту.

Впрочем, в этом отношении Нейрат разделял также точку зрения тогдашнего статс-секретаря фон Бюлова. Он сохранил этого статс-секр етаря господина канцлера Брюнинга и до самой его смерти оставлял его на этом посту, несмотря на все усилия партии убрать его. Между прочим, я хотел бы здесь упомянуть об одной небольшой, но очень важной для нас тогда детали. Когда внезапно умер всеми любимый статс-секретарь фон Бюлов, господин фон Нейрат добился того, чтобы в этот траурный день при отпевании покойного в церкви кайзера Вильгельма присутствовал Гитлер. Старые чиновники министерства иностранных дел, обрадованные и успокоившиеся, видели в этом хороший признак прочного положения нашего министра по отношению к партии. Это, само по себе, может быть, второстепенное событие произошло 10 лет тому назад.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Как руководитель политического отдела министерства иностранных дел, Вы были ведь и одним из ближайших сотрудников господина фон Нейрата. Вы можете сказать, какими принципиальными тенденциями руководствовался господин фон Нейрат в своей внешней политике?

КЕПКЕ. Общая политическая концепция Нейрата соответствовала его характеру и длительному опыту в политической области и была направлена на соглашения, переговоры и выжидания. Попытки насильственного решения вопросов и ультимативные шаги не были свойственны господину фон Нейрату по его натуре. Нейрат не был ни игроком, ни борцом.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Теперь я перехожу к отдельным важным политическим событиям, которые имели место в то время, когда Вы были начальником политического отдела при господине фон Нейрате.

В октябре 1933 года произошел уход Германии с конференции по разоружению и выход ее из Лиги Наций. Я хотел бы задать Вам вопрос относительно того, лежали ли в основе ухода Германии с конференции по разоружению и выхода ее из Лиги Наций какие-либо агрессивные или военные тенденции в тот период или на будущее?

КЕПКЕ. Нет. Положение, о котором говорил господин защитник, представлялось нам, референтам, следующим образом: у нас в министерстве иностранных дел никто и не думал о военных планах или о подготовке к военным операциям. Тогда речь шла лишь о том, чтобы по возможности более ясно заявить, что Германия больше не потерпит, чтобы с ней обращались не как с народом, который имеет такие же права и обязанности, как и другие народы. В основе демилитаризации Рейнской области также не имелось никаких агрессивных намерений ни в тот момент,

H1208 – 0259

H1208 – 0260

ни на будущее.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В течение последующих лет, т.е. в 1935 г., состоялось провозглашение военного суверенитета Германии и затем было принято решение о демилитаризации демилитаризованной Рейнской области. Я хочу Вам в связи с этим зачитать одно предложение из аффидевита бывшего посла и переводчика Пауля Шмидта из министерства иностранных дел. Он говорит относительно событий в начале 1935 года следующее: "За заключением пакта о взаимопомощи между Францией и Россией 2 мая 1935 г. последовало сообщение о строительстве германских военно-воздушных сил и введении всеобщей воинской повинности в мае 1935 года".

Я прошу Вас очень коротко рассказать о развитии исторических событий, которые привели к восстановлению военного суверенитета в марте 1935 г. и к демилитаризации Рейнской области в марте 1936 года. Я думаю...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Людингхаузен, мы уже несколько раз слышали здесь об историческом развитии этих событий. Мы не хотим слышать никаких показаний по этому поводу от данного свидетеля.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Только коротко, лишь перечень дат, господин председатель, и никаких об'яснений. Я хотел лишь еще раз ясно установить, в какой последовательности развивались эти события.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /прерывая/. Трибуналу известны эти даты. Мы уже несколько месяцев тому назад запомнили все эти даты.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Хорошо, если Суд считает, что это не нужно, я, конечно, откажусь от этого вопроса. Тогда я перехожу к моему предпоследнему вопросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если вы хотите задать какие-либо вопросы по этому поводу,—пожалуйста, и задавайте их, но Вы ведь спросили: "Расскажите нам, как развивались исторические события, начиная со 2 мая 1935 г.". Трибуналу уже неоднократно слышал об этом.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, для меня важно лишь следующее. Из этого аффидевита господина Шмидта, который я только что процитировал, можно сделать...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Задайте свидетелю любой вопрос, который Вы хотели бы поставить в связи с этим письменным показанием, данным под присягой.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Хорошо. Тогда я сформулирую этот вопрос следующим образом.

/Обращаясь к свидетелю/. Я только что зачитал Вам это предложение из аффидевита господина Шмидта и я также сказал, что из этого можно заключить, что подписание русско-французского пакта от 2 мая 1935 г. было следствием восстановления военного суверенитета. Верно ли это или как нужно это рассматривать?

КЕПКЕ. На этот вопрос в действительности очень трудно ответить, если сопоставить во времени только эти два события. Заключение франко-русского пакта о взаимопомощи действительно имело место 2 мая 1935 г., а восстановление военного суверенитета произошло еще в марте 1935 г. Но переговоры об этом пакте о взаимопомощи происходили значительно раньше. Я хотел бы напомнить о том, что о критической стадии, в которую вступили переговоры о заключении пакта о взаимопомощи еще до восстановления военного суверенитета, говорится яснее всего в сообщении представителя французского военного комитета,

H1208 – 0261

H1208 – 0262

в котором последний откровенно говорит о военном союзе обоих государств. Это было 23-по ноября 1934 г.

ЛОДИНГХАУЗЕН. Теперь я перехожу к другому вопросу и прошу Вас сказать, знаете ли Вы точку зрения г-на Нейрата в отношении австрийского вопроса, по крайней мере, в то время, когда Вы с ним работали?

КЕПКЕ. Я знаю точку зрения г-на фон Нейрата на австрийский вопрос за значительно больший период времени, чем за время моего сотрудничества с ним. Эта проблема очень интересовала его, как немца из Судетской области. Я помню несколько бесед, которые я вел с ним еще тогда, когда я был вице-консулом. Его точкой зрения и намерением было стремление с самого начала установить более тесную связь между Австрией и Германией в области экономики, что прежде всего было в интересах Австрии, а в политическом отношении путем заключения договоров гарантировать политику такого же рода, в остальном же,- не нарушать самостоятельности Австрии. Это было представлением которое сложилось в министерстве иностранных дел за много лет до назначения Нейрата министром, на основании таможенной унии, которая была создана действительно только как экономическая мера. Тот факт, что эта попытка может расцениваться как общий политический аншлюсс, давал повод к размышлениям и должен был предостеречь всякого, кто решался вновь ухватиться за раскаленный кусок железа. Нейрат во время своего пребывания на этом посту, поскольку он обсуждал эти проблемы со мной, думал о них точно так же. Я хотел упомянуть здесь, что критический период австрийского вопроса относится ко времени после моего ухода из министерства иностранных дел. Впрочем, и Гитлер первоначально полностью разделял мнение Нейрата.

Это было ясно из его бесед с Муссолини в Венеции в 1934 г. Особенно интересно, однако, замечание, которое сделал Гитлер о проблеме аншлюсса сэру Джону Саймону в связи с переговорами в Берлине еще в марте 1935 г. Гитлер сказал тогда английскому государственному деятелю следующее: "Если бы в Лондоне так хорошо знали Австрию, как ее знает он, то тогда бы поверили его заверениям относительно того, что он не желает усиливать наши экономические заботы еще дополнительными заботами в этой области. Германия не желает вмешиваться в дела этой страны. Он хорошо знает, что всякое вмешательство в австрийские дела, пусть то будет даже исполнением желания австрийского народа относительно аншлюсса, не может быть легальным. Это было тогда мнением Гитлера. Также и Нейрат отрицательно относился ко всякому вмешательству во внутренние дела Австрии и резко осуждал некоторые попытки партийных кругов непосредственно поддерживать австрийских национал-социалистов. Нейрат в то время, когда я работал вместе с ним, старался по мере сил держать министерство иностранных дел вдали от внутриполитической борьбы в Австрии.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Еще один вопрос. До вашей отставки в 1935 году, говорилось хоть раз в министерстве иностранных дел о том, чтобы напасть на Чехословакию или не выполнять условий договоров, заключенных с Чехословакией?

КЕПКЕ. Никогда - ни об одном, ни о другом. Наши экономические и политические отношения с Чехословакией, пока я был на государственной службе, были очень хорошими. У нас не было никакого повода даже к малейшим изменениям.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. И последний вопрос: что Вы можете сказать об отношении господина фон Нейрата к расовому вопросу?

14482

H1208 - 0263

H1208 – 0264

КЕПКЕ. Нейрат крайне отрицательно относился к точке зрения партии по этому вопросу. Я в этой связи хотел бы указать на один случай, о котором рассказал мне господин фон Нейрат лично. Когда закон о евреях подготавливался к опубликованию, тогдашний имперский министр юстиции Гюртнер пришел к нему в очень возбужденном состоянии и сказал ему, Нейрату, что он, Гюртнер, напрасно предостерегал Гитлера от опубликования этих совершенно недопустимых законов. Он настоятельно просил Нейрата, как министра иностранных дел, указать на невероятные опасности, которые вызовет эта сумасшедшая затея, для отношений с заграницей. Нейрат сказал мне, что он сделал это предупреждение, но все его усилия были напрасны.

Личное отношение фон Нейрата к еврейской проблеме было, в соответствии с его добрым сердцем и религиозными воззрениями разумным и миролюбивым. В качестве примера я хотел бы здесь указать на один случай. В Лондоне, в то время, когда мы работали еще вместе, ближайшим другом семьи Нейрата был еврей, работавший врачом в посольстве. Когда он потом в связи с мировой войной должен был поехать на родину и там остался без работы и без родины, Нейрат оказал помощь своему старому другу, причем помогал ему очень энергично.

Как министр иностранных дел, Нейрат всегда помогал своим коллегам неарийского происхождения, хотя он вследствие этого подвергался нападкам со стороны партии, что было не всегда легко выносить.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, у меня больше нет вопросов к этому свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хочет ли еще кто-либо из защитников задать вопросы свидетелю?

Хочет ли обвинение задать какие-нибудь вопросы?

/К микрофону подходит представитель британского обвинения сэр Дэвид Максуэлл Файф/.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, Трибунал, конечно, не сочтет, что Обвинение принимает все заявления, сделанные свидетелем; однако, я не думаю, что было бы целесообразно тратить время на перекрестный допрос. Поэтому я не буду задавать никаких вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуту, сэр Дэвид.

Сэр Дэвид! Будет ли удобно для Вас и для защитников, если мы обсудим вопрос о дополнительных ходатайствах о вызове свидетелей и истребовании документов в два часа?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Конечно, милорд. Для меня это будет очень удобно. Я не думаю, что будет много вопросов, в связи с которыми может возникнуть серьезная дискуссия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, я тоже так думаю. Очень хорошо, таким образом, мы так и поступим.

Свидетель может удалиться.

Доктор фон Людингхаузен, вызовите Вашего следующего свидетеля с тем, чтобы его можно было до перерыва привести к присяге.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я прошу, чтобы был вызван господин доктор Дикгофф.

/Входит свидетель/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите, пожалуйста, Ваше полное имя.

СВИДЕТЕЛЬ. Ганс Генрих Дикгофф.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь богом, всемогущим и всеведующим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Свидетель повторяет слова присяги/

Теперь Трибунал об'явит перерыв.

/Перерыв до 14 часов/.

14424

H1208 – 0265

H1208 - 0266

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 26 июня 1946 г.

Вечернее заседание.

Встать! Суд идет!

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, первое ходатайство исходит от имени подсудимого фон Нейрата. Оно касается вызова в качестве свидетеля М.Франсуа Понсе. Оно уже рассматривалось, и в отношении этого свидетеля было вынесено решение. Следующее ходатайство доктора Маркса от имени подсудимого Штрейхера. Оно касается представления в качестве доказательства письменного показания под присягой редактора газеты "Штюрмер" господина Гасснера.

Милорд, этот редактор должен давать показания по вопросу о росте тиража газеты "Штюрмер" в течение 1933-1935 г.г.

Обвинение уже заявило Трибуналу, что оно не считает эти показания относящимися к делу, когда разбиралось ходатайство о вызове господина Гасснера в качестве свидетеля. Обвинение продолжает придерживаться той же точки зрения и предоставляет Трибуналу решить вопрос относится ли к делу данное показание; Обвинение же со своей стороны считает его не относящимся к делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Маркс, может быть Вы хотите что-либо сказать сейчас по этому поводу?

Д-р МАРКС /защитник подсудимого Штрейхера/. Г-н председатель, я только что говорил с подсудимым Штрейхером об этом и он сказал мне, что свидетель, г-н Гасснер, от кото-

рого я хотел получить письменные показания, может дать показания о распространении и тираже "Штюрмера", только начиная с 1941 г. Это для защиты, конечно, не представляет ни малейшего интереса. Поэтому я отказываюсь от этого аффидевита и буду ссылаться на показания свидетеля Геймера по этому вопросу. Следовательно, нет необходимости продолжать настаивать на том, чтобы мне разрешили представить этот аффидевит.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, следующее ходатайство - это ходатайство д-ра Кранцбюлера от имени подсудимого Деница, оно касается дальнейшего рассмотрения вопроса о допущении письменного показания, данного под присягой, морского судьи Ежиля, по той причине, что в течение перекрестного допроса возник целый ряд вопросов в этой связи. Я думаю, что лучше всего, если Обвинение не будет в настоящее время возражать против удовлетворения этого ходатайства, но оставит за собой право представить свои возражения тогда, когда д-р Кранцбюлер будет рассматривать это письменное показание под присягой в том разрезе, в каком ему это представляется необходимым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это доказательство, представленное в опровержение?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, милорд, в опровержение тех вопросов, которые возникли при перекрестном допросе. Сейчас очень трудно решить, следует ли выдвигать окончательные возражения по этому поводу, пока не выяснен вопрос о том, каким образом д-р Кранцбюлер предлагает воспользоваться этими письменными показаниями, данными под присягой. Я считаю, что на данной стадии Обвинению не следует выдвигать возражений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В подобных случаях представления хода-

H1208 - 0267

H1208 – 0268

тайств и вызова свидетелей Трибунал всегда предусматривает возможность такого решения.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, милорд. Таким образом Обвинение более не возражает. Далее у меня имеются два ходатайства от подсудимого фон Нейрата. Он просит предоставить ему стенограмму допроса от...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется, оба эти ходатайства уже были отклонены.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я не совсем был в этом уверен, милорд; затем идет ходатайство д-ра Тома от имени подсудимого Розенберга, речь идет о трех вопросах: обмен письмами между д-ром Леем и подсудимым; запись в дневнике д-ра Штраубера от 27 мая 1944 года; письмо советника министерства д-ра Бейля.

Милорд, Обвинение считает, что эти документы кумулятивны; мы оставляем за Трибуналом право решить этот вопрос, причем указываем на то, что этот вопрос уже достаточно освещался. Может быть, д-р Тома желает что-либо сказать по этому поводу?

Д-р ТОМА /защитник подсудимого Розенберга/. Высокий Суд, я хотел бы, возвращаясь к этому документу д-ра Бейля, сказать, что здесь вкралась, очевидно, одна ошибка. Я пока послал д-ру Бейлю опросный лист, но я еще не получил ответа. Больше мне об этом ничего не известно. Но я подал еще одно ходатайство, которое здесь не обсуждалось. Я просил разрешить мне включить в книгу документов некоторые выдержки из книги Розенберга "Традиция и современность", новые речи и статьи. Здесь освещаются вопросы, которые были поставлены в то время в связи с проводимыми в гау /областях/ семинарами. Здесь говорится об отношениях между народами Европы, о

веротерпимости и защите идеального человечества и имеются еще и другие статьи.

Я прошу разрешить мне представить эти статьи. У меня больше нет ходатайств и я предоставляю Трибуналу принять решение относительно этих моих ходатайств.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если я вас правильно понял, д-р Тома, Вы сейчас говорите не о тех ходатайств, которые мы рассматриваем. Ходатайства, разбираемые нами, касаются трех документов - корреспонденции между д-ром Лем и подсудимым осенью 1944 г., затем записи, сделанной д-ром Штраубером и письме д-ра Бейля. Ведь Вы говорите не о них, не так ли?

ТОМА. Да. Это правильно. Я должен признаться, что мне неизвестны эти ходатайства. Подсудимый Розенберг, очевидно, самостоятельно подавал какие-нибудь ходатайства, у меня нет даже никаких пометок относительно этих ходатайств. Очевидно, в меморандуме, переданном Трибуналу, есть какая-то ошибка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Тома, копии этих ходатайств находятся перед нами и на обоих имеются подписи Розенберга и Ваши.

ТОМА. В таком случае, это , очевидно, было несколько месяцев тому назад и я не могу их припомнить. Это от 3 июня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Во всяком случае эти документы Вам более не нужны?

ТОМА. Да, ходатайство № 3 - с ним уже покончено.

/Пауза./

Я опять прочитал все мои ходатайства и вспомнил о них. Я прошу принять решение, благоприятное для подсудимого.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, следующее ходатайство от имени подсудимого фон Папена, касается истребования

H1208 – 0269

H1208 – 0270

ряда документов; Обвинение не имеет возражений против них.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сэр Дэвид, очень многие из этих документов, во всяком случае №№ 3, 5 и 13, я полагаю, были уже допущены Трибуналом или отклонены.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это так. Против документа № 13 у меня стоит соответствующая пометка. Мне кажется, милорд, что они уже рассматривались. Они включены в документальные книги и, мне кажется, что они не требуют дальнейшего обсуждения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Они все включены в документальные книги?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Мне кажется, да. Милорд, д-р Кубушок говорит, что он вполне согласен со мной. Милорд, я перехожу к следующему ходатайству от имени подсудимого Бормана, которое представляет собой просьбу об истребовании декрета Гитлера и декрета, изданного Борманом в 1944 году. Милорд, Обвинение не имеет возражений против этих документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не совсем понимаю смысл последнего ходатайства. Не можете ли Вы об"яснить мне, в чем здесь дело?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, насколько я себе представляю, все дело в том, что пропущен предлог "к" - "...принадлежность членов Главной канцелярии национал-социалистской партии к "СД"". Боюсь, что мое предположение может быть, не совсем верно. Милорд,

БЕРГОЛЬД /защитник подсудимого Бормана/. здесь речь идет о распоряжении Бормана, в котором он запрещает сотрудницам партийной канцелярии быть членами СД. Это распоряжение Бормана по партийной канцелярии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю Вас.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Остаются ходатайства от имени подсудимого Геринга по поводу представления письменное

показания под присягой барона фон Герсдорф и книги Джозефа Чепского. Милорд, мой советский коллега высказался по этому вопросу в своем письменном заявлении от 20 июня. Я не предполагаю говорить что-либо дополнительно по этому поводу, милорд. Полковник Покровский сейчас находится здесь, и если Вы пожелаете, он может высказаться по этому поводу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Насколько мне известно, мы уже вынесли решение по этому поводу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Совершенно верно, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. По всей вероятности, мы вынесли это решение 9 июня. Оно касалось того, что по просьбе подсудимого Геринга три свидетеля могут быть вызваны лично или... мы лучше заслушаем д-ра Штамера по этому вопросу.

ШТАМЕР /защитник подсудимого Геринга/. Г-н председатель, я понял решение Трибунала следующим образом. Я ходатайствовал о пяти свидетелях. Трибунал заявил мне, что из этих пяти свидетелей, я могу вызвать трех.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Совершенно верно.

ШТАМЕР. Насколько я помню, относительно письменных показаний в этом решении ничего не было сказано, поэтому я считал, что я имею право ходатайствовать о разрешении представить еще несколько аффидевитов, если Трибунал найдет, что они относятся к делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Штамер, после того как Трибунал вынес это решение об ограничении количества свидетелей до трех человек, Вы ведь получили уведомление по этому поводу и даже, по моему, ответили на него, что Вы, возможно, сможете обойтись без устных свидетелей и охватите все вопросы путем письменных показаний, данных под присягой?

H1208-0271

H1208 – 0272

ШТАМЕР. Да, г-н председатель, мне об этом уже было сообщено и я уже вел переговоры с советским Обвинением по этому поводу. Мы не совсем согласились друг с другом и поэтому я несколько дней тому назад подал Трибуналу письменное ходатайство.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, но разве Вы не пытались достичь соглашения по поводу того, что с каждой стороны должно быть представлено не более трех письменных показаний, данных под присягой. Или вы имели в виду большую цифру?

ШТАМЕР. Нет, речь шла только о том, будет ли мне дана возможность огласить здесь некоторые из этих аффидевитов. По этому вопросу еще соглашения не достигнуто.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо. Я понимаю./Пауза/ Д-р Штамер, в таком случае, если Вы не сможете притти к определенному соглашению с советским Обвинением, нам придется вернуться к нашему предыдущему решению.

ШТАМЕР. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте Ваши попытки достигнуть соглашения с советским Обвинением и о результатах поставьте в известность Трибунал.

ШТАМЕР. Хорошо.

/К микрофону подходит представитель британского обвинения сэр Дэвид Максуэлл Файф./

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, я прошу Вашего разрешения упомянуть здесь еще о трех документах, представленных в качестве доказательства. Все они входят в дневник адмирала Асмана, который был представлен во время слушания дела подсудимых Деница и Редера. Здесь речь идет о трех документальных доказательствах. Первое - это документ Л-879. Мне казалось, что для более полного представления

об этом вопросе, в документ следует включить недостающую в нем страницу, которая представляет собой продолжение документа. Для этой цели, милорд, Обвинение предлагает изъять документ № ВБ-482 и к двум страницам, которые он собой представляет, добавить эту страницу, связывающую их. Таким образом, милорд, мы лишь добавляем недостающую страницу. Второй документ № Д-881...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Со стороны защиты нет возражений против этого?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Не думаю, милорд, я не слышал ни о каких возражениях.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. К чему, вы сказали, относится этот документ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это дневник адмирала Асмана, который работал в штабе подсудимого Редера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, это чисто формальный вопрос, состоящий в том, чтобы документальное доказательство было соответствующим образом оформлено.

Второе доказательство, милорд, - это документ Д-881; это другой отрывок из того же дневника от 23 февраля 1940 года. Милорд, я обещал представить его в качестве доказательства, когда ссылался на этот дневник при перекрестном допросе. Милорд, этот документ уже подготовлен и я хотел бы представить его под номером ВБ-475. Таким образом документ Д-881 получает номер ВБ-475.

И третий документ - № Д-892. О нем можно сказать то же, что и о втором документе. Этот документ подготовлен и получает номер доказательства ВБ-476. Копии этого документа для защиты также подготовлены и, если суд не возражает проти

H1208 – 0273

H1208 – 0274

представления этих документов в качестве доказательства, они будут представлены защите.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Копии этого документа будут, конечно, предоставлены также и Трибуналу?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, конечно, милорд, у меня уже имеются эти копии и я тотчас же по решению Трибунала могу их передать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, сэр Дэвид, теперь все ясно. Сэр Дэвид, мы теперь перейдем к рассмотрению других вопросов.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо. Пожалуйста, д-р Тома.

/К микрофону подходит д-ра Тома, защитник подсудимого Розенберга./

ТОМА. Г-н председатель, я хотел бы воспользоваться случаем и представить Трибуналу ответы д-ра Шольца на вопросы из опросного листа. Д-р Шольц был руководителем зондерштаба Розенберга. Опросный лист переведен на французский и английский языки. Я хочу сейчас представить этот документ в качестве доказательства под № 41. Я уже показывал его г-ну Додду и г-н Додд не высказал никаких возражений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

/К микрофону подходит защитник подсудимого Шахта адвокат Краус./

Проф. КРАУС. Г-н председатель, я хотел бы еще раз удостовериться, будет ли нам разрешено после этого заседания представлять дополнительно аффидевиты и документы, и если да, то в какой срок. Дело в том, что в последние дни ко

мне поступило два аффидевита и один документ, относительно которых еще не принято решение и еще окончательно не установлено, относятся ли они к делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сэр Дэвид, Трибунал хотел бы знать, когда Обвинители и Защита полагают более удобным рассмотреть наиболее важные вопросы, связанные с теми материалами любого характера, которые Обвинение и Защита хотели бы представить, как опровергающие документы?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, я не обсуждал этого с представителями Защиты, но я полагаю, что это должно иметь место после окончания представления доказательств защиты. Можно с уверенностью ожидать, что в течение этой недели закончится представление доказательств, тогда в субботу утром или в понедельник, если это удобно защите и если Трибунал не будет возражать, можно будет заняться всеми этими вопросами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да. Трибунал считает, что Защита и Обвинение должны быть готовы немедленно по окончании представления доказательств заняться этими дополнительными вопросами, которые являются весьма важными, и также рассмотреть те ходатайства, которые связаны с представлением опровергающих доказательств.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Конечно, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я хочу, чтобы уже сейчас было совершенно ясно, что все эти вопросы должны рассматриваться немедленно по окончании представления доказательств. Я полагаю, что это служит ответом на вопрос д-ра Крауса относительно письменных доказательств, данных под присягой, и документов, о которых он говорил. Все эти вопросы будет наиболее удобно рассмотреть именно в указанное мною время. Сэр Дэвид, как

H1208 – 0275

H1208 – 0276

как Вы полагаете, сколько это займет времени?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, я полагаю, что это займет очень немного времени. Я полагаю, что около двух дней будет достаточно для того, чтобы покончить с этими вопросами.

Я говорил по этому поводу с г-ном Додд и он придерживается такой же точки зрения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Итак, Вы говорите, что это займет самое большое два дня.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, милорд, не больше.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Благодарю Вас, милорд.

/Прямой допрос свидетеля Ганса Дикгоффа/

ЛЮДИНГХАУЗЕН /защитник подсудимого фон Нейрата/. Г-н свидетель, с какого времени Вы были знакомы с г-ном фон Нейратом?

ДИКГОФФ. С 1913 года. Я познакомился с ним, когда я поступил на службу в министерство иностранных дел. Он был советником посольства и служил в министерстве иностранных дел. Затем я с ним встретился в Константинополе и там имел с ним деловые связи. После этого я больше не встречался с ним до 1930 года.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, кем Вы были, когда Вы по службе после 1930 г. опять встретились с фон Нейратом?

ДИКГОФФ. Г-н фон Нейрат с 1930 по 1932 год был послом в Лондоне, а я в то время руководил англо-американским отделом в министерстве иностранных дел.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. А какой характер носило Ваше сотрудничество в то время с министерством иностранных дел и с г-ном

фон Нейратом, который был в то время послом в Лондоне?

ДИКГОФФ. Это сотрудничество было тесным.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, знаете ли Вы что-либо о назначении г-на фон Нейрата на пост имперского министра иностранных дел?

ДИКГОФФ. Я припоминаю, что большинство сотрудников министерства иностранных дел было обескуражено таким внезапным уходом Брюнинга, твердую и обоснованную политику которого мы в то время считали правильной. Мы смирились с этой заменой только потому, что на место Брюнинга был назначен г-н фон Нейрат, и также потому, что мы знали, что г-н фон Нейрат был уравновешенным человеком и опытным дипломатом. Кроме того, нам было известно, что в Лондоне он проводил политику Брюнинга. Мы надеялись, что в качестве министра иностранных дел он будет продолжать политику Брюнинга.

Кажется 2 июня я встретил г-на фон Нейрата, когда он приехал в Германию на вокзале в Берлине. Из разговора с ним я заключил, что он очень неохотно уехал из Лондона и очень неохотно примет должность министра иностранных дел. Он сказал мне тогда следующее: "Я не смогу, очевидно, отклонить предложение старого господина", т.е. имперского президента фон Гинденбурга.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, какие должности Вы занимали, когда г-н фон Нейрат работал в министерстве иностранных дел?

ДИКГОФФ. До 1936 г. я был руководителем англо-американского отдела. В апреле 1936 года я стал руководителем вновь созданного политического отдела. В июне умер статс-секретарь фон Бюлов, и в августе 1936 г. мне было поручено вести дела статс-секретаря министерства иностранных дел.

14436

H1208 – 0277

H1208 – 0278

Я оставался на этой временной должности до марта 1937 г., затем я стал послом в Вашингтоне.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, г-н фон Нейрат, будучи министром иностранных дел, оставил в министерстве старых сотрудников?

ДИКГОФФ. Да, он оставил старых сотрудников почти что на всех руководящих постах в самом министерстве и за границей. Так, например, статс-секретарь фон Бюлов оставался неизменно на своей должности в министерстве иностранных дел до самой смерти, т.е. ~~четыре~~ семь года. В Лондоне он в качестве своего преемника послал посла фон Геш, в Рим посла Гассель, и в Париж посла Кесслера, все они были старыми дипломатами.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, Вы не основании своих наблюдений и своей работы в этот период можете сказать, каковы были цели г-на фон Нейрата в области внешней политики.

ДИКГОФФ. Целью г-на фон Нейрата было поддерживать хорошие отношения со всеми государствами и восстановить таким образом престиж Германии, т.е. сделать так, чтобы Германия заняла ту позицию, которую она занимала до 1919 г. Это была та же политика, что и политика Штреземана и Брюнинга. Г-н фон Нейрат сознавал трудности положения Германии. Он со мной об этом неоднократно говорил. Он никогда не создавал себе каких-либо иллюзий. Он видел все реально и его тенденцией было – действовать, сообразуясь с создавшимся положением.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Что Вам известно о вступлении г-на фон Нейрата в правительство Гитлера, которое было сформировано 30 января 1933 года?

ДИКГОФФ. Я знаю об этом только то, что было мне сообщено статс-секретарем фон Бюловым, когда я в начале февраля 1933 г. возвратился в Берлин из отпуска. Судя по этим сообщениям, г-н фон Нейрат не участвовал в формировании этого правительства, т.е. правительства Гитлера. Он был тогда болен. Он, правда, слышал об этом проекте, – назначить Гитлера рейхсканцлером и формировать новое правительство и он хотел поговорить с рейхспрезидентом фон Гинденбургом о своих планах и возможностях уйти из правительства, но он не успел этого сделать и остался на посту руководителя министерства иностранных дел, потому что он не хотел поступить вопреки желанию имперского президента.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, Вам что-либо известно о том, какова была позиция господина фон Нейрата по отношению к национал-социалистской внутренней политике?

ДИКГОФФ. Я знаю, что господин фон Нейрат вскоре после 30 января 1933 года был очень озабочен внутренней политикой, главным образом, потому, что он чувствовал, что эта внутренняя политика слишком сильно отражается на внешней политике. Когда я в июне 1933 года посетил его в Лондоне, где он в то время принимал участие в работе конференции и был главой германской делегации, он высказал мне все свои опасения, но он считал, что в конце концов все это прекратится и произойдет нечто похожее на то, что уже имело место в фашистской Италии, где все началось тоже очень стремительно и стихийно, а затем все успокоилось. Он надеялся, что то же самое будет и в Германии.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Теперь я перехожу к 1936 году. Главной проблемой этого года является австрийский вопрос. Можете ли Вы нам сказать, какова была позиция господина фон Нейрата в отношении вмешательства немцев во внутренние дела Австрии, которое уже тогда имело место?

ДИКГОФФ. Господин фон Нейрат считал такое вмешательство Германии не только недопустимым, но и вредным. Он неоднократно говорил мне об этом. Он стремился к улучшению экономических отношений с Австрией для того, чтобы таким путем постепенно можно было бы, в свою очередь, улучшить и политические отношения с Австрией. Он хотел, чтобы суверенитет Австрии не был нарушен. Такая цель преследовалась и в договоре от 11 июля 1936 г., который был заключен между Австрией и Германией, а именно, экономическое усиление Австрии и

14438

H1208 – 0279

H1208 -0280

таким образом восстановление хороших политических отношений между этими странами.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, до марта 1938 года Вам было известно что-либо о том, что Гитлер хочет присоединить Австрию к Германии насильственным путем?

ДИКГОФФ. Нет.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Было ли Вам до 1938 г. что-либо известно о том, что Гитлер намеревается насильственным путем разрешить судетский вопрос или вообще намеревается напасть на Чехословакию?

ДИКГОФФ. Нет.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Известно ли Вам что-либо о том, что Гитлер до ноября 1937 года, был согласен с мирной политикой г-на фон Нейрата в отношении Чехословакии, Австрии и других европейских государств?

ДИКГОФФ. Я до того как г-н фон Нейрат ушел в отставку, т.е. до февраля 1936 года считал, что Гитлер полностью согласен с мирной политикой господина фон Нейрата. Ничего другого я не слышал и не знал.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Известно ли Вам, что думал г-н фон Нейрат в 1935 г. о вооружении, т.е. восстановлении военного потенциала Германии?

ДИКГОФФ. Мне известно, что господин фон Нейрат исходил из того, что Германия после заявления западных держав от 11 декабря 1932 г. получила равноправие и поэтому считал неприемлемым то, что после того, как все старания добиться разоружения не увенчались успехом, Германия имеет право вооружаться.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Тот же вопрос я хотел бы поставить Вам в

в отношении Рейнской области. Как относился г-н фон Нейрат к ремилитаризации ранее демилитаризированной Рейнской области?

ДИКГОФФ. Я знаю, что господин фон Нейрат сознавал серьезность этого вопроса, так как эта проблема ремилитаризации Рейнской области была связана с Локарнским пактом, но я знаю также, что он считал русско-французский пакт о взаимопомощи от мая 1935 г. нарушением Локарнского пакта и что он после ратификации этого пакта, т.е. после того, как этот пакт вступил в силу, считал что Германия имеет право ремилитаризировать Рейнскую область.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Каково вообще было политическое положение в то время? Можно ли было предположить, исходя из этого положения, что рано или поздно можно будет мирным путем разрешить рейнский вопрос.

ДИКГОФФ. Во всяком случае действительное развитие событий после 7 марта 1936 года показало, что хотя западные державы и не были согласны с ремилитаризацией Рейнской области, все же они быстро примирились с этим, как с свершившимся фактом. Я был 14 дней в Лондоне в конце марта 1936 года по поручению имперского правительства и говорил там со многими англичанами и видел, что широкие круги придерживаются там того мнения, что если признано равноправие Германии, то следует согласиться на ремилитаризацию Рейнской области.

Некоторые круги даже придерживались того мнения, что наступило некоторое облегчение, после того как ремилитаризация Рейнской области, которая рано или поздно должна была ~~произойти~~, теперь осуществлена сравнительно безболезненно.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Последний вопрос. Что Вы знаете об отставке г-на фон Нейрата в феврале 1938 г. с поста имперско-

14440

H1208 - 0281

H1208 – 0282

го министра иностранных дел.

ДИКГОФФ. Я был в то время послом в Вашингтоне и я был очень удивлен внезапным уходом в отставку министра иностранных дел г-на фон Нейрата. Я, правда, знал, что господин фон Нейрат со многим был несогласен и неоднократно ходатайствовал о том, чтобы уйти в отставку. Я знал, что он болен, у него был невроз сердца. Кроме того, я знал, что ему уже исполнилось 65 лет и уже поэтому он мог уйти в отставку, но несмотря на все это его уход меня поразил тем более, что я в то время не знал подробностей и я очень сожалел о том, что этот министр, мирной политике которого я доверял, ушел в отставку. Я помню, что и в официальных кругах в Вашингтоне очень сожалели об уходе в отставку господина фон Нейрата, ибо статс-секретарь Самнэр Уэлс вскоре после этого ухода в отставку г-на фон Нейрата сказал мне, что американское правительство очень сожалеет об уходе в отставку этого человека, который проводил очень умеренную политику.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, у меня больше нет вопросов к этому свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хотят ли другие защитники задать вопросы свидетелю?

(К микрофону подходит защитник Кубушок).

КУБУШОК (защитник подсудимого фон Папена). У меня один единственный вопрос. Г-н свидетель, Вы сказали, что Вы ожидали от Нейрата, когда он вступил на пост министра иностранных дел, что он будет продолжать политику Штреземана и Брюнинга. Скажите, он, насколько Вам известно, продолжал эту политику, заняв пост министра иностранных дел, или нет? Я имею в виду политику Брюнинга.

ДИКГОФФ. Да, он продолжал эту политику.

КУБУШОК. Благодарю Вас.

(К микрофону подходит сэр Дэвид Максуэлл Файф).

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. На тех же основаниях, которые я высказывал в отношении предыдущего свидетеля, обвинение не желает тратить время на допрос этого свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В таком случае свидетель может удалиться.

(Свидетель уходит).

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, я прошу разрешения вызвать последнего, третьего моего свидетеля, господина доктора Фелькерс.

(Входит свидетель).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите Ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ. Ганс Герман Фелькерс.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь богом... всемогущим и всеведущим... что я буду говорить чистую правду... ничего не утаю и ничего не прибавлю".

(Свидетель повторяет слова присяги).

Вы можете сесть.

(Прямой допрос свидетеля Фелькерс).

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин свидетель, Вы дважды были личным референтом господина фон Нейрата, а именно: когда он вступил на пост министра иностранных дел, и затем, когда он был имперским протектором Богемии и Моравии. Это правильно?

ФЕЛЬКЕРС. Так точно. С 1920 года я служил в министерстве иностранных дел и все время был заграницей. Сначала, при Штреземане я был четыре года в Женеве в качестве постоянного представителя Германии и генерального консула в Лиге Наций,

H1208 – 0283

H1208 - 0284

затем, в 1932 году меня вызвали в министерство иностранных дел и я был назначен личным референтом нового министра иностранных дел господина фон Нейрата. Я пробыл на этом посту один год. Затем, по своему собственному желанию, я был послан советником посольства в Мадрид, после этого был посланником в Гаванне и затем в 1932 г. был опять вызван в министерство иностранных дел и получил там назначение на пост личного референта и получил титул "кабинет-шефа" у господина фон Нейрата, который в то время был назначен в Прагу имперским протектором.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, это назначение на пост личного референта г-на фон Нейрата в Праге последовало ввиду каких-либо личных связей или только по причинам служебного характера?

ФЕЛЬКЕРС. Только по причинам служебного характера. Я не был знаком с г-ном фон Нейратом, до того как был вызван в Берлин.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, а как отнеслись сотрудники министерства иностранных дел к назначению господина фон Нейрата на пост министра иностранных дел?

ФЕЛЬКЕРС. У меня создалось впечатление, что сотрудники министерства иностранных дел, в общем были очень недовольны тем, что старый дипломат по профессии взял в свои руки руководство министерством иностранных дел, как министр-специалист своего дела, в период, когда внутриполитическое положение было очень затруднительным. Они усматривали в этом гарантию спокойного курса в области внешней политики тем более, что все знали, что г-н фон Нейрат пользуется особым доверием имперского президента фон Гинденбурга. Кроме того, как человек своим спокойным характером и своей

уровновешенностью он завоевал особое уважение всех сотрудников министерства иностранных дел.

Когда затем Гитлер пришел к власти, мне показалось, что Нейрат отнесся к нему скептически и сдержанно. Он не принадлежал к узкому кругу лиц, которым доверял Гитлер, и в тот же период времени, когда я был у него, он не принимал участия в вечерних совещаниях, которые в то время имел обыкновение проводить Гитлер в имперской канцелярии. Но постепенно на министерство иностранных дел стали оказывать все большее и большее давление. Была создана заграничная организация, бюро Риббентропа начало оказывать конкуренцию, в него приглашались все те люди, которые когда-либо совершали поездки за границу. Эти люди представляли всевозможные отчеты, которые поступали прямо к фюреру без проверки министерства иностранных дел. Кроме того позднее руководитель заграничной организации был переведен в управление иностранных дел в качестве комиссара, в то время как принц Вальдекк был назначен в отдел кадров министерства иностранных дел. Таким образом, давление настолько увеличивалось, что уже ничего нельзя было сделать. Но то обстоятельство, что министерство иностранных дел так долго держалось как островок и так долго старалось быть независимым от партии, я думаю следует отнести к заслугам бывшего министра иностранных дел и его статс-секретаря фон Бюлова. После того, как в министерстве иностранных дел были введены антиеврейские законы - г-н фон Нейрат защищал своих сотрудников, насколько это было возможно. Я сам был в последние два года во время войны в Стокгольме, в Швеции, и встретил там двух бывших коллег, с которыми я нахожусь в дружественных отношениях - это министерства советник

14444

H1208 - 0285

H1208 – 0286

Мейер, который руководил почтовым отделом, он вынужден был уйти со службы и, будучи в Стокгольме, он мне часто говорил о том, как он благодарен г-ну фон Нейрату за то, что он дал ему возможность не только перевезти всю свою семью и все имущество за границу, но он, то-есть, господин фон Нейрат, до поражения Германии пересылал ему пенсию в шведских кронах.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, какую должность Вы занимали в Праге в правительстве протектората?

ФЕЛЬКЕРС. В Праге я занимал приблизительно то же положение, что и семь лет до того, когда я был личным референтом министра иностранных дел в министерстве иностранных дел в Берлине, с той только разницей, что в министерстве иностранных дел существует особый протокольный отдел и начальник протокольного отдела, а в Праге я должен был одновременно заниматься протокольными и церемониальными делами. Это было фактически моей основной задачей. Мне было подчинено так называемое бюро имперского протектора, но это не следует путать с центральным учреждением, к которому я не имел никакого отношения.

Когда я летом 1939 г. приехал в Прагу, там уже велась работа. Моим предшественником был некий советник посольства Кессель. Кроме меня, в бюро имперского протектора работало еще два сотрудника министерства иностранных дел, которые были мне подчинены, и еще некий граф Вальдбург, его мать была чешкой и поэтому имперский протектор принял его на работу, так как он надеялся, что этот человек поможет ему установить связи с чехами.

Бюро, кроме ведения текущих дел вело также личную кор-

респонденцию и рассматривало всевозможные прошения, поступавшие на имя протектора. С течением времени нам пришлось создать особый отдел, так как позднее, когда было произведено много арестов, поступало очень много ходатайств на имя имперского протектора...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор фон Людингхаузен, несомненно, эти вопросы слишком отдалены от тех вопросов, которые мы здесь рассматриваем. Все показания, которые были даны здесь этим свидетелем, носят сугубо кумулятивный характер. Вопросы, о которых он здесь говорил, не затрагивались в производившихся ранее перекрестных допросах и то, что он здесь говорит, имеет весьма отдаленное отношение к вопросам, которые нас могут здесь интересовать.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Хорошо, с этим вопросом я уже покончил. Я хотел этим показать, что и на последующие вопросы свидетель в состоянии будет ответить, исходя из своей собственной осведомленности.

(Обращаясь к свидетелю). Что Вы можете сказать на основании своих наблюдений об отношении г-на фон Нейрата к чехам?

ФЕЛЬКЕРС. Я могу поделиться только общим впечатлением.

Как я уже говорил, я вообще не имел никакого отношения к деятельности властей, а был вызван лично г-ном фон Нейратом и должен был вести его личные дела и все дела церемониального характера. Но мне известно, и он мне сам рассказывал, что когда он занял пост имперского протектора, он сделал это, желая, чтобы с чешским населением обращались как можно лучше и как можно корректнее.

14446

H1208 – 0287

H1208 – 0288

для того, чтобы путем сглаживания противоречий примирить оба народа и создать здоровую базу для сотрудничества этих двух народов. Он часто говорил мне, что он назначен на должность имперского протектора, т.е. призван быть защитником чехов, и мы знали также, что последний германский посол в Праге д-р Эйзенлор часто докладывал о том, что последнее чехословацкое правительство само хотело присоединения к Германии. Он (Нейрат) был против разрешения этого вопроса военным путем и говорил мне, когда я приехал в Прагу, что он в сентябре 1938г. очень резко высказался против разрешения чехословацкого вопроса военным путем и вместе с Герингом был в Мюнхене у Гитлера для того, чтобы побудить последнего изменить свое решение. Работая в своем бюро, я все время замечал, что г-н фон Нейрат... Что мне следует продолжать?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Да, да, прожолжайте.

ФЕЛЬКЕРС..., что г-н фон Нейрат всегда очень сочувственно относился ко всем ходатайствам чехов. Он им сочувствовал и входил в их положение, он проверял каждый отдельный случай и это было хорошо известно чешским кругам. Так как мы в бюро имели возможность докладывать о каждом прошении или просьбе частного лица (чеха) лично самому главному начальнику, просители-чехи очень часто и с радостью избирали именно этот путь, так как перспективы для выполнения их пожеланий в том случае, если их ходатайства рассматривались на месте главным начальником, были более благоприятны, чем если бы эти ходатайства были бы отправлены в соответствующий отдел. Вот именно эта практика и привела к большим...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Людингхаузен, свидетель уже просто произносит речь. Вы совсем не задаете ему вопросов. Он все время говорит сам.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин свидетель, что Вам известно о личных и служебных связях г-на фон Нейрата с президентом Гаха?

ФЕЛЬКЕРС. Насколько я помню, эти личные и служебные связи имперского протектора и президента Гаха были очень прочными. Я думаю, что это было не только с внешней стороны, напротив, у меня создалось такое впечатление, что г-н фон Нейрат сердечно относился к президенту, так как он считал, что это человек честный и в высшей степени порядочный, который...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель, когда Вы видите, что защитник удовлетворен Вашим ответом, Вы должны остановиться.

ФЕЛЬКЕРС. Хорошо.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, как относился г-н фон Нейрат к своему статс-секретарю Франку?

ФЕЛЬКЕРС. Отношения между ними были очень плохими. Г-н фон Нейрат, когда я приступил к исполнению моих обязанностей сказал мне, что у него были очень большие трудности с этим человеком, так как Франк был судетским немцем и очень враждебно относился к чехам, такое отношение трудно понять немцу, проживающему в империи. Но господин фон Нейрат всегда надеялся, что Франк, который не был чиновником а занимал изолированное положение, как-то приспособится в дальнейшем к его аппарату, присоединится к его политике. Но к сожалению, это было невозможно и я не знаю, когда Франк...

H1208-0289

H1208 – 0290

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин свидетель, можете ли Вы нам коротко рассказать, каковы были действительные служебные полномочия г-на фон Нейрата и Франка, каково было соотношение между ними?

ФЕЛЬКЕРС. Господин фон Нейрат был начальником статс-секретаря. Статс-секретарь руководил всем управлением и всей внутренней администрацией. Это было большое учреждение, и статс-секретарю подчинялся также помощник статс-секретаря фон Бурхдорфф, который, как мне кажется, уже был здесь допрошен. Кроме того, что Франк был статс-секретарем, он был начальником полиции и СС.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, г-н фон Нейрат оказывал решающее влияние на деятельность Франка, как начальника полиции и СС?

ФЕЛЬКЕРС. Положение было таково, что он не мог практически оказывать никакого влияния. Я не знаю, существовали ли в первый период какие-либо постановления относительно этого. На практике же полиция, а следовательно и статс-секретарь со своими полицейскими мероприятиями был совершенно независимы от г-на фон Нейрата. Это, было связано и с положением, существующим в империи. Там Гиммлер тоже сам руководил всей полицией и организацией СС, отобрав у министерства внутренних дел всю исполнительную власть. Но, мне кажется, что осенью 1939 г. было издано распоряжение, в котором говорилось, что полиция является независимой, и, насколько я помню, что г-на фон Нейрата следует информировать о мероприятиях полиции только после того, как эти мероприятия будут проведены.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Вы имеете в виду распоряжение от 1 сен-

тября 1939 г. относительно структуры администрации и о немецкой полиции безопасности в протекторате.

ФЕЛЬКЕРС. Да, я думаю, именно это. В 1-й части говорилось об администрации, а во второй о полиции.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Г-н председатель, я хотел бы напомнить, что текст этого распоряжения помещен в моей книге документов под № 149.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Этот документ был представлен в качестве доказательства?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я просто хотел напомнить, что я представил этот документ.

Скажите, г-н фон Нейрат получал информацию об этих полицейских мероприятиях, проводимых Франком, по крайней мере после их проведения?

ФЕЛЬКЕРС. Начальником полиции был член СС Бемэ, он имел обыкновение раз в неделю приходить с докладом к имперскому протектору. Я думаю, что он предупреждал его о намеченных полицейских мероприятиях. Об этом мы никогда ничего не слышали. Я также не могу сказать, докладывал ли он имперскому протектору о всех проведенных мероприятиях. Чаще всего это происходило следующим образом: протектор отсылал ему различные прошения, поступившие от родственников арестованных чехов для сведения, и затем Бемэ докладывал имперскому протектору о рассмотрении этих дел. Вот в чем, собственно, заключалась эта так называемая "последующая информация" имперского протектора.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, когда г-н фон Нейрат узнавал об этих полицейских мерах (безразлично каким путями), скажите, он принимал какие-либо меры к тому, чтобы люди были освобождены из под ареста или, чтобы мера наказания была смягчена.

ФЕЛЬКЕРС. Как я уже говорил, у нас в бюро имперского протектора был создан специальный отдел, куда поступали эти прошения. Этот отдел, который, само собой разумеется, подчинялся непосредственно имперскому протектору, делал все, что было в его силах для того, чтобы ~~успокоить~~ удовлетворить родственников и добиться освобождения арестованных.

14450

H1208 – 0291

H1208 – 0292

Правда, работа этого отдела была крайне затруднительной, так как местные учреждения, такие, как, например, местный начальник полиции, а также и статс-секретарь Франк, в большинстве случаев относились к этому отрицательно. Имперский протектор в таких случаях обращался непосредственно к Гиммлеру и неоднократно обращался к фюреру. Я знаю и помню, что большая корреспонденция велась по этому поводу с Гиммлером и что г-н фон Нейрат неоднократно являлся с этими вопросами на доклад к Гитлеру.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Скажите, можете ли Вы нам сказать, насколько господин фон Нейрат, будучи имперским протектором, не говоря о полиции и полицейских мероприятиях, был независим и мог самостоятельно действовать при проведении в жизнь политических и экономических мероприятий и распоряжений или же и здесь он полностью зависел от тех указаний, которые поступали из Берлина.

ФЕЛЬКЕРС: Когда я приехал в Прагу, там кроме учреждения имперского протектора было много других учреждений, существовал, например, имперский комиссар по экономическим вопросам, который, насколько я помню, и как я тогда слышал, работал еще до того, как было создано учреждение имперского протектора. Кроме того, был еще уполномоченный по четырехлетнему плану и военный уполномоченный, у которого был большой штаб. Партийные органы не были централизованы. Прага и северные районы были у гаулейтера Генлейна в Судетской области; вся Моравия отошла к Нижнедунайскому гау, где гаулейтером был д-р Нури, а западные районы вошли в третий гау. Все эти гаулейтеры пытались со своей стороны...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Лэдингхаузен, ведь это все детали, совершенно ненужные детали.

ЛЭДИНГХАУЗЕН: Итак, знаете ли Вы что-либо о том, как относился г-н фон Нейрат к многочисленным планам германизации чехов?

ФЕЛЬКЕРС: Нет, об этом я ничего не знаю. Я лишь припоминаю, что господин фон Нейрат однажды, в самом начале /я имею в виду время, когда уже началась война/ сказал мне, что он рассматривает такое административное устройство протектората, как временное разрешение вопроса, и что в конце-концов в мирное время должна решится и судьба Чехии.

ЛЭДИНГХАУЗЕН: Как Вы помните, осенью 1939 г. в Праге дело впервые дошло до демонстраций в связи с днем независимости Чехословакии, 28 октября 1939 г.

ФЕЛЬКЕРС: Я в подробностях этого не помню. Действительно в октябре в день чешского национального праздника на Народной улице и на площади Святого Венцеля имели место демонстрации.

ЛЭДИНГХАУЗЕН: Что Вам известно о тех последствиях, которые повлекли за собой похороны одного из раненых студентов, состоявшиеся 15 ноября. Этот студент умер, и в связи с этим в Праге вспыхнули новые волнения, в особенности среди студентов.

ФЕЛЬКЕРС: Перед тем, как началось эта вторая волна демонстраций, насколько я помню, была получена инструкция быть сдержанными в проведении мероприятий. Как мне позднее рассказывали, демонстрации не были слишком серьезными. Но, несмотря на это, Франк доложил об этом в Берлин.

H1208 – 0293

H1208 – 0294

Во всяком случае имперского протектора Франка и генерала Фредеричи вызвали в Берлин на совещание у Гитлера в имперской канцелярии. Я сопровождал имперского протектора. Хвалковский, чешский посланник в Берлине, был также приглашен. Я присутствовал при том, как Гитлер, будучи очень взволнованным в очень оскорбительной форме ругал посланника за эти инциденты, за которые он считал ответственным чешское правительство. Говорил ли он при этом о закрытии высших учебных заведений, я не помню. Я не помню также, чтобы он угрожал расстрелами или арестами студентов. Обращение Гитлера с посланником было для нас всех очень неприятным. Посланник ушел из комнаты, не сказав ни слова, и, насколько я помню, на эту тему больше не говорили. Мы пообедали и, прощаясь, Гитлер сказал Франку, что он хочет с ним еще поговорить. Г-на Нейрата не пригласили, и я помню, что по пути домой Нейрат, идя со мной, в нелестных тонах говорил об этом. На следующий день я выехал с г-ном фон Нейратом в Прагу, а Франк уехал в Прагу еще вечером. Я помню, что в Праге по пути в учреждение я увидел красный плакат, на котором было написано, что ввиду имевших место волнений приказано расстрелять зачинщиков, арестовать студентов и закрыть высшие учебные заведения. Внизу стояла подпись Нейрата. Я был очень удивлен, так как я ничего не знал, о том, что за это время произошло в Праге, тем более, что мне было известно, что в Берлине об этом ничего не было сказано, Я думал, что это опять интрига Франка, поэтому я тотчас же пошел к господину фон Нейрату и доложил ему об этом. У меня создалось такое впечатление, что и господин фон Нейрат был неприятно поражен и также удивлен, как и я, так как он ничего не знал об этом. Вскоре после

14453

этого Франк прошел через мою комнату в кабинет господина фон Нейрата с красным плакатом под мышкой. Я не знаю, вызвал ли его г-н Нейрат, или он сам пришел.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: После того, как студенты были арестованы, фон Нейрат сделал по крайней мере что-нибудь для того, чтобы освободить этих студентов?

ФЕЛЬКЕРС: Да, он сейчас же принял меры, но ему даже не удалось получить списка арестованных студентов. Только после настойчивых требований мы получили не полный список от чешского правительства. Но, несмотря на это, господин фон Нейрат сейчас же стал принимать меры к тому, чтобы эти студенты были освобождены и со временем он добился значительных успехов в этом направлении.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Известно ли Вам, что было сделано для того, чтобы дать работу тем студентам, которые оказались безработными в результате этих волнений или же ввиду закрытия университетов?

ФЕЛЬКЕРС: Я ничего не знаю об этом и не имел к этому никакого отношения.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Известно ли Вам, что г-н фон Нейрат неоднократно и настойчиво просил Гитлера снова открыть университеты?

ФЕЛЬКЕРС: Да, я припоминаю, что ректор чешского университета Редни, с которым я был хорошо знаком, обратился ко мне с такой просьбой. Я доложил об этом г-ну фон Нейрату, и г-н фон Нейрат еще раз постарался сделать что-либо в этом направлении. Насколько мне известно, однако, пока мы были в Праге, высшие учебные заведения не были открыты.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Помните ли Вы чешскую фашистскую организацию "Флайка", я, может быть, неправильно произношу это название.

14454

H1208 – 0295

H1208 – 0296

ФЕЛЬКЕРС: Да, но я о ней очень мало знаю. Мне только известно, что мы получили в бюро различные поздравительные адреса от членов этой организации и мне также известно, что с чешской стороны нас проинформировали относительно этой организации. Нам сообщили, что это в большинстве своем уголовники и ничего нестоящие люди. Но господин фон Нейрат придерживался той точки зрения, что это касается только чехов и что это все же люди, которые хотят сотрудничать с нами.

Правда, он лично отрицательно относился к подобному сотрудничеству и, мне кажется, что наше бюро никогда не отвечало на эти поздравительные адреса.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Г-н фон Нейрат был имперским протектором и одновременно председателем тайного совета министров, и т.к. Вы частично за него рассматривали его личные бумаги и документы, может быть, Вам известно что-либо о том, что г-н фон Нейрат, будучи председателем тайного совета министров, также выполнял какие-то функции?

ФЕЛЬКЕРС: Нет, пока я был в Праге, этого не было. Напротив, он мне однажды сказал, что когда Гитлер назначил его на эту должность, он, Гитлер, заявил ему: "Только не подумайте, пожалуйста, что Вы когда-либо созовете этот совет министров."

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Г-н фон Нейрат был также членом так называемого совета обороны, он как-либо использовал в Праге это свое положение?

ФЕЛЬКЕРС: Нет, я не знал, что он был членом совета обороны. Основные указы, поступавшие в протекторат из Берлина, были часто подписаны Советом министров по обороне импе-

рии. Мне кажется, что это было сформулировано именно так. Г-н фон Нейрат никогда не подписывал этих приказов ни вместе с другими, ни отдельно.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Как известно, г-н фон Нейрат получил почетный чин группенфюрера СС и позднее почетный чин обергруппенфюрера СС. Скажите, г-н фон Нейрат, когда он был в Праге, носил когда-либо форму?

ФЕЛЬКЕРС: Нет. Он вообще носил форму имперского министра, имеется его портрет, на котором он изображен в этой форме. Он очень часто ходил в гражданской одежде. Возможно, что он на параде СС носил свою черную эсэсовскую форму, но этого я сейчас точно не помню. Вообще же он ее никогда не носил.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Известно ли Вам, почему и при каких обстоятельствах г-н фон Нейрат в сентябре 1941 г. уехал из Праги?

ФЕЛЬКЕРС: Когда господин фон Нейрат в сентябре был вызван в главную ставку, его сопровождал туда его адъютант. Я встретил его на аэродроме и он в машине рассказал мне, что Гитлер был страшно возмущен актами саботажа, имевшими место в протекторате, и что Гитлер хочет послать туда Гейдриха, чтобы он там показал пример. После этого Нейрат заявил, что он не хочет иметь к этому никакого отношения и попросил разрешения уйти в отставку. Гитлер распорядился, чтобы он сначала уехал в отпуск, и это было сделано. Вскоре после этого он уехал.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Господин председатель, у меня больше нет вопросов, но у меня есть одна просьба. Г-н председатель, я до сих пор не мог предоставить всех документов, так как

H1208 – 0297

H1208 – 0298

я еще не получил переводов. Может быть, Вы разрешите мне после представления доказательств моим коллегой доктором Фрицем предоставить эти оставшиеся документы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вам незачем ожидать перевода этих документов. Вы можете сейчас предоставить все эти документы в качестве доказательства и предоставить нам список их номеров.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Господин председатель, у меня их сейчас нет с собой. Может быть, Вы разрешите мне предоставить эти документы завтра или после завтра, когда закончит г-н д-р Фриц.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, конечно. Есть ли вопросы у защиты? Хотят ли обвинители подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, Обвинение не намерено подвергать перекрестному допросу этого свидетеля по уже упоминавшимся здесь соображениям.

Милорд, я хотел бы сейчас сослаться на документы, включенные в нашу документальную книгу I2-B. Это антиеврейские декреты в Протекторате. Все они взяты из "Ферорднунгсблатт", издававшегося в Протекторате, и Обвинение просило Трибунал приобщить эти бюллетень к делу без доказательства, как официальное издание. Это собрание документов представляется исключительно в целях удобства и для облегчения работы Трибунала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может удалиться. Д-р Людингхаузен, вы таким образом, закончили предоставление своих доказательств, и сейчас Трибунал сделает перерыв.

/Об"является перерыв на I0 минут/.

Встать. Суд идет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Защитник подсудимого Фриче, пожалуйста.

ФРИЦ /защитник подсудимого Фриче/. Господин председатель, господа судьи. Я намерен представление доказательств по делу подсудимого Фриче организовать следующим образом: вначале я хочу вызвать подсудимого Фриче в качестве свидетеля, затем я намерен вызвать свидетеля Ширмейстера. В ходе этих допросов я намеревался предоставить Высокому Суду несколько аффидевидов для того, чтобы на них можно было сослаться, как и на все другие документы, помещенные в моих двух книгах документов. Решением Трибунала от 8 марта 1940 г. мне для ведения защиты было разрешено вызвать следующих свидетелей: во-первых г-на фон Ширмейстера и, во-вторых, д-ра Криг. Что касается документов, то мне было разрешено представить все речи подсудимого Фриче по радио в период с 1932 по 1945 г. и также Архив "Немецкая служба информации /в последний час/ министерства пропаганды". Из всех этих доказательств, несмотря на все усилия господина генерального секретаря, к сожалению, удалось разыскать только свидетеля фон Ширмейстера. Поэтому я должен был перестроить свою защиту и прошу Высокий Суд благосклонно отнестись к тому, что я несколько подробнее, чем я это намеревался сделать ранее, буду допрашивать подсудимого Фриче и свидетеля фон Ширмейстера. С разрешения Высокого Суда я вызываю подсудимого Фриче для дачи свидетельских показаний.

/Подсудимый Фриче подходит к свидетельскому пульту/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите ваше имя и фамилию.

ФРИЧЕ: Ганс Фриче.

H1208 – 0299

H1208 - 0300

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: "Я клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю."

/Свидетель повторяет слова присяги/.

Вы можете сесть.

ФРИЦ: Господин Фриче, опишите кратко вашу биографию до 1933 года.

ФРИЧЕ: Я хочу в этой связи сослаться на мой аффидевит 3469-ПС, а именно на пункты I,3 и 8. Кроме того, сейчас я также могу коротко рассказать мою биографию.

ФРИЦ. Господин председатель, разрешите мне перед началом допроса заметить, что мои книги документов, их всего две, еще не переведены. Этот аффидевит, о котором только что говорил подсудимый, имеется также в книге документов Обвинения. Я не знаю, находится ли эта книга документов в данный момент у судей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете продолжать.

ФРИЧЕ: Я родился 2I апреля 1900 года. Мой отец был чиновником. Я учился в гимназии, затем я был солдатом во время первой мировой войны и потом возвратился к учебе. В различных университетах я изучал философию, историю и народное хозяйство.

После первой мировой войны моя жизнь и моя деятельность определялись нуждами моего народа. Мы называли эти нужды общим словом Версаль. О Версальском договоре здесь, в суде, достаточно много говорилось и мне нечего добавить к тому, что уже было сказано.

ФРИЦ: Таким образом в Вашей журналистской деятельности до 1933 г. вы стремились к пересмотру Версальского договора?

ФРИЧЕ: Само собой разумеется.

ФРИЦ: Вы хотели, чтобы изменения были внесены насильственным путем?

ФРИЧЕ: Нет, я стремился добиться этого правовыми политическими средствами, путем разумного экономического разрешения вопроса. Все эти средства в то время были в руках немцев. Некоторое восстановление мощи германской империи безусловно было бы для меня весьма желательным, потому что я в самой беспомощности империи усматривал военную опасность. Однако, военные средства для изменения Версальского договора казались мне неприменимыми, нецелесообразными и нежелательными.

Точно так же дело обстояло и в то время, когда власть находилась в руках правительства Гитлера. Адольф Гитлер дал как раз по этим двум пунктам два заверения, которые для меня, а также, очевидно, и для немцев, имели огромное значение. Первое его заверение сводилось к следующему: я сам был простым солдатом и поэтому я знаю, что означает война; и второе заверение, было констатацией того, что во всех кровавых войнах последних тысячелетий даже победители не выиграли столько, сколько они потеряли во время этих войн. Оба эти заверения были восприняты немцами как священная клятва. И все то, что в политике Гитлера нарушало эти два заверения, было безусловно обманом общественности Германии.

ФРИЦ: Когда, при каких обстоятельствах и почему Вы вступили в НСДАП?

ФРИЧЕ: После того, как я поступил на работу в министерство пропаганды, я вступил в члены партии. Я здесь сослался

1460

H1208 – 0301

H1208 – 0302

на свой аффидевит 3469-ПС и именно на пункты 9-13. Я вступил в НСДАП не потому, что я признавал программу партии и не потому, что я прочел книгу Гитлера "Майн кампф" /"Моя борьба"/. Я вступил в партию и не из-за личности самого Гитлера, удивительной силы внушения которой, о чем здесь неоднократно говорилось, и не чувствовал. Я отклонял суровый радикализм партийных методов. Этот суровый радикализм противоречил практике всей моей жизни и всему моему стилю. Вследствие этой суровой партийной практики я в 1932 г. даже имел конфликт с партией. Я вступил в партию, когда она повела за собой большинство германского народа. Эта партия тогда преодолела раздробленность германского народа и принесла ему единство и после того, как все попытки Брюнинга произвести оздоровление на демократической основе провалились, при чем провалились из-за сопротивления, оказываемого извне, а не низизов немецкого народа. Итак, после того, как кабинет во главе с президентом, не мог найти поддержки в народе, назначение Гитлера на пост рейхсканцлера было возвратом к демократическим принципам. Об этом здесь говорилось много, и я прошу разрешения суда указать лишь на одно обстоятельство, которое, насколько мне известно, здесь еще не упоминалось, но которое, все-таки, имеет некоторое значение.

Когда я вступил в НСДАП, я, собственно говоря, не думал, что я вступав в партию в подлинном смысле этого слова, так как у НСДАП не было никакой партийной теории, такой, как, например, у марксистских партий, которые имели разработанную и вполне законченную теорию. Все положения теоретиков партии оспаривались. Теоретические труды Готфрида Фейдера были запрещены. Теоретические положения Розенберга были и оста-

вались до последнего момента спорными. Партия настолько нуждалась в теории, что даже было запрещено печатать небольшую по об"ему партийную программу в немецких газетах. Более того, немецким газетам в течение нескольких лет после 1933 г. было запрещено произвольно печатать отрывки из книги Гитлера "Майн Кампф".

Таким образом, я думал тогда, что я вступаю не в строго определившую свой характер партию. Я считал, что я вступаю в партию, которая об"единяет в себе столько противоречий, как, например, противоречия между Леем и Функом, между Розенбергом и имперским епископом, т.е. становлюсь участником такого движения, которое было безусловно неустойчивым в выборе средств, которое в одном случае запрещало труд женщин, а в другом случае, наоборот, вербовало их на работу.

Я думаю, что я вступаю в это движение потому, что в НСДАП была группа людей, которая в флаге со свастикой не видела ничего иного, как новую комбинацию цветов черного, белого и красного; в то время, как другая группа видела в этом флаге красный флаг со свастикой. Дело обстояло следующим образом: в НСДАП были целые группы бывших националистов или бывших коммунистов, и я, таким образом, надеялся, что в этом широком движении найдется арена для идеологической борьбы, которая будет вестись не под знаком ожесточенной озлобленности, которая раньше господствовала в Германии, а будет вестись при соблюдении определенной дисциплины, причем на первый план будут выдвинуты национальная и социальная идея.

Исходя из этих соображений, я, заключив этот компромисс, оставил в стороне свои собственные желания, сомнения

14462

H1208 – 0303

H1208 – 0304

и политическое мировоззрение. Я советовал сделать это и моим друзьям, во время моих многочисленных бесед с ними, когда они жаловались на то, что с ними плохо обращались и не считались с их интересами в период унификации. Я убедился в том, что миллионы немцев также только из этих соображений и поддаваясь этой надежде вступили в партию. Они думали, что они служат доброму делу, и они, руководимые этими чисто идеалистическими соображениями, готовы были принести в жертву все, кроме своей чести. Теперь я должен признать, что фюрер принял эту жертву идеалистов, что он ее использовал и что он, кроме того, запятнал кровью бессмысленных ~~убийств~~ и бесчеловечных убийств их честь, убийств, которых еще не знала история и которые не могли быть оправданы необходимостью, вызванной войной. В самой войне не было никаких причин, которые могли бы это оправдать.

ФРИЦ: Обвинение вменяет вам в вину то, что вы в 1933 году /я цитирую/ "Дали обычную присягу на беспрекословную верность Гитлеру".

Из каких бы соображений Вы это ни делали, факт остается фактом, - Вы дали эту присягу. Не правда ли?

ФРИЧЕ. Да, это правильно. Я также два раза в 1933 и 1938 году присягал на верность Веймарской конституции. К моему ответу я хочу кое-что добавить.

Я всегда был убежден и до сих пор убежден в том, что никакая присяга не освобождает человека от его общечеловеческого долга. Никто, давая присягу, не становится безответственным инструментом. И моя присяга никогда не могла меня побудить к тому, чтобы выполнить приказ в том случае, если бы я считал, что этот приказ-преступный. Я никогда в

14463

моей жизни никому слепо не подчинялся. Поэтому я в отношении любых своих действий не ссылаюсь на долг повиновения.

ФРИЦ: Вы остались верны своей присяге?

ФРИЧЕ: Да. Мне не приписываются никакие действия, которые я мог бы рассматривать, как преступные или как нарушение написанных или не писанных законов. В остальном я остался верен своей присяге, которую я дал не Гитлеру, а германскому народу.

ФРИЦ: Как долго вы были верны присяге?

ФРИЧЕ: Я до самого конца оставался верен. Правда, под конец я, нарушая полученный приказ, остался в Берлине. Когда Гитлер и его ближайшее окружение искали убежища в смерти или на западе, я, насколько мне известно, был единственным высшим чиновником, который остался в Берлине.

Я тогда собрал брошенных на произвол судьбы служащих высших государственных учреждений в развалинах моего бюро. Гитлер оставил приказ продолжать борьбу. Военного коменданта Берлина нельзя было разыскать, и я считал себя, как гражданское лицо, обязанным заявить о капитуляции русскому маршалу Жукову. Когда я подготовил парламентеров, которые должны были перейти линию фронта, появился последний военный адъютант Гитлера генерал Бургсдорф и хотел меня расстрелять во исполнение приказа Гитлера. Однако, несмотря на это, капитуляция состоялась, хотя она и была подписана военным комендантом Берлина, которого удалось разыскать.

Следовательно, как я полагаю, я остался верен своей присяге, которую я, в лице Гитлера, давал германскому народу.

ФРИЦ: Вы занимали какую-либо должность в партии?

ФРИЧЕ: Нет.

14467

H1208 – 0305

H1208 – 0306

ФРИЦ: Были ли вы политическим руководителем?

ФРИЧЕ: Нет.

ФРИЦ: Были ли Вы членом СА, или СС, или одной из обвиняемых здесь организаций?

ФРИЧЕ: Нет.

ФРИЦ: Принимали ли вы когда-либо участие в партийных с"ездах?

ФРИЧЕ: Нет.

ФРИЦ: Принимали ли вы когда-либо участие в празднествах, посвященных 9-му ноября в Мюнхене?

ФРИЧЕ: Нет.

ФРИЦ: Тогда кратко опишите, каково было Ваше положение и какую работу Вы выполняли в период с 1933 по 1945 г.г.

ФРИЧЕ: В этой связи я опять-таки хочу сослаться на мой аффидевит № 3469-ПС, а именно - на все остальные, еще не упоминавшиеся мной пункты. Поэтому я могу ограничиться лишь несколькими замечаниями и некоторыми показаниями, которые дополнят то, что сказано в аффидевите.

Я остался при приходе Гитлера и национал-социализма к власти тем, кем я был и до этого, а именно главным редактором "радиослужбы". Так называлась передача последних известий по радио. Я оставался на этой должности и в течение последующих 5 лет. В мае 1933 года эта радиослужба, которая являлась частью имперской радиовещательной компании, была включена в министерство пропаганды, а именно в отдел прессы.

Так как я был специалистом по журналистике и информационной службе, я вскоре получил в свое ведение телеграфные агентства, вначале небольшие, как например "Трансоцеан", "Европапрэсс", или "Эйльдинст", а затем и большие немецкие агентства.

Я тогда не имел никакого права давать распоряжения этим агентствам, так как я сам был еще простым служащим министерства и еще не был чиновником.

14466

H1208 – 0307

H1208 – 0308

Я также не имел никакого права решить вопрос о том, каково должно быть содержание известий по радио. В мои задачи входил лишь организованный надзор, однако, я думаю, что к моим советам тогда уже прислушивались. В тот период я также проводил целый ряд консультаций для журналистов.

В декабре 1938 года я стал руководителем управления германской прессы. Я получил чин министериаль-диригента. Я чувствовал себя, будучи чиновником, так же, как и тогда, когда я был журналистом, хотя с тех пор уже и прошел десяток лет. Я руководил отделом германской прессы до весны 1942 г. В этот период, т.е. в 1942 г. я был не согласен с политикой приукрашивания событий, которая проводилась в прессе моим тогдашним начальником, руководителем имперской прессы Дитрихом. Поэтому я ушел в армию и попал на восточный фронт.

Осенью 1942 г. доктор Геббельс вызвал меня обратно. Д-р Геббельс согласился с моей критикой, которая ему была известна. Он предложил мне руководить радиоотделом его министерства. Я ответил, что я только тогда смогу вернуться в министерство пропаганды, когда я буду уверен в том, что руководящие круги стремятся к окончанию войны, к политическому ее завершению и что не будет поставлено цели добиться тотальной военной победы, которую я с первого же дня войны считал невозможной. Я тогда сказал д-ру Геббельсу буквально следующее: "Я, как пропагандист, не приму участия в борьбе на самоуничтожение, в такой борьбе, которую вели готы у подножия Везувия".

Д-р Геббельс ответил мне тогда, что и Гитлер и он сам стремятся к политическому окончанию войны на базе какого-либо соглашения. Он обещал мне, что он своевременно меня проинформирует, если заметит, что фюрер изменил это

1440

свое намерение. Д-р Геббельс на протяжении нескольких месяцев до самого конца войны неоднократно повторял это обещание и, повторяя это обещание, он даже делал обоснованные намеки относительно тех политических усилий, которые имели место с нашей стороны. /Я сегодня чувствую, что он не сдержал своего обещания./ Итак, я взял на себя руководство радиоотделом министерства пропаганды и стал министериаль-директором.

ФРИЦ. Это были Ваши официальные должности. Но они были не известны широким кругам, им были известны Ваши выступления по радио. Как обстояло дело с ними?

ФРИЧЕ. Начиная с 1932 года, я каждую неделю выступал один раз в течение десяти или пятнадцати минут по нескольким немецким радиостанциям и, в частности, по центральной радиостанции "Германия". В начале войны я выступал по всем немецким радиостанциям ежедневно. Мне кажется, что это продолжалось три-четыре месяца. Затем я стал выступать три раза в неделю, потом два раза в неделю и, наконец, опять один раз в неделю. Сначала эти выступления по радио были ничем иным, как простым обзором газет, т.е. цитированием немецких и иностранных газет. Но после начала войны эти выступления, естественно, превратились в полемику на базе цитат, обычно, на базе цитат из иностранных газет и сообщений заграничных радиостанций.

ФРИЦ. Эти Ваши выступления носили официальный характер? Обвинение утверждает, что Вы безусловно находились под контролем министерства пропаганды?

ФРИЧЕ. В такой форме это утверждение является неправильным. Мои выступления не носили официального характера. Они содержали мои личные соображения. Правда, я, конечно, не мог избежать того, что с течением времени эти частные

14468

H1208 – 0310

выступления человека, занимающего определенную должность в министерстве пропаганды, уже не рассматривались как частные, а рассматривались как официозные выступления.

ФРИЦ. Вы только что сказали: - частные выступления, которые позднее стали рассматриваться как официозные. Для выяснения этого вопроса я спрашиваю Вас: можно ли было критиковать Ваши выступления или людей за это арестовывали?

ФРИЧЕ. Критика не только была возможна, но и в действительности имела место. Я имел обширную корреспонденцию с моими критиками, правда, только с теми из них, которые подписывали свою фамилию. Были, конечно, и анонимные критики; но я хотел бы здесь заметить, что анонимные критики делали лишь замечания общего характера.

После того, как началась война, прокуратура Южной Германии, а затем и министерство юстиции предложили мне некоторую защиту для моих публикаций, очевидно, предполагая, что они именно носят официальный или официозный характер. Мне было предложено на процессах, на которых разбирались дела, связанные с оскорблением личности, выступать в качестве второго истца. Я категорически отклонил это предложение, указывая на ту причину, которую я всегда и открыто высказывал, а именно указывая на то, что надо же дать возможность людям что-то ругать и, если им запрещено ругать государство и правительство, то им, по крайней мере, должно быть разрешено делать это по отношению к прессе, к радио и по отношению ко мне.

ФРИЦ. Как Вы подготавливали эти выступления? Они записывались Вами и подвергались проверке со стороны цензуры?

ФРИЧЕ. Предварительную цензуру я всегда отклонял.

Материал очень тщательно подбирался, он хранился в так называемом архиве Телеграфного Агентства. Я истребовал эти документы. Высокий Суд разрешил их представить, но их нельзя было найти. Этот материал состоял из газетных вырезок , из сообщаний телеграфных агентств и из подслушанных сообщений заграничных радиостанций. Проверка сомнительных сообщений производилась специальным референтом. Затем я диктовал начерно основные тезисы моего выступления и потом выступал, причем говорил довольно свободно. Таким образом метод был другой, чем метод составления статьи. Каждое предложение не отшлифовывалось так, как в тех случаях, когда оно записывается и каждое слово имеет значение, в то время как в устной речи решающим является общее впечатление.

ФРИЦ. Итак, Вы работали в министерстве пропаганды, министром был д-р Геббельс, его фамилия здесь часто упоминалась в связи с занимаемыми им постами имперского министра пропаганды, имперского руководителя пропаганды в НСДАП, имперского уполномоченного по тотальной мобилизации и гаулейтера Берлина. Вы по работе сталкивались с д-ром Геббельсом?

ФРИЧЕ. Только как с министром пропаганды.

ФРИЦ. По этой должности Вы были его заместителем?

ФРИЧЕ. Нет, я в последние два с половиной года был его уполномоченным по радиовещанию и, кроме того, руководителем одного из 12 отделов его министерства. Заместителями д-ра Геббельса были статс-секретари, в последнее время д-р Нейманн, который в течение одного дня был его преемником.

ФРИЦ. Д-р Геббельс был Вашим единственным и непо-

H1208 – 0311

H1208 – 0312

средственным начальником?

ФРИЧЕ. Нет. Между ним и мной вначале имелось много инстанций, позже их осталось несколько. Без начальников по службе я впервые оказался здесь на скамье подсудимых.

ФРИЦ. Здесь я хочу спросить Вас, кого из подсудимых Вы знали, с кем поддерживали служебные или личные отношения?

ФРИЧЕ. Служебные переговоры я вел два или три раза после 1933 г. с Функом, который в то время был статс-секретарем министерства пропаганды и ведал в основном хозяйственными и организационными вопросами. С ним я обсуждал финансовые планы для реорганизации радиоинформации. Затем я имел однажды беседу с гроссадмиралом Деницем по техническим вопросам. Я в Гааге посетил Зейсс-Инкварта и Папена в Истамбуле. С остальными я был знаком только на расстоянии и лично познакомился с ними только здесь, на процессе.

ФРИЦ. А как обстоято дело с Гитлером?

ФРИЧЕ. Я с ним никогда не беседовал. Однако, в течение двенадцати лет я, естественно, неоднократно его видел в рейхстаге, во время манифестаций или на приемах. Один раз я был в его ставке и был приглашен на ужин, на котором присутствовало много народу. А вообще я получал указания от Гитлера только через д-ра Дитриха или его заместителей, или через д-ра Геббельса и его различных заместителей.

ФРИЦ. Каковы были Ваши отношения с д-ром Геббельсом. Вы часто с ним встречались, были ли у Вас дружественные отношения?

ФРИЧЕ. Дружественных отношений, безусловно, у меня с ним не было. Отношения были чисто служебные и существо-

вала определенная дистанция. Лично у него я бывал даже реже, чем другие сотрудники д-ра Геббельса, занимавшие такое же положение как и я. Но мне казалось, что он уважал меня больше, чем других своих сотрудников. В этом отношении я занимал, можно сказать, особое положение. Я ценил ум д-ра Геббельса и его способность, по крайней мере, в некоторых случаях, перед лицом убедительных аргументов изменять свою точку зрения. Я видел его в течение первых пяти лет, примерно, два раза в год, а когда я стал начальником управления, я его видел, может быть, один раз в месяц. После того, как началась война, я видел его ежедневно на конференциях, в которых принимало участие от 30 до 50 сотрудников и, кроме того, я раз в неделю беседовал с ним по специальным вопросам.

ФРИЦ. Мы переходим теперь к пропаганде. Можете ли Вы кратко обрисовать сущность пропаганды в Третьей Империи?

ФРИЧЕ. Я попытаюсь это сделать. Существовало три вида пропаганды. Первый вид - неорганизованная агитация радикальных фанатиков партии. Она проявлялась во всех областях: в области религии, расовой политики, искусства, общей политики и ведения войны. Эту неорганизованную агитацию возглавлял Мартин Борман. Он постепенно все в большей и большей степени брал это дело в свои руки.

Второй вид пропаганды исходил от имперского управления пропаганды в НСДАП. Руководителем этого управления был д-р Геббельс. Этот вид пропаганды пытался облечь неорганизованную агитацию радикалов в какую-то определенную форму, так, чтобы была возможна дискуссия.

Третий вид пропаганды исходил от государственной организации - министерства пропаганды.

14472

H1208 - 0313

H1208 – 0314

ФРИЦ. Обвинение утверждало, что Вы также были руководителем отдела радиовещания, в управлении пропаганды и НСДАП? Как здесь обстоит дело?

ФРИЧЕ. Обвинение отказалось от этого утверждения. Оно заявило, что оно не располагает доказательствами, подтверждающими это.

Правильнее было бы сказать, что доказано, что это утверждение неправильное. Я ссылаюсь на мой аффидевит № 3469-ПС, пункт 37-й. Там я заявляю, что, насколько мне известно, я, в противоположность всем моим предшественникам, будучи руководителем отдела радиовещания в министерстве, не был одновременно руководителем отдела партийного радиовещания. Сегодня я, повторяя это утверждение, добавляю к этому, что я вообще не занимал никакой партийной должности.

ФРИЦ. Вам вменялось в вину то, что Вы якобы помогали д-ру Геббельсу ввергнуть мир в кровавую бойню агрессивной войны. Правильно ли это? Говорил ли д-ра Геббельс с Вами когда-либо об агрессивных планах?

ФРИЧЕ. Нет, никогда со мной никто не говорил о планах ведения агрессивных войны – ни д-р Геббельс, ни кто-либо другой со мной об этом не говорили.

ФРИЦ. Здесь, на процессе, неоднократно говорилось о нескольких конференциях, на которых, как здесь было сказано, обсуждались различные планы агрессии, например, перед нападением на Чехословакию, перед нападением на Польшу, Норвегию и Россию. Вы принимали участие в этих конференциях. Слышали ли Вы о них?

ФРИЧЕ. Я не принимал участия ни в одной из этих конференций. Я впервые услышал о них здесь, в зале суда.

ФРИЦ. Ну, если и помимо их конференций не говорили об агрессии, то может быть говорили вообще о войне и о возможности войны?

ФРИЧЕ. Нет. Говорилось о военной опасности еще в 1933 году. Эта военная опасность была вызвана односторонним разоружением одного государства, находившегося среди других хорошо вооруженных государств. Это непропорциональное соотношение между вооружением и разоружением должно было, безусловно, представлять собой военную опасность. Это было хорошей приманкой. В немецкой пропаганде после 1933 г. эти соображения и утверждения были основной причиной того, что, во-первых, было выдвинуто требование разоружить и другие государства и затем требование Германии на уравнивание вооружений всех государств. Это казалось мне вполне логичным, однако, никогда не говорилось о военной опасности без указания на то, что Германия хочет сохранить мир. И это казалось мне честным. Летом 1939 года, когда военная опасность становилась все более угрожающей, я чаще стал бывать у д-ра Геббельса, чем когда-либо раньше. Я передал д-ру Геббельсу целый ряд коротких меморандумов, которые, так сказать, должны были быть моим вкладом в работу по передачи сообщений по радио, вкладом на моем участке работы. В этих меморандумах я анализировал общественное мнение западных стран и этот анализ всегда подтверждали то, что Англия готова вести войну в случае конфликта с Польшей. Я припоминаю, что на д-ра Геббельса произвело большое впечатление, когда я ему передал один из таких меморандумов. Он весьма озабоченно отнесся к этому и принял решение немедленно полететь к Гитлеру. Он мне сказал буквально следующее: "Поверьте мне, мы работали 6 лет успешно не для

14474

H1208 - 0315

H1208 – 0316

того, чтобы теперь рискнуть всем в войне".

Кроме того, летом 1939 г. я установил целый ряд серьезных недостатков в германском вооружении, которые частично упоминались здесь, в зале суда. Все это вместе взятое убеждало меня в том, что Гитлер, проводя свою политику, руководствуется честным стремлением сохранить мир. Если же дело обстояло так, как это изложено в представленных здесь на процесса документах, которые показывают, что Гитлер тайно проводил в жизнь другие идеи и осуществлял другие планы, то я не могу в таком случае дать какую-либо оценку этому, т.к. документы противной стороны еще не опубликованы. Но если дело обстояло так, как это изложено в представленных здесь документах, то я должен констатировать, что я был введен в заблуждение относительно целей германской политики.

ФРИЦ. Г-н председатель, я в начале пред"явления доказательств заявил, что мне не удалось достать тексты речей подсудимого Фриче по радио. Я сам обращался к целому ряду германских радиостанций и мне удалось получить только небольшую часть этих речей, относящихся к периоду 1939-40 года. Я выбрал некоторые из этих речей и хочу их представить Высокому Суду в качестве доказательства № 1 по делу Фриче. Из речи Фриче по редио от 15 нолбря 1939 года я хотел бы для подтверждения того, что только что показал подсудимый, огласить только одно предложение. Я цитирую:

"Единственной причиной войны для народа, который, как таковой, никогда не стремится к войне, единственной возможной причиной, которая может найти оправдение с точки зрения морали, является угроза существованию народа". И этой линии, о которой говорил подсудимый Фриче в начала

войны, он придерживался и в течение всей войны. В доказательство этого я хотел бы также процитировать еще одно место из того же самого документа, а именно, из его речи по радио от 28 июля 1940 года. Я цитирую:

"Мы, немцы, на протяжении всей нашей истории и, главным образом, за последние 30 лет, пролили много слез и крови и претерпели много страданий, так что мы можем прямо смотреть в глаза войне. Мы знали, что означает война и потому не хотели ее. И так как фюреру самому это хорошо известно и он сам это пережил, он 6 октября и 19 июля выступил с мирными предложениями".

14476

H1208 – 0317

H1208-0318

ФРИЦ. Имели ли Вы какое-либо отношение к идеологической или организационной подготовке к войне?

ФРИЧЕ. Непосредственно - нет, но, возможно, что косвенно это имело место. Я выступал с требованием разоружения других государств, выступал за уравнивание военного потенциала и за то, чтобы немецкому народу дана была возможность обороняться. Выражение "возможность обороняться" по недоразумению можно легко истолковать неправильно. Я хотел бы это разъяснить. Здесь я имел в виду способность вести борьбу в целях самообороны. Немецкому народу всегда обещали, и часто моими устами, что восстановление его военного суверенитета будет служить только целям обороны.

ФРИЦ. Когда и где Вы высказывали эту мысль?

ФРИЧЕ. В скромном масштабе моих еженедельных выступлений по радио я говорил об этом и давал комментарии. Я был патриотом, но я не страдал шовинизмом, то-есть излишним национализмом. Я как историк уже тогда ясно представлял себе то, что в особенности на тесном пространстве Европы традиционный национализм был анахронизмом и что он находился в противоречии с современным оружием и с современными средствами транспорта. Но тогда мне казалось, что в учении Гитлера можно найти также целый ряд элементов, которые могут привести к новому взаимопониманию народов. В частности, это было то положение в его учении, которое все время повторялось, а именно то, что только национал-социализм одного народа может понять национал-социализм другого народа. Только сейчас мне с идеологической точки зрения и в особенности, конечно, с материальной точки зре-

ния, благодаря дальнейшему развитию вооружения, стало ясно, что времена национализма прошли, если люди вообще не хотят покончить жизнь самоубийством, мне стало ясно, что наступил период интернационализма в хорошем или плохом смысле этого слова. Но в то время национализм не считался преступлением, все его поддерживали да и сейчас есть люди, которые его поддерживают, и я делал тоже самое.

ФРИД. Но обвинение указывает на то, что перед каждым наступлением в германской прессе начиналась соответствующая кампания, целью которой было приуменьшить жертвы, которые немецкий народ должен был принести в этом новом наступлении, и подготовить психологически немецкий народ к этому новому наступлению. И если даже Обвинение делает это, не указывая на Вас, и если оно затем не предъявляет лично Вам такого обвинения, то все же оно, т.е. Обвинение, показало, что Вы имели отношение к этим кампаниям. Что Вы можете сказать относительно Вашей роли в этой публицистической борьбе?

ФРИЧЕ. Я могу, в первую очередь, указать на то, что эти пропагандистские кампании подробно описаны мной в моем аффидевите № 3469-ПС, в пунктах с 23 по 33, а именно, начиная с занятия Рейнской зоны до нападения на Советский Союз. В этих описаниях имеются также данные относительно характера и доли моего участия в этих кампаниях. Кроме того я хотел бы подчеркнуть, что в этом описании, которое имеется в моем аффидевите, отсутствует какое-либо указание на правовую сторону вопроса, а также нет политического обоснования, я хотел бы особенно подчеркнуть, что я в каждом отдельном случае в отношении каждой кампании считал, что я посту-

H1208 – 0319

H1208 – 0320

пав хорошо и справедливо. Это бы завело слишком далеко, если бы я здесь начал обосновывать это для каждого отдельного случая, тем более, что о многих из них здесь уже говорилось. Я предполагаю и я даже надеюсь, что представители Обвинения еще будут задавать мне вопросы, так как я утверждаю, что каковыми бы ни были факты в отдельных случаях, мне и тем самым всей германской общественности каждый раз, начиная с аншлюса Австрии до нападения на Россию, давалась такая информация, которая не допускала никаких сомнений в том, что действия Германии справедливы или вызваны крайней необходимостью, и я, как единственный оставшийся в живых информатор германской общественности, считаю себя обязанным сделать все для того, чтобы доказать правильность этого моего утверждения, которое для немецкой общественности имеет особое значение.

ФРИЦ. В Вашем аффидевите упомянуты некоторые газетные заголовки, которые считаются типичными для напряженного периода, всегда предшествовавшего кампании в прессе. Что Вы можете сказать по этому поводу?

ФРИЧЕ. Это заголовки, все заимствованные из газеты "Фелькишер Беобахтер", были мне представлены и я, конечно, должен был подтвердить их правильность. Но я хотел бы подчеркнуть, что газета "Фелькишер Беобахтер" не может служить типичным примером моей политики в прессе. "Фелькишер Беобахтер" имела собственные и непосредственные связи с главной ставкой и с Гитлером. Типичными примерами моей политики в прессе могут служить газеты: "Дейче Альгемейне Цейтунг", "Мюнхенер нойсте Нахрихтен", "Гамбургер Фремденблятт", вот те газеты, которые я могу здесь назвать.

ФРИЦ. Однако Обвинение придерживается той точки зрения, что Вы Вашей пропагандой внутри страны призывали к войне германский народ, постольку, поскольку Вы пытались пробудить в нем чувство ненависти по отношению к другим народам Европы и всего мира. Так, например, в Обвинительной речи капитана Шпрехера есть такие выражения: "Травля против народов Советского Союза", "атмосфера слепой ненависти", там говорится, что все это было создано Вами или Вы разжигали в немцах чувство слепой ненависти. Вы делали это?

ФРИЧЕ: Нет, я этого не делал. Никогда я не пытался пробудить ненависть к англичанам, французам, американцам или русским и т.д. Нет ни одного слова в этом духе, пожалуй, в тысяче речей, с которыми я выступал у микрофона. Я, правда, очень резко полемизировал с правительствами, с членами правительств, с правительственными системами, но я никогда не провозглашал ненависти вообще и не пытался каким-либо косвенным путем вызвать ненависть, как это, например, имело место, - я прошу извинения за то, что я приведу пример из практики этого процесса.

Итак, как это имело место тогда, когда здесь демонстрировался фильм, тогда было сказано следующее: "Здесь Вы видите, как немцы смеются над повешенными преступниками". Никогда я в такой общей форме не пытался пробуждать ненависть и я хотел бы указать на то, что в течение целого ряда лет многие анти-национал-социалистские высказывания, которые были сделаны в тогда еще нейтральных странах, были оставлены без ответа.

14480

H1208 – 0321

H1208 – 0322

ФРИЦ: Требовали ли Ваш начальник, чтобы Вы Вашей пропагандой побуждали к травле или разжигали чувство ненависти?

ФРИЧЕ: Да, это имело место и даже часто, но они, не требовали, чтобы ненависть возбуждали по отношению к народам. Это было категорически запрещено, так как народы эти мы хотели привлечь на свою сторону, от меня все время требовали, чтобы я пробуждал ненависть к отдельным лицам и к системам.

ФРИЦ: Кто от Вас этого требовал?

ФРИЧЕ: Доктор Геббельс, доктор Дитрих - оба часто делали это по поручению Адольфа Гитлера. Нас часто упрекали в том, что немецкая пресса, немецкое радио, не пробуждают ненависти по отношению к Рузвельту, Черчиллю, или Сталину, а, наоборот создают этим трем личностям популярность и называют их крупными деятелями. Поэтому в течение многих лет немецкой прессе было запрещено вообще упоминать эти три фамилии, если на это не давалось специального разрешения с точным указанием, в какой связи их разрешено упомянуть.

ФРИЦ: Не хотите ли Вы после всего этого сказать, что требование перестроить Вашу пропаганду так, чтобы она возбуждала ненависть, Вы отклоняли и не проводили в жизнь?

ФРИЧЕ: Я хочу точно определить то, что я делал. Когда накопилось
упреков доктора Геббельса и д-ра Дитриха ~~накопилось~~ довольно много, я однажды подобрал все карикатуры периода первой и второй мировой войны, вышедшие в свет в Англии, США, Франции, и также несколько карикатур из России. Кроме того, я приказал собрать все антинемецкие пропагандистские фильмы, которые я вообще мог получить в свое распоряжение. Затем

я пять или шесть раз по нескольку часов подряд показывал эти каррикатуры и эти фильмы немецким журналистам и немецким радиокомментаторам. Сам я сделал лишь краткое вступление, говорил в течение двух или трех минут. Вполне возможно, что я этим мероприятием пробудил ненависть, однако я бы хотел чтобы это средство для пробуждения ненависти во время войны получило бы оценку со стороны Высокого Суда. Во всяком случае, доктор Геббельс позже заявил, что он недоволен и что мы халтурщики.

Я хотел бы дать еще одно раз"яснение. Я мог бы воспользоваться еще одним средством для того, чтобы выполнять даваемые мне приказы, т.е. возбуждать настоящую ненависть. Я здесь имею в виду не одно средство, а целую группу средств. Достаточно взять хотя бы один пример: - публикацию в Германии двух последних томов серии "Тарзана". Эта серия приключенческих романов была весьма популярна в Германии. Оба последних тома были пропитаны антигерманской тенденцией. Я думаю, что мне нет необходимости здесь подробно на этом останавливаться.

Я не ссылался на эти ранние продукты антигерманской пропаганды. Я всегда сознательно игнорировал такие методы.

ФРИЦ: Если Вы говорите, что Вы отказались от травли и ненависти в Вашей пропаганде, то какими средствами Вы тогда пользовались во время войны, проводя свою пропаганду?

ФРИЧЕ: В этой войне я вел пропаганду, постоянно борясь с такими понятиями: как "необходимость" и "насилие"

14482

H1208 - 0323

H1208 - 0324

Я всегда очень мрачно описывал последствия поражения, я систематически приводил цитаты из прессы, из радиопередач противника. Требование противника пойти на безоговорочную капитуляцию всегда цитировалось мной. Я часто употреблял термин "Сверх-Версаль" и я подчеркиваю, что я чрезвычайно пессимистически описывал последствия проигранной войны.

Не мне сегодня проводить параллели с тем, что мы имеем сейчас.

ФРИЦ: Однако, из сообщений вражеского радио Вы не могли разве установить, что борьба союзников была направлена не против немецкого народа, а только против руководства? Вы это скрывали от немецкого народа?

ФРИЧЕ: Нет, наоборот, я не скрывал этого от него. Я, всегда и это цитировал. Но я называл это неправдоподобным. Я, например, сделал один трюк, заключавшийся в том, что я один раз привел средневековый текст, в котором говорилось об об"явлении войны. Там было сказано, что война об"является только французскому королю, а французскому народу хотят принести свободу.

ФРИЦ: Пытались ли вы также ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас удобно сделать перерыв.

/Перерыв до 27 июня, 10 часов/

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 27 июня 1946 г.

(Утреннее заседание)

Встать! Суд идет!

КОМЕНДАНТ СУДА. Господа судьи, поступило сообщение, что подсудимый Риббентроп отсутствует на заседании суда.

Продолжение прямого допроса подсудимого Фриче.

ФРИЦ. Господин председатель, господа судьи! Вначале я хочу дать небольшое раз"яснение. Я вчера неоднократно говорил об утверждениях Обвинения и намерен делать это также в дальнейшем ходе допроса. Я в этих случаях ~~всегда~~ имею в виду представление документов по делу Фриче, капитаном Шпрехером на утреннем заседании 23 января 1946 года.

Господин Фриче, вчера вы давали показания по поводу Ваших речей по радио относительно пропаганды союзников. В этой связи я Вам хочу задать еще один, последний вопрос. Пытались ли Вы также Вашей пропагандой вбить клин в фронт союзников?

ФРИЧЕ. Само собой разумеется, я пытался это сделать. Я использовал все идеологические противоречия и противоречия в области политических отношений между отдельными нациями союзников. Я считал это дозволенным средством войны. Тогда я хотел добиться того, чтобы был вбит клин в фронт союзников, так же, как я сегодня желаю их об"единения, так как Германия ведь явится первой жертвой любого конфликта.

ФРИЦ. Вас обвиняют также в том, что Вы помогали укреплению нацистского контроля во всей Германии. Организовывали ли Вы травлю против демократии?

H1208 – 0325

H1208 – 0326

ФРИЧЕ. Я никогда не организовывал травли против демократии, как таковой. Я полемизировал с демократией 36 партий, демократией, которая до этого господствовала в Германии, демократией, при которой даже самые сильные группы оставались беспомощными, как, например, две марксистских партии. Иностранную демократию я критиковал только в отношении двух моментов. Во-первых, я критиковал элементы, которые ограничивали основные принципы демократии. Мне кажется излишним, а, может быть, также и вводящим в заблуждение, сегодня перечислять все эти моменты. Во-вторых, я критиковал требования иностранных демократий - навязать нам свою форму правления. Это казалось мне тогда, согласно тому, что я тогда знал, и согласно той информации, которую я получал, - несправедливым.

ФРИЦ. Считали ли Вы, таким образом, диктатуру лучшей формой правления?

ФРИЧЕ. Я бы хотел категорически заявить: при условиях, которые имелись тогда, и только на переходный период бедственного положения - да. Сегодня, безусловно, уже - нет. После того как тоталитарная форма правления привела к катастрофе, к убийству пяти миллионов человек, сегодня я считаю эту форму правления, даже на указанный период - неправильной. Я полагаю, что любой вид, даже ограниченный вид, демократического контроля, сделал бы такую катастрофу невозможной.

ФРИЦ. Вам инкриминируется далее, что Вы распространяли учение о расе господ. Обвинение косвенно инкриминирует это Вам. Что Вы можете сказать в этой связи?

ФРИЧЕ. Я никогда не выступал с учением о расе господ и никогда не придерживался его. Этого понятия я даже избегал. Я категорически запретил употреблять этот термин для германской прессы и германского радио в те периоды, когда

я стоял во главе их. Я считаю также, что понятие "раса господ" сыграло большую роль в анти-национал-социалистской пропаганде за границей, чем в самой Германии. Кто является изобретателем этого термина, я не знаю. Насколько я помню, это понятие часто употреблялось такими лицами, как, например, доктор Лей, и я должен откровенно и категорически заявить в этой связи, что никто не придавал серьезного значения этому термину. Это понятие, правда, без его упоминания, сыграло, безусловно правда, большую роль в СС, вследствие их крайней позиции в расовом отношении. Однако люди, обладавшие умом и тактом, имевшие перспективу и знавшие мир, избегали тщательным образом употребления этого термина.

ФРИЦ. Господин председатель, в связи с этим я представляю суду аффидевит доктора Шарпинга от 17 мая 1946 года. Доктор Шарпинг был до конца войны чиновником министерства пропаганды. Из этого аффидевита я цитирую только одно предложение, в связи с этим моментом, на странице 13-й. Я цитирую:

"В этой связи следует также об"яснить то, что Фриче всегда выступал против понятия "раса господ". Было даже категорически запрещено употреблять этот термин в радиопередачах".

Обвинение, однако, представило выдержку из одной из Ваших речей по радио в подтверждение своих утверждений.

ФРИЧЕ. Цитата правильна, однако, я прошу тщательно ознакомиться с ней. В ней отклоняется понятие "раса господ" в отношении еврейского и германского народа. Эту цитату нельзя неправильно понять.

ФРИЦ. Господин председатель, это место есть в английском тексте речи представителя обвинения, капитана Шпрехера, на

H1208 – 0327

H1208 – 0328

страницах 31-32-й стенограммы.

Однако Вы занимались не только пропагандой внутри страны, но и занимались пропагандой заграницей. В чем состояла разница?

ФРИЧЕ. В моих речах по радио не имелось никакой разницы. Перед началом войны я произносил речи, предназначенные как для внутреннего пользования, так и для заграницы, причем делал небольшую разницу, просто вследствие того, что аудитория была различной, и я учитывал различный уровень знаний.

Во время войны мои речи, передававшиеся по германскому радио, транслировались также и по коротковолновым радиостанциям. Как в Германии, так и заграницей, можно было следить за тем, что я говорил по радио. В остальном я в течение 12 лет моих выступлений по германскому радио никогда не допускал переводов моих выступлений, так как в подобных случаях всегда имеет место некоторое нарушение нюансов. Статьи можно переводить, возможно также и официальные речи, однако, не наполовину импровизированные беседы, которые я проводил.

ФРИЦ. Подвергались ли Ваши передачи для заграницы международной критике?

ФРИЧЕ. Да, очень часто. Во время войны иногда почти ежедневно раздавался голос из какой-нибудь страны. Я давал распоряжение собирать всю эту критику. Я подал ходатайство об истребовании ее в качестве документов, однако, мое ходатайство было отклонено. Насколько я знаю, в этой критике мне не пред"являлось обвинения в травле с целью организации войны.

ФРИЦ. Вы, однако, вели пропагандистскую деятельность

не только в качестве комментатора, но и в качестве организатора. Вас обвиняют в том, что Вы помогали создать важный инструмент для заговора, о котором здесь утверждалось. Обвинение заявляет, что Вы в течение 12 лет способствовали созданию средств пропаганды, которые с таким успехом использовались для заговора. Вы создали институт прессы национал-социалистского государства.

ФРИЧЕ. Нет. Я не создал этого института. Я также не участвовал в его создании. Его создателями были доктор Геббельс, доктор Дитрих и рейхслейтер Аман. Когда я зимой 1938 года стал руководителем, так называемого, Отдела германской прессы, я пытался ослабить оковы, которые были наложены на германскую прессу. Я пытался добиться этого в материальной области и в области кадров. Я, например, сотни редакторов, которые были уволены в 1934 году вследствие принадлежности к другим партиям, снова вернул в прессу. Сегодня эти редакторы, очевидно, в обиде на меня, но тогда я имел в виду сделать доброе дело. Затем, кроме официальных пресс-конференций, которые подвергались чрезвычайно строгому контролю также и в отношении протоколов со стороны моих начальников, я организовал, так называемые заключительные пресс-конференции, на которых я беседовал с представителями 50-60 самых важных газет, имея возможность свободно обсудить все трудности, которые встречались в их работе. Я часто употреблял на этих совещаниях слова: "Вы можете в германских газетах описывать все в критическом духе, если Вы эту критику помещаете не в заголовках, набранных крупным шрифтом, а искусно формулируете ее в самом контексте". Очень многие германские журналисты в течение прошедших 12 лет использовали эту возможность. Я был

H1208 – 0329

H1208 – 0330

бы рад, если бы эта работа, которая была ~~такой~~ тайной работой, сегодня каким-нибудь образом, в интересах этих людей, была бы оценена, тем более, что эти люди частично вернулись на арену журналистской деятельности, исходя только из своего личного доверия ко мне. Само собой разумеется, я должен добавить, что возможность вести эту критику была ограниченной, не была полной.

ФРИЦ. Господин председатель, я, с согласия обвинения, пред"явлю сейчас суду документ в качестве доказательства по делу Фриче № 4. Это - выдержка из письма генерал-лейтенанта германской армии Дитмара, который часто комментировал военную обстановку по германскому радио во время войны и который находится в английском плену. Известный английский радиокомментатор мистер Лиддель - Харт прислал Главному Обвинителю от Великобритании выдержку из письма. Я хотел бы этот меморандум, который был предоставлен в мое распоряжение, кратко процитировать. Разрешите мне процитировать это место.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, пожалуйста.

ФРИЦ. Дитмар пишет "Возможность выдерживать свои радиокомментарии в критическом духе, главным образом, была создана благодаря молчаливому одобрению и протекции Ганса Фриче, директора отдела политического радиовещания. Он полагает, что Фриче был в тайной оппозиции к режиму и был счастлив иметь возможность найти комментатора, который откровенно выражал мысли, сходные с его собственными, которые тайно будут подрывать доверие к режиму".

В связи с этой цитатой я хотел бы также огласить еще одну цитату из аффидевита доктора Шарпинга, который я пред"явил в качестве доказательства № 2 по делу Фриче. Это - страница 11 этого аффидевита. Я цитирую:

H1208 – 0331

"Радиокомментаторы и журналисты хорошо знали терпимость Фриче. Неоднократно случалось, что Фриче во время своих конференций, например, брал в руки экземпляр газеты "Фелькишер Беобахтер" и иронизировал над антисемитской статьей. Я вспоминаю, что он однажды выразил свою критику, примерно, в следующих словах:

"Одна из берлинских газет (при этом он держал на виду у всех газету "Фелькишер Беобахтер") опять в своей передовой статье убила больше чем двух зайцев сразу. Может быть, еще автору удастся найти правильный язык".

Такими ироническими замечаниями Фриче всегда завоевывал симпатии своих слушателей, однако, это для него было весьма небезопасно, так как Геббельс ежедневно читал протоколы этих пресс-конференций".

Господин Фриче, в связи с высказываниями генерал-лейтенанта Дитмара я хотел бы задать Вам вопрос, чувствовали ли Вы себя противником системы, или на каком основании, генерал-лейтенант Дитмар мог сделать такое заявление?

ФРИЧЕ. Я не был противником системы. Было бы смешно и недостойно сегодня утверждать это. Однако я был ярым противником тех злоупотреблений системы, о которых я вообще мог услышать. Злоупотреблениями, с которыми легче всего было столкнуться мне, потому что они проводились в моей области работы, было приукрашивание известий во время войны. Целью всей моей политики в области информации был реализм, и генерал Дитмар, очевидно, имеет это в виду в оглашенной здесь части своего заявления.

Я встретился с генералом Дитмаром в декабре 1942 г. или в январе 1943 г., таким образом, в период, когда 6-я

14490

H1208 – 0331

H1208 – 0332

германская армия уже была окружена в Сталинграде. Тогда, однако, этот факт еще официально скрывался от германского народа и я вместе с генералом Дитмаром, несмотря на запрещение сообщать о факте окружения 6-й армии в Сталинграде, открыто сообщил об этом. Тогда это было большой сенсацией. Я в последующие месяцы и годы всегда защищал генерала Дитмара, вследствие его реалистической манеры описания обстановки, от всяческих нападок, в частности, от нападок партии, но также и от нападок министерства иностранных дел, которое постоянно указывало на то, что эти трезвые описания Дитмара весьма скверно действовали на союзников Германии. В рамках этой борьбы за реалистическую информацию я позднее (я прошу разрешения суда кратко остановиться на этом) вел почти отчаянную борьбу против безответственной пропаганды, которая велась относительно "чудесного оружия". Лишь через год после того, как доктор Геббельс впервые заявил о "чудесном оружии", которое должно появиться, я вообще упомянул об одном из новых видов оружия, и здесь Шпеер уже упоминал об одном командире полка СС Берге, который в министерстве пропаганды вел тайную пропаганду в пользу этого чудесного оружия. Он был автором статьи в газете "Рейх", которая произвела весьма большое впечатление в империи, с сенсационным и многообещающим заглавием: "Мы хранители тайны" и т.д. Против таких методов я боролся.

Другой весьма знаменательный пример – с другим членом СС – Гернау. Он написал в период удавшегося вторжения союзников статью, в которой он так изображал события, как будто бы оставление Франции германскими войсками является чудесным трюком германской стратегии, который создаст возможность ~~для~~ нанесения чрезвычайно сильного контрудара.

Эту статью я запретил в подчиненных мне инстанциях, и я все время должен был выступать против распространения безответственных слухов относительно таинственного оружия. Я это делал открыто и я также в области радио открыто боролся против этой пропаганды.

С другой стороны, я хотел бы также указать на то, что мне всегда мои начальники во все периоды войны давали отдельные обоснованные с их стороны обещания: во-первых, относительно подготавливаемого в настоящий момент наступления, например, прорыва из Восточной Пруссии на юг, прорыва из Верхней Силезии к Висле, прорыва из Эльзаса на север и т.д. Рука об руку с этими обоснованными до деталей обещаниями затем шли упомянутые уже мной вчера политические обещания, то-есть обещания, которые делал доктор Геббельс о том, что той или иной стороной проводятся внешнеполитические переговоры с противником.

ФРИЦ. Следующий вопрос, кто руководил политикой прессы?

ФРИЧЕ. Политикой прессы руководил имперский начальник прессы, доктор Дитрих. Он давал свои указания, весьма специализированные, в большинстве случаев в совершенно ясных формулировках, и это называлось "ежедневным лозунгом имперского начальника прессы". Обычно он также давал текст комментариев, который должен был быть оглашен на прессконференции. Доктор Дитрих обычно находился в ставке фюрера и получал указания непосредственно от Гитлера. Представителями доктора Дитриха были Зондерман и Лоренц.

Вторым фактором, который играл решающую роль в германской прессе, был рейхслейтер Аман, который стоял во главе организации издателей.

14492

H1208 – 0333

H1208 - 0334

Третьим фактором был доктор Геббельс, в качестве имперского министра пропаганды. Ему формально подчинялись как Дитрих, так и Аман. В действительности оба были приравнены к нему по положению и я должен был всегда лавировать между этими тремя инстанциями, согласовывать их мнения и координировать работу.

ФРИЦ. Вы создали организацию информационной службы для журналистов?

ФРИЧЕ. Да. Эту организацию я создал. В принципе я заложил основу этой организации.

Я хочу сослаться на мой аффидевит 3469-ПС, а именно на пункт 17. Я ведал информационной службой для журналистов, примерно, с 1934 до 1938 года. Я был горд тем, что в начале войны даже противники отмечали хорошее функционирование этого информационного аппарата. Я, правда, в тот период уже не был руководителем этого, так наз. "Отдела службы информации". Я создал эту организацию в мирное время в качестве специалиста в этой области, не имея в какой-либо степени в виду думать об ее использовании во время войны.

Вывод обвинения относительно того, что я определял также и направление службы информации, - неправилен.

ФРИЦ. Обвинение утверждает, что министерство пропаганды было самой производительной фабрикой лжи всех времен. Что Вы можете сказать по этому поводу?

ФРИЧЕ. Вначале, что касается лично меня. Я хочу окончательно раз"яснить следующее. Я заявляю под присягой, что по действительно важным вопросам политики и ведения войны я не сфабриковал ни одной фальшивки и сознательно не говорил ничего, что было-бы ложью. Как часто я был жертвой фальшивок или лжи, - об этом я не могу сказать после того, что

было разоблачено на данном процессе. То же самое относится, насколько я это знаю, ко всем моим сотрудникам. При этом я совершенно не собираюсь отрицать, что я и мои сотрудники руководствовались одной тенденцией при отборе сообщений и цитат. Проклятием пропаганды во время войны является то, что она работает только черными и белыми красками и только несколько великих людей стоят выше этой тенденции. Я считаю, что эта тенденция писать только черными или белыми красками является роскошью, которую больше нельзя себе позволить.

По вопросу о деятельности министерства пропаганды, как такового, я должен сказать, что я могу судить лишь об одной двенадцатой его части, т.е. о том отделе, который я возглавлял. Однако, насколько я знаю, является заблуждением предполагать, что там, в министерстве пропаганды, были сфабрикованы тысячи лживых сообщений. Повседневно мы работали совершенно чисто и честно, с технической точки зрения даже с полным совершенством. Если бы мы фабриковали тысячи ложных сообщений, то противник легко расправился бы с нами, гораздо легче, чем это ему удалось в действительности.

Однако решающим для такого аппарата информации является не деталь, а решающим является самое важное и самое глубокое основание, на котором строится пропаганда. Решающим является вера в честность государственного руководства, на которую всегда должен в какой-либо степени полагаться любой журналист, и это основание было поколеблено тем, что сегодня стало известно о массовых убийствах, о бессмысленных зверствах, и оно поколеблено сомнениями в честности мирных заверений Гитлера, отдельные факты в отношении которых я не в состоянии оценить.

ФРИЦ. На данном процессе указывалось, что не имелось никаких

H1208 – 0335

H1208 – 0336

положений международного права относительно методов пропаганды во время войны и в мирное время.

ФРИЧЕ. Мне хорошо известно, что международное право не устанавливает никаких границ для пропаганды, в особенности для пропаганды во время войны. Мне также хорошо известно, что только в небольшом количестве отдельных сепаратных договоров между государствами имеются положения относительно ведения пропаганды, например, в договоре между Германией и Польшей и в договоре между Германией и Советским Союзом. Однако я всю мою жизнь в качестве журналиста, подчеркивал, что отсутствие международных соглашений относительно пропаганды не является оправданием лжи. Я всегда считал, что журналист и работник службы информации должны нести моральную ответственность. Я еще перед войной сделал это утверждение в дискуссии с радио Люксембург. Однако, детали заведут нас слишком далеко.

Если я в мае прошлого года не искал смерти, то причиной этого, между прочим, является и мое желание дать отчет о том, где в этой системе был чистый идеализм и чувство самопожертвования миллионов, и где господствовала ложь или жестокость, которая не останавливалась и перед преступлениями.

ФРИЦ. Назовите случаи, когда Вы чувствовали себя обманутым?

ФРИЧЕ. На данном процессе обсуждались сообщения, которые были получены в начале польской кампании, сообщения относительно нападения на радиостанцию Глейвиц. Я тогда верил в правдоподобность официальных германских сообщений. Я считаю, что об этом случае мне больше нечего сказать.

Затем лишь в декабре прошлого года здесь, в тюрьме, в

Нюрнберге, из беседы с гросс-адмиралом Редером мне стало ясно, что в действительности германская подводная лодка потопила "Атению". До этого момента я твердо верил в правильность официальных германских сообщений с том, что ни одна германская подводная лодка не находилась вблизи места, где был потоплен этот корабль. Я просил моего защитника привести здесь в качестве документов наиболее резкие места из моих речей по радио, в связи с инцидентом с "Атенией", и просил включить их в мою книгу документов. Таким образом, это, собственно говоря, были бы цитаты, которые говорили бы против меня, однако, они доказали бы, как я, не будучи одиноким, верил в официальные германские сообщения и строил свои выступления, исходя из них, а также, что я собирал сведения, которые подтверждали официальные германские сообщения, так, например, неопубликованный сначала факт, который поэтому и возбуждал подозрение, факт о том, что обломки "Атении" через день после катастрофы были потоплены огнем с британских эсминцев. Сам этот факт можно вполне понять с точки зрения интересов судоходства, однако, тогда мне этот случай казался поводом для недоверия. Таким же образом я использовал и американские сообщения. Однако сложным сообщением, которое произвело на меня наиболее сильное впечатление и жертвой которого я явился, было сообщение, сделанное в последние дни войны. Я должен остановиться на этом моменте в интересах установления истины.

В те дни, когда Берлин был окружен русскими армиями, берлинцам было сообщено, что им на помощь подходит армия Венга, приближающаяся к Берлину, что на Западном фронте борьба прекращена. Было выпущено сообщение о том, что Риббентроп направился на Западный фронт и там заключил договор. Затем в

14496

H1208 – 0337

H1208 – 0338

в окруженном Берлине начали печататься листовки, примерно, следующего содержания: "Солдаты армии Венга, мы, берлинцы, знаем, что Вы уже продвинулись до Потсдама. Спешите! Придите нам скорее на помощь!" Эти листовки были отпечатаны в тот период, когда армия Венга больше не существовала и уже находилась в плену. Эти листовки были сброшены, якобы, по ошибке над Берлином и они должны были вселять в берлинцев мужество в эти последние дни. Это произошло в те дни, когда Гитлер, согласно показаниям Шпеера, уже сообщил своему ближайшему окружению о том, что больше не имеет смысла сделать что-либо для остатка германского народа.

ФРИЦ. Господин председатель, упомянутые подсудимым Фриче две речи по радио, которые относятся к инциденту с "Атенией", находятся в документе защиты по делу Фриче № 1, и я уже вчера пред"явил эти доказательства суду. Я сошлюсь только на содержание этих речей по радио.

Назовите примеры ложных сообщений, о которых Вы знали и которые вы не считали ложными.

ФРИЧЕ. Одним из примеров является так называемая акция "Фау". Полковник Бритон сообщил по британскому радио относительно этой акции "Фау" (Акция "Виктори" – "Победа"). В тот же день я вышел к микрофону германского радио и сказал в шутку: "Мы хотим действительно провести эту акцию "Фау". "Фау" означает "Виктория". После этого полковник Бритон заявил что я, якобы, у него украл это "Фау". Я заявил, что это не так, что я первым его употребил.

ФРИЦ. Если Вы полагали, что Вы говорите только правду, почему Вы употребляли такие резкие выражения, зачем тогда было запрещено слушание иностранного радио?

ФРИЧЕ. Я уже в моем аффидевите подчеркнул, что, по моему мнению, мои резкие выражения все же всегда несколько уступали резким выражениям, которые употребляли мои противники. Запрет слушания иностранных радиопередач был установлен, против моей воли. Мне этот запрет только мешал дискуссиям с моими противниками заграницей, в различных странах, так как при таком положении мой противник, так сказать, оставался в полутени. Я не имел права официально обращаться к нему, знал, однако, с другой стороны, что многие из моих слушателей также слушают его. Я здесь хотел бы упомянуть, что я всегда выступал за за мягкие меры в отношении нарушителей запрета подслушивания иностранного радио. Неоднократно органы юстиции спрашивали у меня, как у эксперта, об этом. Я хочу обратить внимание на то, что я, в особенности после Сталинграда, учредил собственную службу подслушивания русского радио, для того, чтобы устанавливать фамилии германских солдат, взятых в плен под Сталинградом, о которых сообщало русское радио, чтобы сообщать о них родственникам.

Мне казалось жестоким лишать родственников такого источника информации о судьбе их близких. В остальном, однако, в отношении запрета слушания иностранного радио имелась только одна альтернатива. Она заключалась в следующем - либо отобрать все радиоприемники и прекратить деятельность всего германского радио, что неоднократно требовала партия, либо запрет иностранного радио. Поэтому запрет слушания иностранных передач казался мне меньшим злом. В остальном, надо сказать, что в это время шла война и противник не был особенно разборчив в своих средствах. Я хотел бы привести только один пример. Этот пример касается радиопередатчика "Густав-Зигфрид-2", который в начале своей деятельности агитировал слушателей

H1208 - 0339

H1208 – 0340

Германии такими методами, на которых я не хотел бы останавливаться, но которые, однако, побудили меня к тому, что я запретил слушать этот радиопередатчик в подчиненной мне станции радиоподслушивания.

ФРИЦ. Вам вменялось в вину, что Вы призывали к политике безжалостной эксплоатации оккупированных областей. Признаете ли Вы, что Вы проводили эту политику?

ФРИЧЕ. Нет. Целью всей моей пропаганды в Европе было и должно было быть привлечение народов Европы к делу Германии. Все иное было бы просто нелогичным. Все радиопередачи на всех европейских языках, которые проводились под моим руководством, в течение всех лет имели только одну цель, а именно - привлечение к добровольному сотрудничеству в деле борьбы империи, в первую очередь оккупированных областей.

ФРИЦ. Придерживались ли Вы мнения о том, что германская администрация в оккупированных областях шла по этому пути агитации за добровольное сотрудничество?

ФРИЧЕ. Вначале определенно это было так, за одним исключением - это был Кох на Украине. Во всех остальных случаях, насколько я это знаю, все управления администрации в оккупированных областях стремились к этому сотрудничеству иногда более, иногда менее искусно. Я видел впоследствии гигантские усилия, которые делали союзники для того, чтобы воспрепятствовать этой германской политике сотрудничества, которая была для них весьма опасной. Я видел эти усилия союзников, причем сначала они использовали для этого средства пропаганды. Однако одной пропагандой нельзя было добиться успеха. Затем я установил, что для этих усилий используются другие средства, а именно - организация покушений и диверсий. В этом отношении удалось добиться большего успеха. Покушения

вызывали все время репрессалии, а репрессалии вызывали новые покушения. Я считаю, что меня правильно понимают, и это не будет циничным, если я скажу следующее: я, как пропагандист, например, убийство Гейдриха считал небольшим успехом. Проведенное же немцами разрушение Лидице я рассматривал весьма большим успехом союзников. Таким образом, я всегда был и должен был быть противником репрессалий любого вида.

ФРИЦ. Знали ли Вы о репрессалиях? Как Вы рассматривали их в Вашей пропаганде?

ФРИЧЕ. О только что упомянутом случае с Лидице я узнал впервые лишь много месяцев спустя, так как в это время я находился на Восточном фронте. Очень характерно, что я слышал только о разрушении домов в Лидице и о выселении жителей. Об убийстве отдельных жителей я узнал только здесь, в зале суда. В отношении заложников я слышал только, что их арестовывали, но я не слышал о том, что их избивали. Об убийствах заложников сообщалось только в оккупированных областях, и если однажды где-либо имел место расстрел, то мне сообщалось, что расстреливали приговоренных к смерти заговорщиков или участников покушений. Также я не знал о приказе "Мрак и туман". Однако я часто слышал о денежных штрафах, которые накладывались на отдельные города или сельские районы. В нашей пропаганде все время указывалось на причины таких репрессалий.

ФРИЦ. Каким образом Вы описывали работу германской администрации в Вашей пропаганде?

ФРИЧЕ. Я всегда указывал на ту созидательную работу, которая, несмотря на все трудности и несмотря на все сопротивление, проводилась в различных оккупированных областях.

14500

H1208 – 0341

H1208 – 0342

Главным образом, эта работа была направлена на интенсификацию сельского хозяйства, затем на увеличение производства промышленной продукции, затем я указывал на необходимость снабжения оккупированных областей продовольствием, часто, я хотел бы это подчеркнуть, даже из скромных германских запасов. Я сообщал о создании школ, и я получал иногда сообщения, которые производили на меня большое впечатление. Я их использовал, например, сообщения, относительно снабжения городов, как, например, Парижа, которое проводилось, несмотря на диверсии, которые производились противником на железных дорогах. Такие сообщения я собирал по темам и на их основании был проведен целый ряд докладов; имелось очень много таких сообщений. Я хотел бы также подчеркнуть, что, насколько я знаю, ни в одной области, оккупированной Германией, не имелось такой смертности грудных детей, о которой говорилось здесь, что она, якобы, достигала 80%. Ни в одной стране не было необработанных полей. Не соответствует действительности то, что здесь утверждало обвинение, правда в пылу допроса, что Германия и немцы вели сытую и счастливую жизнь во время этой войны в то время, как оккупированные области голодали. Это неправильно.

ФРИЦ. Что Вам было известно о недопустимых условиях в оккупированных областях?

ФРИЧЕ. В первую очередь мне было известно о недостаточном привлечении населения к участию в самоуправлении, а также о том, что в тех странах, где имелось самоуправление, администрации не делалось никаких уступок в области политики. Я непосредственно после кампании во Франции неоднократно выдвигал требование относительно установления

H1208 – 0343

"Магна Харта Европаэнзис", то-есть установления основных прав европейских народов. По этому поводу я написал несколько меморандумов, которые я направил доктору Геббельсу. Доктор Геббельс направил их Гитлеру, и, когда я осенью 1942г. решил вернуться в министерство пропаганды, одним из обещаний, которое мне дал доктор Геббельс, было обещание о том, что эта Великая хартия европейских народов будет провозглашена.

ФРИЦ. Господин председатель, в этой связи я хотел бы процитировать из документа № 2 по делу Фриче (это аффидевит Шарпинга) 3-ю цитату на странице 13-й этого аффидевита. Я цитирую:

"После оккупации различных европейских стран Фриче издал инструкции об организации информации в том духе, что народы Европы должны присоединиться к союзу государств на равной основе с Германией. Он поручил мне разработать соответствующие циклы лекций, а именно в этом духе, причем эта точка зрения должна была играть в этих лекциях решающую роль и одновременно это должно было послужить здоровым началом для созидательной работы отдельных ведомств в оккупированных областях". Конец цитаты.

Знали ли Вы о том, что говорилось здесь Обвинением относительно деятельности полиции в оккупированных областях?

ФРИЧЕ. Нет.

ФРИЦ. В этой связи я бы хотел поставить Вам дополнительный вопрос. Я уже спрашивал свидетеля Паулюса об образе Ваших действий после того, как Вы узнали о приказе о комиссарах? Что Вы можете об этом сказать?

ФРИЧЕ. О приказе о расстреле взятых в плен советских комиссаров я услышал в начале мая 1942 г., когда я прибыл

H1208 – 0343

H1208-0344

в 6-ю армию. Я немедленно выступил против него. Был ли он проведен в жизнь или нет, - я не знаю. Здесь фельдмаршал Паулюс, безусловно, был вполне прав, когда он заявил, что он в пределах своей армии еще до этого принял меры с тем, чтобы этот приказ не проводился в жизнь. Я, во всяком случае, считал своей задачей добиться того, чтобы этот приказ, как таковой, был отменен, и я этого добился в результате того, что по моему совету 6-я армия направила соответствующее отношение в ОКВ или в штаб оперативного руководства. Я убежден, что многие командующие армиями действовали так же, как и командующий 6-й армией, и не проводили этот приказ в жизнь. Во всяком случае, после он был отменен.

ФРИЦ. Обвинение цитировало два абзаца из Вашей речи по радио от 5 июля 1941 г.

Господин председатель, в английском тексте стенограммы речи капитана Шпрехера это - страницы 32-33.

Обвинение делает из этой цитаты вывод, что Вы призывали к безжалостным мероприятиям против населения Советского Союза. Вы, якобы, оклеветали народы Советского Союза.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы не можем найти этого места. Какой номер ПС- этого документа?

ФРИЦ. Это - стенограмма заседания, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У нас нет этой стенограммы судебного заседания. У нас есть книга документов, в ней отсутствуют 32 и 33 страницы. В ней имеется лишь 31 или 32 страница и еще небольшой отрывок.

ФРИЦ. Я могу назвать номер документа. Это - документ № 3064-ПС, доказательство Соединенных Штатов № 723.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это 14-я страница в нашей книге документов. Вы назвали дату 5 июля?

ФРИЦ. 5 июля 1941 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У меня указано 7 и 10 июля, но 5 июля у меня нет. Какая это была страница в стенограмме судебного заседания? Вы знаете номер страницы?

ФРИЦ. В английском тексте стенограммы это - страницы 32 и 33. У меня здесь английский текст стенограммы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, в таком случае будет лучше, если Вы зачитаете это место.

ФРИЦ. Цитата из речи обвинителя капитана Шпрехера гласит следующее:

"Как вытекает из писем с фронта от кинорепортеров из рот пропаганды, которые придавались германским армиям в периоды наступления, от корреспондентов рот пропаганды и солдат, прибывающих в отпуск, подтверждается, что в этой борьбе на Востоке имеет место не борьба одного мировоззрения против другого, не борьба одной политической системы против другой, а культура, цивилизация и человеческое достоинство поднялись против дьявольского принципа + ада."

ФРИЧЕ. Я бы хотел в связи с этим констатировать, что я не призывал этой цитатой ~~им~~ к безжалостным мероприятиям против народов Советского Союза, я не хотел также и оклеветать народы Советского Союза. Я сошлюсь на полный текст речи от 5 июля. Я не хотел бы оглашать всего текста этой речи, однако, я хочу коротко остановиться на ее содержании.

ФРИЦ. Г-н председатель, в моей книге документов № 1, - я не знаю, имеется ли она уже у суда, - я поместил все эти речи.

H1208 - 0345

H1208 – 0346

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нет, у нас нет этой выдержки.

ФРИЦ. Я поместил все эти речи, из которых Обвинение процитировало отдельные места, с той целью, чтобы выдвинуть против него обвинения. Я включил полный текст этих речей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне только что передали эту книгу документов, какая это страница?

ФРИЦ. Это стр.8-13, речь по радио от 5 июля 1941 года.

ФРИЧЕ. Я прошу разрешения коротко остановиться на содержании этой речи в целом. Я говорил в сообщениях, которые стали известными германской общественности, относительно того, что видели германские солдаты во время наступления в Советском Союзе, в первую очередь о заключенных в тюрьмах различных городов. Я не описывал эти события, а только напомнил об изданных тогда сообщениях. Из этого я сделал вывод: отсюда видно, как необходима борьба против системы, при которой возможны такие зверства. В отношении народов Советского Союза я даже употребил такие выражения, как "сочувствие" и "симпатии".

ФРИЦ. В той же связи, с той же тенденцией Обвинение затем цитирует отрывок из Вашей речи по радио от 10 июля 1941 года.

Г-н председатель, этот отрывок Вы найдете в книге документов № 1, речь от 10 июля 1941 года. Она помещена также полностью, на страницах 14-19. (Обращается к подсудимому). Что Вы можете сказать по поводу этого обвинения?

ФРИЧЕ. В этой цитате, да и во всей этой речи еще более ясно излагается то, что я только-что сказал. Я сослался на только-что упомянутые сообщения, на сообщения иностранных корреспондентов, и затем я совершенно открыто описал позицию Москвы

по поводу этих событий, и сказал совершенно честно: "Радио из Москвы сообщает, что эти зверства являются фактами. Однако оно утверждает, что эти зверства были совершены не русскими, а немцами". В связи с этой позицией Москвы я предпринял, так сказать, побег в общественность. Я призывал в свидетели миллионы германских солдат, я призывал в свидетели их жен, их отцов и матерей. Я в торжественной форме призывал в свидетели жителей оккупированных областей, над которыми тогда имели власть немцы, и в которых, как я сказал, они подчинены только моральным законам своей души. Затем, я сделал вывод: эти германские солдаты вообще не могут совершать этих зверств, о которых в равной степени говорилось как Берлином, так и Москвой. Обвинитель утверждал, что эта попытка приписать германские зверства русским, является смешной. Я не нахожу, что это может вызвать смех. Я считаю, что это трагично. Эти факты показывают с совершенной ясностью, по моему мнению, всю честность и порядочность всей германской стратегии. Я и сегодня еще считаю, что убийства и насильственные акты и "зондеркоманды" были чужеродным телом, опухолью на здоровом в моральном отношении организме германского народа и его армии.

ФРИЦ. Обвинение, наконец, цитирует одно место из Вашей речи от 9 октября 1941 года, из которой в другой связи приводится еще одна цитата.

Г-н председатель, в книге документов Фриче № 1 имеется полный текст этой речи на страницах 20-25, а цитаты Обвинения об"единены в документе из книги документов Обвинения по делу Фриче. Таким образом, Высокий суд может легко сравнить эти тексты.

H1208 – 0347

H1208 – 0348

Обвинение делает из этой цитаты вывод, что Вы с уважением говорили о политике нацистских заговорщиков, выражавшейся в безжалостной эксплоатации оккупированных областей.

Что Вы можете сказать по этому поводу?

ФРИЧЕ. О каких-либо безжалостных действиях не может быть и речи; об эксплоатации не говорится ни в цитате, которую привело Обвинение, ни в остальном тексте речи от 9 октября 1941 года.

Я ссылаюсь на мой аффидевит № 3469-ПС, § 39. Это - параграф, который в этой связи правильно цитировало само Обвинение. Кроме этого, я хотел бы очень кратко остановиться на основных моментах моей речи.

Это был период, когда германские солдаты стояли на широком пространстве от Черного моря до Бискайского залива. Я говорил о возможности использования богатств этой огромной территории. Я говорил: "Возможности данного континента настолько велики, что они могут покрыть любую потребность для войны и для мира". Я заявил в этой связи, что, таким образом, голод в результате блокады, попытки к которой были проведены в 1914-1918 г.г., не сможет больше иметь места. Я говорил о возможности организации Европы, которая может начаться уже во время войны. Я имел здесь в виду организацию равноправных европейских наций. Не подлежит никакому сомнению, что я тогда не думал о безжалостной эксплоатации оккупированных областей, а только об их использовании в политическом и экономическом отношении после того, как минует гроза войны.

ФРИЦ. Господин председатель, я перехожу теперь к другой теме. Может быть, этот момент будет удобным для перерыва?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

ТОМА (Защитник подсудимого Розенберга). Господин председатель, у меня есть просьба, чтобы подсудимый Розенберг отсутствовал на второй половине заседания, так как я должен переговорить с ним.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, пожалуйста.

(Об"является перерыв на 10 минут).

Встать! Суд идет!

ФРИЦ. Что Вы знали о вывозе евреев из оккупированных областей?

ФРИЧЕ. Об этом вывозе, как общем мероприятии, я ничего не слышал, я только слышал об арестах отдельных лиц - евреев и неевреев.

ФРИЦ. Что Вы знали о рассматривавшейся здесь проблеме рабского труда?

ФРИЧЕ. Я знал, что миллионы иностранных рабочих работали в империи. Я не считал их рабами, так как я видел их ежедневно, как они свободно передвигались по улицам всех городов.

ФРИЦ. Что Вы знали об обращении с ними, об их продовольственном положении и об оплате их труда?

ФРИЧЕ. Сообщения по этому вопросу я получал или, вернее, мои сотрудники получали от учреждений ведомства Заукеля или от Германского трудового фронта. Я помню из этих сообщений, что иностранные рабочие, например, во всех отношениях были приравнены к германским рабочим. Далее я вспоминаю еще, что в то время было получено сообщение об имевших в начале место худших условиях для восточных рабочих, которые были устранены. Я получал письма радиослушателей, в которых содержались жалобы на то, что иностранные рабочие, якобы, находят-

H1208 - 0349

ся в лучших условиях, чем германские рабочие, и я также помню распоряжение о том, что иностранные рабочие могли пересылать свои деньги в валюте на родину. Часто я беседовал с иностранными рабочими, и я никогда не слышал никаких серьезных жалоб. Наоборот, я, в силу своей профессии и занимаемой должности в министерстве пропаганды, очень часто слышал даже о культурном обслуживании иностранных рабочих. Заукель или представитель Германского трудового фронта, я сейчас уже не помню, часто просили меня организовать для той или иной группы иностранных рабочих передачи по радио, а также о предоставлении им радиоприемников для лагерей, в которых содержались иностранные рабочие, и т.п.

ФРИЦ. Знали ли Вы, что большинство из них прибыло не добровольно?

ФРИЧЕ. Как раз этого я не знал. Здесь, на процессе, было упомянуто, что Заукель на каком-то заседании однажды выступил с заявлением по этому вопросу, сказав при этом, что только очень незначительная доля прибыла добровольно. Этого мне не было известно. Я слышал следующие жалобы: Во-первых, что давалось слишком много обещаний при вербовке иностранных рабочих. Обещания эти потом не могли быть сдержаны. Я протестовал против этого, в интересах своей же пропаганды, когда я об этом услышал в отделе пропаганды моего министерства. Затем я вспоминаю, что ко мне поступили жалобы из Польши о том, что польские рабочие переманивались отдельными предпринимателями или учреждениями.

ФРИЦ. Заукель показал, что он в этом отношении сотрудничал с министерством пропаганды и что он сам неоднократно вел переговоры. Вы принимали участие в таких переговорах?

ФРИЧЕ. Нет, в таких переговорах я не принимал участия.

H1208 – 0350

H1208 - 0351

Мне казалось, что я с Заукелем познакомился только здесь. Он напомнил мне о встрече у доктора Геббельса весной 1944 года, на приеме...

ФРИЦ. Скажите, имели ли Вы какое-нибудь отношение к вербовке иностранных рабочих в оккупированных областях?

ФРИЧЕ. Нет.

ФРИЦ. Какое отношение имели Вы вообще к пропаганде, которая велась в оккупированных областях?

ФРИЧЕ. Этой пропагандой в оккупированных областях я не ведал, так же, как и ее секторами - радио и прессой. Этой пропагандой ведал тогда соответствующий рейхскомиссар генерал-губернатор или командующий войсками. Во всяком случае я пытался оказывать влияние на эту пропаганду в этих оккупированных областях, причем неоднократно, тогда, когда эта пропаганда в оккупированных областях оказывалась в явном противоречии с теми директивами, которые существовали в империи. Я обычно устанавливал наличие такого противоречия по отзывам иностранной прессы. Я помню об одном случае, который обратил на себя особенное внимание. Во время выступления по германскому радио в Париже некий Фридрих выступил с нападками на Папу, я приказал тогда сместить этого Фридриха. Для этого моего влияния было достаточно. Доктор Геббельс оказывал гораздо большее влияние на проводимую в оккупированных областях пропаганду через свое управление, которое вело пропаганду заграницей, или через отдел иностранной прессы или через своих связных офицеров, которые осуществляли связь с ОКВ.

ФРИЦ. Организовывали ли Вы передачи в оккупированных областях?

ФРИЧЕ. Да. Эти передачи были двух видов. Во-первых, во время оккупации. Несмотря на то, что парижское радио находилось под германским влиянием, я сохранил германские передачи на французском языке по штуттгартскому радио. Этим самым я хотел ясно показать, что оккупация является временным состоянием, ненормальным состоянием. То, что происходит во время оккупации, не имеет ничего общего, допустим, с франко-германскими беседами, которые передавались по радио обеими странами. Во-вторых, германские радиопередачи на португальском и испанских языках всегда осуществлялись через три радиостанции южной Франции, так как они были лучше слышны на Пиринейском полуострове. Основанием для этого послужил договор с представителями этих радиостанций, на основании которого станции получали обычную оплату. Переговоры, в связи с заключением этого договора велись через министерство иностранных дел.

ФРИЦ. Сейчас я перехожу к другой теме. Вам инкриминируется, что Вы делали антисемитские высказывания. Вы были антисемитом? В какой форме Вы принимали участие в антисемитской пропаганде?

ФРИЧЕ. Я не был антисемитом, в духе погромного антисемитизма. Обвинение утверждает, что все подсудимые, т.е. в том числе и я, восклицали: "Германия, восстань от сна! Иуда подохни". Я заявляю, под присягой, что я никогда не делал таких или подобных заявлений. Я не был антисемитом в духе радикальных теорий или методов Юлиуса Штрейхера и Теодора Фрича. Обвинение утверждает, что даже подсудимый Штрейхер, который был злейшим врагом евреев, всех времен, не мог превзойти Фриче в отношении клеветы на евреев. Я протестую против этого и мне кажется, что я не заслужил такого обвинения.

H1208 – 0352

H1208 – 0353

Никогда я не занимался пропагандой в связи с ритуальными убийствами, "Кабалой" или т.н. тайнами мудрецов Слоно, я считал их во все периоды своей жизни фальшивками весьма примитивной пропаганды. Из чисто человеческих соображений мне очень жаль, что я должен дать показания еще по одному вопросу, но в интересах установления истины я все-таки не должен молчать:

Я и мои сотрудники в печати и по радио, все без исключения, самым отрицательным образом относились к "Штюрмеру". Я сам в течение 13 лет передач регулярних обзоров прессы никогда не цитировал его. Он также вообще не цитировался в германской прессе. Во время ~~этой~~ моей деятельности редакторы этой газеты не входили в профессиональную организацию немецких журналистов. Его издатели не входили в период моей деятельности в профессиональную организацию издателей. Как обстояло дело позднее – я не знаю. Как я уже заявил в своем письменном показании, я дважды пытался добиться запрета "Штюрмера", но мне это не удавалось. Мне предложили быть цензом этого журнала, я отказался. Я хотел запретить издание "Штюрмера" не только потому, что перепечатка любой страницы "Штюрмера" представляла собой самую эффективную антинемецкую пропаганду, которую вообще можно себе представить. Я хотел запретить издание "Штюрмера" просто по соображениям хорошего вкуса. Я хотел запретить его как источник всяких крайних воззрений, против которых я боролся во всех областях.

Великая тайна упомянутого в этом зале внезапного увеличения "Штюрмера", а именно после 1933 г., до полмиллиона, – эта тайна относится к той же области, что и тайна неожиданного роста таких организаций, как, например, СА.

Партия в 1933 г. прекратила прием новых членов. Бесконечное количество людей стремилось установить какой-то более или менее близкий контакт с партией. Если им этого не удавалось, то они пытались установить такой контакт с одной из ее организаций, например, с СА, или они старались показать себя родственными идеям национал-социализма путем выписывания "Штюрмера" и вывешивания его. Таким образом, в том смысле, как Вы это говорите, я не был антисемитом.

Напротив, я был антисемитом в следующем смысле: я хотел ограничения исключительного влияния евреев на германскую политику, экономику и культуру после первой мировой войны; ограничения до такой степени, чтобы это влияние соответствовало численному соотношению между евреями и германским населением. Я очень часто и публично высказывал свою точку зрения по этому вопросу, но я никогда не занимался систематической широкой пропагандой в этой области. Антисемитские высказывания, которые вменяются мне здесь в вину Обвинением, были сделаны в совершенно иной связи.

Я хотел бы упомянуть здесь о следующем факте. После начала войны очень часто я указывал на то, что эмигранты - евреи сразу же после 1933 г. первые подчеркивали, что война против нацистской Германии является необходимой, так, например, Эмиль Людвиг или Георг Бернгард, или газета "Паризер тагеблатт". Вот был единственный случай, когда я выступал с какими-либо антисемитскими заявлениями.

Я не могу ограничиться только этим. Я позволю себе еще сказать следующее. Лишь на этом процессе я узнал, что осенью 1939 г. речь шла о большем, чем об одном городе или одной дороге через коридор, и что, по крайней мере, в это время уже был

14513

H1208 - 0354

H1208 – 0355

подготовлен новый раздел Польши. Я лишь здесь, на процессе, узнал, что те предостережения, которые делались евреями в отношении Гиммлера, он ужаснейшим образом подтвердил, издав приказ о массовых убийствах. Если бы я знал об этом еще в то время, я обрисовал бы роль еврейской пропаганды перед войной несколько иначе.

ФРИЦ. Господин председатель, в этой связи я хотел бы сослаться на уже пред"явленный документ "Фриче – 2". Это-письменное показание доктора Шарпинга, которое находится на страницах 9–11. Этот документ находится во второй книге документов. Я не знаю, имеется ли в распоряжении Высокого суда в настоящий момент эта книга документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, д-р Фриц.

ФРИЦ. Это – страницы 9–11. Я хотел бы лишь обратить Ваше внимание на содержание этого документа.

Обвинение цитировало отрывок из книги Мюллера о министерстве пропаганды. Согласно утверждениям автора, министерство имело также, своей задачей пропаганду по еврейскому вопросу. По утверждению обвинения дело обстояло так, что Вам лично была поручена эта задача. Правильно ли это?

ФРИЧЕ. Нет. Отдел, который занимался еврейским вопросом, входил в состав отдела пропаганды, который, в отличие от других специальных отделов или отделов управления, занимался активной пропагандой. Я никогда не руководил этим отделом пропаганды.

ФРИЦ. Я хотел бы Вам задать сейчас еще один дополнительный вопрос. Подсудимый Штрейхер 29 апреля показал, что министерство пропаганды издавало бюллетень "Национал-социалистская корреспонденция", который посылался также в редакцию "Штюрмера", причем в каждом его номере помещалось несколько антисемитских статей. Правильно ли это?

ФРИЧЕ. Нет. "Национал-социалистская корреспонденция" издавалась не министерством пропаганды, а имперским управлением прессы национал-социалистской партии. У меня, однако, не было впечатления, будто бы истинное направление "Штюрмера" определялось тем направлением, которое имел этот бюллетень "Национал-социалистская корреспонденция". Возможно, что "Штюрмер" опубликовал ту или иную статью из этого бюллетеня.

ФРИЦ. Обвинение цитировало выдержку из Вашего доклада по радио от 18 декабря 1941 г. Эта речь помещена полностью в моей первой книге документов, страницы 26-31. Вы говорите здесь, что судьба евреев в Европе оказалась весьма неблагоприятной и что эта судьба, возможно, будет аналогичной и в Новом свете. Обвинение придерживается этой точки зрения, что это Ваше высказывание является провозглашением нового этапа в преследовании евреев. Что Вы можете сказать по этому поводу?

ФРИЧЕ. В этой цитате, которую Вы упомянули, я говорил о неблагоприятной судьбе евреев в Европе. После того, что мы знаем, это должно выглядеть так, будто бы я подразумевал здесь убийство евреев. Но я хочу здесь заявить следующее:

Я не знал тогда вообще о самом факте убийства евреев и не мог иметь его в виду. Я также не имел в виду эвакуации, так как она также была проведена, по крайней мере, в Берлине, только через год или два года. Я подразумевал лишь отстранение евреев от участия в экономической и политической жизни страны. Как раз об этом и свидетельствуют слова, которые я употребил, а именно: "неблагоприятная судьба", так как иначе нельзя об"яснить ту легкость, с которой я их произнес. Сейчас следует поставить вопрос, почему я говорил об евреях в Америке в этой связи?

Процитированное Обвинением предложение неразрывно связано

H1208 – 0356

H1208 – 0357

с сообщениями, которые последовали непосредственно перед этим сообщением, о том, что еврейский Национальный Совет послал послание президенту Рузвельту, в котором высказывались пожелания относительно вступления в войну с Германией. Большая часть этого моего доклада, примерно 9/10, разбирает вопрос о деятельности комиссии по расследованию, которая была создана в США для расследования причин событий в Пирл-Харборе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Здесь очень много страниц.

ФРИЦ. Это - первая книга документов, г-н председатель, страницы 26-32 включительно. ~~Да, я хотел лишь знать, ссылаетесь~~

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, я хотел лишь знать, ссылаетесь ли Вы в первую очередь на стр.31?

ФРИЦ. Сейчас подсудимый говорит о всем содержании этой речи. Обвинение же цитировало здесь лишь самый последний абзац этой речи.

Пожалуйста, продолжайте, г-н Фриче.

ФРИЧЕ. Я в этом докладе в политическом духе давал советы: не только расследовать вопрос о том, были ли достаточно внимательны сторожевые корабли американского морского флота; я также дал совет расследовать американскую политику под тем углом зрения, не был ли кто-нибудь заинтересован в развязывании войны. Я также напомнил о том, что Комиссия по расследованию американского сената 20 лет после первой мировой войны расследовала причины вступления США в войну в 1917 г.

Я сказал дословно: "Это сенатская комиссия выяснила, что Вильсон вступил в войну, как известно, явившись жертвой некоторых поджигателей войны".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Имеется в виду американская комиссия по расследованию причин вступления в прошлую войну? Не касается ли свидетель слишком отдаленных событий?

ФРИЦ. Г-н председатель, мне кажется, что подсудимый может прекратить свои высказывания, но он этим хочет сказать, что последний абзац, который приводился здесь Обвинением, был вырван из общего контекста. Вот это все, что он хотел доказать.

Обвинение использовало еще одно место из Вашей речи по радио от 18 марта 1941 г. Обвинение утверждает, что эта речь также являлась призывом к преследованию евреев. Кроме того, оно утверждает, что это является доказательством Вашей пропаганды по вопросу о "расе господ".

Г-н председатель, эта речь от 18 марта 1941 г. находится в моей первой книге документов на страницах 2-й по 7-ю включительно.

Обвинение здесь также цитировало лишь один абзац из этой речи. Что Вы скажете по этому поводу?

ФРИЧЕ. Я прошу вас только прочитать эту цитату внимательно еще раз, тогда станет ясно, что я был совершенно согласен с заявлением г-на Рузвельта о том, что не существует расы господ. Я одобрил правильность этого высказывания не только по отношению к немцам, но и по отношению к евреям. Обвинение сделало следующий вывод из этого предложения, - что это высказывание явилось обоснованием преследования евреев в прошлом и провозглашением усиления преследования в будущем. Я не понимаю, как можно было сделать такой вывод, и считаю его необоснованным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В нашей копии документа нет даты в начале 2-й страницы первого тома Вашей первой книги документов. Да, я нашел это в указателе. Какую страницу этой выдержки цитирует обвинение?

ФРИЦ. На стр.5 внизу, § 5, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, хорошо.

H1208 – 0358

H1208 – 0359

ФРИЦ. Эта цитата начинается следующими словами: "Н венцом..." и т.д. Это цитата, которую приводило здесь Обвинение.

В качестве третьей цитаты Обвинение приводило здесь выдержку из Вашей речи от 9 октября 1941 г.

Г-н председатель, она находится в первой книге документов, на страницах с 20 по 25 включительно. Здесь речь помещена полностью.

Обвинение также цитировало из этой речи только один абзац. В этом абзаце Вы, г-н Фриче, говорите о новой волне большевистско-демократической еврейской травли в международном масштабе. Что Вы скажете по этому поводу?

ФРИЧЕ. Я скажу лишь немногое. Эта речь была произнесена в те дни осенью 1941 года, когда руководитель имперской прессы заявил, что победа Германии на Востоке является уже решенным делом. Я предостерегал всю германскую прессу, что не следовало дословно подхватывать этот лозунг; я не верил в это, якобы, уже решенное дело. Я предложил всем германским газетам писать о том, что война будет еще продолжаться. В этой речи я также хотел ослабить действие официального сообщения о победе; поэтому я, очевидно, впервые в Германии упомянул три фактора, которые в последующее время действительно определили исход войны на Востоке не в пользу Германии: первый фактор - партизанская война; второй фактор - международная военная помощь; третий фактор - пропаганда.

Только эту последнюю часть Обвинение здесь цитировало. Она соответствовала, как я уже об этом подробно говорил, тогдашним моим знаниям и взглядам по этому вопросу.

ФРИЦ. В качестве следующей цитаты обвинение пред"являло выдержку из Вашей речи от 8 января 1944 года.

Господин председатель,-это седьмая речь из моей книги документов. Она помещена полностью на страницах 40-45.

В этой речи, господин Фриче, Вы говорите, что войну развязала не какая-либо новая форма правления или форма социализма, а что подстрекателями этой войны явились евреи и плутократы. Что побудило Вас сделать такое заявление?

ФРИЧЕ. В качестве обоснования такого заявления я хотел бы и здесь сослаться на все то, что я уже сказал. Я, кроме того, хочу еще раз подчеркнуть, что это очень тяжелое обвинение, я взял не с потолка или только для того, чтобы подстрекать или травить кого-нибудь. Об этом ясно говорит все содержание моей речи.

Если мне позволят, я хотел бы здесь кратко описать обстоятельства, которые побудили меня произнести эту речь. Темой этой речи послужили существовавшие тогда разногласия во мнениях между польским эмигрантским правительством в Лондоне и советским правительством в Москве. Разногласия касались каких-то территориальных требований. Я цитировал тогда дословно лондонский "Таймс". Он писал, что требования России о передаче ей польских областей являются лишь очень скромной и небольшой ценой за полную и надежную гарантию Польше со стороны Советского Союза. Это заявление лондонского "Таймс" я использовал, я должен сказать, естественно, для полемики. Я заявил: "Если бы "Таймс" писал таким образом, в августе 1939 г., что, якобы, речь идет лишь об одном городе или одном шоссе, то дело не дошло бы до войны".

14519

H1208 – 0360

H1208 - 0361

Сейчас я хотел бы также констатировать, что все эти цитаты содержат почти исключительно комбинации понятий: еврей, плутократы и большевики. Таким образом, здесь на первом плане стоит не расовый вопрос, а идеологическая борьба, так,как я воспринимал ее во время этой войны.

ФРИЦ. В качестве следующей, четвертой, цитаты. Обвинение пред"явило несколько выдержек из Вашей речи от 18 января 1945 года.

Г-н председатель, полный текст этой речи находится на страницах 46-51 первой книги документов.

Обвинение цитировало здесь только два абзаца. Эти абзацы находятся на странице 50 моей книги документов,—это первый второй абзац. В этой цитате Вы утверждаете о существовании еврейского влияния на британскую политику. Что послужило причиной таких Ваших заявлений?

ФРИЧЕ. Обвинение считало, что на основании этой цитаты оно может утверждать, что это является началом новых преследований евреев и фактического их уничтожения. Такой вывод лишен всякого основания, его нельзя сделать ни на основании текста, ни по смыслу этой цитаты.

Я не собираюсь описывать всех обстоятельств, которые привели к таким заявлениям. Даже вкратце я не собираюсь этого делать, поскольку это вытекает из общего контекста моей речи. Во всяком случае, я не могу понять, в чем Обвинение усматривает призыв к уничтожению евреев.

ФРИЦ. Вам в рамках общих преступлений против человечности инкриминируется оклеветание евреев, ведущее к их травле. Логическим результатом этого являются, якобы, дальнейшие акты по преследованию евреев. Я должен Вас

спросить относительно убийства евреев. Знали ли Вы о приказе Гитлера, о котором говорил в своих показаниях свидетель Хесс, согласно которому евреи должны были быть убиты?

ФРИЧЕ. Я здесь под присягой заявляю, что я не знал об этом приказе. Если бы я знал об этом приказе, я не стал бы следовать за этим человеком ни одного часа далее. Я кроме того утверждаю, что этот приказ, как и все эти мероприятия вообще, с особой тщательностью скрывался от моих сотрудников, так как однажды я чуть не узнал о проведении таких мероприятий.

ФРИЦ. Скажите, получали ли Вы когда-нибудь сведения об убийствах большого количества невинных людей?

ФРИЧЕ. Да, в феврале и марте 1942 г. я получил письмо от одного из средних чинов СС, который находился на Украине. Фамилии его я не помню. Автор этого письма был командиром одного из подразделений СС. В письме говорилось, что он получил приказ об убийстве евреев и украинской интеллигенции, проживавших в его округе. После получения этого письма с ним произошло нервное потрясение и он находится в настоящее время в госпитале. Подавать жалобу по команде ему кажется невозможным; лично меня он не знает, однако, он доверяет мне и просит меня помочь ему. Он просил меня не называть его фамилии, так как он может поплатиться жизнью за то, что он не держал этого в секрете.

Я без долгих размышлений после получения этого письма сразу же протелефонировал Гейдриху, обергруппенфюреру СС, который тогда был начальником Главного имперского управле-

H1208 – 0362

H1208 – 0363

ния госбезопасности или гестапо. Я лично тогда почти не был с ним знаком, но он сразу же из"явил готовность принять меня. Я прибыл к нему и изложил без всяких прикрас обстоятельства данного дела. Я спросил его, неужели его СС существуют для того, чтобы совершать массовые убийства?

Гейдрих изобразил на лице возмущение и заявил, что он направил небольшие и крупные отряды СС для проведения полицейских мероприятий по охране в распоряжение различных имперских комиссаров и министерств и т.д. Эти команды неоднократно уже использовались не по назначению, может быть, и в данном случае мы имеем место с подобным случаем, с командой, которая была направлена в распоряжение гаулейтера Коха. Он сказал, что он сейчас же займется расследованием этого вопроса.

В середине следующего дня Гейдрих позвонил мне, как он сказал, из главной ставки и сообщил, что действительно была попытка провести эту акцию, причем по приказу Коха. Кох, со своей стороны, ссылался на указания фюрера. Последний же еще не высказал свое мнение. Гейдрих обещал мне сообщить в дальнейшем результаты расследования.

Два дня спустя, Гейдрих попросил меня зайти к нему. Во время этого визита он сказал мне: "Гитлер заявил мне совершенно определенно, что он не издавал такого приказа. Кох утверждает, что здесь возникло какое-то недоразумение и что началось расследование всего этого дела против Коха." Во всяком случае, в то время Гейдрих заявил мне, что эта акция не будет проведена. Я, в частности, помню, особенно хорошо одну его фразу, а именно я имею ввиду заявление Гейдриха: "Поверьте мне, господин Фриче, тот, о ком уже созда-

лась репутация, как о человеке, который совершает злодеяния, - тот не должен быть таким, тот не должен поступать злодейски. Он должен действовать гуманно".

Вскоре после этого я стал солдатом, попросил командировать меня в 6 армию и поехал на Украину.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуту. Я не понял последнего предложения, сказанного подсудимым. Гейдрих сказал: "Поверьте мне, господин Фриче,.." и затем...

ФРИЧЕ. Я позволю себе повторить: "С ком уже создалась репутация, как о человеке, который совершает злодеяния, тот не должен поступать злодейски. Он должен действовать гуманно".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, но после этого он говорил о том, как попал в 6-ю армию.

ФРИЦ. После этого он заявил, г-н председатель, что, спустя короткое время после этой встречи с Гейдрихом, он сам стал солдатом и просил откомандировать его в 6-ю армию, которая тогда находилась в Украине.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда ~~это~~ произошел этот инцидент?

ФРИЧЕ. Февраль - март 1942 года.

ФРИЦ. Скажите, не пытались ли Вы, когда Вы были уже на Украине, в качестве солдата, проверить достоверность данных Гейдриха?

ФРИЧЕ. У меня не было на это никаких официальных полномочий. Но я, будучи старым журналистом, само собой разумеется, производил эту проверку на свой страх и риск.

Вначале я ~~этого~~ сделал в Киеве на местной немецкой радиостанции; мне там заявили, что действительно там имели несколько раз место расстрелы после взрыва нескольких

14523

H1208 - 0364

H1208 – 0365

домов в Киеве, когда было убито большое количество германских солдат. Но эти расстрелы были произведены после вынесения приговора военно-полевым судом.

Затем ~~я~~ за три дня я об"ездил вдоль и поперек всю Украину между Киевом и Полтавой. Очень часто я ездил один. Я увидел, что население жило мирно, никаких признаков террора я не мог наблюдать. Меня всюду, между прочим, очень хорошо принимали.

В Полтаве я беседовал с офицерами и солдатами. Мне снова сказали - да, в Харькове военно-полевыми судами были вынесены отдельные приговоры о расстрелах. Эти приговоры были вынесены за диверсионные акты.

Там же, в Харькове, я посетил местную команду СС и беседовал с ее командиром-штурмфюрером Рекслах. Он оспаривал, что такие расстрелы имели место. Он показал мне тюрьму, где содержалось, примерно, 50 человек, не больше. Я спросил о лагерях, он сказал, что таковые не существуют.

После этого я посетил одну украинскую семью. Затем в Белграде я спросил об этом одного немецкого уполномоченного по сельскому хозяйству. Мне отвечали всегда одно и то же, - что таких расстрелов не было. После этого я мог с уверенностью предположить, что то, о чем мне было сообщено в письме, было попыткой провести такие мероприятия, но что эти мероприятия проведены не были.

ФРИЦ. Скажите, не имели ли Вы подозрений еще до получения письма этого фюрера СС на Украине, например, на основании радиопередач союзников, которые были ведь Вам доступны?

ФРИЧЕ. Да, я имел возможность ~~заниматься~~ знакомиться с этими сообщениями. Я приказал ~~вбритить~~ отбирать все сообщения

о злодеяниях из огромных пакетов с ежедневными записями радиопередач противника. Затем я давал распоряжения о проверке этих сообщений.

ФРИЦ. Кто проверял эти сообщения?

ФРИЧЕ. Референт, который занимался этим вопросом, старший правительственный советник Кербер, начальник отдела "Срочных сообщений" в управлении прессы, или один из его сотрудников, или я лично.

ФРИЦ. Кому делались запросы?

ФРИЧЕ. Мы запрашивали Главное имперское управление безопасности, так как в большинстве случаев в таких сообщениях упоминалось, что убийцами во время этих злодеяний являлись как раз сотрудники СС или гестапо.

ФРИЦ. Скажите, кому из многочисленных отделов этого Управления посылались запросы?

ФРИЧЕ. Запросы посылались отдельным референтам, и я не сомневаюсь в том, что запрашивали как раз упомянутого здесь на процессе некоего Эйхмана. Обычно посылали запрос штурмбанфюреру Шпенглеру или его заместителю-фон Кильпинскому; оба работали в отделе, начальником которого в то время или, кажется, позднее был Олендорф, который выступал здесь в качестве свидетеля. Часто мы также запрашивали местные органы Главного имперского управления безопасности, так называемые отделы государственной полиции, если сообщения поступали с мест.

ФРИЦ. Какие ответы Вы тогда получали на эти запросы?

ФРИЧЕ. Мы всегда получали ответ, что это сообщение неверно или что это выдумка, или что это сообщение имеет под собой такую-то и такую-то почву. Часто нам сообщались

H1208 – 0366

H1208 - 0367

цифры и детали, которые обезоруживали нас.

ФРИЦ. Существовали ли какие-либо записи об этом?

ФРИЧЕ. Да. Важнейшие из этих запросов и ответов обычно записывались, частично даже размножались и посылались различным учреждениям, как в самом министерстве пропаганды, так и другим учреждениям. Весь этот материал собирался в архиве отдела "Срочных сообщений". Я истребовал этот архив в качестве документального доказательства, он был допущен, но не был обнаружен.

ФРИЦ. Скажите, Вы тогда просто поверили в правильность этих ответов?

ФРИЧЕ. Да, я верил им, так как это были сведения, которые давали нам, в конце-концов, официальные инстанции. Кроме того, я неоднократно убеждался в том, что подобные сведения от этой инстанции оказывались правильными.

Я хотел бы привести один пример. Первым мероприятием в области пропаганды во время войны было пришедшее из Варшавы сообщение о разрушении иконы "Черной богоматери" в Ченстохове. Это сообщение распространилось по всему миру. Мы пригласили немецких и иностранных журналистов в Ченстохов и они могли убедиться, что это сообщение было ложным. Но здесь я должен быть совершенно честным и должен заявить, что в связи с этим вопросом моего защитника, я, собственно говоря, должен был привести другой пример, другое сообщение, к которому самым неожиданным для меня образом 2 или 3 дня тому назад в этом зале суда был дописан эпилог. Английская газата "Ньюс Кроникл" 24 сентября 1939 г. поместила сообщение о том, что немецкие...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какова доказательная ценность газеты

"Ньюс Кроникл" за 1939 г.?

ФРИЦ. Подсудимый намеревается доказать суду, что он должен был констатировать тот факт, что многие заграничные сообщения о германских зверствах были действительно ложными.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нас не интересуют подробности по этому поводу. Несомненно, неоднократно приводились сообщения, которые не были точными. Мы не желаем, чтобы Вы входили в детали этого вопроса.

ФРИЧЕ. Я хотел бы здесь доказать лишь на примере одного сообщения, как в то время опровергались факты, в которые верил мир, и затем под маской опровержения, незаметно для немецкой общественности, все же что-либо происходило, как, например, большая волна арестов и т.п.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый может указать на факты, но нет необходимости в том, чтобы он касался подробно какого-то определенного номера газеты.

ФРИЦ. Господин Фриче, это было только один раз, когда Вы практически устанавливали недостоверность такого сообщения из-за границы.[2]

ФРИЧЕ. Нет, это происходило довольно часто.

ФРИЦ. Я прошу Вас говорить кратко, г-н Фриче.

ФРИЧЕ. Один из моих сотрудников подобрал однажды материал, озаглавив его "107 лживых сообщений за 8 недель войны". Я хочу в этой связи произнести только одну фразу. Подбор такого рода лживых сообщений противника создавал у меня чувство морального превосходства по отношению к такого рода информации и это чувство было основанием для моей дальнейшей работы, которую нельзя было бы об"яснить без наличия такого чувства.

14527

H1208 - 0368

H1208 – 0369

ФРИЦ. Вам не приходила в голову мысль о том, что такие ложные сообщения могли поступать случайно, как раз только в начале войны?

ФРИЧЕ. Нет, такая мысль мне в голову не приходила, поскольку такие сообщения были вначале весьма часты, и в последующее время я мог наблюдать это, поскольку частично они касались меня самого.

ФРИЦ. Что Вы имеете этим в виду? Скажите в двух словах, как это следует понимать?

ФРИЧЕ. Я назову лишь одно из многих утверждений. В одном из таких сообщений имелось утверждение, что я присвоил 600 тысяч шведских крон.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. К какому вопросу он сейчас перешел? Какую цель он преследует, говоря об этом?

ФРИЦ. Он хочет лишь привести пример ложного сообщения иностранной прессы, причем это сообщение касается его лично. Он будет очень краток.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как я уже сказал, как в иностранной, так и в любой прессе помещается очень много неправильных сообщений. Мы не можем заниматься расследованием подобных вопросов.

ФРИЦ. Хорошо, я перехожу к другому вопросу.

Разве Вы, как опытный специалист в области газетной информации, не считали, что "нет дыма без огня"? Не полагали ли Вы, что хотя бы кое-что из сообщений противника об этих убийствах, происходивших на территории, подвластной германской империи, соответствовало действительности?

ФРИЧЕ. Такого чувства у меня, как у специалиста по информации, как раз не было. Я всегда вспоминал и всегда публично напоминал о ложном сообщении времен первой мировой

войны и я прошу позволить мне сейчас кратко коснуться этого сообщения, потому что оно составляло одну из основ пропаганды, которой я занимался.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нет, я уже указывал на то, что мы признаем существование самых разнообразных ошибок. Мы не хотим вдаваться в излишние подробности по этому вопросу.

ФРИЦ. Я тогда перехожу к следующему вопросу.

Но ведь Вы, очевидно, знали, что евреи вывозились из империи; Вы, очевидно, должны были заметить, что они исчезали с улиц?

ФРИЧЕ. Да, я это замечал, хотя эти события развивались весьма постепенно. Кроме того, я однажды слышал, как доктор Геббельс на совещании министров сказал, что он, как гаулейтер Берлина, выдвинул требование о вывозе евреев.

ФРИЦ. Куда же, по Вашему мнению, направлялись евреи и что Вам говорили по этому поводу?

ФРИЧЕ. Доктор Геббельс говорил о том, что они направляются в отведенные для них районы в Польше. Никогда не высказывалось предположения или мнения, что они направляются в концлагери или что их даже убивали.

ФРИЦ. Вы не наводили справок относительно таких районов, в которые, якобы, направлялись евреи?

ФРИЧЕ. Да, я, конечно, это делал. Я кое-что узнал, например, от одного из своих бывших сотрудников, который затем был переведен в администрацию генерал-губернаторства и стал чем-то вроде оберландрата в районе Бяла-Подлеска. Он сказал мне, что его район стал еврейским районом. Он неоднократно говорил мне о прибытии и о размещении прибывших туда транспортов с евреями, говорил о трудностях, ~~которые~~

H1208 – 0370

H1208 – 0371

которые возникали в связи с этим, и об использовании евреев в качестве ремесленников и на сельскохозяйственных работах. Все его описания были проникнуты духом человечности, и он сказал, что у него евреям живется лучше, чем в империи.

ФРИЦ. Скажите, как фамилия этого человека?

ФРИЧЕ. Оберрегинрунгсрат Губерт Кюль.

ФРИЦ. Скажите, получали ли Вы известия о плохом обращении с эвакуируемыми евреями?

ФРИЧЕ. Да, штурмфюрер Радке - из штаба рейхсфюрера СС- сообщил, примерно, весной 1942 года, что смертность среди евреев в восточных гетто является ненормально высокой, в силу изменения условий жизни; они вместо умственного труда стали заниматься физическим трудом; имелись даже отдельные случаи заболевания сыпным тифом. Кроме того, д-р Таубер, руководитель отдела по делам евреев в Управлении пропаганды, сообщил мне, что при занятии Львова и Ковно в 1941 году, если я правильно помню, дело дошло до еврейских погромов, - и что эти погромы были устроены самим местным населением. Он заверил меня одновременно в том, что с германской стороны были приняты меры. Несмотря на это, уже сами сведения о таких фактах заставили меня выступить с самой суровой критикой, хотя уже сегодня эти вещи кажутся не такими значительными по сравнению с тем, что мы знаем теперь. Я выступал с критикой таких действий и я говорил об этом всем своим начальникам, в особенности д-ру Геббельсу, своим сотрудникам, членам партии и сотрудникам гестапо. Я неоднократно указывал на правовую, политическую и моральную необходимость охраны вверенных нам евреев.

ФРИЦ. Слышали ли ~~ли~~ Вы еще что-нибудь о судьбе евреев?

14530

H1208 – 0372

ФРИЧЕ. Ко мне неоднократно обращались сами евреи или их родственники или знакомые этих евреев, в случае какой-либо дискриминации их или арестов; с такими же жалобами ко мне обращались не только евреи, поскольку мое имя было весьма известно общественности. Такие протесты, которые ко мне поступали, я всегда разбирал и пытался оказать помощь. Я сам связывался с большим количеством различных учреждений, как, например, с главным имперским управлением безопасности или с отделом кадров моего министерства, с отдельными гаулейтерами, с отдельными министрами и т.д.

ФРИЦ. Почему Вы обращались в такое большое количество различных инстанций?

ФРИЧЕ. Поскольку таких просьб было много и поскольку мое имя не имело бы веса, если бы я часто обращался к одной и той же инстанции.

ФРИЦ. Скажите, иногда Вы отклоняли подобные жалобы?

ФРИЧЕ. Нет, это ни разу не имело места. Это я хочу еще раз подчеркнуть, так как одно письмо, направленное мне в судебную тюрьму, не было вручено мне, а было опубликовано в прессе. В этом письме какая-то госпожа утверждает, что я отклонил ее просьбу о помиловании. Я же помню об этом случае совершенно точно и хотел бы подчеркнуть, что я тогда сам лично обратился с настоятельной просьбой к имперскому министру юстиции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Для подсудимого достаточно сказать, что он не отклонял эту просьбу. Мы не нуждаемся в том, чтобы в качестве примера приводилось чье-то письмо, адресованное ему.

Сколько времени еще займет Ваш допрос, доктор Фриц?

H1208 - 0372

H1208 - 0373

ФРИЦ. Я полагаю, что завтра до обеда я закончу допрос подсудимого фриче.

Господин председатель, я слышал, что сегодня после обеда не будет открытого заседания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

ФРИЦ. В противном случае я, очевидно, закончил бы сегодня допрос. Но я надеюсь, что завтра я закончу допрос подсудимого в качестве свидетеля и допрос свидетеля фон Ширмейстера. Таким образом, я завтра к обеду надеюсь все закончить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал тоже надеется на это, так как я Вам уже указывал. Трибунал не хотел бы, чтобы Вы вдавались в такие мелкие подробности. По мнению Трибунала, Вы слишком вдаетесь в подробности, и мы хотим, чтобы Вы касались этих вопросов лишь в общих чертах.

(Об"является перерыв до 28 июня 1946 г., до 10.00 ч.).

H1208 - 0374

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 28 июня 1946 года

/Утреннее заседание/

Встать! Суд идет!

ФРИЦ. Господин председатель, господа судьи! Подсудимый Фриче вчера в конце заседания говорил о том, как он в пределах своих ограниченных возможностей помогал людям, которые подвергались преследованиям.

Для того, чтобы покончить с этой темой, я, с согласия Обвинения, представляю доказательство "Фриче документ № 6". Это - письменные показания под присягой графа Вестарп от 15 июня 1946 г. Вы найдете эти показания во второй книге документов на страницах 23-25. Я прошу принять к сведению содержание этого документа.

Далее я представляю Трибуналу как доказательство документ № 8. Это также письменные показания под присягой, данные г-жей Крюгер в Берлине. Эти показания еще не находятся в моей книге документов, но подлинник этих показаний представлен г-же Крюгер на английском и немецком языках, причем оба экземпляра заверены нотариусом. Я ссылаюсь на содержание этих показаний и, в особенности, на два последних абзаца. Из предпоследнего абзаца следует, что госпожа Крюгер, кроме этого единичного случая, знает об аналогичной деятельности господина Фриче вообще. Последний абзац особенно интересен, потому, что он касается условий жизни подсудимого Фриче. Я ссылаюсь на содержание этого документа в целом и прошу принять его.

H1208-0374

H1208 – 0375

Наконец, я в связи с этим ссылаюсь на уже неоднократно цитировавшиеся письменные показания под присягой доктора Шарпинга. Это - "Фриче документ № 2", во второй книге документов, страницы 6 - 15. Я, в особенности, ссылаюсь на страницу 13 внизу и страницу 14-ю - наверху.

Господин Фриче, у меня есть еще два общих вопроса по этой теме. Скажите, в последний период войны Вы ничего не пытались узнать об общей судьбе евреев?

ФРИЧЕ. Да. Я воспользовался случаем, о котором я еще буду вкратце говорить позднее. Я спрашивал о евреях сотрудников обергруппенфюрера Глюкса в Ораниенбурге - Заксенхаузене. Ответ был очень кратким.

Было сказано, что евреи находятся под особой защитой рейхсфюрера СС. Он хочет при их помощи провести одну политическую комбинацию. Он рассматривает их как разновидность заложников и хочет, чтобы волос не упал с их головы.

ФРИЦ. На этом процессе многие свидетели Обвинения утверждали, что немецкая общественность знала об этих убийствах.

Я спрашиваю именно Вас, как журналиста, который работал в национал-социалистском государстве: скажите, на основании Ваших наблюдений, как относились широкие массы немецкого народа к евреям? Знал ли народ об убийствах евреев? Пожалуйста, коротко.

ФРИЧЕ. Опуская все то, о чем уже говорилось здесь, на процессе, я хотел бы коснуться только некоторых наблюдений, которые кажутся мне важными. Я не буду касаться периода, наступившего сразу после первой мировой войны, когда известный антисемитизм был популярен в Германии. Я хочу только установить, что в 1933 году во время еврейского бойкота, который был

организован НСДАП, симпатии немецкого народа снова открыто обратились к евреям.

В течение многих лет партия упорно старалась удержать публику от покупки товаров в еврейских магазинах. В конце концов, дошли до угрозы наказанием. Решающим шагом в этой области было издание так называемых "Нюрнбергских законов". Вследствие издания этих законов вопрос о борьбе с евреями впервые был перенесен из области агитации, от которой можно было держаться в стороне, в область государственной политики.

Страх овладел немецким народом, потому что с этих пор раскол проник даже в отдельные семьи. На глазах у всех в то время произошло много человеческих трагедий. И для этих расовых законов находилось только одно об"яснение и оправдание, о котором думали и говорили, - это разделение двух народов, хотя и болезненное, наконец, положит предел дикой и необузданной агитации и принесет с собою умиротворение в той области, в которой до сих пор мира никогда не было. Когда евреев обязали носить звезду и когда им, например, в Берлине запретили сидеть в трамвае, то немецкий народ демонстративно стал защищать евреев, и постоянно имели место случаи, когда немцы демонстративно уступали евреям место в трамвае.

Я неоднократно слышал высказывания доктора Геббельса по этому поводу, он был очень огорчен таким нежелательным действием распоряжения о ношении евреями отличительного знака. Я, как журналист, работавший в то время, твердо уверен в том, что немецкий народ, чтобы ни говорилось, не знал о массовых убийствах евреев. Все, что узнавали об этом, было только слухами, а все то, что проникало извне, - все время официально опровергалось. Я не могу по памяти процитировать отдельные опровержения, так как у меня нет документов, но один случай особенно

14535

H1208 - 0376

H1208 – 0377

запечатлелся в моей памяти. Это был тот момент, когда после вторичного занятия русскими Харькова, они устроили там процесс, во время которого впервые было сказано об убийстве газом. Я кинулся с этими сообщениями к доктору Геббельсу и спросил его, что же было на самом деле? Он заявил, что расследует это дело, обсудит его с Гиммлером и Гитлером. На следующий день он представил мне опровержение, но это опровержение не было издано официально на том основании, что на немецком процессе, который должен быть организован немцами, все установленные факты будут выявлены еще отчетливее. Однако д-р Геббельс совершенно категорически заявил мне, что те душегубки, которые упоминались на русском процессе, являются просто порождением фантазии, не основанной ни на каких фактах. Недаром всем, кто участвовал в этих убийствах, было строжайше приказано молчать. Если бы немецкий народ узнал об этих массовых убийствах, он, несомненно, отвернулся бы от Гитлера. Может быть за победу он пожертвовал бы 5 миллионами убитых на войне, но он бы никогда не купил свою победу ценой убийства 5-ти миллионов евреев. Мне кажется, что приказ об убийствах, данный Гитлером, кладет конец всякой расовой теории, всякой расовой философии и расовой пропаганде, потому что после этой катастрофы всякое дальнейшее проведение расового учения означало бы моральную ответственность за новые убийства. Идеология, во имя которой истреблены пять миллионов человек - не может существовать долее.

ФРИЦ. Я перехожу к новой теме. Вам пред'явлено обвинение в том, что Вы призывали к зверствам и что результаты Вашей пропаганды распространялись на все стороны заговора, включая анормальные и бесчеловечные действия. Таким образом, я должен

задать Вам вопрос по теме о концлагерях. Скажите, Вы знали о существовании концлагерей?

ФРИЧЕ. Да, тот факт, что они были созданы, был обнародован в печати, я думаю, в 1933 году и затем концлагери неоднократно упоминались в официальных сообщениях.

ФРИЦ. В чем Вы тогда усматривали задачу этих лагерей?

ФРИЧЕ. Насколько я помню, было сообщено, что в эти лагери должны были направляться те, которые не прекращали активной деятельности против нового государства. Существование этих лагерей об'яснялось ненормальным внутриполитическим положением, - наличием бессильных центральных партийных группировок и двух сильных крайних партий, из которых одна теперь пришла к власти. Существование концлагерей было узаконено. Лишь позднее было сообщено, что в концлагери будут отправляться также преступники-рецидивисты, во избежание совершения ими новых преступлений.

ФРИЦ. Знали ли Вы что-нибудь о количестве концлагерей, созданных за все это время?

ФРИЧЕ. Перед войной я слышал о создании трех лагерей. Во время войны я полагал, что их существует пять или шесть. Для меня явилась большой неожиданностью представленная здесь карта, на которой отмечены многочисленные концлагери.

ФРИЦ. Скажите, а Вы знали о количестве заключенных в этих лагерях?

ФРИЧЕ. Ничего точного. В начале войны иностранные сообщения говорили о миллионах заключенных. Тогда я, вместе с другими журналистами, попросил обергруппенфюрера Гейдриха выступить перед иностранной и внутренней прессой и согласиться на дискуссию. Он сделал это и, насколько я помню, он не назвал

H1208 – 0378

H1208 – 0379

точную цифру заключенных, но сравнивал это количество с числом заключенных, ранее находившихся в тюрьмах и исправительных домах, и это сравнение не вызвало никакой тревоги. Это было зимой 1940 или 1941 года.

ФРИЦ. Вы не сомневались в правильности этих цифр?

ФРИЧЕ: Нет, в то время не сомневался.

ФРИЦ. А Вы знали, каковы были условия в концлагерях? Говорили ли Вы с каким-либо человеком, который был в концлагере?

ФРИЧЕ: Так точно. Еще в 1933 или 1934 году я говорил с одним журналистом, который несколько недель пробыл в старом лагере Ораниенбурге. Он сообщил, что его самого не мучили, но он видел и слышал, как избивали других и как им нарочно прищемляли пальцы дверями.

ФРИЦ? Ну, что же, Вы приняли это сообщение спокойно и никому об этом не сказали?

ФРИЧЕ. Нет, наоборот, я забил тревогу. Журналист, насколько я помню, его звали Штольценбергом, не пожелал, чтобы его фамилия упоминалась. Я написал три письма: одно доктору Геббельсу, который передал мне, что он рассмотрит это дело. Кроме того, я послал одно письмо Фрику, как министру внутренних дел, и другое - Герингу - прусскому премьер-министру. Из обоих этих ведомств мне позвонили высшие чиновники и заявили, что происходит расследование. Вскоре я услышал, что этот старый лагерь Ораниенбург упразднен и что комендант приговорен к смерти. Сообщение это я получил от некоего господина фон Люцов, референта по вопросам прессы при Дальсе или Дилье, который был в то время начальником государственной полиции.

ФРИЦ. После успеха этого первого протеста, заявленного против жестокого обращения получали ли Вы дальнейшие сообщения о зверствах в концентрационных лагерях?

ФРИЧЕ. Нет, больше я не получал сообщений о зверствах, но я неоднократно направлял запросы отдельным сотрудникам гестапо и в отдел прессы аппарата рейхсфюрера СС. Все опрошенные мною заявили следующее: безобразия имели место только в первое время т.е. в 1933-34 г.г., когда охрана в концлагерях осуществлялась членами СА, которые не имели специальности, т.е. теми членами СА, которые всегда были свободны и находились под рукой; среди них часто встречались люди, которые были весьма далеки от положительного типа. Далее мне было заявлено, что события 30 июня означали некоторую чистку в этом отношении, и что 30 июня привело к устранению тех гауптейтеров и фюреров СА, которые злоупотребляли своей властью. И, наконец, было сказано, что концлагери находятся в ведении СС, туда ~~тогда~~ назначена специальная профессиональная охрана и там имеется специальная администрация, профессиональные чиновники - криминалисты и специальные надзиратели и , таким образом, это дает гарантию против всяких злоупотреблений.

ФРИЦ. Наводили ли Вы справки об отдельных лицах, которые находились в концлагерях?

ФРИЧЕ. Конечно, я наводил справки о таких известных личностях, как священник Нимеллер или Шушниг, а также я узнавал об арестованном личном секретаре Гесса Лейпкине и всегда я получал успокоительные сообщения.

ФРИЦ. Хорошо, но возможно, что это исключения, т.к. это были выдающиеся и известные лица. Вы не пытались поговорить с другими людьми, вернувшимися из концентрационного лагеря?

14539

H1208 - 0380

H1208 – 0381

ФРИЧЕ. Да, в апреле 1942 года я встретился с бывшим работником коммунистической партии по имени Рейнтген. Я с ним полгода служил вместе в армии и поэтому он со мной говорил совершенно откровенно. Он рассказал, что в 1933 году его били по спине, а позднее его уже больше не били. Это совпадало с моими наблюдениями.

ФРИЦ. А вы сами посещали концлагери?

ФРИЧЕ. Нет, я никогда не был на территории концлагеря, но зимой 1944-45 годов я неоднократно был в здании управления лагерей вблизи Ораниенбурга - Заксенхаузен. Кроме того, как только мне представлялась возможность, я беседовал с заключенными, когда я встречал их на переходах или же где-нибудь за работой.

ФРИЦ. С кем же Вы говорили в Ораниенбурге?

ФРИЧЕ. Я говорил с сотрудником обергруппенфюрера Глюкса и дважды я говорил с ним самим. Они говорили, что иностранные сообщения о бесчеловечном обращении являются ложными. Обращаются с заключенными не только человечно, но даже хорошо, так как заключенные являются ценной рабочей силой. Я более подробно остановился на продолжительности рабочего дня, ввиду того, что как раз в то время был издан довольно безрассудный указ об общем удлинении рабочего дня. Позиция Глюкса была очень разумной, он считал, что увеличение рабочего дня не означает увеличения производительности труда. Поэтому он считает, что следует придерживаться восьмичасового или десятичасового рабочего дня.

Об уничтожении людей путем работы он ничего не говорил. Об этом я услышал впервые в зале Суда.

ФРИЦ. А как обстояло дело с вопросами, с которыми Вы обращались к самим заключенным?

ФРИЧЕ. Во-первых, при этих разговорах всегда присутствовал охранник, кроме того, заключенные проявляли очень большое недоверие; но, в конце концов, на мои деловые вопросы я получал деловые ответы. Содержание их в общих чертах всегда сводилось к тому, что арест их несправедлив. Правда, их кормят лучше, чем в тюрьме. Часто я слышал, такую фразу: "По крайней мере, мы не солдаты". Охранники всегда были вооружены лишь револьверами или винтовками, но я не видел каких-либо предметов, которыми можно было бы избивать людей.

ФРИЦ. Не возникало ли у Вас сомнений относительно концентрационных лагерей на основании сообщений по радио из-за границы?

ФРИЧЕ. Долгое время - нет, и именно по причинам, которые я вчера здесь уже освещал. Только в апреле 1945 года поступили к нам отчеты английских парламентеров о Бухенвальде. Но этот случай произошел так поздно, что в интересах экономии времени, мне кажется, не следует останавливаться на том, как это было воспринято в министерстве пропаганды.

ФРИЦ. Как Вы об"ясняете себе тот факт, что несомненно, все же в концентрационных лагерях совершались преступления и самые ужасные зверства.

ФРИЧЕ. Это ужасная загадка, перед которой я стою с тех пор, как, находясь в плену, впервые услышал достоверные сообщения об этом. Обнаружившееся ужасное положение лишь отчасти может быть об"яснено разрухой транспорта в конце войны. Всего остального более, чем достаточно. Очевидно те, кто занимались выполнением тайного приказа о массовом уничтожении людей, дошли до невероятного ожесточения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал не знает, представляют ли собой эти об"яснения какую-либо доказательную ценность. Этот вопрос был здесь уже полностью освещен. Подсудимый об"яснил (нам) по каким

H1208 – 0382

H1208 – 0383

причинам ему не было известно обо всех этих фактах.

ФРИЦ. Господин председатель, у меня осталось к подсудимому только два вопроса.

Господин Фриче, здесь говорилось, что положение в концентрационных лагерях было, в общем, известно немецкому народу. Выскажите нам, как журналист, Вашу обоснованную точку зрения по этому вопросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разве подсудимый еще не дал показания по этому поводу?

ФРИЦ. Простите, господин председатель, он говорил здесь относительно этого, освещая вопрос об уничтожении и о зверствах над евреями, а я спросил его...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы сейчас спрашиваете о том, какого он придерживался мнения в этом вопросе, как журналист. Я не думаю, чтобы эта сторона вопроса представляла для нас какой-либо интерес.

ФРИЦ. Я был бы благодарен, господин председатель, если бы Вы разрешили мне задать этот предпоследний вопрос. Я надеюсь, что ответ подсудимого поможет Трибуналу найти нужное решение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. По какому вопросу Вы хотите услышать его мнение, как журналиста?

ФРИЦ. Подсудимый Фриче хочет передать некоторые высказывания, например, доктора Геббельса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо. Вы можете задать этот вопрос.

ФРИЦ. Вы поняли этот вопрос?

ФРИЧЕ. Я думаю, что здесь имеет место некоторое недоразумение. Я хочу привести высказывания доктора Геббельса не по этому вопросу, а по последнему вопросу, который, мне кажется, более важен, чем этот предпоследний вопрос.

ФРИЦ. Я все-же прошу Вас кратко высказаться по этому вопросу. Надо ли мне повторить этот вопрос?

ФРИЧЕ. Нет, спасибо. Я хочу лишь сослаться здесь на то, о чем я уже упоминал, говоря об убийствах. Было много слухов, но эти слухи всегда опровергались. Несомненно, эти ужасы были окружены непроницаемой тайной и мне кажется правильным сделанный мною вывод о том, что в главном имперском управлении безопасности и в некоторых отделах этого управления были, очевидно, специальные органы, которые занимались сохранением в тайне этих зверств, сокрытием их и давали успокоительные заверения, и опровержения тем учреждениям, которые обращались к ним от имени общественности.

ФРИЦ. Теперь я задаю последний обобщающий вопрос. При допросе, который проводился мной, Вы отозвались о Гитлере и его политике совсем иначе, чем Вы говорили о них раньше в своих выступлениях по радио и т.д. Можете ли Вы в нескольких словах сказать нам, когда и почему вы изменили свое мнение?

ФРИЧЕ. Я хотел бы сказать об этом совершенно точно и подробно.

Первой вехой на этом пути для меня не было поражение Германии; потому что справедливость или несправедливость не зависят от победы или поражения. Такой ступенью явилось то, что Гитлер хотел превратить это поражение в самоуничтожение немецкого народа. Как подтвердил Шпеер, и как я сам мог наблюдать в последний период борьбы в Берлине, под предлогом мнимой надежды 15, 14, 13 и 12-летних мальчиков, вооружали ручным оружием и посылали в бой против танков, - мальчиков, которые могли бы стать опорой восстановления Германии. Гитлер трусливо покончил с собой и оставил приказ бороться

14543

H1208 – 0384

H1208 – 0385

дальше. Он также оставил официальное сообщение о том, что он пал в бою. Я узнал, что он покончил жизнь самоубийством, и последнее опубликованное мною сообщение от 2 мая 1945 г. говорило о том, что Гитлер покончил самоубийством. Я хотел в самом зародыше уничтожить возможность возникновения легенды о Гитлере.

Затем, находясь в плену, я от немецкого военнопленного майора Сфорнер узнал, что он был арестован гестапо, что его мучили, чтобы добиться от него признания и что на его глазах избивали его жену. Такова была вторая ступень на этом пути.

Третью ступень ознаменовал собой другой товарищ по плену всемирно известный географ генерал Нидермайер. Он заявил мне, что обоснование нападения на Россию, которое было приведено Гитлером, является неверным, по крайней мере, в одной важной части. После своего разговора с переводчиком он сказал мне, что Молотов в переговорах с Риббентропом в 1941 г. не поставил никаких новых требований, а лишь потребовал выполнения тех обязательств, которые были приняты в 1939 г. Таким образом, отпала часть / я подчеркиваю - часть/ доводов, которые приводились в доказательство того, что своим нападением на Россию мы лишь опередили ее нападение на нас.

Четвертой ступенью были приведенные здесь в Суде доказательства убийства пяти миллионов евреев. Я считаю своим долгом передать то, что говорил доктор Геббельс в моем присутствии 21 апреля 1945 года. Доктор Геббельс был крайне взволнован в виду последнего, решающего прорыва русских у Берлина. Он сказал:

"Итак, немецкий народ и не хотел ничего другого. Во время плебисцита по поводу выхода из Лиги Наций, он высказался большинством голосов против политики уступок и за политику отваги

и чести. Итак, - сказал доктор Геббельс, - сам немецкий народ избрал войну, которую теперь он проиграл".

Это были последние слова, которые я слышал от доктора Геббельса, и я заявляю, что эти слова являются неправдой. Я заявляю под присягой, что никогда до этого времени доктор Геббельс не истолковывал этот плебисцит в таком смысле, никогда не приписывал ему этого значения. Он говорил совершенно обратное. Именно во время этого плебисцита немецкому народу еще раз были даны торжественные заверения относительно мирных намерений Гитлера и его сотрудников. Для меня теперь совершенно ясно, что Гитлер и некоторые из его сотрудников сознательно обманывали народ именно в самых решающих и основных пунктах своей политики. Так и я сам чувствую себя обманутым относительно этих пунктов, хотя, конечно, это не представляет значения для истории.

ФРИЦ. Г-н председатель, у меня больше нет вопросов к подсудимому Фриче.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли кто-либо из защитников задать вопросы подсудимому?

ШТАМЕР /защитник подсудимого Геринга/. Г-н свидетель, вы слышали ли Вы о том, что вначале, когда были созданы концлагери, наряду с общими, упорядоченными лагерями, существовали еще так называемые "дикие" лагери, которые были созданы руководителями СА без ведома соответствующих учреждений?

ФРИЧЕ. Нет, в то время я ничего не слышал об этом. Здесь, в зале Суда, я впервые услышал об этом различии.

ШТАМЕР. Можете ли Вы сказать на основании того, что теперь Вам известно, что те непорядки, о которых Вы говорили, имели место в этих так называемых "диких" лагерях?

H1208 – 0386

H1208 – 0387

ФРИЧЕ. Я могу ответить на это совершенно точно. Те ненормальности, о которых я говорил, выявились в старом лагере Ораниенбург, который находился там на Берлинерштрассе. Я не знаю, к какому разряду лагерей причисляется этот лагерь. Но эти непорядки были устранены. И я уже подчеркивал во время моего допроса, что почти сейчас же после отправки мною письма прусскому премьер-министру, ко мне позвонил министериаль-советник или министериаль-директор, который обещал, что будет проведено расследование. Это обещание было выполнено. Я только не припоминаю, получил ли я сообщение о конечном результате из этой инстанции или нет.

ШТАМЕР. У меня больше нет вопросов.

КУБУШОК /защитник подсудимого фон Папена/. В июне 1934 г. было запрещено опубликование Марбургской речи подсудимого фон Папена. Правильно ли, что, начиная с этого времени, всякие выступления г-на фон Папена могли быть опубликованы только с предварительного разрешения министерства пропаганды?

ФРИЧЕ. Это правильно и даже в еще более узком смысле. Конфискация издания Марбургской речи была произведена, как я точно помню, по распоряжению будущего министериаль-директора Берндта. Он обратил внимание г-на Геббельса на эту речь. В дальнейшем для опубликования выступлений фон Папена было установлено, что разрешение на их издание должно было давать не министерство пропаганды, а лично министр или сам фюрер.

КУБУШОК. Во время своего допроса Вы сказали, что знаете подсудимого фон Папена уже давно, и что Вы познакомились с ним во время вашей поездки в Турцию. Скажите, когда вы ездили в Турцию?

ФРИЧЕ. В январе , я думаю, 1944 г.

КУБУШОК. Какова была цель вашей поездки?

ФРИЧЕ. Я сделал доклад в колонии немцев, в Истамбуле и в Анкаре на тему о 30 января.

КУБУШОК. Имел ли г-н фон Папен какое-либо отношение к этому докладу?

ФРИЧЕ. Нет, совершенно никакого. Я получил из Берлина официальную просьбу о том, чтобы я постарался убедить г-на фон Папена не уезжать демонстративно из Истамбула, на время празднования 30 января, как он это делал обычно. Но я отказался от попытки переубедить г-на фон Папена и он своевременно уехал, отправившись кататься на лыжах.

КУБУШОК. Благодарю Вас.

КЛЕФИШ /защитник СА/. Г-н свидетель, Вы недавно сказали, что Вам сообщили, что в конце 1933 г. и в начале 1934 г. члены СА, не имевшие специальности, /охраняли некоторые концлагери и за счет этого должны быть отнесены имевшие место ненормальности. У меня только один вопрос - от кого Вы получили это сообщение?

ФРИЧЕ. От бывшего начальника отдела прессы или пресс-референта рейхсфюрера СС Гиммлера, по имени Гергардт Ратке.

КЛЕФИШ. Ратке?

ФРИЧЕ. Да, Ратке.

КЛЕФИШ. Спасибо.

ЗАУТЕР /защитник подсудимого Функа/. Господин свидетель, Вы позавчера уже говорили о том, что подсудимый Функ в министерстве пропаганды не имел никакого отношения к самой пропаганде, а занимался там главным образом вопросами организации и финансирования. Сейчас я прошу Вас ответить еще на некоторые

H1208 – 0388

H1208 – 0389

вопросы о деятельности подсудимого Функа в министерстве пропаганды. Вы знаете, господин свидетель, что вначале существовал отдел прессы имперского правительства. Это было государственное учреждение. Скажите, в течение какого срока существовал этот отдел прессы имперского правительства и что потом было сделано с ним?

ФРИЧЕ. Этот отдел существовал очень давно, во всяком случае, до марта 1933 г. До этого времени он был отделом министерства иностранных дел, а с марта 1933 г. стал частью министерства пропаганды, где на него были возложены двойные функции. Во-первых, он был отделом прессы этого министерства; во-вторых, этот отдел оставался отделом прессы имперского правительства.

ЗАУТЕР. Господин свидетель, можете ли Вы сказать мне, кто с марта 1933 года, т.е. с того момента, как этот отдел был включен в министерство пропаганды, являлся начальником отдела прессы и, таким образом, кто практически стоял во главе всей прессы? Был ли это Функ или кто-либо другой?

ФРИЧЕ. Это был министериальный советник Янке. Он был преемником министериаль-директора Берндта. Затем этот отдел прессы был разделен на три отдела; немецкая пресса...

ЗАУТЕР /перебивая/. Это меня не интересует. Меня, г-н свидетель, интересует только одно - был ли начальником этого отдела подсудимый Функ или же верно то, что он больше не имел никакого отношения к этому?

ФРИЧЕ. Номинально он был начальником, но он не занимался практической работой. Она велась по указаниям д-ра Геббельса, передаваемым через Ханке к Янке,

ЗАУТЕР. ...А позднее министериаль-директору Берндту. Господин свидетель, следующий вопрос: кто же в министерстве

пропаганды, я говорю о государственной инстанции, кто там руководил политикой в области печати? Делал ли это подсудимый Функ или кто-либо другой? Кто руководил политикой в области печати?

ФРИЧЕ. В то время это делал доктор Геббельс, позднее - начальник имперской прессы доктор Дитрих.

ЗАУТЕР. Подсудимый Функ был статс-секретарем министерства пропаганды, по крайней мере, имел чин статс-секретаря. Если рассматривать этот вопрос вообще, меня интересует - занимал ли в действительности Функ пост статс-секретаря или этот пост постоянного представителя министра занимал другой чиновник?

ФРИЧЕ. Конечно, он занимал пост статс-секретаря и пользовался соответствующей властью и почетом, а также получал соответствующее жалование, но практически работа распределялась по-иному.

ЗАУТЕР. Как именно?

ФРИЧЕ. Я уже говорил об этом. Практически Функ решал организационные и финансовые вопросы этого поистине гигантского культурного концерна, созданного в то время. Фактически же политикой руководил доктор Геббельс и начальник управления его министерства доктор Ханке, преемник Функа на должности статс-секретаря.

ЗАУТЕР. Теперь, г-н свидетель, у меня есть последний вопрос, относящийся к другой области. Известно ли Вам, что говорил министр доктор Геббельс в ноябре 1938 года или позднее в 1938 г. о еврейских погромах, которые происходили 9 ноября 1938 года и как это он связывал с подсудимым Функом?

ФРИЧЕ. Однажды, значительно позднее, в моем присутствии доктор Геббельс заявил, что в некоторых случаях нужно быть

H1208-0390

H1208 - 0391

радикальным в то время, как Функ всегда говорил, что нельзя евреев исключать из экономики и хозяйства. Доктор Геббельс сказал, что ему пришлось доказать господину Функу обратное путем организации погрома 8 ноября 1938 года.

ЗАУТЕР. Говорил ли в этой связи господин Геббельс, который был ответственен за эти действия против евреев, что-либо о том, что он провел их для того, чтобы, таким образом, затронуть доктора Функа и поставить его перед совершившимся фактом?

ФРИЧЕ. Таков был смысл моего предыдущего ответа.

ЗАУТЕР. Благодарю Вас. У меня нет больше вопросов, г-н председатель.

ЗИМЕРС /защитник подсудимого Редера/. Господин Фриче, Вы здесь, в зале суда, слышали какие тяжелые обвинения предъявляются подсудимому Редеру в связи со статьей "Черчилль потопил "Атению", опубликованной 23 октября 1939 года в "Фелькишер беобахтер". Это, господин председатель, документ 3260-ПС, ГБ-218. У меня есть к Вам несколько вопросов, связанных с потоплением "Атении".

Скажите, господин Фриче, когда и каким путем министерство пропаганды получило сообщение о торпедировании "Атении"?

ФРИЧЕ. Я не могу припомнить даты, но я знаю, что мы получили это сообщение по радио, т.е. мы перехватили какое-то заграничное сообщение.

ЗИМЕРС. Итак, это радиосообщение было вами получено вскоре после потопления "Атении"?

ФРИЧЕ. Да, без сомнения.

ЗИМЕРС. Установило ли министерство пропаганды после этого связь с главным командованием военно-морского флота для того, чтобы выяснить детали этого потопления?

ФРИЧЕ. Да, я сделал это лично, так как случайно у меня в качестве консультанта по цензуре был офицер связи главного командования военно-морского флота.

ЗИМЕРС. С кем Вы связались в главном командовании и что Вы там узнали?

ФРИЧЕ. Я сначала спросил вышеупомянутого офицера. Это был капитан-лейтенант Хан. Затем он позвонил и, очевидно, я тоже звонил в главное командование военно-морского флота и, насколько я помню, я там говорил с капитаном 3-го ранга Вольфом.

ЗИМЕРС. Что сказал Вам капитан Вольф?

ФРИЧЕ. Уже в этот самый первый момент он заявил мне, что вообще ни одной немецкой подводной лодки нет в этом районе.

ЗИМЕРС. Я напоминаю Вам о том, что "Атения" была потоплена 4-го сентября 1939 года. Скажите, что сделало министерство пропаганды после того, как главное командование военно-морского флота заявило, что не немецкая подводная лодка потопила Атению?

ФРИЧЕ. Мы и опубликовали именно это сообщение.

ЗИМЕРС. Господин Фриче, как получилось, что через 6-7 недель - 23 октября 1939 года появилась упомянутая статья "Черчилль потопил Атению"? Показать вам эту статью?

ФРИЧЕ. Спасибо. Я очень хорошо помню этот случай и, кроме того, я постарался все это припомнить, после того, как об этом впервые говорилось в зале Суда. Я знаю, что требование написать эту статью, причем с точным указанием, как надо употреблять отдельные выражения, поступило от Гитлера, причем - лично от Гитлера. Это поручение поступило к нам двумя путями. Во-первых, нам позвонил по телефону имперский начальник прессы доктор Дитрих и, во-вторых, доктор Геббельс или кто-то по его

H1208 - 0392

H1208 – 0393

поручению, - я уже сейчас не припоминаю этого. Это задание должно было быть передано дальше газете "Фелькишер беобахтер". Я помню все подробности благодаря следующему обстоятельству.

Когда я сказал одному из моих сотрудников, чтобы он дал знать газете "Фелькишер беобахтер", - этот сотрудник вернулся ко мне и сообщил, что в этом нет уже необходимости, потому что газета "Фелькишер беобахтер" сама получила все указания непосредственно из главной ставки.

ЗИМЕРС. Скажите, когда было дано это поручение Гитлером или Геббельсом?

ФРИЧЕ. Я думаю, что это было накануне опубликования этой статьи.

ЗИМЕРС. Какая-либо инстанция главного командования военно-морского флота имела отношен ие к этой статье?

ФР ИЧЕ. Насколько мне известно, - нет.

ЗИМЕРС. Говорили ли Вы с гросс-адмиралом Редером об этой статье перед тем, как она была опубликована и сообщили ли ему о таком задании Гитлера?

ФРИЧЕ. Нет, я даже думаю, что главное командование военно-морского флота вообще ничего не знало об этой статье, которая появилась на свет таким путем, о котором я только что говорил.

ЗИМЕРС. Скажите, Вы впоследствии когда-либо говорили с главным командованием военно-морского флота или же лично с гросс-адмиралом Редером об этом случае с "Атенией".

ФРИЧЕ. Только здесь, в тюрьме.

ЗИМЕРС. Правильно ли, господин Фриче, что в сентябре 1939 года в газете "Таймс" было помещено утверждение о том, что в Чехословакии немцами было убито 10.000 чехов, в том числе обербургомистр Праги?

ФРИЧЕ. Я не знаю, было ли это помещено в "Таймс", но совершенно точно, - это было помещено в "Ньюс-кроникл".

ЗИМЕРС. Что же сделало после этого министерство пропаганды?

ФРИЧЕ. Министерство пропаганды направило немецких и иностранных журналистов в Прагу, и, если я не ошибаюсь, - один из иностранных журналистов, который тогда полетел в Прагу, присутствует здесь, в зале Суда.

ЗИМЕРС. И что же установили эти иностранные журналисты?

ФРИЧЕ. У них было интервью с, якобы, убитым обербургомистром Праги. Они раз"езжали по стране и посылали соответствующую информацию.

ЗИМЕРС. И что же, выяснилось, что это сообщение об убийствах полностью неверно?

ФРИЧЕ. Да, выяснилось в то время, что это сообщение совершенно не соответствует действительности. Но я должен добавить, что с прошлого понедельника, с того момента, как я услышал показания господина фон Нейрата, мне стало ясно, что, несмотря на эти энергичные и убедительные опровержения в Чехословакии все же были проведены аресты. Я должен выяснить этот вопрос, и, если...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какое отношение это имеет к Редеру?

ЗИМЕРС? Я думаю, господин председатель, что этот случай в известной степени аналогичен появлению этой статьи в газете "Фелькишер бесбахтер", чему Обвинение, по непонятным мне причинам, уделило особенно много внимания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал считает, что это показание не является компетентным.

ЗИМЕРС. Господин Фриче, знаете ли Вы, как относился доктор Геббельс к гросс-адмиралу Редеру?

14553

H1208 - 0394

H1208 - 0395

ФРИЧЕ. Из того немногого, что доктор Геббельс говорил о гросс-адмирале Редере, можно было заключить, что он очень отрицательно относился к Редеру. Он неоднократно об"яснял такое отношение к Редеру тем, что Редер отрицательно относится к партии и ее желаниям, а также положительным отношением Редера к религии и тем, что он защищал священников военно-морского флота от какого-либо посягательства партии.

ЗИМЕРС. У меня больше нет вопросов.

ХОРН /защитник Риббентропа/. Господин свидетель, Вы недавно упомянули о том, что на совещании между Молотовым и Риббентропом присутствовал некий генерал Нидермайер. Откуда у Вас такая информация?

ФРИЧЕ. В вашем вопросе заключается одна ошибка. Я не говорил, что генерал Нидермайер принимал участие в этом совещании. Я сказал и хочу еще раз сказать это точнее, что я встретился с этим генералом Нидермайером в плену; перед этим, в течение нескольких недель или, может быть, месяцев он жил в другой камере, вместе с переводчиком, который переводил во время переговоров между Молотовым и Риббентропом.

ХОРН. Сказал ли Вам генерал Нидермейер фамилию этого переводчика?

ФРИЧЕ. Несомненно, но я ее не запомнил.

ХОРН. У меня последний вопрос. После последнего совещания, происходившего 30 августа 1939 г. между британским послом сэром Невиллем Гендерсоном и Риббентропом, во время которого были сообщены условия переговоров с Польшей, эти условия были на следующий же день опубликованы в "Дейли Телеграф". Очевидно, выпуск, содержавший эти условия, был затем из"ят. Что Вам известно об этой статье?

ФРИЧЕ. Прежде всего, я снова должен исправить ошибку, вкравшуюся в Ваш вопрос. На следующее утро газета "Дейли Телеграф" не опубликовала условия переговоров или же ноту, а поместила сообщение о том, что накануне ночью состоялось заседание британского правительства, на котором рассматривались сообщенные английским послом в Берлине условия, поставленные Польше Германией. Таким образом, из этой заметки вытекало, - иначе ее нельзя было понимать, - что эти условия были переданы в Лондон.

ХОРН. Большое спасибо.

ТОМА /защитник Розенберга/. Господин Фриче, Вы вчера показали, что газета "Фелькишер Беобахтер" во время войны была непосредственно связана с главной ставкой и лично с Фюрером. Кого именно из газеты "Фелькишер Беобахтер" Вы имели в виду?

ФРИЧЕ. Я здесь имел в виду не людей, работавших в "Фелькишер Беобахтер", а скорее лиц, работавших в главной ставке. Доктор Дитрих и его представители имели обыкновение звонить непосредственно в редакцию "Фелькишер Беобахтер".

ТОМА. Известно ли Вам, что с 1937 г. Розенберг не был главным редактором газеты "Фелькишер Беобахтер"?

ФРИЧЕ. Я убежден, что и перед тем он был таковым лишь номинально.

ТОМА. Господин свидетель, можете ли Вы сказать Суду, кто постоянно являлся зачинщиком так называемых "выступлений партии", я подразумеваю сжигание книг, бойкот в апреле 1933 г., еврейские погромы в ноябре 1938 г.?

ФРИЧЕ. Теперь я твердо убежден в том, что это был доктор Геббельс.

ТОМА. Господин свидетель, известно ли Вам, что доктор

H1208 – 0396

H1208 – 0397

Геббельс всегда бывал в гостях у Гитлера во время пребывания Гитлера в Берлине?

ФРИЧЕ. В такой форме ато не совсем правильно. В довоенные годы д-р Геббельс, несомненно, очень редко видел Гитлера.

ТОМА. У меня есть еще другой вопрос. Вы знаете, что у доктора Геббельса был прямой телефонный провод к Гитлеру?

ФРИЧЕ. Нет, я слышу это впервые от Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Тома, тот факт, что у Геббельса была прямая телефонная связь с Гитлером, не имеет никакого отношения к Розенбергу.

ТОМА. Господин председатель, я хотел лишь спросить Фриче, имел ли Розенберг такую же связь с Гитлером, как Геббельс?

ФРИЧЕ. Я не знаю, какие телефоны были у Розенберга, но я знаю и часто слышал, что Розенберг очень редко бывал у Гитлера.

ТОМА. Этого достаточно, благодарю вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли еще кто-нибудь из защитников задать вопросы свидетелю?

/Молчание/.

В таком случае мы сделаем перерыв.

/Об"является перерыв на 10 минут/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли Обвинение подвергнуть подсудимого перекрестному допросу?

РУДЕНКО. Подсудимый Фриче, я хочу начать Ваш допрос с выяснения роли, которую играла немецкая пропаганда в преступной деятельности гитлеровского правительства. Скажите, Вы признаете, что немецкая пропаганда распространяла расовую теорию и внедряла в сознание немецкого народа идеи превосходства немецкой расы? Вы признаете это?

ФРИЧЕ. В этом вопросе содер жатся два комплекса, я хотел бы ответить на оба. Я признаю, что немецкая пропаганда распространяла расовую теорию, но я оспариваю то, что немецкая пропаганда распростран яла теорию "господствующей расы".

РУДЕНКО. Вы этого не признаете?

ФРИЧЕ. Нет.

РУДЕНКО. Хорошо. Вы признаете, что немецкая пропаганда возбуждала в немецк ом народе расовую ненависть к евреям и пропагандировала необходимость их истребления?

ФР ИЧЕ. Здесь опя ть два вопроса заключаются в одном. Я снова должен отвечать на них отдельно.

РУДЕНКО. Простите, Вы можете этого не подчеркивать, отвечайте на эти два вопроса, пожалуйста.

ФРИЧЕ. Я признаю, как и в ответе на первый вопрос, что немецкая пропага нда поддерживала расовую теорию, но я решительно опровергаю то, что немецкая пропаганда проводила подготовку или, более того, натравливала или призывала к массовому убийству евреев.

РУДЕНКО. Но Вы не отрицаете, что немецкая пропаганда возбуждала в немецк ом народе расовую ненависть к евреям. Вы этого не отрицаете?

ФРИЧЕ. Даже этого я не могу полностью подтвердить. Поэтому в своем ответе на второй вопрос я употребил несколько другой оттенок. Немецкая пропаганда /я подразумеваю здесь официальную немецкую пропаганду/ даже не проповедывала расовую ненависть, она проповедывала учение о расовом различии, а это нечто совершенно другое. Но я признаю, что имелась разновидность немецкой пропаганды, которая независимо от этого, пропагандировала неприкрытую и примитивную расовую ненависть.

H1208 – 0398

H1208 – 0399

РУДЕНКО. Вы признаете, что деятельность немецкой пропаганды была также направлена на преследование церкви?

ФРИЧЕ. Нет, и это я должен отрицать.

РУДЕНКО. Что, немецкая пропаганда не была направлена на преследование церкви?

ФРИЧЕ. Это как раз то, что я хочу сказать. Официальная немецкая пропаганда не призывала к преследованиям церкви, напротив, для того, чтобы выяснить это, я должен сказать, что имелась неле-г-альная, негосударственная пропаганда против церкви и органы этой пропаганды во время борьбы с церковью, допускали всевозможные высказывания и действия, которые могли создать впечатление, что они участвовали в борьбе против церкви. Я имею в виду те процессы против духовенства, которые проводились в качестве сенсационных процессов.

РУДЕНКО. Очень хорошо. Вы признаете, что проводившаяся гитлеровским правительством пропаганда, связанная с так называемой проблемой расширения жизненного пространства Германии, развивала и культивировала в немецком народе милитаристские стремления?

ФРИЧЕ. Я решительно отрицаю также и это.

РУДЕНКО. Вы признаете, что немецкая пропаганда использовала провокационные методы, ложь и клевету для того, чтобы замаскировать агрессивные планы гитлеровского правительства?

ФРИЧЕ. Господин Обвинитель, мне очень трудно ответить на этот вопрос после всего того, что я здесь вчера показал добровольно, и если я попытаюсь обобщить все это вкратце, то я должен сказать следующее. Я утверждаю, что немецкая

пропаганда во время проведен ия всех мероприятий, начиная с занятий Рейнской области и кончая нападением на Советский Союз, представляла немецкому народу положение таким образом, чтобы он верил в правоту своего дела, но, с другой стороны, и я уже подчеркивал, когда это произошло, я понял, что все здание этой аргументации покоилось на фундаменте, который в некоторых местах был неустойчив.

РУДЕНКО. Т.е. на фундаменте лжи и клеветы?

ФРИЧЕ. Нет. Эта формулировка, я прошу меня извинить, кажется мне недостаточно деловой формулировкой.

РУДЕНКО. Вы станете отрицать, что немецкая пропаганда прибегала к методам лжи и клеветы? Вы это отрицаете?

ФРИЧЕ. Так точно. Я это отрицаю на основании моего основательного знакомства с немец кой пропагандой и прошу разрешить мне дать краткое об'яснен ие.

РУДЕНКО. Пожалуйста, дайте об'яснение, только по существу моего вопроса.

ФРИЧЕ. Само собой разумеется.

Рассматривая это сегодня, надо сказать, что к несчастью немецкого народа, немецкая пропаганда именно в тех деталях, которые можно было проверить, являлась настолько правдивой, что из-за этого никто не замечал, что в трех ее принципиальных предпосылках заключались три основных ошибки. Я не могу выразить это яснее.

РУДЕНКО. О каких ошибках вы говорите?

ФРИЧЕ. Первая - это вера в человечность Адольфа Гитлера; эта вера была уничтожена приказом об истреблении пяти миллионов человек; вторая - это вера в моральную чистоту этой системы. Она была разрушена приказами о пытках. И третья - это

H1208 – 0400

H1208 – 0401

вера в миролюбивые стремления Адольфа Гитлера. Эта вера была поколеблена тем, что выявлено на данном процессе.

РУДЕНКО. Хорошо, мы еще коснемся этих вопросов, когда будем касаться Вашего личного участия в проведении немецкой пропаганды.

Сейчас я Вас хочу спросить о следующем. Вам, конечно, было известно, что в ОКВ существовал специальный отдел пропаганды, подчиненный непосредственно подсудимому Иодлю?

ФРИЧЕ. Это было мне известно. Но Вы ошибаетесь, если считаете, что этот отдел был подчинен посудимому Иодлю. Он был подчинен генералу фон Ведель и затем его преемнику, штандартенфюреру Гунтеру Дальквину.

РУДЕНКО. Хорошо. Я сейчас не намерен уточнять это обстоятельство. Меня интересует другое, это - какие отношения существовали между министерством пропаганды и ОКВ?

ФРИЧЕ. Я не могу сказать вообще каковы были отношения между министерством пропаганды и ОКВ. Но зато я могу дать самые точные показания об отношениях между министерством пропаганды и только что упомянутым Вами отделом пропаганды ОКВ. От этого отдела имелся специальный представитель в министерском бюро д-ра Геббельса, который ежедневно присутствовал на конференциях в министерстве, о которых я уже говорил. По-существу он всегда находился вблизи доктора Геббельса.

РУДЕНКО. Кем давались пропагандистские задания и установки для ОКВ?

ФРИЧЕ. Я могу себе это представить только следующим образом. Я думаю, что пропагандистские задания в ОКВ формулировались на основании указаний... пожеланий доктора Геббельса и на основании указаний начальника ОКВ, т.е. Кейтеля или Иодля.

РУДЕНКО. Как использовалась общегерманская пропаганда в связи с пропагандистскими мероприятиями, проводившимися ОКВ?

ФРИЧЕ. Я еще не понял смысла вопроса.

РУДЕНКО. Как общегерманская пропаганда использовалась в связи с пропагандистскими мероприятиями, проводившимися ОКВ?

ФРИЧЕ. Очевидно, эта пропаганда просто включалась в пропагандистские мероприятия ОКВ, так как доктор Геббельс был настолько влиятельной личностью, что он никогда не допустил бы игнорирования своих пропагандистских установок.

РУДЕНКО. Хорошо. Я попрошу ответить, какие взаимоотношения существовали между министерством пропаганды и министерством иностранных дел?

ФРИЧЕ. Взаимоотношения иногда бывали напряженными, но за последние годы войны представитель министерства иностранных дел всегда принимал участие в,так называемых,министериальных совещаниях в министерстве пропаганды.

РУДЕНКО. Какую роль играло министерство иностранных дел в проведении пропагандистских мероприятий, в особенности касавшихся подготовки и осуществления агрессивных войн?

ФРИЧЕ. Я хотел бы ответить на этот вопрос следующее: В тот момент, когда начинало какое-либо мероприятие или война, всегда появлялся представитель министерства иностранных дел с готовой книгой документов, так наз., "белой книгой". Как создавались эти "белые книги" мне неизвестно. Во всяком случае, они составлялись не в министерстве пропаганды и в некоторых случаях я позднее кое-что узнавал о том, как они разрабатывались в министерстве иностранных дел.

H1208-0402

H1208 - 0403

РУДЕНКО. Правильно будет сделать такой вывод, что министерство иностранных дел принимало самое непосредственное и активное участие в разработке пропагандистских заданий и установок? Это - правильно?

ФРИЧЕ. Это без сомнения правильно хотя бы потому, что министр иностранных дел оставлял за собой в области пропаганды решающий голос в вопросах, касающихся внешней политики, а также в вопросах той пропаганды, которая была предназначена для заграницы.

РУДЕНКО. Говоря о министре иностранных дел, Вы имеете ввиду подсудимого Риббентропа?

ФРИЧЕ. Само собой разумеется.

РУДЕНКО. Очень хорошо. Выподтверждаете, что подсудимый Риббентроп лично давал пропагандистские задания об'яснять войну с Советским Союзом, как превентивную войну?

ФРИЧЕ. На этот вопрос нельзя ответить просто "да" или "нет". Нужно коротко осветить факты.

Тогдашний министр иностранных дел фон Риббентроп принял представителей иностранной и немецкой печати рано утром в тот день, когда начался поход на Россию. Он представил им "Белую книгу", произнес речь, раз'ясняющую положение вещей, а в заключение подчеркнул /я передаю не дословно, а по смыслу/:

"На основании всех этих причин, Германия была вынуждена предпринять это наступление на Советский Союз для того, чтобы опередить советское наступление. И я прошу Вас освещать дело именно таким образом".

РУДЕНКО. Я хотел бы этим установить, что пропагандистские задания давались именно подсудимым Риббентропом. Эту

роль я хотел установить. Это Вы подтверждаете?

ФРИЧЕ. Я прошу извинить меня. Я подтверждаю то, что я уже сказал, а Ваш последний вопрос является Вашим собственным выводом из того, что я сказал. К этому я бы не хотел присоединяться.

РУДЕНКО. Но Вы раньше на предыдущий мой вопрос ответили о решающей роли подсудимого Риббентропа в вопросах проведения пропаганды, внешнеполитической пропаганды. Это - правильно?

ФРИЧЕ. Совершенно правильно.

РУДЕНКО. Хорошо, достаточно по этому вопросу.

Скажите, какие взаимоотношения существовали между министерством пропаганды и так называемым министерством восточных оккупированных территорий? Об'ясните, в связи с этим, каким образом осуществлялась связь между этими двумя министерствами?

ФРИЧЕ. Имелся человек, постоянно осуществлявший связь, который одновременно был сотрудником министерства пропаганды, и сотрудником министерства по делам оккупированных восточных территорий. Кроме того, имелось особое учреждение, которое было создано обоими министерствами и управление его осуществлялось также этими министерствами. Это учреждение под названием "Кинета" осуществляло всю пропаганду на Востоке.

РУДЕНКО. Понятно. В каком порядке и кем именно разрабатывались пропагандистские пароли или лозунги, как это было принято у Вас называть, для оккупированных восточных территорий, - кем именно разрабатывались?

ФРИЧЕ. Я не могу показать этого под присягой, так как я не знаю этого точно. Но я предполагаю, что они разрабаты-

H1208 – 0404

H1208 – 0405

вались на основании тех принципов, которые существовали для общей пропаганды, названным здесь доктором Таубером и его сотрудниками в этом учреждении "Винета".

РУДЕНКО. Хорошо, но Вы, очевидно, знаете и скажете об этом, - руководящее влияние министерства пропаганды в этих мероприятиях сохранилось?

ФРИЧЕ. Непременно. Здесь министерство пропаганды, без сомнения, имело перевес в области инициативы и большее влияние.

РУДЕНКО. Ясно. Скажите, какое влияние оказывал на немецкую пропаганду подсудимый Борман, какая роль принадлежала ему?

ФРИЧЕ. Эта роль чрезвычайно значительна. Я знаю, что нежелательно говорить о том, кого считают умершим, но в интересах исторической правды я все же должен сказать ...

РУДЕНКО. Это еще неизвестно - умерший ли. Мы знаем, что Борман отсутствует на скамье подсудимых, но является подсудимым по настоящему делу; поэтому я Вас именно и спрашиваю. Пожалуйста, продолжайте.

ФРИЧЕ. Итак, влияние подсудимого Бормана было чрезвычайно большим не только во всех других областях, но и в области пропаганды. Это проявлялось в следующем.

Во-первых, в общем духе всей непримиримой партийной агитации, о чем я вчера говорил. Телеграмма Бормана доктору Геббельсу, примерно такого содержания: "Из партийных кругов ко мне поступают жалобы относительно того-то...", всегда служила поводом к тому, что аппарат доктора Геббельса немедленно приходил в движение.

И, во-вторых, доктор Геббельс,/я не могу иначе выразиться здесь, давая показания под присягой/ очень боялся

Мартина Бормана. От страха он стар-ался оправдать перед Борманом каждое свое действие, которое могло бы быть неправильно истолковано радикальными кругами партии.

РУДЕНКО. Может быть, Вы скажете, кто еще из подсудимых которые здесь не были названы во время моего допроса, активно участвовал в пропагандистской деятельности и в какой форме? Может быть, Вам будет удобно сказать о присутствующих здесь подсудимых?

ФРИЧЕ. Мне это неприятно, но я отвечу.

РУДЕНКО. Пожалуйста.

ФРИЧЕ. Очень благотворное,надо сказать, влияние оказывало на пропаганду одно из управлений подсудимого Кальтенбруннера. Исходило ли это от него лично - я не знаю. Речь здесь идет о следующем факте. При той борьбе, которая велась за реалистическую информацию, о чем я уже упоминал вчера, я все время сталкивался с сопротивлением партии и министерства иностранных дел, и находил поддержку в этой борьбе со стороны одного из органов главного имперского управления безопасности. Я не помню, как называлось это учреждение, но я знаю, что оно издавало отчеты об общем настроении населения в Германии, распределяло эти отчеты между различными высшими государственными инстанциями. В этих отчетах о настроениях немецкого населения всегда одобрялись сведения реального характера, т.е. именно то, что встречало сопротивление со стороны двух других названных мною инстанций.

РУДЕНКО. Вы назвали учрежден-ие Кальтенбруннера. Еще кого из подсудимых можете назвать?

ФРИЧЕ. В немецкой пропаганде никто из других подсудимых не играл никакой роли.

14565

H1208 – 0406

H1208 – 0407

РУДЕНКО. Подсудимый Гесс, он сейчас отсутствует, правда, - он оказывал какое-нибудь влияние?

ФРИЧЕ. К сожалению, нет.

РУДЕНКО. Почему именно к сожалению?

ФРИЧЕ. В то время, когда он находился на своей должности, он осуществлял очень положительную задачу - он был, так сказать, высокой инстанцией для обжалования всех непорядков, имевшихся в партии и в государстве. Я бы хотел, чтобы он...

РУДЕНКО. Ну, хорошо, не будем на эту тему распространяться. Теперь перейдем к выяснению Вашей личной роли и Вашего личного участия в деятельности немецкой пропаганды. Я бы просил Вас уточнить, в каких взаимоотношениях Вы находились с Геббельсом, кратко, Вы вчера излагали подробно об этом?

ФРИЧЕ. Самое краткое, что я могу сказать: личная связь была незначительна; по служебной линии связь с течением времени все укреплялась.

РУДЕНКО. Хорошо. Вам известно имя генерал-фельдмаршала Фердинанда Шернера

ФРИЧЕ. Имя мне известно.

РУДЕНКО. Я сейчас оглашу выдержку из его показаний. Этот документ, господа судьи, я представляю под № СССР-472. Сейчас вам передадут этот документ /Фриче пред'являют документ/.

Для удобства абзацы, которые я намерен огласить, подчеркнуты красным карандашом. Я буду оглашать выдержку № 1. Следите по тексту. Читаю:

"Всем было известно, в том числе и мне, что Фриче не только ближайший соратник Геббельса, но и любимец его. Он

завоевал эти симпатии Геббельса тем, что в своей политической деятельности во многом копировал его, часто цитировал отдельные выражения Геббельса в своих выступлениях. Геббельс в своих печатных и устных выступлениях ссылался на выводы и прогнозы Фриче, придавая им значение правительственных суждений". Конец цитаты.

Скажите, подсудимый Фриче, это соответствует действительности?

ФРИЧЕ. Я хотел бы спросить, какую цитату Вы оглашали, первую, вторую или третью?

РУДЕНКО. Я Вам сказал - первую.

ФРИЧЕ. По моему тексту первая цитата гласит: "Было общеизвестно, и я также знал о том, что Фриче являлся не только ближайшим боевым соратником Геббельса, но и его любимцем".

РУДЕНКО. Правильно, правильно, это как раз и я цитировал. Я Вас спрашиваю, - это соответствует действительности?

ФРИЧЕ. Я бы [redacted] не выразил этого так. Я считаю, что это дело вкуса. Это выражение...

РУДЕНКО. Я понимаю вас.

ФРИЧЕ. Одну мину ту. Я должен еще добавить кое-что. Это выражение "ближайший боевой соратник Геббельса", об"ективно неправильно и что я был "любимцем" Геббельса, - этого я не думаю.

РУДЕНКО. Ну, хорошо. Перейдем дальше. Вы пользовались полным и безграничным доверием Геббельса и проводили свою работу в министерстве пропаганды, имея широкие полномочия. Вы это признаете?

ФРИЧЕ. Непременно.

14567

H1208 – 0408

H1208 – 0409

РУДЕНКО. Очень хорошо. Таким образом, пользуясь доверием и располагая широкими полномочиями, Вы в своих выступлениях целиком и полностью отражали требования гитлеровского правительства, пред"являемне им к немецкой пропаганде. Это правильно?

ФРИЧЕ. Да, как раз в том об"еме, о котором я говорил вчера.

РУДЕНКО. Сейчас я оглашу выдержки из Ваших показаний от 12 сентября 1945 г. Этот документ я представляю под № СССР-474. Я буду оглашать выдержку № 1.

ФРИЧЕ. Разрешите мне посмотреть этот документ?

РУДЕНКО. Обязательно. Вам его сейчас дадут. Следите за выдержкой № 1, там отчеркнуто красным карандашом. Я читаю:

"На протяжен ии длительного времени я являлся одним из руководителей германской пропаганды". Небольшой пропуск и далее: "Надо сказать, что Геббельс ценил меня, как убежденного национал-социалиста и способного журналиста, вследствие чего в аппарате германской пропаг анды я являлся его доверенным человеком". Конец цитаты. Это правильно?

ФР ИЧЕ. Госп один обвинитель, это неправильно. Я знаю, что я подписал этот протокол, но в тот момент, когда я подписывал этот протокол в Москве, я заявил:

"Вы можете делать с этим протоколом все, что Вам угодно. Если Вы опубликуете его, то ни один человек в Германии не поверит этому, а также ни один умный человек в других странах, ибо этот протокол написан не моим языком. Я заявляю, что ни один из вопросов, стоящих в этом протоколе, не был мне пред"явлен в такой форме.

Во-вторых, я заявляю, что не давал в такой форме ни одного из ответов, помещенных в этом протоколе. Я подписал

его по причинам, которые я могу подробнее осветить, если это будет необходимо.

РУДЕНКО. Следовательно, Вы не признаете этих показаний?

ФРИЧЕ. Нет, только подпись правильна.

РУДЕНКО. Только подпись. Очень хорошо. Стало быть, запомним, что в этой выдержке, которую я огласил и которую Вы отрицаете, говорится о том, что вас "Геббельс ценил как убежденного национал-социалиста и способного журналиста" и что Вы в аппарате германской пропаганды являлись доверенным человеком. Содержание этой цитаты правильно? Вы этого не признаете?

Одну минутку, я вам напомню...

ФРИЧЕ. Нет, господин генерал, это я признаю, эти факты я признаю.

РУДЕНКО. Вы это признаете?

ФРИЧЕ. Так точно.

РУДЕНКО. А о чем же мы говорим? Значит вы подтверждаете это?

ФРИЧЕ. Я говорю сейчас о всем протоколе, который мне был представлен.

РУДЕНКО. Я Вас сейчас спрашиваю конкретно о цитате, которую я только что огласил. Вы это не отрицаете. Вы это признаете.

ФРИЧЕ. Я подтверждаю не цитату. Я подтверждаю содержание, которое сейчас Вы изложили.

РУДЕНКО. Это очень хорошо. Но содержание не расходится с цитатой. Оно вытекает из нее. Я хочу напомнить вам выдержку...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуту. Что Вы сказали подсудимый? Утверждаете ли Вы, что Вы не подписывали этого документа, или же Вы его подписали?

H1208 – 0410

H1208 – 0411

ФРИЧЕ. Господин председатель, я подписал этот документ, несмотря на то, что его содержание не передавало моих показаний.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Почему же Вы это сделали?

ФРИЧЕ. Я подписал его после того, как многие месяцы находясь в чрезвычайно строгом одиночном заключении. Я подписал потому, что я узнал от одного заключенного, с которым я однажды встретился, что один раз в месяц только на основании этих протоколов, без допроса выносятся приговоры и надеялся, что, таким образом, будет принято хотя бы какое-то решение и мое заключение закончится.

Для того, чтобы быть правильно понятым, я хочу категорически подчеркнуть, что никакого насилия не применялось и что со мной обращались очень человечно, несмотря на то, что заключение было крайне строгим.

РУДЕНКО. Хорошо. Вы, конечно, не предполагали, подсудимый Фриче, что после совершенных действий Вам предоставят дом отдыха. Очевидно, Вы должны были попасть в тюрьму, а тюрьма есть тюрьма. Но это так, между прочим.

Я хочу Вас спросить о следующем. Вы говорили здесь, что подписали в 1945 году в связи со строгим режимом. Хорошо. Скажите, когда вы прибыли в Нюрнберг, Вы были допрошены 3 ноября 1945 года здесь, в Нюрнберге, генералом Александровым?

ФРИЧЕ. Так точно.

РУДЕНКО. Правильно? Очень хорошо. Я вам напомню некоторые из Ваших ответов. Вам был задан вопрос: "Вы давали показания 12 сентября 1945 года? Помните эти показания?".

Вы отвечаете: "Меня очень часто допрашивали и я не знаю, какие показания имеются в виду".

Вам генерал Александров пред"явил показания от 12 сентября. Вы ответили: "Этот документ мне известен".

Вас спросили: "Я попрошу Вас посмотреть на этот документ. Вспомнили ли вы эти показания".

Вы ответили: "Безусловно".

И далее: "Вы подтверждаете этот документ, с которым мы ознакомились и который Вами подписан"?

Вы ответили: "Безусловно".

Вы помните такие показания здесь, в Нюрнберге?

ФРИЧЕ. В процитированном Вами показании выпущены все те места, на основании которых я все время заявлял, что этот протокол был в готовом виде представлен мне на подпись. Я настаивал на внесении 20 или 30 исправлений. Некоторые изменения действительно были сделаны, кроме того, отсутствуют те места, о которых я здесь, в Нюрнберге, говорил, что хотя некоторые тенденции в этих ответов верны, но ни один из них не является действительно моим ответом.

РУДЕНКО. Очень хорошо. Я сейчас хочу напомнить вам выдержку из Вашего заявления от 7 января 1946 года. Это, господа судьи, - документ 3469-ПС, он в моей книге документов отсутствует, так как он пред"явлен защитой. Я цитирую из этого документа. Это очень короткое место.

"Однажды, это - параграф 39-й Вашего заявления/... "Однажды доктор Геббельс попытался заставить меня представлять мои тексты на предварительный просмотр. Я отклонил это требование об'яснением, что я обычно диктую краткий конспект моих речей непосредственно перед выступлением и что, следовательно, я говорю, почти импровизируя. Он отказался от своей

H1208 – 0412

H1208 – 0413

мысли, но при условии, что, если он этого пожелает, я впредь буду говорить на определенные темы".

Это правильно?

ФРИЧЕ. Так точно.

РУДЕНКО. Это свидетельствует о том доверии, которое Вам оказывалось Геббельсом, не так ли?

ФРИЧЕ. Без сомнения, он очень доверял мне, и я не оспаривал этого.

РУДЕНКО. Хорошо. Пойдем дальше. В этом же документе, который я только что Вам назвал, т.е. в заявлении от 7 января 1946 года, в параграфе 35-м есть такое выражение/это Вами собственноручно написано, кажется, на вопросы Вашего защитника/. Вы говорите:

"В постоянно увеличивающейся степени в области радио я становился единственным органом власти в министерстве".

Это соответствует действительности?

/Не слышно ответа/.

Это соответствует действительности?-Я не слышу ответа.

ФРИЧЕ. Я не услышал конца вопроса, но это место правильно процитировано. Я написал его.

РУДЕНКО. И это соответствует действительности, я говорю?

ФРИЧЕ. Да, так точно.

РУДЕНКО. Хорошо. Стало быть, Вы признаете, что в аппарате немецкой пропаганды Вы после Геббельса занимали наиболее видное место?

ФРИЧЕ. Нет, этого вовсе не содержится в моем предыдущем ответе.

РУДЕНКО. Это я Вас спрашиваю.

ФРИЧЕ. Я признаю, что я занимал очень влиятельное положение в немецком радио, руководителем которого я являлся. Если Вы сейчас снова спрашиваете, кто занимал второе место во всем аппарате пропаганды после доктора Геббельса, то я отвечаю: доктор Дитрих, статс-секретарь, или же статс-секретарь д-р Науманн.

РУДЕНКО. Простите, я не сказал "второе место". Я сказал "наиболее видное место". Против этого Вы будете возражать?

ФРИЧЕ. Я ничего не могу возразить против применения такого выражения, как "самое влиятельное положение". Однако это ничего не меняет в моем ответе.

РУДЕНКО. Очень хорошо. Еще сильнее - влиятельное. Очень хорошо.

В этом же заявлении от 7 января у Вас указывается, это в параграфе 15:

"В течение всего периода времени с 1933 по 1945 год задачей отдела немецкой прессы являлся надзор за отечественной печатью. Более 2.300 немецких газет подлежали этому надзору".

И далее: "При проведении данного мне доктором Геббельсом задания, я, согласно инструкциям министерства пропаганды, охватил своей деятельностью всю область снабжения информацией всей германской прессы и всего германского радио".

Это правильно?

ФРИЧЕ. Я не знаю правильно ли процитировано последнее предложение, но предыдущие предложения я сразу узнал. Это мое письменное показание под присягой 3469-ПС, оно дословно соответствует действительности.

H1208 - 0414

H1208 – 0415

РУДЕНКО. Совершенно правильно. Скажите, Вы организовали в составе руководимого Вами отдела немецкой прессы, специальную службу "шнельдинст" /служба скорости/, которая снабжала немецкую прессу провокационным материалом. Вы это признаете?

ФРИЧЕ. Если Вы согласитесь вычеркнуть выражение "провокационным" и заменить его выражением "материалом для пропаганды", то я это признаю.

РУДЕНКО. Хорошо, оценку этому даст Трибунал, не будем полемизировать на эту тему.

Теперь последний вопрос из этой группы вопросов. Скажите, Ваши выступления по радио, которые именовались "Ганс Фриче говорит", воспринимались, как правительственные и официальные сообщения? Это так?

ФРИЧЕ. Я уже раз"яснял вчера положение вещей. Это были, сами по себе, личные мои работы, но эти личные работы, оглашаемые публично, причем работы министериаль-директора из министерства пропаганды и руководителя немецкого радио, разумеется воспринимались как официозные, не как официальные, а именно как официозные и с этим фактом мне приходилось считаться.

РУДЕНКО. Хорошо. Сейчас я хочу вновь обратиться к показаниям Фердинанда Шермера, которые я уже представил Трибуналу под № СССР-472. Я хочу огласить выдержку № 2, это - выдержка № 2. Вы нашли, подсудимый Фриче?

ФРИЧЕ. Да.

РУДЕНКО. Я оглашаю...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал Руденко, Трибунал хотел бы ознакомиться с полным текстом этого документа или хотя бы просмотреть те вопросы, на которые даны приводимые Вами ответы.

РУДЕНКО. Господин председатель, он представлен полностью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы имеете в виду, что только те части документа, которые имеются перед нами на английском языке, и были переведены на английский язык?

РУДЕНКО. Совершенно правильно. Я оглашаю выдержку № 2: "Мне известно, что Фриче был видным работником министерства пропаганды, весьма популярным в национал-социалистских кругах и в германском народе. Широкую известность он приобрел своими еженедельными военно-политическими международными обзорами по радио. Мне приходилось часто слушать выступления Фриче как в мирное время, так и во время войны. Его выступления, проникнутые фанатичной преданностью фюреру и национал-социализму, я воспринимал как директивы партийного и правительственного руководства". /Конец цитаты/.

Вы согласны с такой оценкой?

ФРИЧЕ. У меня нет возражений против этой цитаты, и кроме того, заявляю...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Руденко, был ли оформлен этот документ соответствующим образом присягой?

РУДЕНКО. Этот документ оформлен в соответствии с процессуальными нормами, которые действуют в Советском Союзе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Где были сняты эти показания?

РУДЕНКО. В Москве.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тот человек, который давал эти показания, был на свободен или находился в заключении?

РУДЕНКО. Он находился в то время в плену.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подписал ли этот документ тот человек, который, как утверждается, дал эти показания?

РУДЕНКО. Конечно.

H1208 – 0416

H1208 - 0417

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте, пожалуйста.

РУДЕНКО. Благодарю Вас. Итак, Вы...

ФРИЧЕ. Я хотел бы добавить, что мне даже известно, что на отдаленных фронтах, а также в немецких колониях далеко от Германии, мои доклады рассматривались, как политический компас.

РУДЕНКО. Понимаю. Я хочу еще Вам представить один документ и ознакомить Вас с ним. ~~с одним документом~~. Я сейчас, господа судьи, представляю под № СССР-471 показан ия Ганса Фосса. Подсудимый Фриче, вам знакомо это имя - вице-адмирала Ганса Фосса?

ФРИЧЕ. Имя мне известно, но этого человека я не знаю.

ФРИЦ. Извините, господин председатель, может быть, этот протокол фельдмаршала Шернера не имеет большого значения, но мне хотелось бы, все-таки, установить, где именно он был составлен?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Руденко говорит, что эти показания были сняты в Москве.

ФРИЦ. Но это не видно из самого протокола. Затем мне бросается в глаза, что на фотокопии, которую я здесь получил, подпись фельдмаршала... Там сначала стоит "подписано", а затем позднее на полях прибавлена подпись от руки. Я не знаю, может ли такой документ быть допущен Трибуналом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы можете ознакомиться с подлинником документа и сравнить его с Вашей копией.

РУДЕНКО. Итак, я говорю о документе 471 - это письменное показание Ганса Фосса. Обратите внимание на выдержку № 1, также подчеркнуто. Я читаю:

"Будучи полностью предан Гитлеру и национал-социалистской партии, Фриче оказал им неоценимую услугу в смысле

распространения национал-социализма в Германии". Конец цитаты.

Это соответствует действительности?

ФРИЧЕ. Во всяком случае, я не буду возражать против этого.

РУДЕНКО. То-есть Вы согласны с этим?

ФРИЧЕ. Как я уже сказал, я не выдвигаю никаких возражений, но я не хочу сказать, что я согласен с этим.

РУДЕНКО. Но Вы не возражаете против этой оценки?

ФРИЧЕ. Я не привожу никаких возражений, повторяю это в третий раз.

РУДЕНКО. Хорошо. Теперь я хочу Вас спросить по вопросу Вашего отношения к расовой теории. Вы вчера подробно дали об'яснения по этому поводу на вопрос Вашего защитника, поэтому я Вам поставлю 2-3 вопроса и прошу ответить на них кратко. Вы разделяли эту теорию, расовую?

ФРИЧЕ. Так точно, я разделял ее в том смысле, и в том об'еме, как я говорил вчера.

РУДЕНКО. Хорошо. По радио 6 апреля 1940 г. было передано Ваше выступление, касавшееся Польши. Этот документ, господа судьи, СССР-496. Я не намерен оглашать этот документ с тем, чтобы не пропагандировать эти взгляды, но вам его дадут, подсудимый, для ознакомления. Я попросил бы Вас ознакомиться с выдержкой № 1, которая помещена в этом документе. Она очерчена красным карандашом. Это вопрос о том, как Вы оцениваете польский народ. Я только хочу Вас спросить о вашем выступлении.

ФРИЧЕ. По выдержке, приблизительно в 20 строчек, я не могу припомнить моего доклада по радио, потому что, как я уже говорил вчера, я выступал приблизительно тысячу раз;

H1208 – 0418

H1208 – 0419

для того, чтобы я мог восстановить сейчас весь ход мыслей, я прошу представить мне весь доклад в целом.

РУДЕНКО. Разве Вы не ознакомились с документом? Это ведь полный текст Вашего выступления, которое состоялось по радио 6 февраля 1940 года через радиостанцию "Дейтчландзендер".

ФРИЧЕ. Это - ошибка. Здесь речьи идет о 20-ти строчках, которые начинаются со слов: "Требуется большое напряжение для того, чтобы опубликованные документы, касающиеся этих зверств...

РУДЕНКО. Довольно, правильно. Довольно цитировать. Этот документ и есть.

Я Вас спрашиваю, это Вам принадлежит эта речь?

ФРИЧЕ. Возможно. Но если Вы мне показываете только 20 строчек из этой речи, то я могу подтвердить только следующее: Да, я имел тогда официальные немецкие документы о зверствах, совершенных в Польше над немцами и с большим возмущением говорил по радио о том, что я увидел из этих документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Может быть мы сейчас сделаем перерыв?

РУДЕНКО. Хорошо.

/К микрофону подходит защитник подсудимого Розенберга адвокат Тома/.

ТОМА. Господин председатель, я просил бы освободить сегодня господина Розенберга от присутствия на вечернем заседании, потому что я хотел бы обсудить с ним защитительную речь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

/Об'является перерыв до 14.00/

нн

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 28 июня 1946 г.

Вечернее заседание.

Встать! Суд идет !

/К микрофону подходит представитель русского Обвинения генерал Руденко./

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Подсудимый Фриче, Вам сейчас передадут выдержку из Вашего выступления 7 июля 1941 г. по поводу сопротивления, которое встретили немецко-фашистские войска, вторгшиеся на территорию СССР. Это, господин председатель, документ 3064-ПС, представленный уже защитой. Ознакомьтесь с пунктом 7-м, последним абзацем. Я не намерен его оглашать.

ФРИЧЕ. Да, я уже ознакомился.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Очень хорошо. Вы признаете, что Вы именно так говорили?

ФРИЧЕ. Да, я признаю это и хотел бы подчеркнуть, не цитируя, в какой связи это было сказано.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Хорошо. Я Вас хочу только спросить о следующем. Когда Вы в своих выступлениях называете польский народ, советский народ недочеловеками, оскорбляете их, - разве это не есть выражение человеконенавистнической теории?

ФРИЧЕ. Господин обвинитель, я констатирую, что я никогда ни русский, ни польский народ не называл недочеловеками.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Хорошо. Я не намерен с Вами спорить. Документы говорят сами за себя.

14579

H1208 – 0420

H1208-0421

Я хочу возвратиться вновь к показаниям Ганса Фосса. Это документ СССР-471. Я его уже пред"являл. Обратите внимание на выдержку № 2. Там подчеркнуто: Я буду читать эту небольшую выдержку. Читаю: "Фриче умело влиял на умы немцев, убеждая их, что именно они, немцы, являются высшей расой и поэтому должны управлять другими народами, как своими рабами". /Конец цитаты./ Это соответствует действительности?

ФРИЧЕ. Нет, это не соответствует действительности, это противоречит ей во всех пунктах.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Противоречит Вашему утверждению, да? Хорошо. Я Вам поставлю следующий вопрос. Вам известно имя генерал-лейтенанта Рейнера Штагель? Это бывший комендант города Варшавы.

ФРИЧЕ. Я не знаю этой фамилии.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Не знаете? Хорошо. Сейчас Вам дадут документ. Этот документ, г-н председатель, СССР-473, это - показания Рейнера Штагеля от 15 сентября 1941 года. Я оглашаю первую выдержку. Она у Вас отмечена. Я читаю: "Геббельс и Фриче принимали все меры к тому, чтобы популяризировать среди немцев расовую теорию и убедить их в том, что немцы являются господствующей расой, а остальные народы, как низшие, должны быть подчинены германской расе господ. Для того, чтобы убедить в этом немцев и заставить их поверить в эту теорию, руководимое Геббельсом и Фриче министерство пропаганды выпустило до войны большое количество кинофильмов, книг, брошюр, журналов и другой литературы, в которой авторы старались доказать превосходство немцев над другими нациями. Нужно сказать, что в результате деятельности Геббельса и Фриче расовая теория заняла довольно

прочное место в сознании значительной части немецкого народа. Это способствовало тому, что в ходе войны германские солдаты и офицеры, усвоившие наставления руководителей германской пропаганды, совершали злодеяния над мирным населением". /Конец цитаты./

Скажите, Рейнер Штагель правильно освещает Вашу роль в пропагандировании расовой теории?

ФРИЧЕ. Нет. Я хотел бы добавить следующее: уровень этих показаний еще ниже, чем уровень других письменных показаний, которые мне здесь пред"являлись, и я приветствовал бы, если бы кто-либо из тех лиц, чьи письменные показания пред"являются мне в такой форме, мог появиться здесь, чтобы хотя бы намекнуть на те документы, на которых основываются эти утверждения.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Я полагаю, что за шесть месяцев процесса Вы достаточно наслушались этих свидетельских показаний здесь. Хорошо. Пойдем дальше.

ФРИЧЕ. Нет, в отношении этого я хотел бы сказать следующее: я не слышал никаких свидетельских показаний по тем вопросам, которые здесь сейчас обсуждаются.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Вы, надеюсь, помните показания свидетеля Хесса об уничтожении миллионов людей? /Молчание./ Я говорю, Вы, надеюсь, помните показания Хесса, коменданта лагеря Освенцим, об уничтожении миллионов людей?

ФРИЧЕ. Я не забыл этих показаний, я ни на минуту не забываю о них.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Хорошо, я только напомнил, я не намерен по этому вопросу Вас спрашивать.

Я перехожу к вопросам, связанным с пропагандой, в связи с подготовкой агрессивных планов гитлеровской Германии. Чтобы сократить допрос, я оглашу часть Ваших собственных (показаний

H1208 – 0422

H1208 -0423

от 12 сентября 1945 года, которые уже пред"явлены Трибуналу под № СССР-474. Найдите выдержку № 2, она подчеркнута.

ФРИЧЕ. Я протестую против оглашения этой цитаты так же, как я протестовал против пред"явления этих протоколов допроса, ссылаясь на то, что я несколько часов тому назад рассказал о возникновении этих протоколов.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Вы уже дали об"яснения по этому поводу Трибуналу и Трибунал оценит эти об"яснения. Но этот документ пред"явлен и я намерен процитировать эту часть показаний. Следите по тексту, выдержка № 2.

"Для того /я читаю/, чтобы оправдать этот агрессивный акт, - речь идет об аншлюссе, - Геббельс дал указание повести против Австрии враждебную кампанию, в частности, он поручил мне из"ять из архива старые материалы, компрометирующие в какой-либо мере австрийское правительство, и опубликовать в печати. При этом Геббельс подчеркнул, что публикуемые материалы должны, прежде всего, свидетельствовать о том, что австрийский народ имеет желание присоединиться к Германии, и о том, что австрийцы, ориентирующиеся на Германию, австрийским правительством преследуются. Кроме того, Геббельс говорил, что германская пресса должна указывать, что немцев, проживающих в Австрии, австрийское правительство систематически притесняет и даже проводит против них массовые репрессивные мероприятия".

И далее: "При оккупации Германией Чехословакии, Бельгии, Дании, Польши, Норвегии и Балканских стран я, по указанию Геббельса, также организовывал аналогичные...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Руденко, безусловно, было бы удобнее, если бы Вы спросили свидетеля , действительно

ли он говорил то, что содержится в том или ином параграфе, вместо того, чтобы сразу предъявлять ему весь документ полностью.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Г-н председатель, у меня остался один абзац, я имел ввиду зачитать его и поставить этот вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не возражаю против этого. Я лишь указываю Вам на то, что было бы удобнее, если бы Вы допрашивали свидетеля, предъявляя ему по порядку каждый параграф документа, вместо того, чтобы объединять в одном вопросе три или четыре параграфа.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Хорошо, г-н председатель, я так и сделаю.

Я спрашиваю Вас, подсудимый Фриче, оглашенный мною абзац в отношении аншлюса Вы признаете?

ФРИЧЕ. Нет. Я должен подчеркнуть, что это не то, что я показал. В этом отрывке записаны мысли допрашивавшего меня русского офицера о моих показаниях. Мне была предъявлена уже готовая формулировка этих показаний для того, чтобы я их подписал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуту, что именно Вы отрицаете здесь, подсудимый? Разберем первый параграф.

ФРИЧЕ. Г-н председатель, я все отрицаю. В частности, имеются выражения, которые я никогда не употреблял. Во время моих допросов в Москве я совершенно точно заявил то же самое, что я сегодня и вчера и позавчера заявлял здесь, на процессе, или то, что я изложил в своих письменных показаниях.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Обратитесь к первому параграфу, подсудимый. Этот параграф Вам только что зачитали: "Для того, чтобы оправдать этот агрессивный акт..." Вас спрашивали об этом параграфе ранее и Вы отвечали что-нибудь по этому поводу?

14583

H1208 – 0424

H1208 – 0425

ФРИЧЕ. Да, на очень многих допросах, которые происходили поздно ночью, мне задавались такие вопросы. И на эти вопросы, которые здесь записаны, на весь этот комплекс вопросов, я ответил следующее: "Сейчас дату я уже не помню, но я имел ввиду тот момент, когда началась австрийская кампания, - в тот момент я был вызван к д-ру Геббельсу. Д-р Геббельс заявил мне, что австрийское правительство Шушнига имеет такие-то и такие-то планы,- здесь о них достаточно много говорилось; - что наступил правительственный кризис; что Зейсс-Инкварт взял на себя руководство правительством; что Австрия просит о помощи и что теперь состоится вступление в Австрию. Больше...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Говорите ли Вы сейчас нам о том, что Вы заявили русскому следователю, или Вы говорите о том, что действительно имело место в Германии в период аншлюса?

ФРИЧЕ. Я рассказываю то, что я говорил русскому офицеру, допрашивавшему меня, и это как раз и есть то, что произошло в тот день в министерстве пропаганды. Я имею ввиду начало австрийской кампании.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Таким образом, вы заявляете, подсудимый, что весь этот первый параграф является вымыслом, не так ли?

ФРИЧЕ. Нет, я не хотел бы употреблять выражение "вымысел". Я хотел бы лишь сказать - и прошу разрешения на это, - какие места в этом абзаце правильны.

Во-первых, следующее: Враждебная кампания против правительства Шушнига. Эта кампания, действительно, была развернута в германской прессе в тот момент, когда Шушниг вышел в отставку, или незадолго до этого. Сейчас я по-памяти не могу сказать этого точно.

Затем правильным в этом абзаце является также и то, что

следовало, по возможности, на отдельных примерах описать преследование дружественно настроенных к Германии элементов при правительстве Шушнига. Вот то, что в этом протоколе правильно.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Собственно говоря, Вы этим самым подтвердили то, что мнов процитировано.

ФРИЧЕ. Нет, нет, г-н обвинитель. Здесь имеется большая разница.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. С Вашей точки зрения. Я думаю, что Вы не отрицаете того обстоятельства, что Вы проводили пропаганду против австрийского правительства? Это - основной смысл допроса.

ФРИЧЕ. Это я тоже должен оспаривать, т.к. такой пропагандой занимался не я, а мой предшественник, начальник отдела "германской прессы".

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Значит, если я Вас правильно понимаю, Вы отрицаете свое личное участие в этой пропаганде, но не отрицаете по существу такой пропаганды?

ФРИЧЕ. Вы правильно меня поняли, если Вы в данном случае под пропагандой понимаете перечисление направленных против общегерманских интересов мероприятий правительства Шушнига.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Из этих же показаний я хочу огласить следующий абзац, в котором говорится:

"При оккупации Германией Чехословакии, Бельгии, Дании, Польши, Норвегии и Балканских стран я, по указанию Геббельса, также организовывал аналогичные клеветнические кампании. В каждом таком случае я вынюхивал какие-либо старые архивные материалы, компрометирующие правительство этих стран перед

H1208 – 0426

H1208 – 0427

Германией, и, снабжая их своими комментариями, пытался таким образом оправдать тот или иной агрессивный акт Германии". Конец цитаты.

Это Вы тоже отрицаете?

ФРИЧЕ. Да, конечно, в такой форме я это отрицаю.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Вы не станете отрицать, что против всех этих стран, перечисленных в этом показании, действительно велась пропаганда в целях агрессии?

ФРИЧЕ. Я не оспариваю Ваше последнее дополнение. Я признаю, что такая пропаганда велась и я подробно описал отдельные мероприятия и мое участие в них в своем письменном показании под присягой 3469-ПС.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Хорошо, я не намерен больше допрашивать Вас по этому вопросу, т.к. ~~это~~ они достаточно освещены в Вашем заявлении от 7 января 1946 г., т.е. в ряде пунктов документа 3469-ПС, который, по существу, не находится в противоречии с ~~показаниями~~ Вашими устными показаниями, — правильно?

ФРИЧЕ. Я вижу в этом существенное противоречие. Но эти письменные показания 3469-ПС являются совершенно правильными.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Очень хорошо. Я хотел бы в дополнение к этому огласить показания Фердинанда Шернера. Это представленный уже мною документ СССР-472. Я имею ввиду выдержку № 3. В своих показаниях он говорит:

"Политическая деятельность Фриче на посту правительственного радиокомментатора была подчинена главной задаче национал-социализма развязать мировую войну против демократических народов и всеми средствами способствовать победе германского оружия. Главным методом Фриче, который он применял на протяжении многих лет своей деятельности, как я впоследствии понял, был сознательный обман германского народа. Я говорю об этом потому, что мы, солдаты, особенно остро чувствовали этот обман, так как

вопреки лживым причитаниям Фриче, мы знали действительное соотношение сил на фронте, знали подлинную обстановку. Основная вина таких людей, как Фриче, заключается в том, что они знали истинное положение вещей, однако, несмотря на это, исходя из преступных побуждений гитлеровского правительства, заведомо преподносили народу ложь". Конец цитаты.

Скажите, подсудимый Фриче, такая оценка и характеристика деятельности немецкой пропаганды соответствует действительности?

ФРИЧЕ. Это полная бессмыслица. Я могу даже случайно доказать несостоятельность части этих утверждений. Г-н Шернер говорит здесь, что деятельность военного обозревателя генерала Дитмара состояла в развязывании агрессивных войн. Генерал Дитмар впервые выступил по радио зимой 1942-43 гг. Это-первое. Второе - господина Шернера я никогда не видел, я его не знаю и не говорил с ним. Я удивился бы, если бы он мог дать оценку того, сознательно или несознательно я говорил где-нибудь что-либо ложное.

Но, - и я должен прибавить, - что в последние дни в Берлине мне косвенным путем через статс-секретаря д-ра Наумана было передано сообщение генерал-фельдмаршала Шернера с предложением использовать это сообщение. Это было сообщение о том, что он находится в Богемии с боеспособной армией. Он может, если он захочет, в течение длительнейшего времени удерживать эту территорию. Мы в Берлине не должны были терять мужества, и он обещал притти к нам на помощь. Я не знаю, было ли это высказывание действительно сделано Шернером, но я думаю, что стоило бы вызвать сюда генерал-фельдмаршала Шернера в качестве свидетеля, чтобы спросить его, на основании чего он дал такую оценку.

14587

H1208 -0428

H1208 – 0429

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. То, что Вы не знаете Фердинанда Шернера, - это еще не является опровержением этих показаний, ибо Вы сами заявляли здесь Трибуналу, что Вас знали очень многие в Германии, как официального представителя правительства. Вы же не могли знать всех. Это правильно?

ФРИЧЕ. Разрешите мне, г-н обвинитель, обратить Ваше внимание на некоторую нелогичность. Тот, кто меня не знал, не мог очень хорошо судить о том, что я говорил, но он не в состоянии судить о том, делал ли я это с хорошими или дурными намерениями. Вы, конечно, и сами видите разницу.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Это опять-таки Вы говорите о Вашем личном участии, но, не отрицая, по существу, клеветнического характера немецкой пропаганды?

ФРИЧЕ. На эту формулировку также не могу ответить "да". Г-н обвинитель, сегодня утром я дал Вам базу для тех вопросов, которые мне могут быть поставлены.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Хорошо...

ФРИЧЕ. Тем, что я внес свою лепту в установление исторической обстановки того времени, я пытался показать Вам, где был чистый идеализм и где были ложные предпосылки...

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Хорошо...

ФРИЧЕ. Теперь, как я вижу, эти вещи смешиваются друг с другом.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Я ставлю вопросы не на основании базиса, который, как Вы говорите, Вы дали мне, а на основании тех документов, которыми располагает Обвинение.

Перейдем дальше. Я спрашиваю Вас, известны Вам были: документ о проведении операции "Грюн" против Чехословакии, документы о нападении на Польшу, о нападении на Югославию и в

связи с этим о проведении пропаганды?

ФРИЧЕ. С документами по плану "Грюн" и т.п. я ознакомился впервые здесь и слышал о них здесь впервые. Но, так как Вы опять связываете это с мероприятиями пропаганды, мне снова трудно раз"единить эти вопросы. Может быть, я Вам окажу услугу, если дам следующее объяснение. Ни в случае с Чехословакией, ни в случае с Польшей, ни в каком-либо другом случае я не узнавал заранее о германском нападении раньше, чем за час или за полтора часа до того, как об этом сообщалось германской общественности.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. За час или полтора часа - Вы говорите? Хорошо./ К секретарю: - Сейчас будет 493-документ/.

ФРИЧЕ. Я не хочу устанавливать срок в час или полтора часа. Я помню, например, что в случае с Россией д-р Геббельс информировал меня за 5 или 6 часов до начала.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Хорошо. Вам сейчас дадут документ СССР-493 о Вашем выступлении по радио в связи с нападением на Польшу. Это выступление состоялось 29 августа. Оно было направлено уже заранее на об"яснение причин нападения Германии на Польшу 29 августа. Я не намерен оглашать его, но смысл заключается в том, что уже тогда - 29-го - Вы говорили о готовности в любой момент к серьезной неожиданности.

Вы ознакомились с этим документом?

ФРИЧЕ. Да.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Вы не отрицаете, что Вы именно 29 августа 1939 г. выступали с этим заявлением?

ФРИЧЕ. Нет, этого я, конечно, не оспариваю и не отрицаю. Я хотел бы лишь указать на то, что то же самое...

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Простите... простите, Вы ответьте на мой вопрос, потом Вы будете иметь возможность давать

H1208 – 0430

H1208 - 0431

об"яснения.

Это было 29 августа? Вы этого не отрицаете?

ФРИЧЕ. Да.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Я Вас спрашиваю: Вы лично верили в эти об"яснения неизбежности войны с Польшей? Вы лично верили этим об"яснениям тогда?

ФРИЧЕ. В тот момент... О том, считал ли я в тот момент, что война будет неизбежна, - этого я не в состоянии сейчас сказать. Но зато я с уверенностью могу сказать, что я тогда не верил в вину Германии, т.к. если при том напряжении дело дошло до вооруженного конфликта...

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Достаточно.

ФРИЧЕ. Простите, я хотел бы закончить.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Только я прошу Вас короче.

ФРИЧЕ. Я просил бы, г-н обвинитель, разрешить мне высказаться до конца.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Пожалуйста, только я прошу Вас покороче.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Руденко, дайте возможность свидетелю ответить на вопрос.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Пожалуйста.

ФРИЧЕ. В то время мне доставил необыкновенное удовлетворение тот факт, что я спустя несколько дней мог констатировать на основании советско-русской прессы, что и Советская Россия и ее правительство придерживались точки зрения Германии в вопросе виновника войны в данном случае.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Я думаю, что Вам сейчас не следует об этом говорить, и я не просил у Вас по этому вопросу об"яснений. Вы мне по существу не ответили. Но я перейду к следующему вопросу.

Вы 9 апреля 1940 г. выступили с об"яснением причин возможной оккупации Норвегии. Сейчас Вам передадут выдержку из этого Вашего выступления. Г-н председатель, и это документ 496, СССР-496. Он у Вас находится, подсудимый Фриче, выдержка № 4.

ФРИЧЕ. У меня еще нет этого документа здесь.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Есть? /К секретарю - Нашли ему?/

ФРИЧЕ. Да, я нашел. Это - на четвертой странице.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Очень хорошо. Правильно, и это - выдержка 4-ая. Я оглашу небольшой абзац этого выступления:

"Тот факт, что германские солдаты были вынуждены выполнять свои обязанности в связи с нарушением Англией норвежского нейтралитета, хотя не привел к войне, а окончился мирными действиями. Никто не был ранен, ни один дом не был разрушен, жизнь и ежедневный труд текли обычным путем"./ Конец цитаты./

Это была ложь? Вы это признаете, или Вы станете отрицать?

ФРИЧЕ. Нет, это была не ложь...

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Это была не ложь?

ФРИЧЕ. Я сам был в Норвегии и видел это, и Вам здесь станет все совершенно ясно, если Вы позволите мне зачитать следующий абзац. Здесь говорится...

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Один момент. Вы сумеете зачитать...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Руденко, Вы должны дать свидетелю возможность представить свои об"яснения. Он хочет зачитать следующее предложение для того, чтобы дать об"яснение этому предложению.

ФРИЧЕ. В следующем предложении говорится: "Даже там, где норвежские войска оказывали сопротивление, подстрекаемые введенным в заблуждение бывшим норвежским правительством, ... норвежское население было этим совершенно не затронуто, т.к. нор-

H1208 – 0432

H1208 – 0433

вежды сражались вне пределов городов и деревень"... и т.д.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Хорошо. А теперь я Вам пред"явлю документ "Правительственный доклад норвежского правительства", который уже представлен Трибуналу французским обвинением под № РФ-72. Там, г-н председатель, в моей книге документов ошибочно значится этот документ под № СССР-78. Это - документ ПС-1800 и представлен французским обвинением под № 72.

Послушайте, подсудимый Фриче, как Вы правдиво освещали положение в Норвегии. Послушайте, как говорится в правительственном отчете норвежского правительства. Я цитирую это место:

"Германское нападение на Норвегию 9 апреля 1940 года ввергло Норвегию, в войну впервые за 126 лет. В течение двух месяцев война велась по всей стране, принося разрушения, исчисляющиеся в 250 миллионов крон". И далее: "Более 40 тысяч домов было повреждено и разрушено и около тысячи человек из числа гражданского населения убито". /Конец цитаты./

Так обстояло положение в действительности. Вы признаете, что Ваши выступления 2 мая 1940 г. были клеветническими, очередными клеветническими выступлениями?

ФРИЧЕ. Нет, я этого не признаю. Я констатирую, что Вы, г-н обвинитель, при пред"явлении этой выдержки не посчитались с тем и не обратили внимания на то, что в своем выступлении я говорил о том, что я хочу описать лишь то, что я видел сам при своей поездке в Гольдбраунталь, во время которой, как я сейчас вспоминаю, я доехал почти до Аттн. Таким образом, мое описание совершенно не противоречит ~~действительности, если даже, не~~ утверждению норвежского правительства, о том, что во время ~~этой~~ акции в Норвегии был нанесен такой значительный ущерб и имели место такие потери.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Я думаю, норвежский народ и норвежское

правительство достаточно испытали на себе гнет фашистских оккупантов, и отчет правительственный излагает то, что было, а не так, как Вы пытаетесь осветить в духе пропаганды Вашей. Но этот документ представлен в порядке статьи 21-й, как бесспорное доказательство, и я не намерен с Вами спорить. Трибунал оценит эти доказательства. Я имею к Вам несколько вопросов в связи с уже достаточно освещавшимся здесь фактом о случае с "Атенией". Я не буду Вас подробно допрашивать по этому факту - он достаточно ясно установлен; я спрашиваю Вас: Вы признаете сейчас, что фашистская пропаганда клеветнически и лживо предполнесла общественному мнению этот случай с "Атенией"?

ФРИЧЕ. Сделала ли это фашистская пропаганда в Италии, - я этого не знаю. Национал-социалистская же пропаганда сделала это с добрыми намерениями, как это я достаточно ясно описал.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Я говорю на основе того, что произошло здесь и установлено. Вы признаете, что это было клеветническое выступление, или Вы и сейчас это отрицаете?

ФРИЧЕ. Нет, это я уже признал и описал весьма подробно, что обусловило такие заявления.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Хорошо. Меня, только интересует в этом вопросе Ваша личная роль. Почему именно Вы так активно выступали по этому вопросу и почему именно Вы первый начали распространять эту клевету?

H1208 - 0434

H1208 – 0435

Фриче. Мне кажется, что не я первый сообщил об этом деле общественности, но фактом является то, что я очень часто говорил о случае с "Атенией", и притом на основании тех официальных информаций, которым я имел полное основание верить. Я говорил об этом просто потому, что я был тем, кто в начале войны вечером выступил по радио.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Вы что, пытаетесь утверждать, что первое сообщение об "Атении" появилось в "Фелькишер беобахтер" в октябре 1939 года?

ФРИЧЕ. Этого я никогда не утверждал.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Хорошо. Тогда я Вам напомню, что уже Вы выступали по вопросу "Атении" в сентябре 1939 года. Это правильно?

ФРИЧЕ. Конечно, вопрос об "Атении"...

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Вы не выступали до опубликования этого в "Фелькишер Беобахтер"?

ФРИЧЕ: Да, за несколько недель до этого.

Генерал РУДЕНКО: Значит, Вы первый начали распространять это клеветническое измышление?

ФРИЧЕ: Нет, этого я не могу подтвердить.

Генерал РУДЕНКО: Ну, хорошо. В связи с этим - один только вопрос. Вы не станете отрицать, что и в 1940 году Вы продолжали распространять эту версию? Я повторю вопрос: я спрашиваю - Вы не станете отрицать, что и в 1940 году Вы продолжали пропагандировать эту клевету?

ФРИЧЕ: Задача любой пропаганды заключается в том, что она часто и долго повторяет хорошие сообщения. Я уже заявлял, что я лишь в декабре 1945 года в тюрьме узнал от гроссадмирала Редера, что "Атения" была потоплена германской подводной лодкой.

Генерал РУДЕНКО: Хорошо. Я перейду к группе вопросов, связанных с Вашим участием в проведении пропаганды, в связи с подготовкой нападения на Советский Союз. Вы утверждаете, что о подготовке нападения на СССР Вы ничего не знали до того момента - 5-ти часов утра 22 июня 1941 года, то-есть когда немецкие войска уже вторглись на территорию СССР, когда Вы были вызваны Риббентропом в министерство иностранных дел на пресс-конференцию. Так я понял Ваши показания?

ФРИЧЕ: Нет. Уже за несколько часов до этого, то-есть вечером предшествующего дня, доктор Геббельс вызвал отдельных руководителей управлений министерства пропаганды к себе на дом в Ванзей, сообщил им об этих фактах и запретил им уходить и звонить по телефону. Вот, когда я впервые по-настоящему узнал о предстоящих событиях.

14525

H1208 – 0436

H1208 – 0437

Генерал РУДЕНКО: Хорошо. Вы утверждаете также, что об агрессивных целях нападения Германии на СССР Вам стало известно лишь в 1942 году, причем в результате Ваших личных наблюдений? Это правильно?

ФРИЧЕ: Я не знаю, что Вы имеете здесь в виду. Сегодня утром я попытался об"яснить, что у меня были некоторые сомнения в правильности кое-каких германских официальных обоснований этого нападения, что впервые такие сомнения у меня возникли в тюрьме. Сегодня я об"яснил это. Что касается второго момента, то здесь я хотел бы добавить следующее. Во время моих допросов в Москве, я неоднократно подчеркивал, и то, что я подчеркивал действительно является фактом, что я в 1942 году, может быть, даже в 1941 году, уже после начала войны с Советским Союзом, я заметил, что уже задолго до 22 июня имели место, должны были быть проведены приготовления рааличного характера.

Генерал РУДЕНКО: Я Вам напомню один абзац из Вашего заявления. Это документ, который Вы полностью здесь подтверждаете. Это № 3469-ПС. Здесь в параграфе 42-м говорится. Здесь небольшой абзац:

"В начале 1942 года, будучи солдатом на восточном театре военных действий, я увидел, что ранее были произведены большие приготовления для занятия и управления территорией, простирающейся вплоть до Крыма. Основываясь на моих собственных наблюдениях, я пришел к заключению, что планы для войны против Советского Союза подготавливались задолго до ее начала". Это правильное Ваше заявление?

ФРИЧЕ: Да.

Генерал РУДЕНКО: Я не имею больше ничего по этому по-

воду к Вам. Я хотел бы Вам напомнить еще два документа, связанные с проведением пропаганды в связи с подготовкой и нападением на Советский Союз. Я имею в виду протокольную запись совещания у Гитлера от 16 июля 1941 года. Это, господин председатель, документ № 221, он уже представлен. Сейчас Вам дадут этот документ и я процитирую один абзац или два. Цитирую 2 абзаца на 1-й странице:

"Теперь является важным, чтобы мы не раскрывали своих целеустановок перед всем миром, - это, к тому же, вовсе не нужно. Ни в коем случае не следует осложнять наш путь излишними об"яснениями. Подобного рода об"яснения являются излишними, ибо мы можем сделать все, поскольку у нас хватит власти, а что лежит за пределами нашей власти мы и без того сделать не можем". И дальше: "Мотивировка наших действий перед миром должна исходить из тактических соображений. Мы должны поступать здесь таким же образом, как в случаях с Норвегией, Данией, Голландией, Бельгией. И в этих случаях мы ведь ничего не говорили о наших намерениях, и впредь мы будем такими же умными и не будем этого делать". Конец цитаты.

Вам было известно о подобного рода установках Гитлера?

ФРИЧЕ: Нет, о таких указаниях мне не было известно, но...

Генерал РУДЕНКО: Но Вы...

ФРИЧЕ: ... тот факт, что такие замечания и указания были представлены на этом процессе, заставили меня осознать, как я уже сказал, то, что некоторые предпосылки нашей пропаганды не имеют основания.

Генерал РУДЕНКО: Хорошо. Вам также не были известны указания о применении пропаганды в районе "Барбаросса", изданные ОКВ и подписанные подсудимым Йодлем?

14502

H1208 – 0438

H1208 - 0439

ФРИЧЕ: Просто так я не могу сказать этого. Если я их увижу, я может быть смогу подтвердить это. План "Барбаросса" до настоящего процесса не был для меня определенным понятием.

Генерал РУДЕНКО: Господин председатель, это документ Ц-26. Он уже пред"явлен Трибуналу; я только хочу коснуться его в связи с вопросами о пропаганде. В Вашей книге документов, подсудимый, это 477 или Ц-26, он там есть также. Я Вам процитирую один только абзац. Здесь, в этих показаниях говорится:

"Пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза. В различных частях Советского Союза пропаганда должна пользоваться наиболее распространенным языком. Это, однако, не должно приводить к тому, чтобы характер отдельных пропагандистских текстов преждевременно давал бы повод к заключению о намерениях расчленить Советский Союз". /Конец цитаты/.

Вы были в курсе этих указаний?

ФРИЧЕ: Я не знал ни документа, ни содержания этих указаний, которые Вы только что зачитали.

Генерал РУДЕНКО: Но я надеюсь, что Вы не будете отрицать, что именно в таком духе и проводилась пропаганда?

ФРИЧЕ: Нет, насколько я мог наблюдать за тем, как проводилась пропаганда в Советском Союзе, я могу сказать следующее: эта пропаганда придерживалась совершенно противоположных тенденций; она старалась призвать отдельные национальности к самостоятельности; Украину, Белоруссию, Прибалтику и т.д.

Генерал РУДЕНКО: Хорошо. Теперь я хочу Вас спросить, когда Вы впервые встретились с подсудимым Розенбергом и получили от него информацию о задачах немецкой пропаганды на Востоке?

ФРИЧЕ: Я сомневаюсь в том, чтобы до этого процесса я вообще когда-либо говорил с господином Розенбергом. Но, мне кажется, что в обществе я иногда с ним встречался. Каких же либо деловых или служебных разговоров у меня с ним никогда не было за всю мою жизнь.

Генерал РУДЕНКО: Хорошо. Вам сейчас передадут документ № 1039-ПС. Это отчет Розенберга о подготовительной работе по вопросам, связанным с территорией Восточной Европы. Этот документ уже пред"являлся подсудимому Розенбергу и он не отрицал, а подтвердил этот документ. Я хотел, чтобы Вы обратились к цитате второй, которая очерчена. Я не буду целиком зачитывать ее для того, чтобы не затягивать допрос. В этом отчете говорится:

"Кроме этих переговоров, которые были освещены выше /я опустил этот абзац/, я принял ответственных представителей пропаганды, а именно: министериаль-директора Фриче, посланника Шмидта, имперского интенданта радиовещания Глазамира, доктора Бротекера и других. Не входя в подробности политического направления, я доверенно информировал указанных лиц о необходимой позиции с просьбой без каких-либо высказываний соответствующим образом следить за всей терминологией в прессе. В моем аппарате появились для специальной обработки восточных вопросов довольно подготовленные работы, которые я передал представителям пропаганды". Закончим на этом цитату.

14599

H1208 – 0440

H1208 – 0441

Правильно ли осветил подсудимый Розенберг события, которые были в 1941 году, еще до нападения на Советский Союз?

ФРИЧЕ: Нет. Я не помню, чтобы я когда-либо был принят господином Розенбергом. Ни в коем случае нельзя утверждать, что я получил от Розенберга или кого-нибудь из его сотрудников до 22 июня какие-либо сообщения о намеченном нападении на Советский Союз. Напротив, - это, может быть, несколько раз"яснит положение вещей, - я вспоминаю, что один из сотрудников Розенберга довольно часто бывал у меня или у моих сотрудников; я помню его имя; это был руководитель группы прессы, раньше он был редактором "Фелькишер Беобахтер"-майор Кранц. Он часто бывал у меня и у моих сотрудников и передавал нам о пожеланиях Розенберга в вопросах пропаганды в прессе. Но, во всяком случае, это не было до 22-го июня.

Генерал РУДЕНКО: Значит, то, что написано в отчете подсудимого Розенберга, является в отношении Вас неправдой?

ФРИЧЕ: Неправда - это было бы слишком сильно сказано. Очень может быть, что все эти сообщения, которые он здесь делает, относятся просто к более позднему времени. Я сейчас не могу судить об этом, поскольку я не читал всего документа. Кроме того, можно предположить, что Розенберг при составлении этого отчета не придавал большого значения точности сведений относительно этого приема ответственных работников германской пропаганды.

Генерал РУДЕНКО: Так, хорошо. А в этой связи хотел бы поставить Вам два вопроса. Прежде всего я хочу сослаться на письменные показания Ганса Фосса. Это документ 471, он

у Вас и находится, выдержка № 3. Документ СССР-471, выдержка № 3. Вы нашли?

ФРИЧЕ: Да, я нашел.

Генерал РУДЕНКО: Я читаю. Вот, что свидетельствует генерал Фоссе. " После поражения германских войск под Сталинградом и начавшегося общего наступления советских войск по всему фронту Геббельс и Фриче прилагали все усилия для организации германской пропаганды таким образом, чтобы наиболее эффективно помочь Гитлеру выправить положение на фронте. Пропаганда строилась в расчете на то, что немцам удастся подольше продержаться. Немцев запугивали русским солдатом, для чего распространяли клеветнические сведения о зверствах русского солдата, о намерениях Советского Союза истребить германский народ. И далее, на последнем этапе войны германская пропаганда, возглавляемая Геббельсом и Фриче, сделала еще одну попытку услужить Гитлеру и организовать немецкое сопротивление советским войскам". /Конец цитаты/. Это - правильно?

ФРИЧЕ: Это не только неправильно, но это просто бессмыслица.

Генерал РУДЕНКО: Вы уже неоднократно прибегали к такой терминологии. Очевидно, Ваша профессия сказывается в этом смысле.

Хорошо. Я не намерен полемизировать. Я хочу, чтобы Вы посмотрели свои показания от 12 сентября 1945 года. Это - СССР-474, 3-я выдержка. Вы нашли это место? Я процитирую Ваши об"яснения по этому вопросу.

ФРИЧЕ: Все это не представляет собой моих показаний.

14601

H1208 – 0442

H1208 – 0443

Какое место Вы имеете в-виду, господин обвинитель?

Генерал РУДЕНКО: Я имею в-виду выдержку № 3, очерченную там, которая начинается словами: "Военное нападение на Советский Союз".

ФРИЧЕ: Да.

Генерал РУДЕНКО: Следите, пожалуйста. "Военное нападение на Советский Союз, в связи с заключением договора, подготавливалось Германией тайно. Поэтому никакой пропагандистской работы в период подготовки к войне с СССР мы не вели. В связи с этим, активная антисоветская кампания органами германской пропаганды была начата лишь после начала военных действий на восточном фронте. В данном случае следует указать, что основная задача, которая была поставлена Геббельсом перед всем пропагандистским аппаратом, сводилась к тому, чтобы оправдать захватническую политику Германии против Советского Союза. Исходя из этого, я, как руководитель германской прессы и радиовещания, организовал широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность в том, что в этой войне повинна не Германия, а Советский Союз" И далее: " Должен, однако, заявить, что никаких оснований к тому, чтобы обвинять Советский Союз в подготовке военного нападения на Германию у нас не было. В своих выступлениях по радио я прилагал все усилия к тому, чтобы запугать народы Европы и население Германии ужасами большевизма, и утверждал, что, якобы, только фашистская Германия является оплотом европейских стран против англо-американской плутократии и красного империализма". /Конец цитаты/.

Вы это признаете?

ФРИЧЕ: Здесь действительно содержатся показания, которые я дал, но эти показания преподнесены в немного переработанном виде, я бы сказал. Если мне разрешат, я коротко коснусь всех этих моментов.

Совершенно правильно, что в Москве я сказал, что войне с Советским Союзом не предшествовала пропагандистская подготовка, поскольку эта война началась внезапно и очень неожиданно. Далее, правильно, что после нападения на Советский Союз главная задача германской пропаганды заключалась в том, чтобы оправдать необходимость этого нападения, то-есть все время подчеркивать, что мы лишь предвосхитили нападение Советского Союза.

Далее, правильно то, что я сказал, что следующая задача германской пропаганды заключалась в том, чтобы излагать почти то же самое, то-есть все время подчеркивать, что не Германия, а Советский Союз ответственен за эту войну. К сожалению, в этом протоколе выпущен самый важный аргумент, который я привел тогда, а именно констатация того, что я вместе со мной миллионы немцев верили тогда официальным сообщениям германского правительства, потому что тогда казалось абсолютно бессмысленным и невозможным, во время еще незаконченной войны на западе добровольно итти на риск, начиная войну на востоке. Я продолжаю. Также правильно то, что материалы в Белой книге, которая была издана в то время министерством иностранных дел, были сравнительно скудны. И, затем, также правильно то, что германская пропаганда должна была нагнать на Европу страх перед большевизмом; и в заключение, правильно то, что германская пропаганда все

H1208 – 0444

H1208 – 0445

время подчеркивала, что Германия является единственной крепостью в борьбе с Советской всемирной революцией.

Генерал РУДЕНКО: Хорошо. Теперь я хотел, чтобы Вы обратили внимание на выдержку № 4 того же документа, который находится у Вас. Это - в связи с пропагандой, поддерживавшей дух сопротивления в немецком народе, несмотря на все данные о явном поражении Германии. Я хочу огласить этот небольшой абзац. Это документ 474, выдержка 4-я. Начинаю.

"С 1943 года в германской пропаганде по радио я пытался утверждать, что Германия располагает таким оружием, перед которым содрогнутся наши противники. При этом я использовал вымышленные данные о работе германской военной промышленности, которыми меня снабжал имперский министр вооружения и боеприпасов Шпеер".

Это правильно?

ФРИЧЕ: Одна часть неправильна. Другая часть, которая верна, не совсем правильно выражена. Я начну с последнего: правильно, что ко мне поступали сведения из министерства вооружения, которые вселяли в меня большие надежды на успех, так, например, цифровые данные о месячном производстве самолетов, затем данные о новых, особенно эффективных истребителях. Сейчас, в личных беседах со Шпеером я установил, что цифры, которые я получал в то время, были в основном правильными, и что самолеты или неправильно использовались, как, например, при наступлении в Арденнах вместо защиты страны, или, что они совсем не использовались вследствие недостатка горючего. Но первая половина...

Генерал РУДЕНКО: Это слишком подробно, подсудимый Фриче.

14604

Вы вторгаетесь в такие детали, которые освещались здесь, и они не имеют непосредственного отношения к Вам. Я бы хотел пред"явить Вам показания подсудимого Шпеера, который был допрошен советским следователем здесь, в Нюрнберге, 14 ноября 1945 года. Этот документ я пред"являю под № СССР-492. Я хочу только огласить ту часть из этого документа, которая касается проведения пропаганды и именно в этот период. Я оглашаю:

"В сентябре 1944 года доктору Геббельсу я написал письмо". /Пропуск следует/. Теперь далее: "В этом письме я предупреждал Геббельса, что он проводит неправильную пропаганду о новом вооружении и тем самым будит напрасные надежды среди германского народа. Это была пропаганда, которая проводилась доктором Геббельсом с той целью, чтобы внести в немецкий народ надежду на благоприятный исход войны". /Конец цитаты/.

Это соответствует действительности?

ФРИЧЕ: Только частично. Верно то, что доктор Геббельс лично за год до начала использования первых снарядов "фау" сообщал о них в своей пропаганде. С другой стороны, Шпеер в своих показаниях сам заявил, что теперь он знает настоящий источник пропаганды о чудесном оружии, а именно- штандартенфюрера Штарфенберга. Доктор Геббельс - разрешите этим закончить - в последние месяцы 1944 года также пытался немножко заглушить эту пропаганду "чудесного оружия", которую он сам когда-то начал.

Генерал РУДЕНКО: Теперь я хочу напомнить Вам о Вашей личной роли и лично Вами проводимой пропаганде с угрозами

14605

H1208 -0446

H1208 – 0447

о применении нового вида оружия с целью внедрить в немецкий народ уверенность в успешности сопротивления союзным войскам. Я Вам пред"явлю документ СССР-496 /он у Вас есть, ~~он у Вас находится~~/; это - Ваше выступление по радио I июля 1944 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал, скоро ли Вы намереваетесь закончить допрос или нам следует об"явить перерыв?

Генерал РУДЕНКО: Я думаю, господин председатель, что следует об"явить перерыв; у меня допрос займет еще полчаса.

Встать! Суд идет!

/Перерыв на IO минут/.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Вам пред"явили выдержку № 6 из документа 496-СССР. Это - Ваше выступление 1 июля 1944 года. Я оглашаю ее:

"Мы, немцы, очень сдержанно высказывались по поводу эффекта, произведенного новым видом оружия. Мы могли позволить себе эту сдержанность, зная, что раньше или позже Британия нарушит то молчание, которым она в первое время пыталась прикрыть действия, производимые "фау-1". И мы были правы. Отчеты, получаемые из Британии в течение последних дней и, в особенности, сегодня, доказывают, что действие этого первого удара, нанесенного Британии новым видом вооружения, становится слишком очевидным. Сейчас для Британии не может быть и речи о том, что она могла жаловаться на то, что из Германии против Британских островов поднимается волна ненависти. На пятом году войны бесполезно говорить о чувствах, хотя о них можно было бы сказать очень много". Конец цитаты.

Вы признаете, подсудимый Фриче, что подобной пропагандой Вы обманывали немецкий народ и подстрекали к дальнейшему

бессмысленному сопротивлению?

ФРИЧЕ. Наоборот. В этом случае я говорил значительно сдержаннее и значительно скромнее, чем это делала немецкая пресса, о результатах использования "фау-1". В следующем положении после Вашей цитаты сказано, что "мы можем лишь повторить, что для нас "фау-1" является средством для борьбы с вражеским террором".

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Теперь я хочу напомнить Вам, подсудимый Фриче, Ваши показания от 12 сентября 1945 года по поводу деятельности организации "Вервольф". Это-документ СССР-474, выдержка № 5. Вы нашли это?

ФРИЧЕ. Да, я нашел.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Я сейчас прочитаю:

"В конце февраля 1945 года статс-секретарь министерства пропаганды доктор Науман передал мне указание Геббельса разработать план организации секретного радиоцентра". И далее: "Науман об"яснил, что германским правительством принято решение о переводе членов национал-социалистской партии на нелегальное положение и о создании подпольной организации, условно именуемой "Вервольф". Через радиоцентр, который мне надлежало организовать, как заявил Науман, должно осуществляться руководство всеми подпольными группами "Вервольф". Конец цитаты.

Как видно из Ваших показаний, Вы возражали против создания такого радиоцентра, говорили по этому поводу с Геббельсом, но радиоцентр все-же был создан и ведение радиопередач было поручено бывшему руководителю имперского управления пропаганды Шлезину. Это правильно?

ФРИЧЕ. Нет. Здесь спутаны две вещи. Во-первых, план

H1208-0448

H1208 – 0449

создания передатчика "Вервольф", описанный в абзаце, который Вы мне зачитали, предусматривал создание передвижного передатчика. Этот передатчик не был создан. Правда, во время моего отсутствия - 1 апреля 1945 года по прямому указанию доктора Геббельса так называемая старая немецкая радиостанция была переименована в передатчик "Вервольф".

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Я хочу Вам пред"явить, чтобы не спорить с Вами по этому вопросу, Ваше собственное выступление от 7 апреля 1945 года. Это-тот же документ СССР-496, выдержка № 7.

Вы нашли?

ФРИЧЕ. Да.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Вы говорили тогда по радио:

"Однако в результате превосходства в людях и в материальних резервах - врагу удалось проникнуть далеко в глубину германской территории - и в настоящее время он собирается осуществить по отношению к нам свою программу уничтожения". Пропуск, и далее: "Пусть никто не удивляется, если жажда сильных сердец к мести за нарушенные человеческие права не требует даже небольшого перерыва для временного восстановления, а вспыхивает немедленно и, поднимаясь ярким пламенем, переходит в активность. Пусть никто не удивляется, если кое-где - в только что оккупированных районах - в борьбе принимает участие гражданское население или даже после окончательного проведения оккупации продолжает вестись борьба людьми в гражданском платье".

Если без подготовки и без организации, из самого инстинкта к жизни возникло это исключительное явление, - мы сегодня назовем его „вервольф". Конец цитаты.

14608

Что Вы теперь скажете?

ФРИЧЕ. Хотя эта цитата и вырвана из общей связи, я ее все-таки узнаю. К сожалению, здесь нет одного места, где я говорю о праве; я сказал, что "право - это дело чувств, оно коренится в традиции и в этическом сознании..."

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Простите, я Вас прерву, подсудимый Фриче. Я Вас прерву. Я не намерен Вас просить, чтобы Вы так подробно об"ясняли. Я хотел установить только факт, что Вы не только об"ясняли, а и призывали к созданию организации Вервольф? Это меня только интересует. Это правильно?

ФРИЧЕ. Это совершенно неверно. Это - не пропаганда в пользу вервольфа, это - извинение за случаи активности вервольфа.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Хорошо, оставим этот вопрос. Я хочу Вас спросить, Вам известно, кто возглавлял организацию вервольфа?

ФРИЧЕ. Здесь уже было сказано, что высшей главной был Борман. В его подчинении находился еще один высший командир СС и полиции, имя которого я уже напрасно пытался вспомнить при допросах в Москве. Однако я знал одного из его сотрудников-Гюнтера Алькве.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Хорошо. Перед тем, как Вам задать несколько последних вопросов, я хочу Вас спроить, разве не является фактом, что Розенберг и Штрейхер имели большое влияние на германскую пропаганду?

ФРИЧЕ. Их влияние было крайне малым. На официальную германскую пропаганду Штрейхер вообще не оказывал влияния, а Розенберг - в едва заметной для меня степени.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Хорошо. Я имею к Вам несколько последних вопросов. Вы заявили здесь Трибуналу, что, если бы Вам

H1208 - 0450

H1208 – 0451

были известны приказы Гитлера об убийствах людей, Вы бы не пошли тогда с Гитлером. Правильно я Вас понял?

ФРИЧЕ. Вы меня поняли совершенно верно.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. То-есть я иначе понимаю так, что Вы пошли бы против Гитлера?

ФРИЧЕ. Трудно сказать, что я сделал бы тогда.

Генерал РУДЕНКО. Хорошо.

ФРИЧЕ. Естественно, это - вопрос, который я [illegible] часто обдумывал.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Я хочу Вас спросить: в начале 1942 г., как Вы здесь сообщили Трибуналу, Вы получили сведения, что на Украине, оккупированной немцами, в одном округе готовится истребление евреев и украинской интеллигенции только потому, что они - евреи и украинская интеллигенция. Вы получили такое сообщение (Вы говорили об этом), правильно?

ФРИЧЕ. Правильно.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Это было вначале. В мае 1942 г. Вы были в 6-й армии. Вы в 6-й армии узнали о существовании приказа об убийствах советских комиссаров. Это правильно?

ФРИЧЕ. Да.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Вы считали, что этот кровавый приказ не должен применяться. Это правильно?

ФРИЧЕ. Правильно.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Вы знали, что этот приказ исходит от Гитлера?

ФРИЧЕ. Да, я мог полагать это.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Значит, в 1942 г. Вы знали, что существовали приказы Гитлера об убийствах, и, тем не менее, Вы шли с Гитлером?

ФРИЧЕ. Вы сравниваете две несравнимые вещи, господин обвинитель. Большая разница - обращался ли я с комиссарами не как с военнопленными или же я давал приказ об уничтожении пяти миллионов евреев.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Значит, Вы этот приказ считали возможным и допустимым в условиях ведения войны германской армией? Так я понимаю Вас, если Вы не выступили против Гитлера?

ФРИЧЕ. Нет. Я считал его невозможным и поэтому активно выступал против этого приказа, а не только пассивно, как другие.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Но продолжали поддерживать Гитлера?

ФРИЧЕ. Да.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Последний вопрос. Скажите, Вам приходилось когда-либо за время войны сталкиваться с вопросами, касающимися подготовки биологической войны?

ФРИЧЕ. Никогда.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Вам известна фамилия майора фон Пассаванта во время войны?

ФРИЧЕ. Эта фамилия мне известна.

Генерал РУДЕНКО. Он являлся представителем ОКВ в министерстве пропаганды.

ФРИЧЕ. Нет, не совсем так. Он был специалистом по радио в отделе пропаганды ОКВ.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Вам сейчас передадут копию Вашего письма от 19 октября 1944 г.—документ СССР-484—на котором имеется Ваш личный гриф, майору фон Пассаванту, в ОКВ. Это - небольшой документ, я оглашу его:

"Руководителю отдела радиовещания-господину майору фон Пассаванту. ОКВ. Слушатель Густав Отто, руководитель пред-

H1208 - 0452

H1208 – 0453

приятия из Рейхенберга, направляет мне при сем предложение о проведении биологической войны. Я пересылаю Вам это предложение с просьбой передать его в соответствующее учреждение, ведающее этими вопросами. Хайль Гитлер! Фриче".

Вы помните этот документ?

ФРИЧЕ. Конечно, я не помню этого документа. Одновременно я заявляю, что он, без сомнения, является подлинным.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Хорошо, я последний вопрос ставлю. Таким образом, Вы были за подготовку и проведение Германией биологической войны, не так ли?

У меня все вопросы, г-н председатель.

ФРИЧЕ. Да, но я должен, однако, иметь возможность ответить на последний вопрос. Я констатирую, что я никоим образом не был за биологическую войну, а что дело заключалось лишь в том, чтобы отправить огромные количества ежедневно получаемых писем радиослушателей в соответствующую инстанцию. Мне представляли на подпись сопроводительные письма в 2-3 строчки, с содержанием я обычно не знакомился.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Фриц, желаете ли Вы задать подсудимому дополнительные вопросы?

Д-р ФРИЦ (защитник подсудимого Фриче). Г-н Фриче, во время перекрестного допроса генералом Руденко Вам была представлена Ваша речь по радио от 2 мая 1940 года, в которой Вы говорите о своей поездке в Норвегию. Можете ли Вы точно сказать, когда Вы совершили эту поездку?

ФРИЧЕ. Дату я не могу назвать точно, но, если я не ошибаюсь,-это было приблизительно в конце апреля.

ФРИЦ. Далее, Вам был представлен официальный доклад Норвежского правительства о военном ущербе, вследствие оккупации Норвегии Германией. Здесь было сказано, что военные действия, которые вызвали этот ущерб, могли произойти лишь после того, как Вы закончили свою поездку. Верно ли это?

ФРИЧЕ. Это очень возможно. Но я хотел бы заявить следующее. В выдержке, которую зачитал господин русский обвинитель, не указав, откуда он ее взял, я описал именно то, что я видел в точно указанных местах, например, в Лилехаммере и Годеншале. Это несколько названий, которые я сейчас вспоминаю. Пытаться сравнить эти данные с данными норвежского правительства об общем ущербе - это ни что иное, как попытка измерять жидкость метрической мерой, или наоборот.

ФРИЦ. Последний вопрос по этому поводу. Эта Ваша поездка состоялась до высадки или после высадки англичан в Норвегии?

ФРИЧЕ. Я сам наблюдал бой с английскими войсками, причем несколько южнее, если я не ошибаюсь, местечка Оттар в Бульдерндале.

ФРИЦ. Г-н председатель, г-н генерал Руденко во время своего перекрестного допроса представил три протокола допроса, а именно: Фосса, это - СССР-471, Шернера - это СССР-472 и Штахеля - СССР-473. За это время я просмотрел эти три протокола и прошу Высокий суд сравнить эти три протокола друг с другом. Я установил, что в этих трех протоколах трех различных лиц совершенно дословно повторяются части ответов. Так, например...

14613

H1208 - 0454

H1208 – 0455

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Данные показания Вы не получаете от свидетеля, а представляете их нам в виде собственных аргументов. Вам следует выбрать для этого другое время.

ФРИЦ. Да, я хотел подать ходатайство, г-н председатель; если эти три протокола будут положены в основу вынесения приговора, то я хочу ходатайствовать о том, чтобы, по крайней мере, одно из этих трех лиц лично было вызвано сюда для перекрестного допроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что Вы имели в виду: посмотреть Вам или изучить нам все эти три аффидевита, или же Вы хотели, чтобы одно из этих ~~людей~~ лиц, давших письменные показания под присягой, прибыл сюда, чтоб дать показания и подвергнуться перекрестному допросу? Что Вы имели в виду?

ФРИЦ. Последнее, г-н председатель.

Я просил бы вызвать всех трех.

ФРИЧЕ. Всех трех, я могу лишь просить вызвать всех трех.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал рассмотрит Ваше ходатайство.

ФРИЦ. В остальном, г-н председатель, я отказываюсь от дальнейшего повторного допроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, я хотел задать Вам один вопрос. Вы сослались на декрет или приказ о комиссарах и Вы говорили об этом документе, как о приказе, согласно которому с комиссарами не следовало обращаться как с военнопленными. Это ведь был не приказ, не так ли? А, согласно существовавшему приказу, их следовало убивать?

ФРИЧЕ. Приказ, с которым я познакомился в 6-й армии, заключался в том, что нужно было расстреливать взятых в плен комиссаров.

ФРИЧЕ. В этом случае я признаю, что мое выражение в деле о комиссарах было неверным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я хотел бы задать Вам еще один вопрос. В октябре 1939 года в немецкой газете было напечатано не соответствующее действительности заявление относительно "Атении". Это, ведь, правда, не так ли?

ФРИЧЕ. В октябре 1939 года? В течение всего сентября и октября как в немецкой прессе, так и по немецкому радио распространялись неверные сведения об "Атении".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да. Но 23 октября 1939 года в немецкой газете было опубликовано явно лживое заявление о том, что вина за потопление "Атении" падает на господина Уинстона Черчилля. Вы уже говорили нам об этом.

ФРИЧЕ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И Вы в течение некоторого времени продолжали передавать по радио материали относительно этих голословно утверждавшихся фактов, не так ли?

ФРИЧЕ. Само собой разумеется, ибо тогда я еще полагал, что они были верными, а мои...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это как раз то, о чем я хотел Вас спросить. Ведь при Вашем отделе имелся офицер связи военно-морского флота?

ФРИЧЕ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какие справки Вы навели по этому вопросу?

ФРИЧЕ. Этот офицер военно-морского флота сам по себе не был офицером связи главного командования военно-морских сил; он был цензором от всех вооруженных сил. Несмотря на это, я, конечно, пользовался его помощью в вопросах военно-морского флота, и ему я неоднократно поручал или просил его

14615

H1208 – 0456

H1208 – 0457

осведомиться о положении расследования случая с "Атенией" в главном командовании военно-морских сил. Ответ всегда гласил: "Все то же, ни одна германская подводная лодка не находилась вблизи от места катастрофы".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы утверждаете, что этот офицер связи военно-морского флота сообщил Вам об этом только после 23 октября 1939 года?

ФРИЧЕ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Он и впоследствии продолжал информировать Вас по этому вопросу?

ФРИЧЕ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это все, что я хотел Вас спросить. Подсудимый может вернуться на скамью подсудимых.

ДОКТОР ФРИЦ! Пожалуйста.

ФРИЦ. С разрешения суда я вызываю свидетеля господина фон Ширмайстера.

(Вводят свидетеля).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите, пожалуйста, Ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ. Мориц фон Ширмайстер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги:

"Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

(Свидетель повторяет слова присяги).

Вы можете сесть.

ФРИЦ. Господин свидетель, до начала Вашего допроса я хотел бы просить Вас говорить при Ваших ответах по возможности коротко. Опишите, сперва, пожалуйста, суду коротко Вашу жизнь, для того, чтобы суд знал, с кем он имеет дело.

ШИРМАЙСТЕР. Я из семьи военных и чиновников, прошел три семестра теологии и десять лет служил в банке, из них 5 лет в Южной Америке, Затем работал в качестве редактора руководил печатью до моего назначения в Берлин. 1 октября 1931 года вступил в партию; был гауптштурмфюрер СС в общих СС. Во время войны четыре раза был солдатом, в последний раз с 31 июля 1944 года; 22 сентября 1944 г. попал в плен, с тех пор жил в Англии.

ФРИЦ. Когда я несколько дней тому назад обсуждал с Вами тему Вашего опроса, Вы заявили мне, что Ваше прежнее положительное отношение к национал-социализму/и в коем случае не помешает Вам дать здесь правдивые показания. Верно ли это?

ШИРМАЙСТЕР. Я уже сказал Вам, что я верил в это дело; я пожертвовал ему всем, я все потерял из-за него. Для меня это было очень горько, но сегодня я знаю, что я служил плохому делу. Я полностью свободен от него. Уже в своем последнем лагере я мог помогать перевоспитанию своих товарищей. Я мог издавать там лагерную газету и если бы я мог, то я бы сотрудничал сегодня в деле строительства демократической Германии.

ФРИЦ. Когда Вы познакомились с подсудимым Фриче?

ШИРМАЙСТЕР. 1 июля 1938г.

ФРИЦ. Кем Вы были тогда, какой пост Вы должны были занимать?

ШИРМАЙСТЕР. Я был руководителем печати в Брауншвейге и был назначен в министерство пропаганды личным референтом прессы при докторе Геббельсе.

ФРИЦ. А какой пост Вы потом действительно занимали в министерстве пропаганды?

ШИРМАЙСТЕР. До 1 июля 1943 года я был личным референтом прессы доктора Геббельса.

14617

H1208 – 0458

H1208 – 0459

Затем я был личным референтом статс-секретаря Гутерера до 1 апреля 1944 года. Затем вместе с ним я три месяца работал в специальном обществе, возглавляющем все кинообщества, и затем 31 июля 1944 года я пошел на фронт.

ФРИЦ. Таким образом Вы ежедневно встречались с доктором Геббельсом?

ШИРМАЙСТЕР. Да, с момента начала войны. Разрешите мне коротко описать, в чем состояла моя основная работа?

ФРИЦ. Только, пожалуйста, очень коротко.

ШИРМАЙСТЕР. Во время войны я должен был просматривать весь информационный и пропагандистский материал вражеских радиостанций и постоянно представлять выдержки из него доктору Геббельсу. Эти выдержки были для доктора Геббельса основой для его указаний о пропаганде. Он утром сам отдавал их. После обеда и вечером я должен был передавать их по телефону в отдел прессы и отдел радио. И поэтому я во время войны, если это не делали мои заместители, ежедневно бывал в квартире доктора Геббельса, обедал с ним, спал в его доме, сопровождал его во время поездок и т.д.

ФРИЦ. Какой пост занимал тогда Фриче?

ШИРМАЙСТЕР. Господин Фриче был тогда заместителем руководителя отдела германской прессы.

ФРИЦ. Опишите, пожалуйста, характер и значение поста Фриче в министерстве пропаганды, а также и в последующее время, только очень коротко.

ШИРМАЙСТЕР. Я должен был вникнуть в работу отдела внутригерманской прессы. Положение там было чрезвычайно плохим. Руководитель г-н Берндт проводил невозможную политику. Он

во все совался, командовал и увольнял одного редактора за другим. Референты, как правило, не могли работать руководителями печати, ни по своим знаниям, ни по возможностям. Единственным представителем спокойствия в этом хаосе был Фриче. Он был единственным специалистом. Он знал нужды и запросы прессы и он, с одной стороны, должен был склеивать тот фарфор, который постоянно разбивал господин Бернт, с другой стороны, — он старался в организационном отношении заменить плохих референтов лучшими.

ФРИЦ. Таким образом можно сказать, что подсудимый Фриче был назначен на свой пост не как представитель партии, а как специалист?

ШИРМАЙСТЕР. Только как специалист. Убежденные члены партии в министерстве не принимали тогда г-на Фриче всерьез. Но, как специалист, он был тогда и оставался и позже, добрым духом прессы.

ФРИЦ. Принадлежал ли тогда Фриче к тем сотрудникам министерства, которых Геббельс постоянно приглашал на совещания?

ШИРМАЙСТЕР. Таких регулярных совещаний тогда вообще еще не происходило; господин Фриче ни в коем случае к этим людям не принадлежал.

ФРИЦ. Таким образом он был привлечен к этому, лишь когда он стал руководителем отдела?

ШИРМАЙСТЕР. Да, насколько эти совещания вообще тогда уже бывали, но фактически — только с начала войны.

ФРИЦ. Как обычно говорил доктор Геббельс со своими сотрудниками?

ШИРМАЙСТЕР. С начала войны ежедневно утром, в 11 часов,

H1208 – 0460

H1208 – 0461

имели место конференции, которые проходили под руководством самого доктора Геббельса и, на которых он давал все необходимые указания по пропаганде.

ФРИЦ. Сколько человек участвовало в этих конференциях в 11 часов?

ШИРМАЙСТЕР. В первое время, т.е. до начала русской кампании, приблизительно, 20 человек, а позже этот круг расширился, приблизительно, до 50 лиц.

ФРИЦ. На этих конференциях велись дискуссии и на них больше всего отдавались приказы?

ШИРМАЙСТЕР. Дискуссии на этих конференциях никогда не имели места. Сперва офицер связи ОКВ делал обзор военного положения, а затем доктор Геббельс давал свои указания по пропаганде, главным образом по прессе, еженедельному обзору и радио.

ФРИЦ. Кто руководил этими конференциями, если доктор Геббельс отсутствовал?

ШИРМАЙСТЕР. Обычно статс-секретарь.

ФРИЦ. И кто руководил ими, если не было статс-секретаря?

ШИРМАЙСТЕР. В большинстве случаев господин Фриче, а иногда также руководитель отдела иностранной прессы или иностранного отдела, но в большинстве случаев господин Фриче.

ФРИЦ. Давал ли Фриче ежедневные указания в таких случаях сам, по собственной инициативе? Как это было?

ШИРМАЙСТЕР. Нет. Если министра не было в Берлине, то он все равно постоянно требовал себе информационный материал, поступавший

из-за границы. Затем мне, или одному из моих заместителей, он давал указания точно также, как и обычно на конференциях.

Я должен был передавать эти указания по телефону. В Берлине они принимались стенографами и дословно зачитывались на конференции, как указания министра.

Я думаю, что это должно быть ясно из протоколов. Они там всегда записывались, как указания министра.

ФРИЦ. Если Фриче пользовался письменно сформулированными указаниями описанного Вами характера, которые давались Геббельсом, не старался ли он выяснить вопросы, которые были затронуты Геббельсом, во время дискуссий?

ШИРМАЙСТЕР. Если доктор Геббельс был далеко от Берлина, могло случиться, что последние сведения своевременно не доставлялись ему. В таких случаях г-н Фриче ставил эти вопросы на обсуждение, взвешивал за и против, и затем давал указания на собственную ответственность; они записывались. Министр затем прочитывал их, ~~или~~ одобрял или изменял их.

ФРИЦ. Без сомнения, бывали не только большие конференции для 30-50 человек, на которых Геббельс давал свои указания, но и более интимные беседы?

ШИРМАЙСТЕР. Да, утром, само собой разумеется, отдельные руководители отделов являлись к министру для служебных бесед.

ФРИЦ. Привлекался ли Фриче тогда к участию в таких интимных беседах?

ШИРМАЙСТЕР. В общем нет, ибо министр использовал конференции, на которых присутствовали руководители всех отделов, для того, чтобы обобщить то, что он одновременно должен был сказать для прессы, недельных обзоров и радио. На отдельные

H1208 – 0462

H1208 – 0463

беседы являлись руководители отделов, специальные задачи которых не интересовали других.

ФРИЦ. Как часто господин Фриче участвовал в таких беседах по сравнению со статс-секретарями, например, Ханке, Гутером и, наконец, доктором Науманом?

ШИРМАЙСТЕР. Статс-секретари всегда могли присутствовать на этих отдельных беседах, также, как и личные референты, которые на них всегда присутствовали. Господин Фриче очень редко бывал на таких беседах.

ФРИЦ. Каково было положение 12 руководителей отделов министерства пропаганды, одним из которых был подсудимый Фриче?

ШИРМАЙСТЕР. Этих руководителей отделов тоже можно было разделить на специалистов, с одной стороны, таких, как, например, руководитель бюджетного отдела доктор Отт, и убежденных членов партии, – с другой, как, например, г-н Берндт. Официально они не имели возможности совещаться, что обычно делают руководители отделов во всяком министеретве. Всем было известно, что министр использовал их, пока ему это было нужно, и, если он больше не нуждался в них, он их вибрасывал. Так случалось не только с руководителями отделов; я помню как он недостойным образом вигнал своего статс-секретаря Гутерера, когда последний выполнил свою работу.

ФРИЦ. Обвинение ставит в вину Фриче то, что он использовал газетные агентства, радио и прессу, как инструмент, который играл большую роль в руках так называемых заговорщиков при проведении их планов. Была ли организация прессы в национал-социалистском государстве вообще создана Фриче? Что Вы можете

сказать об этом обвинении?

ШИРМАЙСТЕР. Когда господин Фриче пришел в министерство, отдел прессы был давно уже создан. В остальном, однако, я могу сказать, что и сам доктор Геббельс не принадлежал в смысле обвинения к этому кругу заговорщиков в том отношении, что он не хотел привести дело к войне и видел свою задачу как раз в бескровном завоевании стран.

ФРИЦ. То-есть организация была уже готова, когда Фриче взял на себя руководство этим отделом немецкой прессы зимой 1938-1939 г.г.?

ШИРМАЙСТЕР. Да, конечно, совершенно готова.

ФРИЦ. Был ли Фриче самостоятелен в этом руководстве? А если нет, то кому он подчинялся?

ШИРМАЙСТЕР. Господин Фриче, к сожалению, не только подчинялся доктору Геббельсу, как несамостоятельный руководитель отдела, а находился между двумя огнями: начальником имперской прессы был доктор Дитрих и во всей германской прессе были известны разногласия между ними. Начальник имперской прессы был включен в министерство пропаганды, как статс-секретарь, но, несмотря на это, он требовал права самостоятельно давать указания, как имперский начальник прессы, и если министр и начальник имперской прессы не соглашались друг с другом в каком-либо пункте, то всякий раз за это расплачивался своим горбом руководитель отдела германской прессы.

ФРИЦ. В каком направлении действовал Фриче в смысле организации прессы? Завинчивал ли он гайки туже, или старался ослабить их?

14623

H1208-0464

H1208 – 0465

ШИРМАЙСТЕР. Я уже сказал, что господин Фриче был единственным крупным специалистом, который работал в отделе прессы. Он знал потребности и нужды прессы. Он знал, что руководитель прессы может работать лишь в том случае, если ему предоставляется известная свобода, и он всегда и при всякой возможности выступал за то, чтобы гайки были ослаблены. Он сделал много больше, чем это было видно с внешней стороны, так как министр принимал затем то или иное решение и общественности было известно лишь то, чего желал министр.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Считаете ли Вы, что он уже дал ответ на этот вопрос?

ФРИЦ. Были ли у д-ра Геббельса какие-либо возражения против курса прессы? Была ли она для него недостаточно острой? Пожалуйста, отвечайте совсем коротко.

ШИРМАЙСТЕР. Да, она была для него недостаточно острой и настойчивой.

ФРИЦ. Как относился Фриче к подобным требованиям как в отношении отдельных журналистов, так и в отношении целых газет?

ШИРМАЙСТЕР. Он всегда и при всех случаях, как на конференциях под руководством министра, так и на личных беседах у министра, выступал за этих журналистов, за эту прессу и старался защищать их точку зрения перед министром.

ФРИЦ. Можете ли Вы назвать некоторые имена журналистов или названия газет, которых описанным Вами образом защищал Фриче?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Фриц, зачем свидетелю называть имена отдельных журналистов и названия газет? Не считаете ли

Вы, что это слишком подробное освещение вопроса?

ФРИЦ. Господин председатель, тогда разрешите мне, по крайней мере, представить по этому вопросу один аффидевит - документ Фриче № 5. Он находится в моей книге документов № 2 на странице 22 и дан издателем "Франкфуртер цейтунг"-доктором Венделином Хехт. Я хотел бы коротко процитировать его.

"Для представления Международному военному трибуналу в Нюрнберге я/даю следующие показания под присягой:

1. Верно, что подсудимый - господин Ганс Фриче - в течение долгих лет защищал "Франкфуртер цейтунг" от запрещения также/тем, что он доставлял экземпляры "Франкфуртер цейтунг" в ставку фюрера.

2. При многочисленных нападках, которые были направлены против "Франкфуртер цейтунг", вследствие ее политической позиции, подсудимый Ганс Фриче неоднократно выступал за то, чтобы "Франкфуртер цейтунг" продолжала существовать. Лойткирх 6/Ш-1946г. Подпись - д-р Венделин Хехт".

Кто, кроме Геббельса, имел большое влияние в министерстве пропаганды?

ШИРМАЙСТЕР. После ухода статс-секретаря Ханке - в министерстве пропаганды имелся один единственный человек, который действительно мог оказывать влияние на министра, лишь единственный человек, с которым д-р Геббельс имел также/личные отношения,-это был его будущий статс-секретарь, прежде первый личный секретарь,-референт д-р Науман.

ФРИЦ. Часто ли обращался к Вам Фриче, чтобы узнать более подробно о мнении министра, так как министр не информировал подсудимого Фриче?

14625

H1208 – 0466

H1208 – 0467

ШИРМАЙСТЕР. Даже очень часто, ибо г-н Фриче знал, что я часто лично беседовал с министром, и он постоянно жаловался, что его оставляют в полном неведении, что он совершенно не знает, что делать, и спрашивал, не могу ли я сообщить ему мнение министра по тому или иному вопросу. Я мог ему помочь лишь в той степени, что я добивался для него отдельных личных приглашений к д-ру Геббельсу, во время которых я открыто говорил о нуждах г-на Фриче.

ФРИЦ. Взял ли Геббельс под свой строгий контроль все радио?

ШИРМАЙСТЕР. Радио во время войны было для доктора Геббельса самым важным инструментом пропаганды, который вообще только существовал. Он ни за одним отделом не наблюдал так строго, как за отделом радио. На заседаниях, руководимых им, он сам устанавливал мельчайшие детали художественных передач и сам составлял их.

ФРИЦ. Этого для меня достаточно, г-н свидетель. Был ли Фриче действительно руководителем германского радио, как это казалось внешне?

ШИРМАЙСТЕР. Ни в коем случае. Руководителем был сам доктор Геббельс. Кроме того, господин Фриче сидел между двух стульев – так часто поступали приказы от министра иностранных дел относительно заграничных передач по радио.

ФРИЦ. Был ли Фриче для министра Геббельса слишком мягким в своих речах по радио?

ШИРМАЙСТЕР. Я сам по поручению министра неоднократно должен был ругать Фриче от имени министра за то, что его доклады якобы были слишком мягкими.

ФРИЦ. А хвалил ли его доктор Геббельс? Если да, то каким образом?

ШИРМАЙСТЕР. Если министр, что бывало, хвалил г-на Фриче...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нас совершенно не интересует вопрос о том, хвалил ли его Геббельс.

ФРИЦ. Другой вопрос. Противоречил ли подсудимый Фриче министру?

ШИРМАЙСТЕР. Г-н Фриче был одним из немногих людей в министерстве пропаганды, которые противоречили министру, как на конференциях, так и у него на квартире, всегда спокойно и определенно и часто с известным результатом.

ФРИЦ. Господин председатель, я разрешу себе в этом месте сослаться на часто упоминавшийся документ - аффидевит Шарпинга - документ "Фриче № 2", на странице 7-й внизу и 8-й наверху в моей книге документов № 2. Разрешите мне зачитать дословно лишь одно краткое предложение. Я цитирую:

"На так называемых конференциях у министра только Фриче противоречил Геббельсу в политических вопросах".

Господин свидетель, кто несет ответственность за действительно неверные или преувеличенные сведения в немецкой прессе во время судетского кризиса?

ШИРМАЙСТЕР. Альфред Ингмар Берндт - руководитель отдела. Он тогда все ночи просиживал над картами генерального штаба, за адресными книгами и списками имен и фабриковал сведения об ужасах в Судетской области. Господин Фриче тогда с беспокойством следил за этим. Однажды он пришел ко мне и спросил: "Куда мы идем? Не придем ли мы к войне? Если бы мы только знали, что там, собственно, хотят наверху и что кроется за

H1208 – 0468

H1208 – 0469

всем этим?"

ФРИЦ. В связи с этим другой вопрос: советовался ли Геббельс когда-либо, при каких-либо политических или военных акциях, которые должны были быть произведены, заранее с подсудимым Фриче?

ШИРМАЙСТЕР. Не только ни с господином Фриче, но и вообще ни с кем. Министр никогда не проводил подобных совещаний.

ФРИЦ. Фриче утверждает, что он значительно позже узнал о том, что д-р Геббельс был инициатором антисемитских выступлений в ноябре 1938 г., причем из замечания самого доктора Геббельса. Это звучит не очень правдоподобно, так как Фриче был все-таки близким сотрудником доктора Геббельса. Можете ли Вы сказать что-либо об этом?

ШИРМАЙСТЕР. В 1938 г. в министерстве никто из нас не знал, что доктор Геббельс был инициатором этой кампании. Доктора Геббельса в ту ночь не было в Берлине. Насколько я могу помнить, он незадолго до этого был у фюрера и находился в Южной Германии. Разговор, о котором Вы сейчас упомянули, имел место уже во время войны, причем в Ланке, в одной из квартир министра, по случаю одного приема, на котором присутствовал также и Фриче. Министра кто-то прямо спросил о причинах эксцессов в ноябре 1938 года. На это доктор Геббельс заявил: национал-социалистское экономическое руководство пришло к ~~тому~~ заключению, что ~~нельзя~~ далее ~~допускать~~ исключения евреев из германской экономической жизни.

ФРИЦ. Г-н свидетель, простите, этого достаточно. Мы уже слышали показания об этом сегодня.

Не беседовал ли Фриче с Вами позднее, приблизительно, в июне 1944 года, еще раз о своем принципиальном отношении к еврейскому вопросу?

ШИРМАЙСТЕР. В июне или мае 1944 года я заговорил с Фриче в его квартире о том, что он тогда, в день эксцессов, сказал мне: "Ширмайстер, можно ли это допускать, и все же быть порядочным человеком?" И тогда господин Фриче сказал мне: "Знаете ли, я, правда, всегда был противником евреев, но лишь в том смысле, в каком им была часть самих евреев." ~~была им".~~ И он назвал какую-то еврейскую газету, мне кажется, "Цфаунейтунг", которая...

ФРИЦ. Этого вполне достаточно, господин свидетель. Каким же образом дело дошло до антисемитских выступлений Фриче во многих его речах по радио?

ШИРМАЙСТЕР. Об этом дал приказ министр. По английской прессе мы видели, что в Англии растет известное антисемитское движение. Одним законом в Англии об этом было запрещено писать. Министр пропаганды хотел найти общую тему, против которой могла бы быть направлена наша пропаганда за-границей. Этой общей темой были евреи. Чтобы поддержать иностранную пропаганду изнутри, г-н Фриче получил указание также ~~застрахо~~затрагивать в некоторых своих радиопередачах для Германии эту тему.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сколько времени, по Вашему мнению, Вам потребуется для того, чтобы закончить дело подсудимого Фриче?

14629

H1208 – 0470

H1208 – 0471

ФРИЦ. Я думаю, не больше трех четвертей часа, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо. Тогда Трибунал продолжит слушание дела подсудимого Бормана завтра на утреннем заседании, которое продлится до 1 часа дня.

(Об"является перерыв до 29 июня, 10.00 часов).

14630

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 29 июня 1946 г.

/ Утреннее заседание/

Встать ! Суд идет !

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я сейчас займусь дополнительными ходатайствами об истребовании документов.

Первое ходатайство в этом списке поступило от имени подсудимого фон Нейрата. Оно уже здесь рассматривалось.

Второе ходатайство от имени подсудимого Штрейхера. От него защита отказалась.

Третье ходатайство от имени подсудимого Деница по поводу истребования письменного показания под присягой бывшего морского судьи Якобса. Трибунал удовлетворил это ходатайство.

Следующие два ходатайства, №№ 4 и 5, поступили от имени подсудимого фон Нейрата - защита от них отказалась.

Следующие три ходатайства - номера 6, 7 и 8, поступившие от имени подсудимого Розенберга, Трибуналом отклонены.

Следующее ходатайство от имени подсудимого фон Папена рассматривалось во время слушания дела подсудимого фон Папена.

Следующие два ходатайства от имени подсудимого Бормана удовлетворены Трибуналом.

Последние три ходатайства №№ 12, 13, 14 исходят от подсудимого Геринга. Эти ходатайства находятся в стадии обсуждения с тем, чтобы было достигнуто соглашение о том, следует ли представить письменные показания, данные под присягой, или же свидетели должны быть вызваны в суд. Поэтому рассмотрение этих ходатайств откладывается на некоторое время.

На этом я заканчиваю.

14631

H1208 – 0472

H1208 – 0473

/ К микрофону подходит сэр Дэвид Максуэлл Файф/.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, перед тем, как Трибунал продолжит рассмотрение дела подсудимого Фриче, я хочу сообщить Трибуналу результаты наведения справок по поводу наиболее важных свидетелей и, возможно, мои ученые коллеги смогут внести свои дополнения.

Милорд, насколько я могу судить, те свидетели, о которых вы только что упомянули и о вызове которых ходатайствовал подсудимый Геринг, должны давать показания относительно Катыни.

Милорд, далее из числа наиболее важных свидетелей имеются три свидетеля, которых Трибунал разрешил вызвать, в случае необходимости, для перекрестного допроса по делу подсудимого Кальтенбруннера. Я только что говорил с доктором Кауфманом и он сказал мне, что ему не потребуется вызывать свидетелей Тифенбахера, Штейнбауэра и Штруппа для перекрестного допроса. Насколько мне известно, следующий свидетель - адмирал Бем, который вызывается по делу подсудимого Редера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид, перед тем, как вы займетесь этим свидетелем, я хочу указать, что в моем списке имеется еще фамилия свидетеля Штруппа, который вызывается от имени подсудимого Кальтенбруннера.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Да, милорд. Имеется три свидетеля - Тифенбахер, Штейнбауэр и Штрупп. Доктор Кауфман сказал мне, что он не хочет вызывать этих свидетелей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Затем вы перешли к подсудимому Редеру.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Милорд, в связи с вызовом адмирала Бема возникает один вопрос. Доктор Зимерс намеревался передать эти письменные показания под присягой Обвинению

для ознакомления, но я их еще не видел. Я не думаю, милорд, что Обвинение будет настаивать на вызове этого свидетеля, если только эти письменные показания под присягой не будут в значительной степени расходиться с показаниями, которые, как мы предполагаем, должны быть даны.

Милорд, кроме названных мной, мне известно еще о трех свидетелях, о которых ходатайствовал вчера доктор Фриц, во время представления доказательств по своему делу. Трибунал сейчас рассматривает эти ходатайства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, насколько мне известно, этим исчерпывается список имеющихся у нас важных свидетелей, если я случайно не пропустил какую-либо фамилию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Было ли 26 июня получено ходатайство по поводу вызова свидетелей от имени подсудимого Бормана ?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Я спросил об этом доктора Бергольда сегодня утром. Он заявил мне, что предполагает вызвать только одного свидетеля, который, к сожалению, до сегодняшнего дня не был доставлен сюда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне сообщили, что свидетель только-что прибыл.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Очевидно, милорд, вы получили более свежие сведения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне только что сообщили об этом; что касается других свидетелей, то, насколько я понял, доставленный сюда человек, является единственным свидетелем, которого хочет вызвать доктор Бергольд ?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, так заявил мне доктор Бергольд сегодня утром.

H1208 – 0474

H1208 – 0475

/ К микрофону подходит защитник Бормана Бергольд/.

БЕРГОЛЬД: Высокий суд, прибыл лишь один свидетель. Я подал дополнительные ходатайства. Но решения по поводу этих ходатайств еще не вынесены. Я не знаю, прибудут ли когда-нибудь эти свидетели и можно ли их отыскать. Дело подсудимого Бормана примечательно тем, что ни самого подсудимого, ни его свидетелей / почти всех/ найти нельзя. В ходе представления доказательств по делу Бормана я подам сегодня особое ходатайство, относительно которого я сейчас ничего не хочу говорить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту. Может быть, вы сообщите нам, точно каких свидетелей вы имеете в виду. В вашем письме от 29 июня вы отказываетесь от вызова фрейлейн Кристианс.

БЕРГОЛЬД: Да, правильно, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Клопфер - это тот свидетель, который только что доставлен в Нюрнберг.

БЕРГОЛЬД: Да, отсутствуют свидетели Купфер и Раттенгубер. Отсутствует также свидетельница Кристианс.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Местонахождение свидетеля Гельмута Фридрих было обнаружено ?

БЕРГОЛЬД: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите вызвать фрейлейн Кристианс ?

БЕРГОЛЬД: Она еще не прибыла. Она находилась в лагере Оберурсель, получила отпуск, а затем пропала. Очевидно, она сбежала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У вас имеется ваше ходатайство от 26 июня ? Вы подавали ходатайство от 26 июня ?

БЕРГОЛЬД: Да, я подавал ходатайство.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: О вызове каких свидетелей вы тогда ходатайствовали ?

БЕРГОЛЬД: Одну минуту. Я попрошу свою секретаршу дать мне список.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Фрейлейн Кристианс и доктор Гельмут Фридрих.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, доктор Клопфер и Фридрих.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : И еще фрейлейн Кристианс, милорд.

БЕРГОЛЬД: 26-го я подал ходатайство о вызове свидетелей Раттенгубера, Фалькенхорста и Кемпке. От свидетеля Фалькенхорста я, пожалуй, смогу отказаться, если я получу вместо него свидетеля доктора Клопфера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Итак, доктор Клопфер - единственный свидетель, который доставлен сюда.

БЕРГОЛЬД: Да, это единственный свидетель, который пока прибыл.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я полагаю, что Трибунал хочет знать, сколько человек вы хотите вызвать в качестве свидетелей. Вам, очевидно, придется отказаться от тех свидетелей, которых не удалось отыскать.

БЕРГОЛЬД: Да, милорд. Я хотел ходатайствовать о том, чтобы дело, которое я защищаю, было отложено. Свидетель Клопфер только что прибыл. До сих пор я не мог еще с ним переговорить. Поэтому я считаю, что будет неверно, если я услышу его в первый раз лишь здесь. Этот свидетель не подготовлен к допросу, не знаком с документами, которые были представлены Обвинением. Я сам не знаю, может ли он ответить на все то, о чем я его хочу спросить. Поэтому я ходатайствую о том, чтобы дело подсудимого Бормана было отложено до понедельника. Тогда я смогу поговорить с этим единственным и самым главным свидетелем по делу Бормана.

/ П а у з а /.

14625

H1208 – 0476

H1208 – 0477

Высокий Суд ! Я также совсем не знаю, буду ли я допрашивать этого свидетеля. Он может дать показания, которые совсем не относятся к делу. Я не виноват в том, что я не смог заслушать его раньше. Ходатайство о вызове данного свидетеля я подал много месяцев назад. Если бы не любезность американского Обвинения, оказанная мне в последнюю минуту, то я вообще не нашел бы этого свидетеля. Мне кажется, что я уже говорил сэру Файфу о том, что для моего дела было бы очень хорошо, если бы его перенесли на понедельник, на 10 час. утра. За это время я мог бы по крайней мере подготовиться. Ведь моего подсудимого не было, свидетелей также. Я поэтому совершенно не мог подготовиться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Бергольд, у вас было несколько месяцев для подготовки дела вашего подзащитного, Трибунал предоставил вам все необходимое для этого еще много времени тому назад и свидетель сейчас находится здесь. Вы можете немедленно увидеть его, и Трибунал считает, что вы должны сейчас продолжать ведение своей защиты. Вы должны были знать, что слушание вашего дела пойдет также, как проходило слушание дел остальных подсудимых, т.е. в заранее установленной последовательности. Помимо этого, вы имели то преимущество, что ваше дело было намечено для слушания последним и все ваши ходатайства о вызове свидетелей и истребовании документов откладывались до последнего срока. Свидетель сейчас находится здесь и у вас, очевидно, останется еще некоторое время для того, чтобы переговорить с этим свидетелем, так как вызов свидетелей и представление документов по делу подсудимого Фрича еще не окончились.

Трибунал считает, что, принимая во внимание вышеупомянутые

обстоятельства, вы должны продолжать ведение дела вашего подзащитного.

БЕРГОЛЬД: Г-н председатель, это верно, что у меня было несколько месяцев времени, но за эти несколько долгих месяцев я не получил никакой информации, ни одного свидетеля. Я прошу Суд поставить себя в мое положение. Что значит для меня эти долгие месяцы пустого ожидания ? Ведь я ничего не мог делать в это время. Свидетелей не было, никто не мог мне сказать, где находится свидетель Клопфер, и лишь в последнюю минуту он был найден. За четверть часа я не могу переговорить с ним по всем вопросам, касающимся дела подсудимого Бормана. Я прошу очень короткой отсрочки - лишь до понедельника. За это время суд потеряет лишь несколько часов. Ведь я не виноват в том, что получил такого необычного подсудимого, подсудимого, которого нет здесь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Бергольд, единственный факт, который вы хотите доказать при помощи вызова этого свидетеля, это то, что подсудимый Борман, якобы, умер. Во всяком случае, так указывается в вашем ходатайстве о вызове этого свидетеля.

БЕРГОЛЬД: Нет, Высокий Суд, это ошибка. Свидетель Клопфер не может дать показаний по этому вопросу. Он должен давать показания относительно общего обвинения Бормана, т.е. виновен Борман или нет. По вопросу о том, мертв ли подсудимый Борман, будут говорить свидетели Кристиансен, Крюгер и Раттенгубер. Свидетель Клопфер должен давать показания лишь относительно самого обвинения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Где находится ходатайство о вызове свидетеля Клопфера ? Где это ваше ходатайство ?

H1208 – 0478

H1208 – 0479

БЕРГОЛЬД: Это мое ходатайство от 26 мая.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Передайте мне его, пожалуйста, у вас оно есть сейчас ?

/ П а у з а /.

Доктор Бергольд, у вас разве нет никаких документов, или доказательственных материалов, чтобы продолжать защиту, без вызова этого свидетеля Клопфера?

БЕРГОЛЬД: Милорд, то, что имеется у меня, так мало и так незначительно, что я сам не знаю, следует ли представлять это до того, как я опрошу свидетеля Клопфера. До сих пор мне приходилось ограничиваться только предположениями. Особо содержательных документов я получить не смог. Содержание этих документов представляет собой юридические построения, которые могут быть опрокинуты одним словом свидетеля.

Г-н ДОДД: Господин председатель, у меня имеются возражения против того, чтобы это дело откладывалось. Как уже указывалось Трибуналом, у защитника имелось несколько месяцев для подготовки этого дела; он пользовался всевозможным содействием, которое ему могло оказать наше Обвинение, как в отношении отыскания документов, так и в отношения установления местонахождения свидетелей. Если бы он сейчас перестал говорить, вышел и переговорил с тем свидетелем, который здесь находится, мне кажется, он мог бы подготовиться и продолжать ведение своего дела.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Бергольд, Трибунал сейчас будет продолжать слушание дела подсудимого Фрича; тем временем вы будете иметь возможность переговорить со свидетелем Клопфер и если, повидав его, вы захотите снова обратиться к Трибуналу с хо-

датайством, вы сможете это сделать. Но Трибунал надеется, что установив характер тех показаний, которые может дать свидетель, вы сможете продолжать ведение дела своего подзащитного.

Я только что получил на английском языке ходатайство о вызове свидетеля Клопфера, которое до этого имелось у меня только-по-немецки. Краткое содержание его заключается в том, что свидетель являлся главой III-го отдела партийной канцелярии и что он "может дать показания по вопросам, связанным с созданием и проведением в жизнь законов, и может сообщить, что деятельность Бормана в отношении опубликования законов и директив носила исключительно подчиненный характер". Это единственная причина, которую вы приводите в об"яснение того, почему вы обращаетесь с ходатайством по поводу вызова этого свидетеля.

БЕРГОЛЬД: Это мое предположение. Возможно, что свидетель знает значительно больше, так как он был одним из главных его сотрудников. Я сформулировал свое ходатайство очень осторожно, так как я, как адвокат, не хочу говорить Суду каких-либо фантастических вещей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я уже сказал вам, что вы можете сделать в отношении свидетеля Клопфера. Вы все еще ходатайствуете о вызове свидетеля по фамилии Фалькенхорст ?

БЕРГОЛЬД: Этот вопрос я смогу решить лишь тогда, когда я переговорю со свидетелем Клопфером. Возможно, я откажусь от свидетеля Фалькенхорста.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы слышали, что я предложил вам, доктор Бергольд ? Вы сейчас можете пойти и переговорить с доктором Клопфером.

14629

H1208 – 0480

H1208 – 0481

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Милорд, я только хотел сообщить Трибуналу, как обстоит дело со свидетелями. На ваш вопрос, милорд, я ответил, что, очевидно, потребуется два дня для того, чтобы закончить вызов свидетелей в суд. Что касается свидетелей по делу Катынь, мне только что сообщили, что время, необходимое для допроса этих свидетелей, может быть значительно сокращено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, когда мы будем извещены о том, какое соглашение было достигнуто в связи со свидетелями по делу Катынь, т.е. пришли ли вы к соглашению об использовании письменных показаний, данных под присягой, или же к вызову в суд свидетелей.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Милорд, я выясню этот вопрос и постараюсь сообщить вам об этом в конце заседания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очевидно, мы не сможем рассмотреть этот вопрос сегодня утром.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Очевидно, нет. Помимо этого, имеется целый ряд весьма важных опросных листов, на которые защитник захочет обратить внимание Трибунала; это единственный дополнительный вопрос, о котором мне известно. Обвинение считает, что в связи с этим, может быть представлен ряд документов для того, чтобы раз"яснить вопросы, возникшие во время предоставления доказательств по данному делу, но не как формальные доказательства или же опровергающие доказательства. Таких документов будет очень немного и их предоставление почти не займет времени.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имелись ли какие-либо документы по делу подсудимого Нейрата, которые требуют рассмотрения?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Насколько я помню, в этой связи

имелся один или два опросных листа. Помимо этих опросных листов, мне неизвестно о каких-либо других документах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае мы лучше займемся этими документами в понедельник утром.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Если это вам удобно, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал надеется, что защитник подсудимых учитывают, что они должны будут приступить к своим защитительным речам немедленно после того, как закончится представление доказательств по делу подсудимых.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, я позволил себе выступить сегодня утром именно по вопросу установления сроков для произнесения этих речей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да ?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Насколько я понимаю, защита просила, чтобы профессору Яррейсу было предоставлено право первому выступить с речью общего характера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я полагаю, что профессор готов к произнесению своей речи. Мне казалось, что небесполезно будет упомянуть, что произнесение защитительных речей начнется уже в понедельник.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, конечно. В таком случае сейчас, доктор Фриц, вы можете продолжать допрос своего свидетеля.

/ Свидетель Мориц фон Ширмейстер снова занимает место за свидетельским пультом. Прямой допрос /продолжение/.

ФРИЦ/ защитник подсудимого фриче/: Господин председатель, господа судьи, я прошу разрешения продолжать допрос свидетеля Ширмейстера.

14641

H1208 – 0482

H1208 – 0483

Господин свидетель, вчера в конце заседания мы остановились на антисемитских заявлениях подсудимого Фрича, которые он делал в своих речах по радио. В связи с этим, возникает другой вопрос. Куда, судя по высказываниям доктора Геббельса, эвакуировались евреи ?

ШИРМЕЙСТЕР: Приблизительно до начала второго года русского похода, доктор Геббельс на конференциях, руководимых им, неоднократно упоминал об эвакуации на Мадагаскар. Позднее он стал говорить о том, что на Востоке должно быть создано новое еврейское государство, куда будут переселены евреи.

ФРИЦ: Знаете ли вы, что Фричу, при всех сообщениях из-за границы, в которых утверждалось что-либо о немецких зверствах по отношению к евреям и другим народам, постоянно делал запрос в главное имперское управление безопасности или в другие какие-либо инстанции ?

ШИРМЕЙСТЕР: Конечно, причем не только в том случае, когда делались сообщения о зверствах, а всегда, когда делались невыгодные для нас сообщения пропагандистского характера из-за границы. Он запрашивал главное управление имперской безопасности / управление Мюллера /, а также непосредственно замешанные инстанции.

ФРИЦ: Какие это были другие инстанции, кроме главного имперского управления безопасности, куда он посылал запросы ?

ШИРМЕЙСТЕР: Например, министерство питания, министерство вооружения, ОКВ, в зависимости от того, с кем следовало связаться.

ФРИЦ: Известно ли вам что-нибудь о том, какое опровержение давали эти инстанции на данные запросы ? Были ли это вполне ясные и достоверные опровержения ? Как обстояло дело в этих случаях ?

ШИРМЕЙСТЕР: далеко не всегда приходили опровержения. Очень часто нам присылались совершенно точные данные. Например, появились сообщения относительно забастовки в Богемии-Моравии. На наш запрос прислали ответ: правильно, на таком-то заводе произошла забастовка. Что же касается сообщений о зверствах в концлагерях, то в таких случаях всегда без исключения приходили абсолютно ясные опровержения. Как раз потому, что они были такими, они казались вполне достоверными. Я позволю себе подчеркнуть, что это была для нас единственная возможность что-либо узнать. Эти ответы на запросы, вернее эти справки предназначались не для общественности, а для министра. В них всегда говорили: "Нет, в этих сообщениях нет ни единого слова правды". Я и сейчас не знаю, по какому другому пути мы могли итти, кроме этого.

ФРИЦ: Еще один вопрос. Можете ли вы что-нибудь сообщить об отношении Фриче к церкви ?

ШИРМЕЙСТЕР: Господин Фриче был полностью согласен с мнением министра относительно позиции в этом вопросе во время войны. В начале войны министр требовал сохранения полного гражданского мира, так как все, что могло бы внести раскол в германский народ, означало бы большое препятствие для победы. Я не знаю, должен ли я давать более подробные показания.

ФРИЦ: Нет, не надо. Я перехожу к следующей важной теме. Знаете ли вы, господин свидетель, какие обоснования давал Геббельс своим сотрудникам относительно отдельных военных операций Германии ?

ШИРМЕЙСТЕР: Он вообще не давал никаких собственных обоснований. Он всегда черпал материал для своих комментарий из официальных сообщений, идущих от фюрера.

H1208 – 0484

H1208 – 0485

ФРИЦ: Коснемся отдельных примеров. Можете ли вы коротко сказать о том, знал ли подсудимый Фриче заранее, что планируются военные нападения, во-первых, на Польшу, во-вторых, на Бельгию и Голландию, и, в третьих, на Югославию ?

ШИРМЕЙСТЕР: В случае с Польшей мы, конечно, знали, что нужно было решить вопрос о Данциге и польском коридоре. Доктор Геббельс, однако, всегда заверял нас в том, - он сам также верил в это - что дело не дойдет до войны. Он, абсолютно не признавая позиции западных держав, был убежден в том, что без военной поддержки западных держав Польша не решится начать войну.

ФРИЦ: А как обстояли дела с Бельгией и Голландией ?

ШИРМЕЙСТЕР: Относительно Бельгии и Голландии я могу сказать следующее: Накануне мы все находились под впечатлением визита, нанесенного итальянским министром Паволини. Вечером мы были в театре, после этого в доме летчиков состоялся прием. Ночью министр вместе со мной отправился в министерство, где ему иногда приходилось ночевать. Ночью я должен был звонить отдельным господам, а утром министр передал Фриче два извещения, которые затем были переданы по радио. Это было военное обоснование и обоснование, данное секретной службой. У г-на Фриче даже не было времени прочитать их. В то время он совсем охрип, и второе сообщение, обоснование, данное секретной службой, должен был (про)читать я.

ФРИЦ: Каково было положение с Югославией ?

ШИРМЕЙСТЕР: Такое же. Вечером министр дал отпуск своему адъютанту; ночью я должен был опять звонить к отдельным господам. Рано утром по радио было передано заявление, которое до этого нам было совершенно неизвестно.

14644

ФРИЦ: А как обстояло дело с нападением на Советский Союз ?

ШИРМЕЙСТЕР: Тогда положение было еще глупее. В целях маскировки министр лгал своим собственным руководителям отделов. Приблизительно в начале мая на одной из общих конференций, на которых присутствовало 20 человек, он отобрал 10 человек и сказал им: " Господа, я знаю, что некоторые из вас считают, что будет война с Россией. Я должен вам сегодня сказать, что вы выступим против Англии. Мы стоим накануне вторжения. Пожалуйста, согласуйте свою работу с этим. Вы, д-р Глазмейер, сделайте новое выступление против Англии и т.д." Это была явная ложь по отношению к своим начальникам отделов в целях маскировки.

ФРИЦ: Таким образом, вы хотите утверждать, что ни одно лицо в министерстве пропаганды не знало ничего о предстоящем походе против России ?

ШИРМЕЙСТЕР: Относительно того, кто в министерстве пропаганды знал о русском походе, можно судить по письму Ламмерса к министру. В этом письме Ламмерс лично сообщал секретно министру, что фюрер намерен назначить г-на Розенберга министром по вопросам восточных областей. Наш министр лично должен назначить офицера связи от своего министерства для ведомства Розенберга. Это был, конечно, ключ для понимания всего. Об этом знали: министр, г-н Гадамовский, его тогдашний личный референт, доктор Таубер, который был назначен офицером связи, я, который случайно прочитал это письмо, и руководитель отдела иностранной прессы д-р Беме. Д-р Беме - это весьма важно отметить - за день до своего ареста в присутствии принца Шаумбург-Липпе сказал, что он получил об этом сведения из личных кругов Розенберга, т.е. таким образом не от нашего министер-

14645

H1208 – 0486

H1208 – 0487

ства и не от нашего министра. В качестве руководителей параллельных отделов они оба должны были быть информированы в равной степени. Если Беме знал об этом не от министра, то и г-н Фриче не мог знать ничего об этом. На следующий день Беме был арестован за одно, неосторожно сделанное им замечание в этом направлении. После этого он погиб.

ФРИЦ: Эту часть своего допроса я резюмирую в следующем вопросе общего характера. Наблюдали ли вы когда-нибудь, чтобы Геббельс обменивался мнением с подсудимым Фриче по поводу предстоящих крупных военных и политических действий правительства или НСДАП ?

ШИРМЕЙСТЕР: Это было бы совершенно невозможно. Это нарушало бы полностью принципы министра. Он не только не обменивался с кем-либо мнением заранее, он даже не информировал никого.

ФРИЦ: Теперь перейдем к другому комплексу вопросов. Обвинение инкриминирует подсудимому Фриче то, что он оказывал влияние на германский народ в духе внедрения идеи о "народе господ" и тем самым в духе воспитания ненависти к другим народам. Было ли Фриче вообще когда-нибудь поручено вести пропаганду в целях внедрения идеи о "народе господ"?

ШИРМЕЙСТЕР: Нет, никогда. Вы же должны знать, что доктор Геббельс вовсе не мог использовать догму партии и миф о народе господ. На таких вещах нельзя поймать массы. Для него, для Геббельса, партия была тем местом, где должны были сойтись немцы из самых различных мест. Как над идеей "народа господ" он насмехался, ввиду некоторых своих физических недостатков. Эта идея ничего собой не представляла для доктора Геббельса. На вопрос о воспитании ненависти я также должен

отвечать ?

ФРИЦ: Да.

ШИРМЕЙСТЕР: Пропаганда ненависти по отношению к другим народам полностью противоречила линии пропаганды доктора Геббельса, ибо он надеялся, что в один прекрасный день вместо лозунга "против Англии, "против Америки" появятся лозунги: "с Англией", "с Америкой". Для того, чтобы в будущем можно было переключиться на такую пропаганду, не следует прививать чувство ненависти к другим народам. Он хотел итти вместе с народами, а не против них.

ФРИЦ: Против кого же тогда должна была бороться пропаганда в прессе и по радио?

ШИРМЕЙСТЕР: В первую очередь, против систем. Ведь это д-р Геббельс создал понятие "плутократия" в том смысле, как теперь его понимает весь мир. Позднее появилось понятие "большевизм", с другой стороны. Временами были выступления против людей, стоявших у власти, но тут его в немецкой прессе не всегда до конца понимали. Он очень сердился на это и однажды на одной из конференций он сказал: "Господа, если бы я посадил на ваше место десять евреев, они бы сделали это". Но позже он прекратил эти нападки на отдельные личности, так например, на Черчилля. Он боялся, что эти люди станут слишком популярными вследствие его пропаганды. Между прочим, он сам вовсе не ненавидел Черчилля, втайне он даже восхищался им. Даже больше, в течение всей войны на его столе стоял портрет герцога Виндзорского. Таким образом временная пропаганда против отдельных лиц была связана с постоянной пропагандой против систем.

ФРИЦ: Г-н свидетель, я прошу вас ответить на следующий

H1208 – 0488

H1208 – 0489

вопрос, но прежде, чем ответить на этот вопрос, как следует проверьте свою память, и вспомните о том, что вы дали присягу. Было ли целью пропаганды, относительно которой фрич получал приказы и выполнял их, пробуждение безудержных страстей ? Могла ли эта пропаганда рассматриваться, как призывы к убийствам и к совершению жестокостей ? Какова была цель этой пропаганды ?

ШИРМЕЙСТЕР: Нет. Министр в своей пропаганде совсем не нуждался в пробуждении страстей. Страсти вспыхивают и вновь угасают. Министру нужна была постоянная твердая линия, постоянная позиция, заключающаяся в выдержке и в тяжелые времена. Подстрекательство к убийствам и к ненависти не могло быть принято германским народом. В этом не нуждался также и доктор Геббельс.

ФРИЦ: Подчинялась ли пропаганда за границей, особенно в России, министерству пропаганды ?

ШИРМЕЙСТЕР: Я должен здесь сделать некоторые различия. Я не знаю, должен ли я здесь вдаваться в подробности известных разногласий между Геббельсом и Риббентропом. В начале войны министерство иностранных дел потребовало, чтобы вся пропаганда заграницей, пропаганда в прессе и по радио, пропаганда по отношению к иностранцам, жившим в Германии, была бы передана в его руки. Имели место отвратительные ссоры, пришлось прибегать к решению фюрера, однако обе стороны истолковывали это решение в свою пользу.

ФРИЦ: Господин свидетель, может быть вы будете говорить еще короче ?

ШИРМЕЙСТЕР: Хорошо, я могу это выпустить. Разногласия между этими двумя лицами известны. Я должен еще сказать кое-что

о России. В России пресса и пропаганда до марта 1944 года подчинялась г-ну Розенбергу. Доктор Геббельс и там ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту. Какое отношение имеет пропаганда в России к этому свидетелю ?

ФРИЦ: Нет, я имел в виду германскую пропаганду в русских областях. Как раз об этом я его и спросил. Он уже ответил.

ШИРМЕЙСТЕР: До 1944 г. она подчинялась Розенбергу ... к огорчению д-ра Геббельса, который считал, что русский поход можно выиграть с помощью пропаганды.

ФРИЦ: У меня сейчас к вам последний вопрос. Обвинение вчера во время перекрестного допроса г-на Фриче предстанило несколько протоколов допросов, в том числе протокол допроса генерал-фельдмаршала Шонера. Во всех этих протоколах одинаково говорится о том, что Фриче был постоянным заместителем Геббельса, как министра пропаганды. Верно ли это ?

ШИРМЕЙСТЕР: Это сущий вздор.Мне совершенно непонятно, каким образом были даны такие показания. Здесь нет ни одного слова правды.

ФРИЦ: Благодарю вас.

Г-н председатель, у меня нет больше вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желают ли другие защитники задать свидетелю вопросы ? /Молчание/. Желает ли Обвинение подвергнуть свидетеля перекрестному допросу ?

/ К микрофону подходит представитель русского обвинения генерал Руденко/.

Генерал РУДЕНКО: Г-н председатель, Обвинение не намерено допрашивать этого свидетеля, но это не значит, что мы оставляем без возражений показания, данные здесь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может удалиться.

H1208 – 0490

H1208 – 0491

ФРИЦ: Г-н председатель, я хочу указать на следующее. Я прошу Высокий Суд принять к сведению те документы из моих книг документов, которые я не цитировал. В моей книге документов № 2 находится письменное показание под присягой д-ра Шпинта, которое я представляю Суду в качестве доказательства "Фриче № 3". Это на стр.16-19. В этих показаниях говорится о том, как подсудимый Фриче относился к тем мероприятиям, которые планировались Гитлером после крупных воздушных бомбардировок города Дрездена. Я прошу Суд принять принять все содержание этого письменного показания к сведению. Это - книга документов № 2, стр.16-19. Г-н председатель, ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Фриц, Трибунал заметил, что в документе "Фриче № 3", который вы только что представили Трибуналу, имеется заявление от того лица, которым дано это письменное показание под присягой, по поводу того, что после бомбардировки германских городов осенью 1944 года "д-р Геббельс заявил, что больше нет возражений против того, чтобы команды сбитых самолетов передавались в руки разъяренного народа".

Трибунал хотел бы вновь вызвать подсудимого Фриче к свидетельскому пульту с тем, чтобы допросить его по этому поводу.

Д-р Фриц, вы задавали подсудимому Фриче вопросы, связанные с приведенным мною положением, когда вы его допрашивали ?

ФРИЦ: Нет, т-н председатель, я жду ... Я хотел сказать об этом в конце представления доказательств по данному делу. Я жду письменных показаний от швейцарского посланника в Берлине. Они до сих пор еще к сожалению, не прибыли. Я хочу просить, разрешить мне представить эти показания, если они еще своевременно прибудут.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имеете в виду другой опросный лист или

письменное показание, данное под присягой ?

ФРИЦ: Да, письменное показание, данное под присягой. Оно относится к той же теме.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

ФРИЦ: Разрешите мне сразу еще добавить, г-н председатель, что кроме этого, я ожидаю также от английского радиокомментатора Клифтона Дельмара письменного показания, которое я до сих пор еще не получил. Можно ли мне будет ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, конечно. Но в данную минуту Трибунал хотел бы раз"яснить ряд моментов, которые кажутся нам достойными внимания.

ФРИЦ: Да, я понимаю, г-н председатель.

Господин Фриче, пожалуйста.

/ Фриче подходит к пульту /.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы все еще находитесь под присягой. Вы можете сесть.

Вы читали эти письменные показания, данные под присягой ?

ФРИЧЕ: Да, но я его сейчас не помню во всех подробностях.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не слышал ответа на мой вопрос.

ФРИЧЕ: этого письменного показания, которое мой адвокат только что пред"явил Суду, я не помню как следует. Я знаю лишь о существовании этого показания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Заявление, по поводу которого Трибунал хочет задать вам вопросы, заключается в следующем:

" Начиная с осени 1944 года д-р Геббельс также говорил часто на эту тему во время своих так называемых "министерских конференций"...

Я хочу начать немного выше.

"Все увеличивающийся эффект английских и американских

H1208 – 0492

H1208 – 0493

воздушных налетов на германские города побудил Гитлера и его наиболее близких советников обратиться к жесточайшим репрессивным мерам.

Начиная с осени 1944 года, д-р Геббельс также часто говорил на эту тему во время своих так называемых "министерских конференций", на которых собирались многочисленные чиновники и референты его министерства и на которых, как правило, я также присутствовал" - т.е. франц Шарпинг.

ФРИЧЕ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: "В таких случаях доктор Геббельс заявлял, что больше нет возражений против того, чтобы команды сбитых самолетов передавались в руки раз"яренного народа".

Как вы знаете, по этому поводу перед Трибуналом было представлено очень много доказательств. Скажите, вы в своих пропагандистских выступлениях когда-нибудь обращались к этому вопросу ?

ФРИЧЕ: Нет, в своих пропагандистских речах я никогда не призывал уничтожать членов экипажа со сбитых самолетов противника. Наоборот, я знаю, что д-р Геббельс ради устрашения еще осенью 1944 г. велел передать за границу сообщения о том, / я называю это в качестве примера /, что один английский самолет, который обстрелял в воскресенье на улице людей, идущих в церковь, был сбит, а члены экипажа подверглись линчеванию со стороны толпы. На самом деле это сообщение не было основано на действительных событиях, да и не могло быть основано на них, так как мало вероятно, чтобы самолет мог быть сбит в такой момент. Насколько мне известно, доктор Геббельс в циркуляре, разосланном в управления пропаганды в гау, требовал, чтобы ему передавались сведения о таких случаях, если они действительно будут иметь место. Насколько

я знаю, он не получил никаких фактических данных. Именно тогда он распорядился написать на эту тему статью в "Рейх". Названия этой статьи я сейчас, правда, не помню. Во всяком случае, эта кампания, которая в январе или феврале совсем затихла, вновь усилилась после воздушного налета на Дрезден. Доктор Геббельс заявил на совещании, которое всегда имело в 11 часов и о котором здесь уже говорили, что в Дрездене убито 40 тысяч человек. Тогда мы еще не знали, что число погибших было значительно большим. Доктор Геббельс добавил к этому сообщению, что теперь так или иначе нужно положить конец этому террору и что Гитлер твердо решил расстрелять такое же количество английских, американских и русских летчиков в Дрездене, какое погибло в этом городе. После этого он обратился ко мне и потребовал подготовить это мероприятие и сделать нужные заявления. Дело дошло до инцидента, я вскочил с места и наотрез отказался. Доктор Геббельс приостановил конференцию, позвал меня в свою комнату и там произошел очень возбужденный разговор. В конце концов мне удалось добиться того, что он мне обещал воздействовать на Гитлера в том направлении, чтобы этот план не осуществлялся. После этого я говорил с посланником Руле, офицером связи министерства иностранных дел. Я просил его настроить своего министра в том же духе. Я говорил также со статс-секретарем Науманом и просил его подействовать на Бормана, выдающееся влияние которого было известно, в том же духе. В заключение я / на основании существующего предписания это мне было, собственно, не разрешено/ имел беседу с посланником держав-гарантов. В этой беседе я конфиденциально сделал известные намеки относительно плана, о котором я слышал. Я спро-

14653

H1208 – 0494

H1208 – 0495

сил также, может ли он мне посоветовать применить какой-нибудь довод или метод, с помощью которого можно было бы сильнее противодействовать осуществлению этого плана. Он заявил, что он хочет это сделать как можно скорее. На следующий же день он позвонил мне вновь. Между нами состоялась вторая беседа, во время которой он сообщил, что ему обещали произвести обмен военнопленных, обмен немецких и английских военнопленных. Число военнопленных должно было равняться, мне кажется, 50 тысячам человек. Я просил его разрешить этот вопрос обычным дипломатическим путем и позволить мне переговорить с д-ром Геббельсом, Борманом и Науманом о предоставляющейся возможности обмена военнопленными. Я сделал это. Поскольку в то время руководство особенно сильно было заинтересовано в возвращении военнопленных, которые могли бы опять служить в армии, это предложение ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как, по вашему мнению, мог этот предполагаемый обмен военнопленными повлиять на вопрос о расстреле в качестве репрессивной меры 40.000 английских, американских и русских летчиков ?

ФРИЧЕ: Я считал следующим образом. В тот момент, когда представлялась возможность произвести обмен военнопленными между двумя воюющими сторонами, всякая мысль о совершении каких-либо действий, лежащих вне пределов человеческой законности, должна быть отброшена, т.е. в тот момент, когда речь шла об обмене военнопленными, мысль о расстреле громадного числа военнопленных должна быть отброшена.

Я коротко могу заключить, что этот план обсуждался. Я о нем сообщил д-ру Геббельсу. Вечером план обсуждался у Гитлера. Об этом говорится во всех докладах, которые я по-

лучал с двух сторон. Но по велению случая, это предложение затерялось где-то в море бюрократизма спустя много дней после этих, взволновавших меня событий.

Судья БИДДЛ: Вы сейчас слышите ? Я спрашиваю вас, когда вы услышали о приказе Гитлера, касающемся не этих военнопленных, а тех летчиков, которые вынуждены были приземлиться. Когда вы впервые услышали об этом приказе ?

Вы сказали, что в связи с этим приказом Геббельс проводил осенью за границей пропаганду. Вы знали в то время об этом ?

ФРИЧЕ: Да, конечно.

Судья БИДДЛ: Вы знали об этом приказе осенью 1944 г?

ФРИЧЕ: Нет.

Судья БИДДЛ: Когда же вы узнали об этом приказе ?

ФРИЧЕ: Я не могу этого точно сказать, но осенью 1944 г. я об этом приказе не знал. Я должен быть очень осторожным в своих показаниях под присягой. Мне кажется, что впервые я услышал о нем здесь. В моей памяти это сливается с той кампанией, которую проводил доктор Геббельс. Таким образом, я не могу ...

Судья БИДДЛ: Но, ведь, без сомнения, на этом совещании в феврале, когда речь шла об убийстве 40.000 военнопленных, этот приказ обсуждался ? Не правда ли ?

ФРИЧЕ: Нет, в этом случае, вообще, нет.

Судья БИДДЛ: Вы не сомневались в том, что Гитлер хотел, чтобы эти военнопленные были убиты, не так ли ?

ФРИЧЕ : Само собой разумеется. В тот момент, когда д-р Геббельс рассказал мне об этом, я верил в то, что Гитлер хочет осуществить такие действия.

14655

H1208 – 0496

H1208 - 0497

Судья БИДДЛ: Значит, вы отвечаете на мой вопрос утвердительно. Вы не сомневались в том, что Геббельс хотел убийства этих военнопленных.

ФРИЧЕ: этих 40.000 в Дрездене ?

Судья БИДДЛ: Да.

ФРИЧЕ: Да, в общем не сомневался.

Судья БИДДЛ: Да ?

ФРИЧЕ: Я не сомневался в том, что д-р Геббельс был также согласен с этим.

Судья БИДДЛ: А кто еще из руководителей национал-социалистской партии хотел убийства этих военнопленных ? Вероятно, этот вопрос много обсуждался. Кто еще из членов правительства стоял за проведение этой политики ?

ФРИЧЕ: Я не могу ответить со всей определенностью на этот вопрос в отношении одного человека, о котором в данной связи может итти речь, а именно Бормана. Я знаю обратное - попытку заставить Гитлера отказаться от этого плана. Она была предпринята тогдашним министром иностранных дел Риббентропом через посланника Руле. Он тогда действовал также в этом направлении.

Судья БИДДЛ: Риббентроп занимался этим конкретным вопросом убийства военнопленных ? Мне это не совсем ясно. Риббентроп знал об этом ?

ФРИЧЕ: В то время я ... Я, по собственным наблюдениям, могу сказать следующее: я сообщил об этом посланнику Руле и просил его поставить в известность Риббентропа, воздействовать на него в нужном духе. Через день или два / мы звонили в то время очень часто друг к другу по телефону/, Руле сообщил мне, что его министр ...

Судья БИДДЛ: Мне не нужны детали этого вопроса. Если не лично Риббентроп, то во всяком случае, министерство иностранных дел было информировано об этом. Вы это хотели сказать ?

ФРИЧЕ: Риббентроп лично был об этом информирован.

Судья БИДДЛ: Это все, что я хочу знать.

ФРИЧЕ: Хорошо.

Судья БИДДЛ: Вы знаете, как Борман относился к этому вопросу ?

ФРИЧЕ: Согласно поступившим ко мне сведениям, он вначале поддерживал мысль Гитлера о расстреле этих 40.000, но потом, под влиянием Геббельса и Наумана, он занял противоположную позицию и помогал нам заставить Гитлера отказаться от его плана.

Судья БИДДЛ: С ними советовались лишь в вопросах, в которых были заинтересованы представители главного командования вооруженными силами ?

ФРИЧЕ: Об этом я ничего не знаю.

Судья БИДДЛ ...

/ П а у з а /

Меня просили спросить вас также следующее. Известно ли вам о том, как относился Риббентроп к вопросу о расстреле этих военнопленных ?

ФРИЧЕ: Да. После сообщения посланника Руле, он выступил за то, чтобы воспрепятствовать выполнению этого плана. В какой форме - я не знаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Фриц, вы хотите задать подсудимому какие-либо вопросы ?

ФРИЦ: Нет, г-н председатель.

14657

H1208 – 0498

H1208 – 0499

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желает ли Обвинение задать подсудимому вопросы, которые могли возникнуть в связи с допросом Трибуналом ?

Генерал РУДЕНКО: Нет, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае подсудимый может вернуться на свое место.

/ Фриче возвращается на скамью подсудимых /.

ФРИЦ: Г-н председатель, тем самым я закончил представление доказательств по делу подсудимого Фриче.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Фриц, вы представляете в качестве доказательства все документы, которые содержатся в ваших двух книгах документов ? Вы пред"являете каждый из этих документов ?

ФРИЦ: Да, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Всем этим документам присвоены номера документальных доказательств ?

ФРИЦ: Да, я представил все подлинники.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо; у вас, кажется, и в той и другой документальной книге есть документ № 1, т.е. у вас два документа № 1 ?

ФРИЦ: Нет, г-н председатель, в моей книге документов № 1 вообще нет документальных доказательств по делу Фриче.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я теперь понимаю. Очень хорошо. Этим мы заканчиваем дело подсудимого Фриче.

Трибунал сейчас об"является перерыв.

/ Перерыв на 10 минут /.

Встать ! Суд идет !

БЕРГОЛЬД: Д-р Бергольд, защитник подсудимого Мартина Бормана.

Высокий Суд, вначале я хотел бы заявить, что я отказываюсь от свидетеля доктора Клопфера, так как он только лишь с 1942 года работал в тесном сотрудничестве с Борманом. По этой причине он не может дать каких-либо показаний относительно большинства документов, которые лежат в основе обвинения. Он ведь был всего-навсего руководителем правового отдела партийной канцелярии.

Высокий суд, вначале я должен сделать весьма краткое заявление принципиального характера. Подсудимый Борман отсутствует. Его сотрудники также не находятся в моем распоряжении. Поэтому я могу лишь попытаться доказать, используя при этом пред"явленные Обвинением документы, что данный подсудимый не играл той колоссальной роли, которая сейчас, после окончания войны, ему приписывается. Мне, как адвокату претит и вообще всегда претило из ничего делать что-то. Поэтому мое выступление будет очень, очень кратким. Пусть Высокий Суд обратит на это должное внимание. Это происходит не по причине моей небрежности, а потому, что я не в состоянии отыскать в этих документах что-нибудь положительное для подсудимого без его помощи.

Сейчас я хотел бы коснуться вопроса, может ли рассматриваться на этом процессе дело Бормана или нет ? Я пред"явлю доказательства следующему, исключительно вероятному утверждению: подсудимый Борман погиб 1 мая 1945 года при попытке к бегству из имперской канцелярии. В качестве первого свидетеля, который должен давать показания по этому вопросу, я назвал здесь свидетельницу Эльзу Крюгер. Высокий Суд одобрил это мое ходатайство. В своем ходатайстве от 26 июня я заявил, что я откажусь от опроса свидетельницы

H1208 – 0500

H1208 – 0501

Альзы Крюгер, если Высокий Суд разрешит мне пред"явить вместо этого письменные показания. Что касается этого ходатайства, то я не знаю, каково решение Суда в данном случае. Однако, я предполагаю, что после того, как я услышал от г-на д-ра Кемпнера, что у Обвинения нет возражений, Высокий Суд также не будет возражать против этого...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, что вы отказались от своего ходатайства о вызове свидетельницы Крюгер ?

БЕРГОЛЬД: Я заявил, что я отказываюсь от свидетельницы Крюгер при условии, что я могу пред"явить ее письменное показание. Очевидно, здесь какое-то недоразумение. Обвинение сообщило мне, что оно согласно.

Г-н ДОДД: Г-н председатель, как мы уже говорили, мы не возражаем против использования письменного показания под присягой этой свидетельницы, принимая во внимание, что она должна была быть допрошена на суде.

БЕРГОЛЬД: Таким образом, под № 11 я пред"являю суду эти показания. У меня имеется еще три свидетеля, которые должны давать показания о том, что Бормана нет в живых. Свидетель Кемпке - это шофер Гитлера, который присутствовал в то время, когда попытка Бормана к бегству из партийной канцелярии не удалась. Этого свидетеля нет здесь сейчас. Согласно информациям, которые поступали ко мне, он находился в лагере для интернированных Фрейзинг. Этот лагерь находится на американской зоне. К сожалению, этот свидетель еще не доставлен сюда.

Следующий свидетель - Раттенгубер, который также присутствовал при гибели Бормана. Согласно поступившим ко мне сведениям, этот свидетель должен находиться на советской зоне.

14660

Свидетельница Кристианс - ходатайство о вызове этой свидетельницы Высокий Суд удовлетворил, не найдена. Вначале она находилась в лагере для интернированных в Оберурселе, во время отпуска, который она получила в последующее время, она исчезла. Таким образом, кроме этих письменных показаний свидетельницы Крюгер, у меня больше не никаких доказательств для своего утверждения. Я очень сожалею, что пред"явленные мною доказательства недостаточно освещают правильность моего утверждения. Я также очень сожалею, что Обвинение не могло помочь мне в этом отношении. Ведь именно таким образом и создаются легенды. Уже появились своего рода лже-Дмитрии. Лже-Бормаы под именем Мартина Бормана шлют ко мне письма, которые, конечно, не могут исходить от подлинного Мартина Бормана. Мне кажется, что я сослужил бы службу общественности, германскому народу и союзникам, если бы я смог доказать это.

Сейчас я перехожу к своим документам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал хотел бы заслушать эти письменные показания под присягой свидетельницы Крюгер.

БИРГОЛЬД: Эти письменные показания гласят следующее: "Девица Эльзе Крюгер, родилась 9-го февраля 1915 года в Гамбурге-Альтона, секретарь, в настоящий момент проживает в Гамбурге, 39, Ганзенвег 1.

Приблизительно с конца 1942 года, я, в числе остальных секретарей, / их было приблизительно 30-40, / точное число и их фамилии я уже не помню / работала у подсудимого Мартина Бормана. Эту должность я занимала до самого конца, даже после смерти Гитлера.

1 мая 1945 года я видела Бормана в убежище имперской

H1208 – 0502

H1208 – 0503

канцелярии в последний раз. Там же я и говорила с ним последний раз. В то время я уже не работала у него, или вернее не для него, так как он в то время писал от руки свои собственные распоряжения и радиотелеграммы. В то время, когда я находилась в убежище имперской канцелярии, мне ни к чему другому, кроме смерти не надо было готовиться. Последние слова, которые в то время сказал мне Борман во время нашей случайной встречи в убежище, были следующие: "Ну, до свиданья. Особого смысла это уже не имеет; однако, я попытаюсь, но пробиться мне не удастся".

Вот, в чем заключался смысл его последних слов. Я не помню точно выражений, которые он употребил тогда. Позднее, вечером, когда русские, по моему тогдашнему убеждению, уже подошли совсем близко к убежищу имперской канцелярии, я вместе с группой приблизительно в 20 человек - это были в основном солдаты, - бежала подземными ходами. Через Вильгельмплац мы добрались до входа на станцию метро и отеля "Кайзерхоф". Оттуда также подземными ходами бежали по Фридрихштрассе. Далее бежали по отдельным улицам, развалинам домов. Отдельных деталей я уже сейчас не помню, поскольку ситуация в тот момент была весьма и весьма напряженной.

В первой половине следующего дня мы добрались до какого-то убежища. Где находится это убежище, я сейчас также не могу сказать, очень может быть, что это было убежище в Гумбольдтхайне.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Бергольд, в этом письменном показании под присягой вообще ничего не говорится о подсудимом Борман е ?

БЕРГОЛЬД: Нет, говорится. Сейчас я как раз буду зачитывать.

такое место. "В то время там появился группенфюрер СС Раттенгубер, он был тяжело ранен в ногу. Его положили на складную кровать. Когда другие стали расспрашивать, откуда он пришел, он заявил в моем присутствии, что он вместе с Борманом и другими бежали через Фридрихштрассе. Согласно его предположениям, все они убиты, кругом было большое количество трупов. Из его высказываний я заключила, что он думает, что Борман погиб. Мне это кажется вполне вероятным, так как, по рассказам неизвестных мне солдат, все лица, которые покинули убежище после нашего бегства, попали под сильный артиллерийский огонь русских. На Вайдендаммерском мосту остались сотни убитых."

Я пропускаю одну фразу, так как она мне кажется не совсем существенной.

"Позднее я в одной из английских газет прочитала, что шофер Гитлера по имени Кемпке также где-то показал, что Борман, с которым он, очевидно, вместе бежал, погиб".

Вот все, что я нашел. Самих же свидетелей я, к сожалению, не мог найти.

Сейчас я перехожу к документам. Для того, чтобы сократить представление доказательств, я позволю себе сослаться на пред"явленную мною книгу документов. В ней представлены исключительно распоряжения Бормана, которые появились в сборниках законов под названием "Распоряжения заместителя фюрера". Я прошу Высокий Суд принять к сведению официальным порядком все эти распоряжения, которые я пред"являю. Правовые выводы из этих документов я буду излагать в своей защитительной речи. Сейчас я хотел бы очень кратко остановиться на распоряжении № 23/36. Я процитирую оттуда одну фразу. Это

H1208 – 0504

H1208 – 0505

распоряжение содержится под № 8.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имеете в виду серию ПС, д-р Бергольд ?

БЕРГОЛЬД: Нет, это документ № 8 моей книги документов. Я не собираюсь ничего зачитывать из этого документа, но я хотел бы обратить ваше особое внимание на этот документ. Сейчас я хочу коснуться документов, которые были пред"явлены Обвинением. Я хотел бы огласить следующее место из книги документов; документ 098-ПС, страница 4-я, второй абзац сверху.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сказали, 098-ПС ?

БЕРГОЛЬД: Да, 098-ПС. Это письмо Бормана от 22 февраля 1940 г. г-ну рейхслейтеру Альфреду Розенбергу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это страница четвертая ?

БЕРГОЛЬД: Да, это находится на странице четвертой. В этом письме Борман в весьма резких выражениях высказывается о христианской религии. На странице четвертой он пишет следующее: "Что касается преподавания закона божьего в школах, то, по - моему, не следует изменять существующего сейчас положения. Согласно ясным указаниям заместителя Фюрера, ни одному национал-социалистскому преподавателю не следует делать никаких упреков в том случае, если он готов начать преподавание закона божьего в школах".

Сейчас я пропускаю одну фразу и продолжаю:

" В циркуляре заместителя фюрера за № 3/39 от 4 января 1939 г. ясно сказано, что те учителя, которым поручено преподавание закона божьего, не должны выбирать материал из библии по собственному усмотрению; они обязаны преподносить весь материал по библии. Запрещается истолковывать на свой лад, а также толковать в духе имевших место попыток отдельных церковных направлений"./ В данном случае имелись в виду немецкие христиане/.

14664

Сейчас я намереваюсь процитировать отдельные места из документа № 113-ПС, представленного в книге документов обвинения. Это распоряжение Бормана № 104/38 . Я цитирую: " Нейтральное отношение партии к церкви, необходимость которого с давних пор подчеркивалась, требует от нас избежания всяких возможных трений. Как показал опыт, священники на должностях политических руководителей или младших руководителей в организациях партии, а также на должностях управляющих в примыкающих союзах, не проявляют должной свободы действий при вынесении решений, если им приходится совмещать две должности. С другой стороны, в силу занимаемой ими должности в церкви, они угрожают односторонне втянуть движение в распри отдельных церквей между собой. Вследствие этого, заместитель фюрера распорядился освободить немедленно священников от занимаемых ими должностей политических руководителей".

Далее я намереваюсь цитировать отдельные места из документа 099-ПС. Это письмо Бормана от 19 января 1940 года, направленное имперскому министру финансов. В нем Борман говорит о слишком незначительном военном налоге для церкви. Я цитирую второй абзац: "Установление такого незначительного налога для церкви меня глубоко удивило. Из многочисленных отчетов я делаю вывод, что на политические общины накладывается такой высокий военный налог, что выполнение поставленных перед ними задач, как, например, в области социального обеспечения подвергается опасности". Я выпускаю одну фразу и цитирую дальше: "Как я узнал из сообщений, установление такой удивительно ~~низкой~~ незначительной налоговой суммы следует об"яснить, наряду со всем прочим, тем, что взимание военного налога производится только с тех церквей, которые имели право в старой империи взимать налоги. Те же евангелические и католические церкви в Австрии и Судетской области, которые не имели права сами

H1208 – 0506

H1208 – 0507

взимать налоги, не обложены военным налогом".

Я пропускаю конец фразы и продолжаю: " По моему мнению, не существует никакого повода обращаться с различными церквами по-разному". /Конец цитаты/.

Затем я намереваюсь цитировать документ 117-ПС. Этот документ представляет собой письмо Бормана Розенбергу от 28 января1939 г. Я цитирую второй абзац:

" В последние годы партия неоднократно должна была высказывать свою точку зрения относительно плана создания государственной церкви или какой-либо другой формы сближения государства с церковью. Она постоянно отвергала эти планы со всей решительностью. Это происходило по следующим двум причинам: во-первых, требованиям национал-социалистского мировоззрения противоречило бы, если бы государство соединилось с церковью, как с воплощением религиозного единства, с церковью, которая не имеет своей целью проведение в жизнь национал-социалистских принципов во всех областях жизни. Во-вторых, чисто практические соображения политического характера говорят против такого внешнего об"единения".

Далее я хотел бы сослаться на документ Л-22. В этом документе говорится о совещании от 16 июля 1941 года в ставке фюрера. На нем присутствовали: Гитлер, Розенберг, Ламмерс, Геринг, Кейтель и Борман.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете сообщить нам, в какой части книги документов находится этот документ и какой у него номер ?

БЕРГОЛЬД. Это документ Л-22. Он находится приблизительно в середине книги. Борман, будучи секретарем на данном совещании, составил его протокол. Обвинение говорило здесь, что из реплик Бормана ясно вытекает, что он был согласен с рас-

сматривавшимися/планами о присоединении русских областей к
тем
империи. Поэтому я сейчас должен огласить эти реплики Бормана.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это документ Л-221, а не Л-22.

БЕРГОЛЬД: Первая реплика находится в 14-м абзаце. Здесь говорится: "Вопрос. Имеется ли вообще какая-нибудь культурная прослойка на Украине или на территории советской Украины вообще нет больше украинцев высшего сословия? Или таковых можно найти только среди эмигрантов ?".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Бергольд, вы можете сказать нам, на какой странице оригинала это находится ? В нашей книге документов имеются заголовки - "страница оригинала" такая-то и такая-то.

БЕРГОЛЬД: Да, они помечены. Одну минутку, я сейчас посмотрю. Перевод, который я получил, пронумерован по несколько иному принципу. Это страница четвертая.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Благодарю вас. "Мы должны создать райский сад..." - первая часть страницы 4 ...

БЕРГОЛЬД: Да, да. Второй абзац, третий абзац. Вы нашли, г-н председатель ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, что это на странице 4. Там сказано: "Мы должны создать райский сад..."

БЕРГОЛЬД: Это четвертый абзац.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте, пожалуйста.

БЕРГОЛЬД: Вы нашли, милорд ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не смогу найти этого места, если вы не укажете, как начинается ваша цитата.

БЕРГОЛЬД: Она начинается следующими словами: "Имеется ли какая-нибудь культурная прослойка на Украине".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я теперь нашел это.

14667

H1208 – 0508

H1208 – 0509

БЕРГОЛЬД: Это на странице третьей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, это кажется на странице четвертой. Там сказано: "Есть ли все еще какая-либо интеллигенция на Украине?"

БЕРГОЛЬД: В той книге документов, которую мне сейчас представили, это ~~документ~~ находится на третьей странице, но это тоже может быть и на четвертой странице.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это - страница четвертая оригинала.

БЕРГОЛЬД: Затем на странице пятой, нет на стр.четвертой, - ведь это все-таки была страница третья, милорд, - имеется очень похожее замечание, которое гласит: "Неоднократно давало себя знать то обстоятельство, что Розенберг очень симпатизирует украинцам. Он хочет значительно расширить старую Украину". Затем последняя реплика на странице восьмой, это - пятая страница английского текста, третий от конца параграф: "Это замечание для члена партии Клопфера: "Пожалуйста, попросите как можно скорее у д-ра Майера материалы относительно планируемой организации и лиц, намеченных для отдельных должностей". И затем, в конце последний параграф на стр.6 вашего подлинника: "Фюрер подчеркивает, что о деятельности церкви не может быть и речи. Кейтель прислал ему уже через министерство иностранных дел длинный меморандум, в котором говорится о том, что сейчас очень подходящий момент оживить деятельность церквей. Но сейчас об этом не может быть и речи". Это - замечание по поводу слов фюрера.

Сейчас я хотел бы перейти к документу 1520-ПС. Вначале я хотел бы обратить внимание Высокого Суда на следующий момент. В этом, составленном Ламмерсом протоколе, вовсе не говорится о том, что Борман присутствовал. Это происходит, очевидно, потому, что считалось совершенно обычным, что Борман присутствует на таких совещаниях в качестве секретаря.

Затем я хотел бы огласить выдержку, которая находится на странице второй вашего подлинника. Этот абзац начинается следующими словами: "Затем был затронут вопрос о свободе вероисповедания". Я начну зачитывать с четвертого абзаца, восьмой строчки: "Борман полностью согласился с такой позицией и заявил, что весь вопрос состоит в том, не возложит ли министр по делам восточных оккупированных областей, который пользуется авторитетом в Германии, с помощью закона какое-нибудь, слишком далеко идущее обязательство, которое даст себя знать и в империи". Что следует понимать под свободой вероисповедания, пусть толкуют церкви. Он же предвидит, что такой закон приведет к сотням новых писем и жалоб со стороны церквей".

Я пропускаю одну фразу. Следующая же гласит: "В конце концов договорились о том, что весь этот вопрос должен быть раз"яснен не в форме закона, изданного мной, т.е. Ламмерсом, а иным порядком. Смысл последнего заключается в том, что рейхскомиссары должны рассматривать свободу вероисповедания как необходимую предпосылку и издать необходимые инструкции".

Документ 072-ПС. Документ представляет собой письмо Бормана Розенбергу. Я хотел бы огласить третий абзац этого письма. Он гласит следующее: "Фюрер подчеркнул, что на Балканах нет необходимости включить в работу ваших референтов, так как там нельзя конфисковывать каких-либо предметов искусства. В Белграде имеется лишь коллекция принца Павла, которому она будет возвращена полностью. Остальное имущество лож будет охраняться органами группенфюрера Гейдриха".

Из документа 062-ПС я хотел бы зачитать вступление, где подсудимый Гесс говорит по поводу изданных им приказов об

H1208 – 0510

H1208 – 0511

обращении с летчиками. Я цитирую:

"Французскому гражданскому населению было сообщено по радио и в официальном порядке о том, как следует вести себя во время посадки германских самолетов".

Из документа 205-ПС я хотел бы зачитать вступительные слова Бормана. Я намереваюсь зачитать второй абзац.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Каким числом был датирован документ 062-ПС? / Переводчик неправильно перевел на немецкий язык "205-ПС"/.

БЕРГОЛЬД: 5 мая 1943 г., циркуляр № 70/43.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я уже, кажется, нашел это место.

БЕРГОЛЬД: 5 мая 1943 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но я хотел знать, каким числом датирован документ 062-ПС, очевидно он датирован 13 марта 1940 года.

БЕРГОЛЬД: Документ 062-ПС датирован 13 марта 1940 года. Этот документ я огласил уже.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал не совсем понимает, с какой целью вы оглашали этот документ, принимая во внимание, что в четвертом параграфе этого документа говорится: "Подобным же образом вражеские парашютисты должны быть немедленно арестованы или уничтожены".

БЕРГОЛЬД: Высокий Суд, я возвращусь к этому в своей защитительной речи. Я позднее займусь этим вопросом. Но я, конечно, могу и сейчас представить аргументы, если суд желает. Но мне кажется, что суд не желает.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, нет, но мне казалось, что вы хотели сослаться на другой параграф этого документа.

БЕРГОЛЬД: Я сослался лишь на вступительную часть, т.е. на то, что послужило поводом к изданию этого документа. Это - заявление подсудимого Гесса, предшествующее этому документу Бормана.

14670

Сейчас я хочу коснуться документа 205-ПС. Этот документ датирован 5 мая 1943 г. Он представляет собой циркуляр 70/43. Я цитирую следующую фразу: "Я прошу разъяснить на основании приложенного документа членам партии и всем остальным немцам необходимость строгого, но справедливого обращения с иностранными рабочими". Этот циркуляр был составлен подсудимым Заукелем.

Сейчас я хотел бы коснуться документа 025-ПС от 4/IX-1942 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: К какому документу вы сейчас переходите?

БЕРГОЛЬД: Документ 025-ПС от 4.IX.1942 г. Я хотел бы огласить из второго абзаца последнюю фразу. "Из этого следует / того же мнения придерживаются г-н рейхсмаршал и рейхслейтер Борман/, что вопрос о предоставлении рабочих рук для работы в домашних хозяйствах должен быть решен иным путем".

Из из третьего абзаца я буду оглашать всю часть, начиная со второй фразы: " В связи с этим, т.е. с приемом восточных работниц, в последующее время не следует запрещать нелегальной доставке домашних работниц в империю, со стороны военных или других инстанций. Рейхслейтер Борман одобряет такое мероприятие. Однако оно должно производиться независимо от официальных мероприятий по вербовке. При вербовке таких работниц на Украине необходимо руководствоваться следующей точкой зрения: воля фюрера заключается в том, чтобы/такие девушки, продолжительное пребывание которых в германской империи, благодаря их поведению и внешнему виду ~~не могло бы вызвать~~ не вызывало бы никаких сомнений."

Затем я хотел бы огласить следующее: это, приблизительно,

H1208 – 0512

H1208 – 0513

последний абзац на третьей странице вашей книги документов.

"На практике вербовка должна происходить при участии ведомства рейхсфюрера СС. Ведь вербовка будущих домашних работниц производится в особенно сильной степени на принципе добровольности".

На этом я заканчиваю цитирование отдельных выдержек из книги документов, пред"явленной Обвинением.

Сейчас в интересах своего последующего выступления, я хотел бы сослаться на русский документ СССР-172 и на документ "Дениц-91".

На этом я заканчиваю представление доказательств по делу Бормана.

/ К микрофону подходит г-н Додд/.

Г-н ДОДД: Г-н председатель, могу ли я предложить, чтобы свидетелю Кемпке, если он будет обнаружен, был передан опросный лист, или, чтобы он дал письменные показания под присягой; защитник Бормана имеет полное право получить письменные показания под присягой или направить опросный лист любому лицу, которому известно что-либо о предполагаемой смерти Бормана. У нас, конечно, против этого не имеется никаких возражений.

БЕРГОЛЬД: У меня против этого также не будет никаких возражений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Бергольд, знаете ли что-либо о том, что свидетель Кемпке может показать нам относительно смерти Бормана ?

БЕРГОЛЬД: Согласно письменному показанию, которое я огласил, это лицо присутствовало во время гибели Бормана.

при взрыве танка. Таким образом, он должен был быть очевидцем. Точно так же обстоят дела со свидетелем Раттенгубером, от которого получил свои сведения свидетель Кригер. Если оба свидетеля - Кемпке и Раттенгубер будут найдены, то для меня будет достаточно письменных показаний и опросного листа.

Г-н ДОДД: Г-н председатель, я некоторое время тому назад видел заявление, сделанное свидетелем Кемпке. Оно имеет форму письменного показания, данного под присягой, и было предложено нашему вниманию. Но, насколько я помню, свидетель с уверенностью не заявляет, что присутствовал при смерти Бормана. Тем не менее, я предлагаю, чтобы вновь были сделаны попытки получить от этого свидетеля письменные показания под присягой или направить ему опросный лист, или же детально расспросить его об обстоятельствах смерти Бормана.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Обвинение ранее передало Трибуналу сообщение о том, что Борман будто-бы бежал из здания канцелярии, что танк, в котором он находился, был затем остановлен или взорван на каком-то мосту и что два человека, бывшие в этом танке вместе с Борманом, в последний раз видели его раненым, или что-то в этом роде.

Г-н ДОДД: Да, я думаю, что это наиболее достоверные сведения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Г-н Додд, если у Обвинения имеются какие-либо материалы, представляющие собой письменные показания, данные под присягой, или документальные доказательства иного рода, Трибунал хотел бы ознакомиться с этими документами.

Г-н ДОДД: Хорошо, сэр. Однако я уверен, что мы не располагаем письменными показаниями под присягой. Насколько я помню, осенью прошлого года кто-то переслал сюда лишь письменное

H1208 – 0514

H1208 – 0515

изложение событий последних дней в Берлине, сделанное Кемпке. Я постараюсь сейчас разыскать этот документ и передать его вам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если вы займетесь этим вопросом, то, возможно, в результате ваших расследований удастся установить местонахождение этих свидетелей.

Г-н ДОДД. Очень хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Тогда могли быть получены от них письменные показания под присягой или ответы на опросные листы.

Г-н ДОДД: Очень хорошо, сэр.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Таким образом, д-р Бергольд, на этом вы заканчиваете представление доказательств по делу подсудимого Бормана ?

БЕРГОЛЬД: Да, это все, чем я располагаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Благодарю вас.

Полковник Покровский, вы хотите что-нибудь сказать? /Обращается к защитнику Бергольду/: Простите, д-р Бергольд, вы представили в качестве доказательства все документы, которые вы хотели представить Трибуналу и присвоили им номера документальных доказательств ?

БЕРГОЛЬД: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите предоставить свою книгу документов в качестве доказательств ?

БЕРГОЛЬД: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Каждому документу присвоен номер документального доказательства ?

БЕРГОЛЬД: Да, каждый документ имеет свой номер доказательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. /Обращаясь к полковнику

Покровскому/: Полковник Покровский, Трибунал хотел бы знать, пришли ли вы к какому-либо соглашению с доктором Штамером, защитником подсудимого Геринга, в отношении того, будут ли по делу Катынь представлены письменные показания, данные под присягой, или будут вызваны свидетели для допроса.

ПОКРОВСКИЙ: У нас было три встречи с защитниками. После второй встречи я сообщил Трибуналу, что в интересах экономии времени советское Обвинение согласно было бы ограничиться представлением письменных доказательств, с тем, чтобы часть этих доказательств была оглашена в суде. Минут 15 назад я имел встречу с защитниками доктором Экснером и доктором Штамером. Они сообщили, что они понимают таким образом позицию Трибунала, что старое решение о вызове двух свидетелей в зал судебного заседания остается в силе, а речь идет только о дополнительных документах. Мне кажется, что при такой постановке вопроса мы не сможем достигнуть оглашения с защитой. Насколько я понимаю, при такой конъюнктуре решение остается непосредственно за Трибуналом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что если вы не придете к определенному соглашению, доказательства должны быть представлены в форме письменных показаний, данных под присягой. Три свидетеля с каждой стороны по этому делу будут вызваны для допроса в понедельник утром, в 10 часов, если вы до этого времени не придете к соглашению о том, что можно будет ограничиться представлением в качестве доказательства письменных показаний, данных под присягой.

/ К микрофону подходит защитник Зимерс/.

ЗИМЕРС: Г-н председатель, я хотел бы здесь сказать следующее. Заинтересованные в катынском деле защитники д-р

H1208 – 0516

H1208 – 0517

Штамер и проф. Экснер имели сегодня утром беседу. Мы хотели бы просить суд принять решение о том, чтобы защите было позволено вызвать двух свидетелей - полковника Аренса и старшего лейтенанта Эйхборна. Третьего же свидетеля не следует вызывать в зал Суда. Вместо допроса этого свидетеля мы пред"явим Суду его письменное показание и, кроме того, еще два письменных показания. Мне кажется, что этот путь одновременно сокращает время и в то же время является самым действенным.

Два свидетеля и три письменных показания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Зимерс, Трибунал не возражает против того, чтобы было вызвано два свидетеля и представлено одно письменное показание, данное под присягой. Но Трибунал постановил, что могут быть вызваны лишь три свидетеля с каждой стороны и Трибунал не намерен разрешать представление письменных показаний, данных под присягой, помимо допроса трех свидетелей с каждой стороны. Пред"являемые суду доказательства должны быть ограничены показаниями трех лиц с каждой стороны. Эти показания могут иметь форму устных показаний или письменных показаний, данных под присягой.

ЗИМЕРС: Г-н председатель, насколько мне известно, тогдашнее решение суда заключалось в том, что было разрешено вызвать трех свидетелей, о письменных показаниях вообще ничего не говорилось. Поэтому доктор Штамер и профессор Экснер предположили, что по отдельные вопросы, которые не могут быть выяснены с помощью свидетелей, будут выяснены с помощью письменных показаний. Мне кажется, что в данном случае следует удовлетвориться двумя свидетелями и тремя письменными показаниями. Это сэкономит время, так как два свидетеля и

три письменных показания займут меньше времени, чем три свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я боюсь, что доктор Штамер и доктор Экснер вывели неправильное заключение из решения Трибунала. Трибунал считал и считает, что представление доказательств по этому делу должно быть ограничено показаниями трех свидетелей с каждой стороны, вне зависимости от того, будут ли эти показания даны в устной форме или в форме письменного показания. Мы предоставили возможность советскому Обвинению и защите притти к соглашению по поводу того, что в целях сохранения времени показания могут иметь форму письменных показаний. Однако это отнюдь не означало, что может быть увеличено число свидетелей по данному делу.

ЗИМЕРС: Г-н председатель, я был бы вам очень благодарен, если бы вы соизволили выслушать доктора Штамера и профессора Экснера. Дело в том, что я в последнее время не был в Нюрнберге и не знал деталей всего этого дела. Поэтому мне трудно говорить сейчас об этом. И я попросил бы доктора Штамера добавить кое-что. Я сейчас только заметил, что д-р Штамер находится в зале суда. Может быть, г-н доктор Штамер выскажется по этому поводу ?

/ К микрофону подходит защитник Штамер/.

ШТАМЕР: Я только выслушал часть выступления д-ра Зимерса. Г-н председатель, во время последней беседы я указал на то обстоятельство, что г-н профессор Экснер и я поняли решение суда таким образом, что мы наряду с вызовом трех свидетелей, имеем право пред"явить и письменные показания. Первоначально нам позволили заслушать пять свидетелей, из которых ~~трех~~ трех человек

14677

H1208 – 0518

H1208 – 0519

мы можем вызвать в зал. Тогда мы предположили, что от оставшихся двух из пяти свидетелей мы можем получить письменные показания и пред"явить их Суду. Ведь в первоначальном решении нам было позволено заслушать пять свидетелей, из которых трое могут давать показания в зале Суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Насколько помнит Трибунал, такого решения принято не было. Если вы утверждаете, что такое решение имело место, вы должны представить нам по этому поводу доказательства в письменной форме. Насколько я помню, Трибунал не издавал решения о вызове в суд пяти свидетелей.

ШТАМЕР: Я пред"явлю Суду эти решения в письменном виде, если они были вынесены. Я не помню точно, в какой день было вынесено решение, но я помню точно, что было пять свидетелей. После этого я подал ходатайство еще об одном свидетеле. Суд удовлетворил мое ходатайство. Затем последовало решение, в котором было сказано, что только три свидетеля могут быть заслушаны здесь в зале Суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Штамер, когда Трибунал издал решение о вызове трех свидетелей из пяти, то, насколько я помню, там не было упоминаний о письменных показаниях, данных под присягой.

ШТАМЕР: Г-н председатель, о письменных показаниях тогда не было речи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я указываю вам на то, что Трибунал, издавая приказ об ограничении показаний по этому делу, намеревался сократить количество свидетелей, вызываемых с каждой стороны, до трех человек, ввиду того, что настоящий вопрос представляет собой лишь последующее рассмотрение фактов, имевших место ранее, а при таком положении вещей на данной стадии

процесса не следует вызывать большого числа свидетелей. Вполне достаточно будет вызвать трех свидетелей с каждой стороны.

По вышеизложенным мотивам Трибунал не желает и не намеревается заслушивать по этому делу какие-либо показания, за исключением показаний трех свидетелей, представленных в форме устного допроса, или письменных показаний, данных под присягой.

Сейчас Трибунал об"является перерыв.

/ Трибунал об"являет перерыв до 1 июля 10 час.утра/.

ов

Страницы
оверени-

Горбовская

14679

H1208 – 0520

H1208 – 0521

Страницы исправлены
20-12-46. А. Фёдоров